

ИСТОРИЯ

РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

ИСТОРИЯ

РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

«Видите ли горы сія? — яко на сихъ горахъ возсіяеть благодать Божія.»

B m o r o e u z , y a n i c .

С. П. Б.

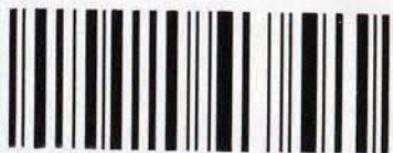
Въ типографії ПІ Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярії.

1 8 4 0.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета для Цензуры Духовныхъ книгъ напечатать дозволяется. Октября 10-го дня 1840 года.

Цензоръ, Санктпетербургской Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Аѳанасій.

82157-0

2015188175

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія Православной Церкви нашего отечества, предлагаемая мною, есть только быстрый очеркъ великихъ событій, означеновавшихъ начало и постепенное развитіе сей цвѣтущей отрасли Вселепской Церкви. По мудрому устроенію Промысла Божія, когда матерь всѣхъ Церквей, Церковь Іерусалимская, была обуреваема нашествіемъ иноніеменныхъ, тогда ярко просіяла на Востокѣ Церковь Константинопольская и пустила отрасли во весь сѣверъ. Когда же въ свою чреду, сама подверглась она бѣдствіямъ виѣшнимъ, сохранивъ внутреннюю чистоту, то внезапно, какъ море, выступившее изъ береговъ, рас пространилось православіе по необъятнымъ предѣламъ Россіи, и Восточ-

ная Католическая Церковь можетъ нынѣ считать сыновъ своихъ отъ береговъ Адріатическихъ, до пучинъ Восточного океана и Американскаго поморія, и отъ льдовъ затирающихъ Соловецкую обитель, на дикомъ острову ея, до внутреннихъ пустынь Аравіи и Египта, на рубежѣ коихъ стоять лавра Спнайская.

Картина сія, утѣшительная каждому Христіанину, еще болѣе отрадна сердцу Русскому, по тѣмъ великимъ судьбамъ, какія уже исполнила и какія еще совершилась, на столь обширномъ поприщѣ, отечественная Церковь наша. Пусть только съ умиленіемъ обратится онъ къ колыбели нашей вѣры, въ древній Кіевъ, или къ сердцу православія, первопрестольной Москвѣ; пусть мысленно послѣдуетъ за подвигами Святителей, подобныхъ Кириллу, Петру, Алексію, Кипріану, Іону, Филиппу, Іову, Гермогену, Филарету, и отшельниковъ, каковы были Антоній и Оеодосій, Сергій, Зосима и Кириллы, и другие, имена коихъ неизчислимы въ иноческомъ мірѣ дремучихъ лѣсовъ нашихъ,

и Князей Владимира, Михаилова, Невского, которыхъ вѣнецъ земный просияль вѣнициемъ райскимъ.—А сонмъ мучениковъ, а ликъ женъ и мужей, всякаго возраста и званія, святою жизнію или страданіями, исповѣдавшихъ имя Христово! . . . И посреди столь разнообразнаго зрѣлища поразительно единство вѣры, соблюденій въ такой неотступной чистотѣ, что не смотря на всѣ обстоятельства, временемъ нарушавшія виѣшиче общеніе между Церквами Восточнаго православія, всѣ онѣ составляютъ одно цѣлое по духу. Когда еще недавно Церковь Грузинская, бывшая самостоятельною отъ четвертаго вѣка по Р. Х., взошла въ составъ Россійской, то не нашлось между ними, чрезъ 15 столѣтій, ни малѣйшаго различія, не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ, подобно какъ и съ прочими Вселенскими престолами Константина, Александрии, Антіохіи, Іерусалима, и съ зависящими отъ первого Церквами Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Черногоріи, Трансильваніи, Илліріи и вообще всей Славоніи.

Въ обзорѣ быстромъ, обозначающемъ, главными только чертами, ходъ дѣяній церковныхъ, не хотѣль я утомлять читателя безпрестанными указаніями на источники, большою частію вѣдь известные, каковы лѣтопись Нестора и его продолжателей, собранная Никономъ подъ именемъ Воскресенской, и Степенные книги Митрополитовъ Кипріана и Макарія, и житія Святыхъ. Исторія церковная Платона и Иннокентія, драгоценный словарь Русскихъ писателей Митрополита Евгенія, съ его іерархіею Кіевскою и Всероссійскою; и столь обильныя свѣдѣніями примѣчанія къ исторіи Россійской, незавѣнного Карамзина, съ твореніями другихъ еще живыхъ писателей отечественной исторіи, служили мнѣ источникомъ и пособіемъ, особенно до временъ Патріаршихъ.

Съ этой же эпохи прибѣгалъ я наиболѣе, или къ рукописямъ Патріаршой Московской библіотеки, или къ книгамъ изданнымъ Патріархами. Такимъ образомъ, описание пришествія Патріарха Константинапольского Іереміи, для постановленія Іова

и весь ходъ сего происшествія, заимствованы изъ современныхъ актовъ, равно какъ и все дѣло о судѣ Никона Патріарха. Постепенное же исправленіе книгъ церковныхъ описано подробно въ предисловіяхъ къ требникамъ Филарета и скрижали Никона, жезла правленія и увѣта Іоакимова. Древняя россійская Вивліоонка, извлеченная вся почти изъ рукописей Патріаршей ризницы, тщательно собранныхъ Никономъ, исторія Унії Каменскаго, собраніе грамать Румянцова, археологическіе акты, вновь извлеченные изъ мрака, и благодѣтельное собраніе законовъ имперіи, проливають обильный свѣтъ на столѣтіе Патріарховъ, удовлетворяя требованіямъ исторіи.

Таковы были источники слабаго труда, который, какъ малую ленту, повергаю въ сокровищницу Россійской Церкви.

НАЧАЛО

ХРИСТИАНСТВА ВЪ РОССИИ.

Церковь Россійская, подобно другимъ православнымъ Церквамъ Востока, имѣла также основателемъ Апостола. Св. Андрей Первозванный издали благословилъ грядущее начало Христіанства въ нашемъ отечествѣ, и притекши вверхъ по Днѣпру въ пустынную Скиѳию, водрузилъ первый крестъ на горахъ Кіевскихъ. «Видите ли горы сія? сказалъ онъ своимъ ученикамъ, яко на сихъ горахъ возсіяеть благодать Божія, и имать градъ великъ быти, и церкви многи имать Богъ воздвигнути.» Такъ разсказывается, въ повѣсти временныхъ лѣтъ, черноризецъ Печерскаго монастыря Св. Несторъ, откуда есть пошла Русская земля.

Но только чрезъ девять вѣковъ, возсіали на Русь лучи божественнаго свѣта, изъ стѣнъ Византіи, гдѣ тотъ же Апостолъ поставилъ первого Епископа Стакія, и такимъ образомъ, какъ будто бы ввѣрилъ его преемникамъ, въ духѣ предвѣдѣнія, обширную страну, въ коей самъ проповѣдалъ Христа. Отсль неразрывный союзъ Церкви Россійской съ Церковію Греческою, и въ теченіи шести столѣтій зависимость ея Митрополитовъ отъ Патріаршаго престола Константинопольскаго, доколѣ, съ его согласія, не получила она самобытности, въ лицѣ собственныхъ Первосвятителей.

Болгаре Дунайскіе, Моравы и Славяне Иллірійскіе были уже просвѣщены святымъ крещеніемъ, въ половинѣ IX вѣка, при Царѣ Греческомъ Михаилѣ и Патріархѣ знаменитомъ Фотіи. Два брата, Св. Кириллъ и Меѳодій, мужи ученые изъ Грековъ, переложили на языкъ Славянскій Новый Завѣтъ и богослужебныя книги, а по нѣкоторымъ преданіямъ, и все Священное Писаніе. Переводъ слова Божія въ послѣдствіи послужилъ спасительнымъ орудіемъ для обращенія Руси, ибо проповѣдники могли излагать истины Евангельскія язычникамъ, на природномъ ихъ наречіи, и тѣмъ удобнѣе дѣйствовать на ихъ сердце.

Сколько намъ известно, Князья Киевскіе изъ дружины Рюриковой, Оскольдъ и Диръ,

первые изъ Руссовъ являются пріявшими Христіянство. Въ 866 году, подступили они съ вооруженными судами къ Царьграду; въ отсутствіи Императора смущилась столица Греческая: по церковнымъ преданіямъ, Патріархъ Фотій изнесъ изъ церкви Влахернской дѣвственную ризу Богоматери, погрузилъ въ волны залива, и закипѣло море подъ судами языческими, и разбились суда; обѣятые ужасомъ Оскольдъ и Диръ увѣровали въ карающаго ихъ Бога и были Господу начатками своего племени. Побѣдный гимнъ Греческой Церкви въ честь Пречистой Дѣвы, «взбранной воеводъ» остался памятникомъ торжества и заключаетъ понынѣ у насъ каждую утренню на первомъ ея часѣ, ибо это былъ первый часъ спасенія земли Русской.

По возвращеніи въ отчество Князя Киевскіе вѣроятно посыпали тамъ сѣмена Христіанства, потому что, спустя 80 лѣтъ, при мирномъ договорѣ Князя Игоря съ послами Византійскими, уже упоминается о церкви Пророка Иліи въ Киевѣ, гдѣ присягали Варяги Христіянскіе. Константинъ Багрянородный, и другіе лѣтописцы Греческіе, повѣствуютъ даже, что во время Оскольда, посланъ былъ къ Руссамъ Епископъ отъ Императора Василія Македонскаго и Патріарха Св. Игнатія, который обратилъ многихъ, чудомъ Евангелія, вверженного въ пламя и не сгорѣвшаго; а въ Кодиновомъ каталогѣ епархій, под-

властныхъ Патріарху Константинопольскому, съ 891 года уже считалась Митрополія Русская. Конечно многіе изъ Варяговъ, тѣлохранителей Императорскихъ, были Христіанами, и Цари Греческіе никогда не упускали случая обращать ихъ къ своей вѣрѣ, чтобы смягчить жестокость нравовъ. Когда Императоръ Леонъ договаривался о мирѣ съ Олегомъ, онъ показывалъ не одни сокровища свои посламъ Князя Русскаго, но и красоту церковную, и святыя мощи и драгоценныя иконы, и орудія страсти Господней, внушая имъ истинную вѣру.

Подобныя внущенія, среди заражавшагося въ Киевъ Христіанства, подействовали въ благопріятное время на мудрѣйшую изъ женъ Славянскихъ, вдовствующую Княгиню Ольгу, которая правила землею Русскою, за малолѣтствомъ сына своего Святослава. Она пришла въ Царыградъ, съ желаніемъ познать истиннаго Бога, и тамъ пріяла крещеніе отъ руки Патріарха Поліевкта; восприемникомъ былъ самъ Императоръ Константинъ Багрянородный, удивленный ея мудростю. Трогательно повѣстуетъ Несторъ, какъ предрекалъ Патріархъ новопросвѣщенной Княгинѣ благословенія позднѣйшихъ родовъ Русскихъ, и какъ смиренная Ольга, во святомъ крещеніи Елена, именемъ и дѣяніями подобная матери великаго Константина, стояла съ поникшию главою, пріемля, какъ губа напо-

лемая, учение Святителя о церковномъ уставѣ, о постѣ и молитвѣ, милостынѣ и воздержаніи, которыя свято соблюдала она по возвращеніи на родину.

Тамъ, хотя вопреки всѣмъ ея убѣжденіямъ, дикій и воинственный Князь Святославъ, не хотѣлъ смирить кичливаго сердца подъ краткое иго Христово; однако же, изъ любви къ матери, не только не гналъ ея единовѣрцевъ, но и оставлялъ имъ полную свободу исповѣданія подъ покровительствомъ Княгини. Онъ поручалъ ей дѣтей своихъ, во время безпрестанныхъ походовъ, и далъ возможность утвердить спасительное впечатлѣніе Христіанства въ уважавшемъ ее народѣ, и въ малолѣтнемъ внукѣ Владимира; ибо ничто не западаетъ такъ глубоко въ сердце, какъ простое, нѣжное слово матери. Княгиня имѣла при себѣ пресвитера, именемъ Григорія, пришедшаго съ нею изъ Царыграда, который и похоронилъ ее на заповѣданномъ мѣсть, во избѣженіе тризны. Народъ, прозвавший ее мудрою во дни жизни, ублажилъ святою по кончинѣ, когда самъ послѣдовалъ спасительному примѣру сей предtekшай денница Русской.

Нигдѣ Христіанство не было менѣе гонимо при самомъ началѣ своемъ, какъ въ нашемъ отечествѣ. Лѣтопись говоритъ только о двухъ Христіанскихъ мученикахъ, Варягахъ Феодорѣ и Іоаннѣ,

умерщвленныхъ яростю народною, когда одинъ изъ нихъ, по любви отеческой, не хотѣль выдавать сына, обреченнаго Княземъ Владіміромъ въ жертву Перуну.

Вѣроятно, самое рвение Князя къ богамъ языческимъ, коимъ воздвигалъ онъ кумиры и умножалъ требища, внушило со съднимъ народамъ желаніе обратить мощнаго властителя къ своей вѣрѣ, и такимъ образомъ слѣпое его стремленіе къ невѣдомому божеству получило истинное направление. Болгаре Магометанскіе, первые прислали пословъ своихъ съ предложеніемъ вѣры; но видимая благость Провидѣнія внушила ему решительный отказъ, по несогласію на некоторые ихъ уставы, хотя религія чувственная могла обольстить человѣка, преданного страстиамъ своимъ.

И Хазарскіе Евреи лъстили себя надеждою привлечь Князя, превознося свою религію и древнюю славу Іерусалима. «Но гдѣ же земля ваша?» спросилъ ихъ мудрый внукъ Ольги: «разорена гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи отцевъ» отвѣчали Евреи, и не захотѣль онъ принять закона отверженныхъ. Приходили и учителя Западные изъ Нѣмецкой земли, склонять къ Христіанству Владіміра; но они казались ему чуждыми, ибо Русь знакома была только съ Византию: «идите къ себѣ, сказалъ онъ имъ, ибо отцы наши сего не принимали отъ васъ.»

Посольство Греческое было всѣхъ успѣшие. Философъ пѣкій, или инокъ Константинъ, обличивъ недостатки прочихъ исповѣданій, краснорѣчivo изобразилъ Князю судьбы Божіи во всемирной исторії, и искупленіе рода человѣческаго кровію Христовою, и воздаяніе въ будущей жизни. Сильно подѣйствовалъ разсказъ его на язычника, обремененнаго тяжкими грѣхами бурнаго возраста, особенно когда инокъ показалъ ему, на иконѣ страшнаго суда, судьбу праведныхъ и грѣшныхъ: «добро симъ одесную, а симъ горе ошуую!» воскликнулъ тронутый Владимиръ: но еще боролась въ немъ чувственная природа съ небесною истиной. Отпустивъ послана съ дарами, онъ медлилъ рѣшиться, и хотѣлъ прежде испытать о вѣрѣ съ своими старцами, чтобы вся земля Русская участвовала въ дѣлѣ его обращенія. Совѣтъ княжескій присудилъ послать избранныхъ мужей, для наблюденія каждой вѣры, на мѣстѣ ся исповѣданія, и это общественное согласіе объясняетъ скорое въ послѣдствіи принятіе Христіанства на Руси; ибо, вѣроятно, и народъ былъ въ ожиданіи сей перемѣны.

Греческіе Императоры не потеряли благопріятнаго случая, и самъ Патріархъ съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ совершилъ божественную литургію, въ храмѣ Софійскомъ, предъ изумленными послами Владимира. Ихъ поразило величие

богослуженія, но нельзя приписывать одному впечатлѣнію наружному смягченіе сердца язычниковъ, отъ коихъ зависѣло обращеніе цѣлаго народа: ибо, отъ самыхъ первыхъ временъ Церкви, чрезвычайныя знаменія всегда сопровождали убогую, по видимому, проповѣдь Христіанства. Такъ повѣствуетъ и лѣтопись Византійская о посланіи Русскихъ, что па божественной мітургії, во время перепесенія святыхъ даровъ и Херувимской пѣсни, отверзлись ихъ духовныя очи, и они, въ нѣкоемъ восторгѣ, узрѣли свѣтлыхъ юношей, поющіхъ трисвятую пѣснь. Убѣжденные въ истинѣ православной вѣры, они возвратились въ отчество, уже Христіанами въ душѣ своей, и не одобравъ предъ Княземъ другихъ исповѣданій, сказали о Греческомъ: «стоя въ храмѣ мы не знали, гдѣ обрѣтаемся, ибо нѣть на землѣ ничего подобнаго; тамъ, по истинѣ, пребываетъ Богъ съ человѣками, и мы не можемъ забыть видѣній нами красоты. Всякой человѣкъ, вкусиивъ сладкое, уже не приемлетъ горькаго; такъ и мы не можемъ болѣе оставаться въ язычествѣ.» И бояре сказали Владимиру: «если бы не хороши былъ законъ Греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ человѣковъ.» Имя уважаемой Ольги рѣшило ея внука; онъ только спросилъ: «гдѣ креститься?»

По руководимый еще неочищеннымъ чув-

ствомъ, Владіміръ предпочелъ слѣдоватъ обычаю предковъ, ходившихъ воиною на Царьградъ, и съ оружіемъ въ рукахъ добыть себѣ вѣру. Онъ подступилъ съ судами къ Корсуні Таврической, подвластной Императорамъ. Во время долгой неуспѣшной осады, нѣкто пресвитеръ Анастасъ, стрѣлою, пущеною изъ города, известили Князя, что участъ осажденныхъ зависитъ отъ пресечения водопроводовъ, снабжающихъ ихъ водою. Обрадованный Владіміръ далъ обѣтъ креститься, если овладеетъ городомъ, и овладеТЬ. Тогда послалъ требовать отъ Царей Греческихъ руку сестры ихъ Ани; они же предложили ему условіемъ Христіанство, желая союза съ владѣтелемъ сильнымъ, но слѣдя мудрой и набожной политикѣ своихъ предшественниковъ, которые всегда искали умирить вѣрою страшныхъ сосѣдей. Князь изъявилъ согласіе, потому что, по словамъ его, «онъ издавна испыталъ и полюбилъ законъ Греческій.»

Одна только вѣра могла побудить Царевну жертвовать собою спасенію отечества и чуждаго ей народа; она приплыла, съ почетнымъ духовенствомъ, въ Корсунь и убѣдила Князя ускорить крещеніе, ибо по устроенію Божію, говорить благочестивый лѣтописецъ, онъ разболѣлся глазами. Когда же Епископъ Корсунскій возложилъ руку на восходящаго изъ купели, внезапно прозрѣлъ Владіміръ, не только духовно, по и

тѣлесно, и воскликнулъ: «теперь видѣлъ я Бога истиннаго!»

Многіе изъ дружины княжеской крестились также, пораженные его чуднымъ исцѣленіемъ и вѣроятно были въ послѣдствіи ревности къ водворенію Христіанства въ отечество. Въ церкви Пресвятыя Богородицы совершились просвѣщеніе и бракъ Владимира, и это объясняетъ его особенное усердіе къ Пречистой Дѣвѣ, въ честь коей воздвигъ онъ у себя главный храмъ. Въ Корсуні же соорудилъ церковь во имя своего Ангела, Св. Василія, и взявъ съ собою мощи Св. Клиmentа, Епископа Римскаго, и ученика его Оива, церковную утварь и иконы, оставилъ Корсунь во власти Императоровъ, и возвратился въ Киевъ, въ сопровожденіи Царевны и духовенства Греческаго.

1. Митрополитъ Св. Михаилъ. Несторъ упоминаетъ въ числѣ Епископовъ и священниковъ Цареградскихъ и Корсунскихъ, посвѣдовавшихъ за Княземъ, обѣ одномъ только Анастасіе пресвитеръ, ему благопріятствовавшемъ при осадѣ; а степенные книги называютъ Михаила, родомъ Сиріянинъ, и съ нимъ шесть Епископовъ, присланныхъ отъ Патріарха Николая Хрисоверха въ Корсунь. Нѣкоторыес полагаютъ даже, что Михаиломъ именовался Епископъ временъ Оскольда; но не смотря на молчаніе Не-

стора, онъ стоитъ первымъ въ спискѣ Митрополитовъ Русскихъ.

По возвращеніи въ Киевъ Великій Князь крестилъ двѣнадцать сыновей своихъ и приступилъ къ истребленію памятниковъ язычества. Онъ велѣлъ низвергнуть въ Днѣпръ Перуна; народъ съдowałъ сперва за своимъ плывущимъ кумиромъ, но скоро утѣшился, видя безсиліе истукана. Тогда Владміръ, огражденный вѣрою въ кругу домашнемъ, и готовностію бояръ и дружинъ къ ея принятію, провозгласилъ въ народѣ: что «если кто не обращается заутра на рѣкѣ, богатый или убогій, тотъ будетъ ему противникъ.» По зову уважаемаго Владыки, безчисленныя толпы гражданъ, съ женами и младенцами, стеклись на Днѣпръ, и безъ всякаго сопротивленія всенародно пріяли святое крещеніе отъ Епископовъ и пресвитеровъ Греческихъ. Трогательную картину сего всенароднаго крещенія изображаетъ Несторъ: одни стояли въ водѣ по шею, другіе по перси, лержа въ рукахъ младенцевъ; священники же читали съ берега молитвы, называемыя общими именами цѣлыхъ толпъ. Виновникъ ихъ спасенія, объятый радостнымъ восторгомъ при столь умилительномъ зрѣлищѣ, возвалъ къ Господу, вручая ему себя и народъ: «Боже великий, сотворившій небо и землю, призри на новыхъ своихъ людей, дай имъ, Господи,увѣдать тебя, истиннаго Бога, какъ увѣдали стра-

«ны Христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую и несовратимую, и мнѣ помоги, Господи, на супротивнаго врага, да въ надеждѣ на себя и на твою державу побѣждаю козни его.» На самомъ холмѣ Перуна близъ своего терема, онъ воздвигнулъ первую церковь Св. Василія. Такъ просвѣтилась земля Русская.

Столь внезапное и добровольное обращеніе Кievлянъ могло бы показаться невѣроятнымъ, или насильственнымъ, если не обратить вниманія на постепенное просвѣщеніе Руси со временъ Оскольда, въ теченіи болѣе ста лѣтъ, чрезъ торговлю и мирные договоры, и всякаго рода сношенія съ Греками, Болгарами и Славянами намъ единонлеменными, которые уже давно имѣли на языке своемъ Священное Писаніе. Постоянное стремленіе Императоровъ къ обращенію Руси, чрезъ пословъ своихъ и проповѣдниковъ, терпимость Князей, примѣръ и покровительство Ольги, и самая медленность Владимира, въ избраніи вѣры, должны были заслужить расположить къ ней умы народные, особенно если справедливо, что Русь уже имѣла Епископа при Оскольдѣ. Подобно сему, хотя и при другихъ обстоятельствахъ, въ обширной Римской имперіи, обращеніе Константина Великаго внезапно сдѣлало господствующимъ Христіанство, ибо оно уже заранѣе проникло во всѣ сословія государства.

Владиміръ ревностно занялся строеніемъ церквей по городамъ и селамъ, куда разослалъ священниковъ для проповѣди, и заложивъ многіе города около Кіева, распространилъ и утвердилъ Христіанство вокругъ столицы, изъ которой выходили новые поселенцы. Онъ не замедлилъ также завести училища, гдѣ собираль дѣтей боярскихъ, иногда и противъ воли грубыхъ родителей. Между тѣмъ Митрополитъ съ Епископами странствовали по земль Русской до Новгорода и Ростова, повсюду крестя и поучая народъ; а самъ Владимиrъ, для той же благой цѣли, ходилъ съ другими Епископами въ область Суздальскую и на Волынь. Болгаре Волжские и нѣкоторые изъ Князей Печенѣжскихъ, вняли, вмѣстѣ съ его подданными, спасительному благовѣстію и радостно пріяли святое крещеніе.

Благочестивому Князю желательно было видѣть и въ своей столицѣ благолѣпный храмъ, во имя Рождества Пресвятаго Дѣвы, на память Кореунскаго, гдѣ самъ крестился, и на другой годъ послѣ своего обращенія, вызывавъ строителей изъ Греціи, заложилъ онъ первый каменный соборъ въ Россіи, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали мученики Варяжскіе. Но первому Митрополиту Русскому не суждено было дожить до окончанія храма; тамъ были только погребены его святыя моши, въ послѣдствіи перене-

2. Леонтій сениыя въ Печерскую Лавру. Другой Митрополитъ, Леоптій, родомъ изъ Грековъ, присланый отъ того же Патріарха Николая, освятиль новый храмъ къ великому утѣшенню Владимира, который клятвенно обрекъ ему десятину всѣхъ своихъ доходовъ, и потому соборъ былъ названъ Десятиннымъ.

Десятина сія, по уставу, приписываемому Князю Владиміру, состояла изъ опредѣленной доли хлѣба, скота и съ торга, для содержанія духовенства и убогихъ; а сверхъ того собиралась еще десятая пошлина отъ всякаго суда, ибо право суда было предоставлено Епископамъ и Митрополиту, которые судили по Номоканону. Правила Св. Соборовъ, и законы Греческіе духовные, приняты были, вмѣстѣ съ Святымъ Писаніемъ, при самомъ началѣ, какъ основаніе управлениія церковнаго, а съ ними вмѣстѣ вошли въ употребленіе и иѣкоторые гражданскіе законы Греческіе, подъ сѣнью Церкви. Анастасу Корсунянину, пользовавшемуся довѣренностию Князя и его преемниковъ, поручено было наблюдение за новымъ храмомъ и собираемою въ него десятиною.

Хотя свѣтъ Христіанства проливался уже по всей землѣ Русской, но еще нигдѣ не утвердилась вѣра, ибо не было по городамъ Епископовъ. Митрополитъ Леонтій учредилъ пять первыхъ епархій, и поставилъ Іоакима Корсунянина Епи-

скопомъ въ Новгородъ, Феодора въ Ростовъ, Неофита въ Черниговъ, во Владиміръ Волынскій Степана, и въ Бѣлгородъ Никиту.

Съ помощію дяди В. Князя, Добрыни, давно управлявшаго Новгородомъ, Іоакимъ низвергнуль въ Волховъ истуканъ Перуна, и сокрушилъ требища ідолъскія, безъ сопротивленія со стороны гражданъ; потому что и они, подобно Кіевлянамъ, по степени своего образованія и по сношеніямъ съ Греками, были уже вѣроятно расположены къ принятію Христіанства. Преданія говорять, что даже, со временемъ блаженной Ольги, обрѣтались отшельники Сергій и Германъ, на дикомъ островѣ Ладожскомъ Валаамъ, и что оттолѣ вышелъ св. Аврамій проповѣдывать Христа въ дикомъ Ростовѣ.

Но не столь успѣшио было основаніе епархіи Ростовской. Первые два Епископа, Феодоръ и Иларіонъ, были изгнаны суровыми обитателями лѣсистой области Мери, которые упорно стояли за своихъ кумировъ, не смотря на ревность Аврамія. Въ теченії многихъ лѣтъ, чрезвычайныхъ трудовъ и усилий стоило двумъ послѣдующимъ Епископамъ, святымъ Леонтию и Исaiи, претерпѣвшимъ много гоненій, утвердить наконецъ Христіанство въ дикой странѣ сей, отколовъ распространія оно постепенно и во всѣ окрестныя области.

Такимъ образомъ, во время долгаго своего

правлениі, Владіміръ, свято соблюдавшій заповѣди Христовы, имѣть утѣшеніе видѣть, еще до кончины, плоды собственнаго обращенія по всей обширной своей державѣ. Онъ отошелъ съ ми-
ромъ въ Киевъ, и скоро причтенъ былъ къ ли-
ку заступниковъ земли Русской, вмѣстѣ съ баб-

3. Іоаннъ,
1015. кою своею Ольгою. Іоаннъ, третій Митрополитъ, присланный изъ Цариграда, по смерти Леонтия, похоронилъ Князя въ созданномъ имъ Десятинномъ храмѣ, близъ гроба Греческой Царевны, его супруги, куда перенесены были и нетленные мощи Св. Ольги.

У Т В Е Р Ж Д Е Н И Е ВЪРЫ,

ПЕРВЫЯ ОБИТЕЛИ.

Семейная вражда возгорѣлась между дѣтьми Св. Владимира. По кончинѣ его, старшій изъ братьевъ Святополкъ, домогаясь присвоить себѣ ульбы младшихъ, успѣлъ злодѣйски умертвить трехъ; по мученическая смерть Бориса и Глѣба пала на главу его и сокрушила подъ нимъ окровавленный престолъ, который перешелъ къ Ярославу Князю Новгородскому, мстителю за кровь братьевъ. Умилительно описана Несторомъ безвременная кончина юныхъ Князей, иѣжно любившихъ другъ друга. Обоихъ сразилъ мечъ убийцъ на молитвѣ; оба, какъ чистыя жертвы, облитыя своею невинною кровію, предстали Господу, и Церковь, удостовѣряясь въ ихъ святости,

нетлъніемъ дѣственныхыхъ тѣлесъ и многими зна-
меніями, вскорѣ начала просить ихъ содѣйствія
въ молитвахъ.

Долгое правленіе великаго Ярослава, не смо-
тря на виѣшнія войны съ Королемъ Польскимъ
Болеславомъ, съ Греками, Печенегами и други-
ми соѣдніми народами, и не смотря не междо-
усобіе съ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ,
было самыемъ цвѣтушимъ временемъ первобытной
Руси, которая вся соединилась паконецъ подъ
одну его мощнную руку. Христіанство утвержда-
лось въ обширныхъ предѣлахъ, ибо самъ онъ ис-
полненъ былъ благочестія и радѣль о благѣ
Церкви. Двѣ его грамоты, обѣ освобожденіи ду-
ховенства отъ всякихъ пошлинъ, и о подтвержденіи
Епископамъ права, предоставленного имъ Св. Вла-
диміромъ, судить дѣла брачныя, наслѣдствен-
ныя, святотатныя, и касающіяся до внутрення-
го и виѣшнаго благочинія Церкви, свидѣтель-
ствуютъ о духовномъ расположеніи Ярослава.
Ревнуя утвердить благосостояніе народа зако-
нами гражданскими, онъ заботился и о зако-
нахъ церковныхъ, и по волѣ его былъ переве-
денъ съ Греческаго Помоканонъ, дабы могли
онымъ руководствоваться наши природные Епи-
скопы, начинавшия заступать мѣста пришельцевъ
Византійскихъ. Самъ онъ тщательно занимался
ченiemъ и преложенiemъ священныхъ книгъ,
которыя собирались въ хранилище при митропо-

лії, и завелъ училища въ Кіевѣ и Новгородѣ, для образованія дѣтей священнослужительскихъ и мірянъ, готовившихся къ духовному званію.

Три величественные памятника остались намъ отъ славныхъ временъ Ярослава: соборъ Св. Спаса, основанный въ Черниговѣ Княземъ Мстиславомъ, древнійший изъ всѣхъ священныхъ зданій въ Россіи; храмъ Св. Софії въ Новгородѣ, сооруженный сыномъ Ярослава Владиміромъ, умершимъ въ юности и тамъ погребеннымъ вмѣстѣ съ матерью; храмъ сей не пострадалъ отъ войнъ и столѣтій и сохранился въ непрікосновенномъ своемъ величіи, какъ драгоценныйшее сокровище земли Русской; наконецъ, въ Кіевѣ, митрополія Софійская воздвигнута Великимъ Княземъ, на мѣстѣ одержанной имъ побѣды надъ Печенегами. Громкое имя Св. Софії лъстило Князю, который хотѣлъ подражать памятникамъ Византійскимъ въ своей столицѣ, радуясь, что она уже слыла въ его время вторымъ Царѣградомъ. Онъ назвалъ златыми одни врата ея, какъ бы на память тѣхъ Цареградскихъ вратъ, на коихъ повѣсили свой ратный щитъ предокъ его Олегъ; еще ближе было сердцу Ярослава, чтобы тотъ храмъ Премудрости Божіей, въ коемъ посланики отца его утверждавали въ истиннаго Бога, повторился хотя именемъ, если не совершеннымъ подобіемъ, въ двухъ его престольныхъ городахъ Кіевѣ и Новгородѣ, какъ и Вла-

диміръ воздвигнулъ соборъ Пресвятой Дѣви въ память Корсунскаго, гдѣ крестился. Митрополитъ

4. О е о - лить Феопемпъ, присланный отъ Патріарха
пемпъ Алексія Студита, освящаль соборъ Софійскій, и
1037.

онъ устоялъ до нашихъ временъ, вмѣсть съ мраморною гробницею основателя, сквозь бурю нашествія Монгольскаго и частныхъ раззореній Кієва, хотя не въ такой цѣлости, какъ Новгородскій, однако же въ прежнемъ видѣ, по крайней мѣрѣ до сводовъ, когда напротивъ того Десятинала церковь срыта до основанія.

Феопемпъ, первый изъ Митрополитовъ, упоминается въ лѣтописи Нестора, который умалчиваетъ о трехъ его предшественникахъ, говоря только о Епископахъ, быть можетъ потому, что имя Митрополита сдѣгалось народище со временемъ основанія митрополіи при Св. Софії. Должно относить къ неудовольствію Ярослава, противъ Императора Константина Мономаха, ослѣпившаго нашихъ пѣнныхъ, тотъ случай, что по окончаніи послѣдней войны съ Греками, Великій Князь созвалъ Епископовъ Русскихъ, для поставленія изъ среды ихъ Митрополита, на мѣсто умершаго Феопемпта, мимо Патріарха.

5. Иларіонъ Патріархъ. Благочестивый пресвитеръ Иларіонъ 1051. былъ избранъ и посвященъ соборно; по сіе временное нарушеніе церковнаго порядка скоро исправлено благословленію грамотою, ко-

торую испросилъ Иларіонъ у Патріарха Михаила Керуларія. Въ бытность сего Митрополита на святительскомъ престолѣ, пришли три пѣвца Греческіе изъ Царяграда и завели церковное демественное пѣніе на восемь гласовъ, которое мѣстами донынѣ сохраняется въ древней простотѣ своей. — Ярославъ основалъ также при немъ два монастыря въ Киевѣ, мужескій во имя своего Ангела Св. Георгія, при златыхъ вратахъ, и женскій Св. Ирины, во имя Ангела своей супруги.

Но хотя еще Митрополиту Михаилу приписываютъ основаніе Выдубицкаго монастыря, и хотя были другія обители въ Киевѣ, созданныя усердіемъ бояръ, — однокоже простому безвѣстному отшельнику суждена была слава быть отцемъ иночествующихъ въ Россіи и сдѣлать свою убогую пустынъ разсадникомъ житія монашескаго, и все сіе во время крамолъ вицкихъ и внутреннихъ междуусобій, трехъ сыновъ Ярослава, которые обагряли землю Русскую, спасающую молитвами Св. Антонія и Феодосія. Ибо многіе монастыри, говоритъ Несторъ, описывая начало Печерской лавры, отъ князей и бояръ и отъ богатства поставлены, но не таковы они какъ тѣ, которые поставлены слезами и пощечинами и молитвою и бданіемъ; Антоній не имѣлъ ни злата ни сребра, но все стяжалъ молитвою и постомъ.

Замѣчательно, при началѣ иночества въ нашемъ отечествѣ, повтореніе самыхъ имёнъ великихъ отшельниковъ: Иларіона, Антонія и Феодосія, коими нѣкогда процвѣли пустыни Палестины и Египта, и которые, какъ въ зеркаль, отразились въ чистомъ житіи своихъ Русскихъ подражателей. Митрополитъ Иларіонъ, когда былъ еще пресвитеромъ церкви Св. Апостолъ на Берестовѣ, любимомъ селѣ Князей Владимира и Ярослава, ходилъ уединяться для молитвы въ дремучій лѣсъ, на красномъ берегу Днѣпра, и тамъ, полюбивъ живописное мѣсто на холмѣ, скопалъ себѣ тѣсную пещеру, колыбель будущей лавры и всѣхъ обителей Русскихъ. Скоро поселился въ ней другой отшельникъ, ибо мѣсто уже освящено было подвигами Иларіона.

Нѣкто Антоній, родомъ изъ Любеча, странствуя постыдилъ Аѳонскую гору, и тамъ въ иночествѣ пожелалъ окончить дни свои: но игуменъ его постригавшій, прозрѣвъ высокое его назначеніе, вѣльмъ возвратиться въ отечество: повиновался смиренный Антоній и принесъ съ собою благословеніе святой горы. Онъ обошелъ всѣ монастыри Киева, но душа его, жаждавшая созерцанія, могла найти себѣ отрадное упокоеніе только въ оставленной пещерѣ Иларіона; тамъ основался Антоній, хотя въ теченіе сорока лѣтъ его духовнаго подвига, дважды изгоемъ былъ по смутамъ бояръ и князей, скоро увѣдавшихъ

житіе его въ близкихъ Кіеву лѣсахъ. Самъ Великій Князь Изяславъ, сынъ Ярослава, постыль его съ дружиною, и отшельникъ предрекъ ему, и двумъ его братьямъ, несчастное ихъ пораженіе Половцами на берегахъ Альты. Когда собрались къ нему двѣнадцать учениковъ, онъ далъ имъ игумномъ Варлаама и благословилъ поставить деревянную церковь во имя Успѣнія Богоматери, на мѣсто прежней подземной церкви; а самъ, избѣгая молвы начальственной, уединился въ другую ближайшую пещеру, имъ ископанную, гдѣ окончилъ дни свои на молитвѣ. Но еще прежде, когда Великій Князь взялъ игумна Варлаама, въ основанный имъ Димитріевъ монастырь, Антоній предложилъ братіи въ начальники смиреннаго Феодосія, которому предлежала слава окончательно устроить обитель и довершить благословенное начало Антонія.

Видя вокругъ себя умножающуюся братію уже числомъ до ста, онъ списалъ для нея уставъ Студійской обители, строжайший изъ всѣхъ въ Константинополѣ, который принесъ оттолѣ инокъ, пришедший съ новымъ Митрополитомъ Георгіемъ. Образъ монашескаго пѣнія, поклоны, чтеніе и весь чинъ церковный, и самая пища были определены симъ уставомъ; его дополнілъ Феодосій своими духовными назиданіями, о непрестанной молитвѣ, храненіи отъ помысловъ, взаимной любви, покорности и трудолюбіи, и какъ образцо-

вый, перешель онъ во всѣ обители нашего отечества, ибо многія изъ нихъ были основаны выходцами Печерской лавры, другія же искали подражать ея высокому примѣру; такимъ образомъ распространилось изъ нее повсюду благословеніе Аѳона съ правилами Студійскими. Лѣтописецъ Несторъ, сохранившій намъ, въ искреннемъ своемъ разсказѣ, священные преданія старины Русской, былъ очевидцемъ подвиговъ Феодосіевыхъ при началѣ лавры, въ которую самъ уединился съ семнадцатилѣтіяго возраста, сдѣлавъ ее колыбелью исторіи нашей.

Князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, по-перемѣнико вступавши на престолъ Кіевскій, исполнены были благоговѣнія къ святому отшельнику Феодосію и внимали его искреннимъ назиданіямъ, хотя онъ не страшился упрекать Святослава за неправедное обладаніе братнимъ престоломъ. Съ помощью его вызвалъ онъ изъ Греціи искусныхъ строителей и заложилъ обширную церковь Успенія, на мѣсто убогой деревянной. Но по примѣру почти всѣхъ великихъ основателей, коимъ не суждено видѣть наружное благолѣпіе своего созданія, Феодосій удовольствовался также одною внутреннею красотою лавры и упокоился въ пещерахъ, ископанныхъ имъ вмѣстѣ съ Антоніемъ. Преемники его, Стефанъ и Никонъ, великий сподвижникъ Антонія, продолжали строеніе, которое было окончено

игумномъ Іоанномъ и освящено уже при Великомъ Князѣ Всеіолодѣ, Митрополитомъ Іоанномъ. По волѣ того же игумна, летописець Несторъ отрылъ въ пещерѣ нетленныя мощи Феодосіевы, и соборъ Епископовъ и Князей торжественно перенесъ ихъ въ новый храмъ. Имена же Антонія и Феодосія начали призываться въ молитвахъ, со временемъ княженія Святополкова, какъ покровителей Киева и отцевъ всѣхъ пустынно-жителей нашихъ, ибо лавра далеко пустила корни свои въ Русскую землю, и благотворное ея вліяніе оказалось не въ однихъ пустыняхъ, но и въ чертогахъ княжескихъ и на кафедрахъ святительскихъ. Она дала своихъ иноковъ: Стефана Епископомъ въ Бѣлгородъ, и Св. Исайю просвѣтителемъ въ Ростовъ, и Св. Никиту владыкою Новгороду, а по нѣкоторымъ преданіямъ Ефрема въ Митрополиты всея Руси. Одни ино-
ки проповѣдывали имя Христово язычникамъ и скончались мученически, подобно Герасиму просвѣтившему дикую Весь, въ предѣлахъ сѣвера, подобно Кукшѣ и Пимену, пострадавшимъ за слово Божіе на берегахъ Оки, при обращеніи Вятичей; другіе, имена коихъ неизсчетны, и донынѣ населяющіе своими нетленными тѣлесами пещеры, въ затворничествѣ подавали примѣръ всѣхъ добродѣтелей, и въ числѣ ихъ сынъ Князя Черниговскаго Никола, прозванный Святошею, по своей святости и смиренію. Не онъ одинакоже былъ первымъ

изъ Князей воспріявшхъ монашескій образъ : несчастный сынъ великаго Владимира, Судиславъ, посаженный братомъ Ярославомъ въ Псковскую темницу и послѣ двадцатиосмилѣтняго заточенія, освобожденный племянниками, прежде всѣхъ постригся въ монастырь Киевскомъ, и былъ начаткомъ державныхъ иноковъ нашего отечества. -- Но увлеченій славою Печерскою, я отклонилася отъ постепеннаго хода дѣяній церковныхъ.

МИТРОПОЛІЯ ВЪ КІЕВѢ.

Митрополітъ Георгій, присланий отъ Патріарха Іоанна Ксифілина, еще въ началѣ княженія Изяслава, переносилъ съ великимъ торжествомъ св. мощи Князей Бориса и Глеба, въ новый для нихъ сооруженный храмъ Вышгорода. Святитель, сперва колебавшійся въ вѣрѣ о святости царственныхъ мучениковъ, твердо убѣдился, чудомъ совершившимся надъ ихъ мощами, и уставилъ праздновать ихъ память. При этомъ перенесеніи, въ первый разъ упоминаются въ лѣтописяхъ Епископы: Юрьевскій Михаилъ, Переяславскій Петръ и Холмскій Іоаннъ, и должно предполагать около того времени учрежденіе сихъ трехъ новыхъ єпархій, потому что непрестанно распространялось Христіанство въ южной Россіи.

6. Георгій.
1072.

Кроткій Георгій удалился въ Царыградъ, отъ междоусобія Изяслава съ братьями, во время которого паства его подвергалась нашествію Короля Болеслава Польскаго и притязаніямъ Рима, ибо властолюбивый Папа Григорій VII, обѣщаю вооруженную помощь Изяславу, требовалъ отъ него покорности, и это было первое покушеніе западныхъ Первосвятителей на Россію. Но Изяславъ, воспреди опять на престолъ, отклонилъ замыслы Григорія, и утверждаемый въ вѣрѣ отцевъ своихъ, ревнителемъ православія, игуменомъ Феодосіемъ Печерскимъ, соблюлъ оное до конца своей тревожной жизни. Другой великий свѣ-

7. **Іоаннъ II,**
II. 1080. который поставленъ былъ Патріархомъ Евстратиемъ и девять лѣтъ пасъ Церковь Россійскую. Съ особеною любовію изображаетъ его Несторъ, какъ мужа искуснаго въ ученіи, милостиваго къ сиримъ и вдовицамъ, равно ласковаго къ богатымъ и убогимъ, смиреннаго, молчаливаго и книгами святыми утѣшавшаго печальныхъ. Въ рукописныхъ кормчихъ книгахъ осталось его сочиненіе, называемое церковнымъ правиломъ, на многіе случаи совѣсти. «Такова не будетъ въ земль Русской,» восклицаетъ современный лѣтописецъ, можетъ быть, по сравненію съ его преемникомъ
8. **Іоаннъ III,**
III. 1089. привезла съ собою изъ Царыграда, отъ Патріарха Николая Грамматика, дочь Великаго Князя Все-

волова, Анна, основавшая женскую обитель и училище въ Киевѣ. Другая сестра ея Евпраксія скончалась также инокинею, ибъ отецъ ихъ былъ самъ исполненъ благочестія и любви къ духовенству, воздвигая монастыри и жертвуя багатыми вкладами церквамъ.

Имя Митрополита Ефрема стоитъ въ каталогѣ 9. Ефремъ. Кіевскомъ вслѣдъ за Іоанновымъ, который умеръ на другой годъ своего пріиществія, но лѣтописи разногласятъ о Ефремѣ. Однѣ полагаютъ его Грекомъ, присланнымъ отъ того же Патріарха, другія Русскимъ изъ дружины Изяслава, постригшимся въ пещерахъ Антонія. Несторъ же, умалчивая о Митрополитѣ Ефремѣ, говоритъ только о Епископѣ Переяславскомъ сего имени, какъ о старцемъ изъ Архіереевъ, переносившихъ соборно моши св. Феодосія, и строителѣ знаменитаго Михайловскаго собора въ Переяславль. Можетъ быть, по скорой кончинѣ Іоанна III, не было долгое время присыпаемъ Митрополитъ изъ Царьграда, и Ефремъ, живя въ соцѣднемъ Переяславль, управлялъ эпархіею Кіева, уважаемый по своимъ Христіанскимъ добродѣтелямъ и нищетобію: онъ завелъ больницы и врачей безмездно по городамъ. Годъ смерти его предполагается въ 1096 году, когда Половецкій Ханъ Бонякъ, нечаянно приступивъ къ Кіеву, раззорилъ его окрестности и выжегъ Печерскую лавру.

1096.

И другія недоразумѣнія являются въ лѣто-
писяхъ касательно Митрополита Ефрема: по Ни-
конову списку, Епископъ Новгородскій Лука
Жидата, избранный еще великимъ Ярославомъ,
вызванъ былъ, по клеветѣ своихъ домашнихъ, на
судъ сего Митрополита въ Кіевъ, и тамъ задержанъ
въ теченіи трехъ лѣтъ до совершеннаго оправ-
дания. Но, по счислению времени, происшествіе сіе
должно относиться еще къ правленію Иларіона,
такъ что некоторые предполагаютъ даже, буд-
то онъ скончался въ схимѣ съ именемъ Ефре-
ма. Во всякомъ случаѣ, судъ надъ Епископомъ
Новгородскимъ, который уже въ тѣ времена
имѣлъ исключительный титулъ Владыки, по
участію своему въ правленіи сего независимаго
города, показываетъ сколь велика была власть
Митрополита надъ подчиненными ему Епископа-
ми вселнїи Россіи. Избрание ихъ зависѣло иногда
отъ Князей, великаго или удѣльныхъ, иногда же
отъ произвола Первосвятителя; но все они были
лично имъ посвящаемы, и подлежали его суду
и надзору, подобно какъ сами Митрополиты, бу-
дучи всегда поставляемы въ Константинополь,
зависѣли въ дѣлахъ духовныхъ отъ Патріарха, и
содержали юную Церковь Россійскую въ нераз-
рывномъ союзе съ Греческою.

Княженіе Святополка, сына Изяславова, стар-
шаго между внуками великаго Ярослава, означа-
новалось уже тѣми горькими междоусобіями

удѣльными, которыя въ послѣдствіи были причиною совершенного разъединенія Руси и покоренія ея Монголами. Однакоже, не смотря на слабый и коварный характеръ Святополка, еще сохранилось между Князьями уваженіе къ первопрестольному Кіеву и правамъ старшаго въ родѣ. Когда же Олегъ Черниговскій, беспокойный сынъ Святослава, возставалъ съ братьями противъ Великаго Князя, онъ былъ укрощаемъ мужественнымъ сыномъ Всеволода, Владиміромъ Мономахомъ, который мирилъ удѣльныхъ властителей на съездахъ княжескихъ. Его побѣдоносный мечь отражалъ и дикихъ враговъ южной Россіи, Половцевъ, которые, кочуя въ степяхъ Донскихъ и Черноморскихъ, безпрестанно тревожили набѣгами восточные предѣлы, доколѣ сами не были истреблены Монголами. Но вѣроломное ослѣпленіе Князя Василька, Святополкомъ, по навѣту родственаго ему Князя Волынскаго Давида, подвигло на мищеніе Мономаха и всѣхъ Святославичей; они подступили въ Кіеву, въ стѣнахъ коего трепеталъ В. Князь. Тогда явился примирителемъ, въ станѣ раздраженныхъ, новый Митрополитъ Николай: «Молимся, Княже, тебѣ и братіи твоей, сказалъ онъ, не могите погубить землю Русскую, ибо если начнете рать между собою, поганые будутъ радоваться и возьмутъ землю нашу, которую стяжали дѣды и отцы ваши, трудомъ великимъ и храбростью, поборая

Нико-
лай. 1098.

по Русской землѣ, и иныя земли пріискивали, вы же хотите погубить Русскую землю.»

Памятникомъ княженія Святополка остался въ Киевѣ златоверхій Михайловскій монастырь, сооруженный имъ во имя своего Ангела, и въ его величественной церкви положены были мощи Св. великомученицы Варвары, привезенные изъ Греціи первою супругою Князя, Царевною Варварою; тамъ сохраняется и понынѣ сія дра-

II. Никифоръ 1. гоцѣнная святыня. Митрополитъ Никифоръ, родомъ Грекъ, поставленный Патріархомъ Николаемъ, освящалъ новый храмъ и, въ теченіи пятнадцатилѣтняго своего правленія, былъ достойнымъ сотрудникомъ Мономаха, къ коему сохранились его краснорѣчивыя и назидательные посланія. Оба они сіали просвѣщеніемъ и величиемъ духа надъ всѣми современниками, какъ два образца Христіанской добродѣтели, поставленные на престолахъ царскомъ и святительскомъ; слава Владимира, далеко прошедшая, доставила ему и вѣнецъ царский: по сказанію степенной книги, Императоръ Греческій Комнинъ, приславъ ему въ даръ вѣнецъ, св. бармы, и животворящій крестъ, которые теперь хранятся въ оружейной Московской палатѣ, и Митрополитъ Ефесскій Неофитъ, принесшій сю царственную утварь изъ Константинополя, впервые совершилъ надъ Мономахомъ, въ Софійскомъ соборѣ, свя-

щенный обрядъ, во образъ грядущихъ славныхъ вѣнчаній Государей Россійскихъ.

Никифору приписываютъ учрежденіе новой епархіи въ Полоцкѣ, куда поставилъ онъ Епіскопомъ Мину; нельзя однакоже утвердительно назвать его первымъ, ибо сомнительно, чтобы Полоцкое княженіе, болѣе другихъ независимое отъ Киева и управляемое сильными Князьями удѣльными, старшими изъ всего рода дѣтей Св. Владимира, дотолѣ не имѣло своего отдѣльного Епіскопа. Тоже самое должно предполагать и о Смоленскѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Русскихъ, котораго Епіскопы начинаютъ считаться еще позднѣе, и лѣтописи разнствуютъ даже въ ихъ именахъ: одинъ называютъ первымъ Михаила или Мануила, поставленного Митрополитомъ Михаиломъ II; другія же полагаютъ двухъ Епіскоповъ, Игнатія и Лазаря, еще до Мануила, а Несторъ говоритъ объ учрежденіи первыхъ епархій неопределѣтельно. Бытосказательныя уста его смѣжились около 1116 года, и другой просвѣщенный черноризецъ Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря, былъ продолжателемъ его лѣтописи до 1124 года; тогда уже наследовавшіе сей благочестивый трудъ сдѣлялись сами неизвѣстными міру, а исторія Русская продолжала писаться, незнаемою иноческою рукою, въ тиши келейной, посреди бурь и переворотовъ гражданскихъ.

Около сего же времени, при Св. Епископѣ Никитѣ, постриженникѣ Печерскомъ, двѣ знаменитыя обители основаны были въ великомъ Новгородѣ: одна Юрьевская, усердіемъ Князя Мстислава, хотя нѣкоторыя преданія относятъ основаніе ея Ярославу великому; другая Св. Антонія Римлянина, который пріѣхавъ съ Запада по Волхову, уединился на берегахъ его, близъ созданной имъ церкви Рождества Богоматери. — Подобно какъ въ Новгородѣ и Киевѣ, такъ и во многихъ удѣльныхъ городахъ, куда только проникала заря просвѣщенія духовнаго, постепенно сооружались монастыри, которые распространяли оное по окрестнымъ предѣламъ, и вмѣстѣ съ святыми отшельниками западало слово Божіе во глубину лѣбреи и лѣсовъ, какъ животворное сѣмя грядущей жизни, долженствовавшее принести плодъ въ свое время.

Преемникъ мудраго Никифора Митрополитъ

12. Никита. Никита, посвященный Патріархомъ Іоанномъ, по-
1124. гребаль въ Софійскомъ соборѣ великаго Мономаха, посреди плача земли Русской, и былъ свидѣ-
лемъ другаго ся бѣствія, — страшнаго пожара, который истребилъ въ Киевѣ до 400 церквей, по
сказанію лѣтописей, что доказывается цвѣтущее
уже состояніе столицы. Правленіе его было крат-
42. Миха-ковременно, и Михаилъ II, присланный тѣмъ
пль II. 1127. же Патріархомъ, въ княжение Мстислава, сына
Мономахова, тщетно желалъ угасить возникшія ме-

ждоусобія. Сперва , поставилъ великаго мужа церковнаго Нифонта , Епископомъ Новгороду , укротилъ онъ мятежъ народный , запрещенiemъ святительскимъ , и самъ приходилъ удержать беспокойныхъ гражданъ отъ войны съ Суздальскою областю ; но угрозы и предсказанія Михаила , о пораженіи въ битвѣ , не были уважены шумнымъ вѣчемъ и только исполненіе оныхъ на самомъ дѣлѣ могло временно усмирить Новгородцевъ . Потомъ , по смерти мужественнаго В. Князя Мстислава , съ коимъ угасла сила Мономахова , мирилъ онъ его слабыхъ преемниковъ : брата Ярополка съ враждовавшими племянниками , и Вячеслава съ сильнымъ Княземъ Черниговскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ , исторгшимъ изъ рукъ его престоль великохійский ; наконецъ утомленный безпрерывною враждою единокровныхъ Князей , удалился въ Царьградъ гдѣ окончилъ дни свои , не преставая быть Митрополитомъ Киевскимъ .

Грустную картину всеобщаго разъединенія представляла тогда на всемъ своемъ пространствѣ обширная Россія . Столѣтняя вражда возгорѣлась между царствующимъ домомъ Мономаха , который поддерживали любовь Кіевлянъ и память народная о подвигахъ великаго Владимира , и между домомъ Олега Черниговскаго , имѣвшаго на своей сторонѣ права старшаго въ родѣ Князей Русскихъ . Удѣльные властители , мѣшиаясь въ распри за великое княженіе , ослабили bla-

годътельное его вліяніе на прочія части государства, а набѣги Половецкіе содергали южную Русь въ непрестанномъ волненіи воинскомъ, доколѣ все не замерло подъ ужасомъ раззоренія Монгольского. Между тѣмъ, новыя и независимыя княженія образовались на западѣ и на съверѣ, усиливаясь по мѣрѣ паденія Киевскаго. Сынъ Володаря Волынскаго, Владімірко, оружіемъ и хитрою политикой, основалъ себѣ сильное княженіе Галицкое, которое процвѣло въ долгое правление его преемника Ярослава. Слабые лучи Христіанства начинали проникать въ Литву, изъ съдняго Полоцкаго княженія, которое было постояннымъ предметомъ вражды дома Мономахова, и постепенно сокрушалось подъ его ударами. Новгородъ, борясь со Шведами на рубежѣ своемъ, распространялъ Христіанство въ съверныхъ предѣлахъ, и на шумныхъ вѣчахъ мѣняль Князей своихъ, судя по успѣхамъ враждующихъ домовъ, призываю къ себѣ то дѣтей Олеговыхъ, то Мономаховыхъ.

Другой зародышъ грядущаго могущества Россіи началъ сосредоточиваться въ самомъ сердцѣ обширнаго государства. Сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, наскучивъ долгимъ ожиданіемъ Киевскаго престола, занялся распространеніемъ и устройствомъ родовой своей Суздальской области, обращеніемъ язычниковъ и строеніемъ городовъ,

въ числѣ коихъ впервые явилось тогда имя Москвы; а Владимиръ на Клязьмѣ, возвеличенный въ правленіе его доблестнаго сына Андрея Боголюбскаго, сдѣлался скоро столицею независимаго княженія, которое пріобрѣло всѣ преимущества великаго, при другомъ его сынѣ Всеволодѣ.—И посреди сего разрыва политическаго, одно только исповѣданіе той же православной вѣры, во всѣхъ предѣлахъ государства, служило залогомъ общаго единства; Епископы, какъ судіи духовныя своихъ эпархій, и игумны обителей, умноожаемыхъ благочестіемъ Князей, которые сами не рѣдко оканчивали въ келліи бурные дни свои,— служили посредниками и миротворцами между враждующими и, въ качествѣ посланниковъ, безопасно странствовали по станамъ воинскимъ. Зависимость ихъ отъ Митрополита невольно обращала къ Киеву вниманіе всея Руси; а сами Первоучастники, посыпаемые къ намъ изъ Царыграда, почерпали изъ сего источника просвѣщеніе, коимъ отечество наше превышало тогда современную Европу. Но гражданскія неустройства имѣли также вліяніе и на дѣла церковныя.

Преемникъ Всеволода Ольговича, Изяславъ, внукъ Мономаха, узнавъ о кончинѣ Митрополита Михаила, въ то время, какъ былъ праздникъ патріаршій престолъ Константинополя, не хотѣлъ болѣе имѣть Митрополитомъ Грека, потому что

негодовалъ на удаленіе Михаила изъ Россіи. По примѣру Ярослава онъ созвалъ въ Кіевъ соборъ Епископовъ Русскихъ: Онуфрія Черниговскаго, который предсѣдательствовалъ, Феодора Бѣлгородскаго, Даміана Юрьевскаго, Феодора Волынскаго, Мануила Смоленскаго, а по лѣтописи Печерской еще: Евѳимія Переяславскаго, Косму Полоцкаго и Іоакима Туровскаго, что доказываетъ существованіе новой Туровской епархіи. Всѣ были согласны на самовольное избраніе Митрополита, безъ участія Патріарха; одинъ только Св. Нифонтъ Новгородскій сильно воспротивился нарушенню союза церковнаго и законной зависимости іерархіи нашей, безъ коей не могла бы правильно существовать юная Церковь Россійская. Онъ напомнилъ о рукописаніи, данномъ Михаилу, вѣроятно при его отпѣствії, не служить даже соборно въ Св. Софіи безъ Митрополита; по его увѣщанія были тщетны, и какъ въ послѣдствіи онъ не хотѣлъ имѣть общевія съ новымъ Первосвятителемъ, то претерпѣлъ и краткое заточеніе въ Печерской лаврѣ.

14. Климентъ. Выборъ паль на Клиmentа, затворника и схимника Смоленскаго, и Епископъ Онуфрій предложилъ замѣнить, при его рукоположеніи, патріаршее посвященіе, наложеніемъ руки Св. Клиmentа Папы, коего мощи были принесены

изъ Корсуни Владіміромъ. Замчательно, что оба природные Митрополита Русские, Иларіонъ и Климентъ, избраны были изъ строгихъ отшельниковъ, но благочестіе ихъ не могло исправить незаконности поставленія. Мањіе Св. Нифонта, друга Князей Долгорукаго и Святослава Черниговскаго, и представителя могущественнаго Повгорода, который употреблялъ его во всѣхъ своихъ политическихъ сношеніяхъ съ Князьями обоихъ враждующихъ домовъ, было сильно, тѣмъ болѣе, что и новый Патріархъ Константинопольскій, Николай Музалонъ, оболялъ его поуважными грамматами за ревность къ Церкви. Девять лѣтъ продолжалась борьба сія посреди смятеній гражданскихъ, во время коихъ не былъ пощаженъ и санъ иноческій Князя Игоря Ольговича, разтерзанного Киевскою чернію, за возстаніе его рода противъ Изяслава. Но когда Изяславъ, въ свою чреду, принужденъ былъ бѣжать на Волынь, онъ взялъ съ собою и Клиmentа; а Долгорукій, отпустивъ съ честию Нифонта, просилъ другаго Митрополита у Патріарха Луки Хрисостома, и въ краткосъ его княженіе пришелъ изъ Царьграда Митрополит Константинъ, который осудилъ дѣйствія Изяслава и Клиmentа, и запретилъ даже на время всѣхъ посвященныхъ имъ санъ духовный. Великій Нифонтъ не имѣлъ однакоже утешенія видѣть въ Киевѣ законнаго Первосвятителя, на встречу коего поспѣшилъ

15. Константинъ.
1156.

изъ Новгорода; онъ преждевременно скончался и погребенъ былъ въ пещерахъ Кіевскихъ, при-
ченный къ лицу святыхъ, съ славнымъ име-
немъ поборника всей земли Русской.

Но тѣмъ не кончилась распра церковная. Когда, по смерти Долгорукаго, враждовали за Кіевъ Изяславъ Ольговичъ и Мономаховичъ Ростиславъ, тогда Князь Мстиславъ Волынскій, не прощая Митрополиту Константину соборнаго осужденія отца своего, изгналъ его въ Черниговъ, гдѣ иѣкогда былъ Епископомъ. Тамъ онъ скончался, показавъ примѣръ чрезвычайного смиренія, ибо оставилъ завѣщеніе, чтобы извергли его тѣло въ града, какъ недостойное погребенія; не смѣли ослушаться усопшаго Князь Святославъ и Епископъ Антоній; но на третій день, видя неприкосновенность мертвенныхъ останковъ, погребли съ честію въ Спасскомъ соборѣ.

16. **Феодоръ** Еще при жизни его и Клиmentа, третій Мі-
1160. трополитъ Феодоръ присланъ былъ Кіеву, отъ
того же Патріарха, по взаимному согласію дяди и
племянника, Князей Ростислава и Мстислава; по-
тому что первый не признавалъ законнымъ Кли-
мента, а послѣдній негодовалъ на Константина. Ме-
жду тѣмъ Андрей Бѣголубскій, старалъсь всѣми
средствами, возвысить надъ прочими княже-
ніями престольный свой городъ Владимиръ,
гдѣ воздвигнулъ великолѣпный соборъ Бого-

матери, для чудотворной ея иконы, принесенной изъ Греции, воспользовался несогласиемъ церковнымъ, чтобы просить себѣ особенного Митрополита изъ Царьграда. Но Патріархъ Лука благоразумно отклонилъ его просьбу, опасаясь нарушить единство Российской Церкви; онъ дозволилъ только Епископамъ Ростовскимъ имѣть пребываніе во Владимиѣ, и въ угощеніе набожному Князю праздновать память его побѣды надъ Болгарами, одержанной въ одинъ день съ другою побѣдою Императора Мануила надъ Сарацинами; торжество сіе досель совершается первое Августа.

Несторъ, Епископъ Ростовскій, лишенный своей эпархіи Митрополитомъ Константиномъ, находился тогда въ Царьградѣ для оправданія, ибо по несчастнымъ обстоятельствамъ времени, къ распрамъ іерархическимъ присоединились еще лжеученія. Несторъ былъ несправедливо обвиненъ въ нарушеніи постного устава, будто бы запрещалъ разрывать постъ въ праздники Рождества и Богоявленія, если случались они въ среду или пятокъ. Сіе неправильное ученіе, не имѣ начатое, возобновлено было Епископомъ Леономъ, пришедшемъ въ его отсутствие, и Боголюбскій, вступаясь за правые догмы, послалъ Леона сперва на судъ Митрополита Феодора въ Кіевъ, а потомъ въ Царьградъ, гдѣ осудилъ его самъ Патріархъ. Но вслѣдъ за Лео-

номъ явился самозванецъ на эпархію Ростовскую, Феодоръ, иночъ Печерскій, испросившій себѣ обманомъ санъ Епископа въ Константинополь; однакоже хищничество его вскорѣ обличилось и жестокости были прекращены Княземъ, который отправилъ преступника въ Киевъ, и тамъ онъ преданъ смерти за соблазнъ церковный.

Митрополиту Феодору приписываютъ учрежденіе архимандріи въ Печерской обители, названной имъ лаврою и ставроигією, по граматѣ патріаршии, и, отъ первого Печерского архимандрита Акиндина, сей новый санъ взошелъ въ употребленіе въ монастыряхъ Русскихъ. Съ него же благословенія Князь Боголюбскій началъ праздновать память первого Епископа Ростовскаго Леонтия, коего мощи обрѣтены имъ были при заложеніи новаго собора.

Климентъ, бывшій Митрополитъ, жилъ еще на Волыни, когда скончался Феодоръ, и В. К. Ростиславъ, снисходя на просьбу своего племянника Мстислава, хотѣлъ уже просить Патріарха о возведеніи его опять на митрополію, но послы княжескіе встрѣтили на пути новаго Митрополита, плущаго въ Россію изъ Царьграда, Иоанна IV.

17. **Иоаннъ IV.** Одни только дружественные моленія Императора Мануила и страхъ новаго церковнаго раздора могли убѣдить оскорбленнаго Ростислава принять сего Первосвятителя, который однакоже, въ два года своего краткаго правленія, оста-

вилъ по себѣ благую память. Намъ сохранилось увѣщательное его посланіе къ Папѣ Римскому, вѣроятно Александру III, о мирѣ церковномъ, ибо тогда еще, по недавнему разрыву, съ обѣихъ сторонъ дѣлались взаимныя усиленія къ возстановленію союза. Въ Новгородѣ священна также память Иоанна: Владыка Илія, въ иночествѣ Иоаннъ, мужъ жизни праведной, первый изъ всѣхъ Епископовъ Русскихъ, былъ возведенъ Митрополитомъ въ сань Архіепископа, и титулъ сей перешелъ брату его Григорію, столь же добродѣтельному, при коемъ преподобный Варлаамъ основалъ на берегахъ Волхова свою знаменитую Хутынскую обитель, а потомъ и ко всѣмъ Владыкамъ Новгородскимъ.

Ересь Леонова возобновилась въ Кіевѣ при Митрополитѣ Константинѣ II, избранномъ изъ Епископовъ Русскихъ, по желанию Ростислава; ибо новый Святитель, по неопытности, самъ держался мнѣнія Леонова о постахъ, и даже созывалъ соборъ въ Кіевѣ для поддержанія сего учения. Но два мужа, известные своими писаніями, Св. Кириллъ, краснорѣчивый Епископъ Туровский, и Поликарпъ, архимандритъ Печерскій, продолжатель Несторова о угодникахъ Кіевскихъ, были твердыми защитниками правовѣрія; сей послѣдній претерпѣлъ даже заточеніе за слово истины. Благочестивая современная лѣтопись гово-

18. Константинъ II. 1167.

ритъ, что и Киевъ пострадалъ за неправду Митрополита, ибо при немъ и В. К. Мстиславъ Волынскомъ, преемникъ Ростислава, одиннадцать Князей, признавшіе своею главою Бого-любскаго, взяли приступомъ и разграбили сию мать городовъ Русскихъ, которая утратила съ тѣхъ поръ свою независимость; Князья ея, съ однимъ лишь титуломъ великихъ, смѣнялись, большею частію, по прихоти Князей Владимірскихъ или Галицкихъ, а между тѣмъ Ольговичи Черниговскіе и Мономаховичи Смоленскіе не представляли домогаться призрака великокняжеской власти.

19. Никифоръ II. 1185. Митрополія Киевская около десяти лѣтъ оставалась праздною по смерти Константина. Никифоръ II, родомъ Грекъ, поставленный Патріархомъ Василіемъ, пастырь исполненный всѣми добродѣтелями первого тезоименитаго ему Никифора, и любви къ своему новому отечеству, тщетно старался умирить раздоры властителей; онъ даже бралъ на свою душу клятву, данную В. К. Рюрикомъ зятю Роману Волынскому, чтобы нарушеніемъ ея удовлетворить сильнаго Всеволода Владимірскаго, который требовалъ себѣ городовъ, обѣщанныхъ Роману. Въ послѣдствіи, сей Романъ, будучи уже Княземъ Галицкимъ, овладѣлъ Кіевомъ и явилъ первый примѣръ въ Россіи насильственнаго постриженія, надъ тестемъ своимъ В. К. Рюрикомъ, а Рюрикъ единствен-

ный примѣръ сложенія съ себя сана иноческаго, ибо онъ взошелъ опять на престолъ послѣ смерти врага своего. По причинѣ сихъ междоусобій, еще однажды пострадалъ Кіевъ, и такимъ образомъ дважды разоренный уже не воставалъ до конечнаго паденія при Монголахъ.

Свидѣтельемъ сего разоренія былъ новый Митрополитъ Матоѣй, присланный изъ Константино-²⁰opolia, еще до взятія онаго Крестоносцами, и въ свою чреду сдѣмался посредникомъ между Князьями, примиривъ В. К. Всеѡлода Черниаго и всѣхъ Ольговичей со Всеѡлодомъ Владимірскимъ: — въ сию бѣдственную годину раздоръ, должностъ миротворца была перазлуна съ саномъ первосвятительскимъ. При немъ, въ первый разъ, вмѣшались Новгородцы въ дѣла церковныя, изгнавъ своего Архіепископа Митрофана и приславъ къ Митрополиту для посвященія инока Хутынскаго Антонія, но и Антоній не угодилъ народу; оба Владыки пришли на судъ Митрополита, и первый былъ утвержденъ, а послѣднему дана эпархія Пере-
мышильская, которую однокоже онъ оставилъ для каѳедры Новгородской, и опять былъ изгнанъ, и снова возведенъ, но кончилъ дни свои въ обители Хутынской: — таково было непостоянство и буйство Новгородцевъ. Здѣсь впервые упоминается о эпархіи Пере-
мышильской, вмѣсть съ другими, Галицкою, Минскою, Луц-

кою и Острожскою, неизвестно когда основаными, по существу состоянію южной Россіи.

И на съверъ образовались новыя епархіи; хотя Рязань зависѣла отъ Черниговскаго престола, но лѣтопись говоритъ о иѣкоемъ Епископѣ Рязанскомъ Арсениѣ, взятомъ въ пленъ вмѣстѣ съ Князьями сего города, братомъ Боголюбскаго, Всеволодомъ. Облѣсть Муромская, подвластная въ послѣдствіи Святителямъ Рязанскимъ, уже просвѣщалась тогда святымъ крещеніемъ, ревностно Св. Князя Константина, изъ рода Черниговскихъ, и дѣтей его Михаила и Феодора. И два сына Всеволодовы, несогласные между собою по кончинѣ родителя, Константина и Георгій, не захотѣли имѣть одного Епископа въ Ростовѣ и Владимірѣ; каждый желалъ его пребыванія въ своей столицѣ, Митрополитъ Матеѣ удовлетворилъ обоихъ, учредивъ новую епархію во Владимірѣ, куда посвятилъ игумна Рождественской обители Симона, знаменитаго своими добродѣтелями и описаніемъ житія Печерскихъ отшельниковъ.

21. Ки- Пресмникъ Матея, Митрополитъ Кириллъ,
рвиль I. былъ уже присланъ изъ Никеи, гдѣ временно
1705. основались Императоры и Патріархи, именные
Латинами изъ Царьграда. Бѣдственное иго, тяготѣвшее на Греческомъ царствѣ, отозвалось и въ
нашемъ отечествѣ; ибо Первосвященники Римскіе,
оружиемъ Христіанъ западныхъ, начали дѣйство-

вать на наши предѣлы. Еще Князю Роману Галицкому предлагалъ легать папскій покровительство меча Апостольского, но витязь, указавъ на собственный, гордо спросилъ: «такой ли мечъ у Папы?» а юные сыновья его были уже изгнаны Коломаномъ, Королемъ Венгерскимъ, и архіепископъ Латинскій посаженъ въ Галичъ. Мстиславъ, удалой сынъ храбраго и свято-го Князя Новгородскаго Мстислава, взявъ приступомъ Галичъ, изгналъ духовенство Римское, но скоро оно опять водворилось въ сей полу-бежной области Русской. И въ Новгородъ преемники Св. Мстислава, вмѣсть съ Князьями Пекова и Полоцка, принуждены были бороться съ новымъ врагомъ, поселившимся на сосѣднемъ поморіи Балтійскомъ. Албертъ Епископъ основалъ въ Ригѣ орденъ Меченосцевъ, который соединясь въ послѣдствіи съ Тевтоническимъ сильнымъ братствомъ, громилъ наши западные предѣлы и оружіемъ обращалъ дикую Литву, иными кротчайшими средствами просвѣщаемую со стороны Русской.

Другая, ужаснѣйшая туча восходила съ востока надъ Русью, обреченою на двухвѣковыя страданія:—явились Монголы! Бѣжавшиѣ Половцы возвѣстили нашествіе варваровъ на ихъ степи, и сошлись южные Князья наши, чтобы отразить невѣдомаго врага. На рѣкѣ Калкѣ произошла кровавая сѣча; три Мстислава поддерживали ее

отчаяннымъ мужествомъ, но два, Великій Князь и Черниговскій, пали въ битвѣ, а третій Галицкій принужденъ былъ бѣжать съ юнымъ сыномъ Романомъ, славнымъ Даниломъ, въ Галичъ, и тамъ окончилъ бурные дни свои въ иноческомъ образѣ. Варвары удалились; это было только передовой отрядъ ихъ; другія несметныя полчища собирались во глубинѣ Азіи, подъ предводительствомъ Батыя, Чингисханова внука, чтобы хлынуть на Россію, чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ побоища при Калкѣ. А между тѣмъ продолжалися внутренніе раздоры южныхъ и сѣверныхъ княжествъ, и добродѣтельный Митрополитъ Кириллъ дважды ходилъ во Владиміръ мирить Великаго Князя съ владѣтелями Кіева и съ Князьями Курскими. Нашествіе Батыя все умирило подъ непломъ развалинъ.

Первая пострадала Рязань, которой Князья, Олегъ и Феодоръ, пріяли мученическую смерть. Въ осажденномъ Владимірѣ Епископъ Митрофанъ, съ супругою В. Князя, ея снохами и боярами, заключились въ соборную церковь; тамъ всѣ они пріяли св. тайны и схиму отъ руки Святителя, отъ Господа же мученическій вѣнецъ, въ дыму и пламени зажженаго храма. Самъ Георгій палъ, сражаясь на берегахъ Сити, а племянникъ его Князь Василько сдѣлался мученикомъ за имя Христово. Раззорены были всѣ города об-

ласти Ростовской и Суздальской, невидимая десница охранила Новгородъ и Псковъ. Козельскъ, защищаемый юнымъ своимъ Княземъ, послѣдній пострадалъ на обратномъ шествіи Батыя изъ съвернаго разоренія.

Чрезъ годъ наступила очередь южной Россіи: Переяславль погибъ съ своимъ Епископомъ Симеономъ, Порфирий Черниговскій отпущенъ былъ завоевателемъ изъ разоренной его эпархіи. Монголы обложили Кіевъ, и пораженные древнею его красою, предложили спасти, если сдастся; но въ отсутствіи всѣхъ Князей Русскихъ, онъ защищаемъ былъ мужественнымъ бояриномъ Данииломъ Галицкаго, Дмитріемъ. Какъ мать и глава городовъ Русскихъ, Кіевъ предпочель постыдному игу славную кончину, въ назиданіе всел Руши. Послѣ кровопролитной осады, стѣны его и каждый храмъ, обратились въ крѣость, отчаяніемъ гражданъ; постепенно пали Софійскій соборъ, церковь Десятинная, и Михайловская обитель и лавра Печерская; они преданы были запустѣнію и вѣроятно, посреди сего страшнаго разоренія, погибъ самъ несчастный преемникъ Кирилла, Митрополитъ Іосифъ, о 22. Іосифъ коемъ съ тѣхъ поръ безмолвствуютъ летописи. 1240.

МИТРОПОЛІЯ ВО ВЛАДИМІРЬ.

23. Кирилль II.

Когда бѣдствующее отчество наше повсюду представляло взорамъ одни дымящіяся развалины, изъ коихъ жители бѣжали по лѣсамъ, тогда, по благости Промышленія, два доблестные Князя бодрствовали на съверѣ и на югѣ: братъ погибшаго Великаго Князя Всеvolода, Ярославъ Новгородскій, и Даниилъ Галицкій. Они начали собирать народъ, обстроивать города и воздвигать изъ непла храмы, и пробудили Россію отъ тяжкаго оцепенѣнія, которое оковало ее послѣ ужасовъ Монгольскихъ. Даниилъ, въ области не столь разоренной и далѣе отъ Золотой Орды Батыя, которая основалась на Волжскихъ берегахъ, могъ дѣйствовать смѣлье и, непрестан-

но думая о сверженіи ига, послѣдній изъ Князей явился Хану. Но Ярославъ, почти вѣсъ города коего обратились въ пепель, долженъ бытъ первыи признать надъ собою тяжкое иго союзниковъ Монголовъ и исходатайствовать себѣ въ Ордѣ званіе В. Князя. Тамъ нашелъ онъ и прочихъ властителей Русскихъ, и, посреди невольнаго ихъ уничиженія, отрадно видѣть Христіанское мужество Михаила Черниговскаго и вѣрнаго его боярина Феодора, привинихъ вѣнецъ мученическій отъ гнѣвнаго Хана, за смѣлую исповѣдь имени Христова. Чрезъ извѣлько лѣтъ и другой подобный исповѣдникъ Романъ, Князь Рязанскій, пострадалъ въ Ордѣ, мученическою своею кровію искупая отечество и прославляя Бога.

Сынъ мудраго Ярослава, еще болѣе мужественный и добродѣтельный, ему наследовалъ, Александръ, витязь Невскій, который княжа въ Новгородѣ, былъ твердыи оплотомъ Россіи и отразилъ въ кровавой сѣчѣ Шведовъ, на берегахъ Невы, и Мечепосцевъ подъ стѣнами Пскова. Но когда покушенія обратить Русь, силою оружія, оставались тщетными, Папа Инокентій IV употребилъ другія средства. Видя бѣдственное положеніе Восточной Церкви, Патріарховъ Константинопольскихъ, живущихъ изгнаниками въ Никеи, и Россію уже десять лѣтъ безъ Митрополита, Первосвященикъ Римскій послалъ къ Даніилу Галицкому вѣнецъ королевскій, съ предложеніемъ

союза церковного и крестового похода противъ Монголовъ. И къ Александру приходили со льстивыми рѣчами легаты папскіе, но святый Невскій решительно отвергъ ихъ граматы и увещанія; Даніиль же, по сосѣдству Венгріи и Польши, дѣйствовалъ осторожнѣе. Онъ принялъ вѣнецъ и званіе Короля Галицкаго, но отложилъ соединеніе церковное до Вселенскаго собора; а между тѣмъ послалъ избраннаго имъ Россіянина 1250. Кирилла въ Никею къ Патріарху Мануилу II, для посвященія въ санъ Митрополита Кіевскаго.

Никогда выборъ пастыря не могъ быть удачнѣе. Одно только истинно Русское сердце Кирилла могло съ любовью принять въ себя всѣ язвы отечества и заботиться съ такою ревностною о ихъ исцѣленіи. Въ теченіи тридцатилѣтняго своего правленія, странствуя по опустѣвшимъ городамъ, онъ устроилъ Церковь не только наружную, но и внутреннюю; самъ же не обрѣлъ себѣ упокоянія на престолѣ разореннаго Кіева и, отъ его времени до раздѣленія митрополіи, продолжалась труженическая жизнь Первовсвятителей Русскихъ, которые соединяли странствованіями своими разрозненные части обширнаго государства.

Изъ развалинъ древней столицы пришелъ Кирилль въ опустошенныя Черниговъ и Рязань, и въ новую едва оправлявшуюся столицу. Въ уцѣлѣвшемъ Новгородѣ нашелъ онъ В. Князя и

тамъ совершилъ первое дѣйствіе своей власти, посвятивъ Далмата въ Архіепископы, на мѣсто умершаго нищемноживаго Спиридона. Потомъ, и въ самой столицѣ, имѣлъ онъ утѣшеніе торжественно встрѣтить Александра, когда онъ возвращался изъ великой Орды, кочевавшей во глубинѣ Азіи, и принесъ съ собою миръ, который продолжался только въ его краткое и мудрое княженіе.

Предвидя, что Сарай, столица Волжской Золотой Орды, на многие годы сдѣлается мѣстомъ собранія Князей Русскихъ, Митрополитъ воспользовался благорасположеніемъ языческихъ Хановъ къ духовенству, которые не велѣли вносить оное въ перепись народную и даже избавили отъ налоговъ всѣхъ, кто на Господа Бога зритъ и служитъ Божіимъ церквамъ. Онъ назначилъ въ Сарай Митрофана, первымъ Епископомъ Сарекимъ и Подонскимъ, а преемнику его Феогносту присоединилъ еще званіе Переяславскаго, дабы не погибла память сей древней епархіи Русской, уже не существовавшей со многими другими послѣ разоренія. Феогностъ умѣлъ до такой степени снискать довѣренность ханскую, что Мангут-Темиръ, властвовавшій послѣ Батыя, избралъ его отъ себя посланикомъ къ Патріарху Константинопольскому, когда Митрополитъ Кириллъ съ своей стороны отправлялъ его въ

Царьградъ; но цѣль сего посольства осталась неизвѣстною.

Послѣ блаженной кончины Св. Александра, промѣнявшаго въ часъ смертный мантию княжескую на смиренную схиму, Митрополитъ Кириллъ, посреди плача всей земли, встрѣтилъ нестлѣпные останки любимаго Князя, принесеннаго обратно изъ Орды, въ ту же столицу, гдѣ нѣкогда столь радостно его привѣтствовалъ. Ярославъ Тверскій наслѣдовалъ брату, и, удовлетворя желанію В. Князя, Святитель учредилъ новую епархию въ Твери, его отчинѣ, посвятивъ туда первымъ Епископомъ добродѣтельнаго Симеона. И другую государственную заслугу окказалъ онъ Ярославу, примиривъ съ изгнавшимъ его Новгородомъ, уже могущественнымъ по своей обширной торговлѣ и союзу съ Ганзою; страхъ запрещенія святительского смирилъ мятежное вѣче.

1274. Но важнѣйшимъ и самымъ благодѣтельнымъ подвигомъ долгаго правленія Кириллова былъ соборъ, созванный имъ во Владимірѣ, по случаю посвященія архимандрита Печерскаго Серапіона въ Епископы столицы, и для устройства благочинія церковнаго, которое пострадало отъ бѣдствій гражданскихъ. Владыка Новгородскій Далматъ, Св. Игнатій, знаменитый пастырь Ростова, Феогностъ Епископъ Сарскій и Симеонъ Полоцкій, присутствовали на соборѣ и единодушно поло-

жили строго испытывать образъ жизни и лѣта и причетниковъ и мірянъ, прежде посвященія въ сань духовный, и искоренять корысть при ихъ поставлениі. Соборъ, занимаясь также исправленіемъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ, коснулся совершенія самыхъ таинствъ, и запретилъ смѣщеніе св. мура съ елеемъ, и обливаніе вмѣсто тройственнаго погруженія, при святомъ крещеніи, вѣроятно, вкрашившееся къ намъ изъ запада чрезъ Галиціо.

Митрополитъ Кирилль, какъ искреній Россіянинъ, желалъ также, чтобы правила Св. Отецъ, основаніе управления церковнаго, не были омрачены для настъ облакомъ мудрости Еллинскаго языка, по собственному его выражению, но чтобы сіяли ясно, все просвѣщаю свѣтомъ разумнымъ, и тщательно трудился о ихъ переводѣ; полезный трудъ его достигъ нашего времени. Сей мудрый настырь, исполненный дней и дѣяній, скончался въ Переяславлѣ Зальскомъ, уже въ бѣдственное княженіе сына Невскаго Димитрія, и тамъ былъ отпѣтъ соборомъ Епископовъ, но священные его остатки перенесли въ древнюю столицу. Послѣдній изъ Митрополитовъ всел Руси, Кирилль II, былъ погребенъ въ Софійскомъ соборѣ и достойно заключилъ рядъ святительскихъ гробницъ, начавшійся отъ Св. Михаила.

24. Максимъ.

Два года сиротствовала Церковь послѣ Кирилла, избѣгая сношеній съ Патріархомъ Іоанномъ Веккомъ, ибо хотя, съ 1264 года, Императоръ Михаилъ Палеологъ отнялъ столицу свою у крестоносцевъ, но самъ онъ и Патріархъ благопріятствовали ученію Рима. Наконецъ Іосифъ, возвратясь опять на святительскій престолъ Царяграда, 1283. послалъ въ Россію Митрополитомъ Максима, родомъ Грека, который въ теченіи 22-хъ лѣтняго правленія старался, подобно предмѣстнику, о устройніи Церкви и мирѣ между Князьями. Кровавыя вражды дѣтей Невскаго, Дмитрія и Андрея, навлекли тогда новыя полчища Татаръ на бѣдствующее отечество, и междуусобія возгорѣлись въ другихъ отрасляхъ того же дома, напоминая долгую вражду Ольговичей и Мономаховичей.

Максимъ, первый изъ Митрополитовъ Русскихъ, ходилъ въ Орду, и хотя не сохранилось льготныхъ граматъ ханскихъ на его имя, должно полагать одинакоже, что онъ принялъ былъ съ честію. Монголы, еще въ состояніи языче-

ства, благопріятнѣ смотрѣли на Христіанство нежели дикіе послѣдователи Корана, и даже обратившись въ послѣствіи къ его ученію, держались той же мудрой политики. Чрезъ покровительство духовенства, они пріобрѣтали сердца народа, которому внушаемы были покорность и терпѣніе, для избѣжанія тягчайшихъ бѣствій. Возвратясь изъ Орды, Максимъ созывалъ въ Кіевъ соборъ Заднѣпровскихъ Епископовъ, коего дѣянія намъ не сохранились, вѣроятно дабы приготовить ихъ къ совершенному своему отшествію во Владимиръ. Видя запустѣніе Кіева и 1299. южнаго края, онъ перенесъ древній престолъ митрополіи въ новую столицу, сохранивъ прежній титулъ Кіевскаго и всея Руси, и взялъ даже въ свое управление самую епархію Владмірскую, а бывшаго ея Епископа Симеона перевелъ въ Ростовъ; Сузdalъ же, принадлежавшій ко Владміру, и Нижній Новгородъ составили особую епархію. Но пребываніе митрополіи во Владмірѣ было кратковременно; одинъ только Максимъ изъ всѣхъ Первосвятителей Русскихъ по 1305. гребенъ въ славномъ соборѣ Боголюбскаго; его преемники уже основались въ Москвѣ, ибо Владміръ пересталъ быть столицею, нелюбимый Князьями Великими, которые оставались жить въ удѣлахъ стараясь, каждый о возвеличеніи собственной отчины.

Такимъ образомъ, Князь Даніилъ Алекс.

сандревичъ Московскій, получивъ отъ отца своего слабый уدبъ, въ теченіи долгаго и тихаго правленія, украсилъ Москву храмами и обителю Св. Даниила, своего Ангела, гдѣ самъ скончался схимникомъ. Онъ оставилъ сыну Георгію уже цвѣтущее княженіе, и увѣренность въ собственной силѣ внушила сему надменному Князю, зятью ханскому, тужестокую вражду къ законному владѣтелю и дядь, Михаилу Тверскому, которая разрѣшилась только пролитiemъ многой крови княжеской въ Ордѣ, и истребленіемъ рода Тверскихъ до третьяго ихъ колѣна. Первый, по наставлѣнію Юрія, пострадалъ мученически Михаилъ и причтень Церковію къ лику святыхъ; потомъ валъ Димитрій, сынъ его, поразившій предъ лицемъ Хана Узбека самаго убійцу своего отца, Юрія; наконецъ и другой сынъ Михаила, Александръ съ отрокомъ своимъ Феодоромъ, казненъ тѣмъ же Ханомъ, ибо дерзнулъ истребить въ Твери Шевкала, его вельможу, и Татаръ, искавшихъ возворить тамъ Магометанство. Хитрый братъ Георгія, Іоаннъ Калита, воспользовался паденіемъ Тверскихъ Князей, чтобы милостію Хана утвердить въ своеемъ родѣ престолъ велико княжескій.

25. Святый Петъръ.

Когда иго Монгольское наполгъе тяготъю 1308. надъ Русскою землею, и меркла слава Князей ея въ постыдныхъ междуусобияхъ, Св. Митрополитъ Петръ быль истиннымъ блюстителемъ и утѣшителемъ своей паствы. Волынецъ родомъ, онъ съ юныхъ лѣтъ облекся въ иночество и правилъ малюю, имъ основанною обителлю Ратескою на родинѣ; тамъ слава его добродѣтелей достигла до внука Данилова, который съ титломъ Короля Русскаго, обладалъ всемъ югозападомъ Руси и землями Литовскими, ибо сынъ языческаго властителя Миндовга, Войшелгъ, противъ воли отца принялъ и распространивъ Христіанство въ своей землѣ, самъ заключился въ монастырь, и уступилъ свое наслѣдіе родственнымъ Князьямъ Галича. Но могущество ихъ державы было кратковременно: другой сильный язычникъ, Гедиминъ, утвердился въ Вильнѣ и скоро исторгъ Киевъ и всю восточную часть княжения изъ рукъ слабыхъ сыновей Юрія, съ коими пресъкся слава-

ный родъ Романа Галицкаго; а западныя его области сдѣлались достояніемъ Польши, и отъ толъ вліяніе Римской Церкви, при языческомъ равнодушіи Гедимина и сына его Ольгерда, распространилось на Заднѣпровскіе предѣлы.

Юрій, подобно великому дѣду, желалъ имѣть у себя Митрополита, и услышавъ, что нѣкто игуменъ Геронтій, самовольно пошелъ изъ Владимира въ Царьградъ, искать посвященія въ санъ первовосвятительскій, убѣдилъ смиреннаго Петра, для блага Церкви, идти также съ его грамотою къ Патріарху. Избранный Юріемъ быль посвященъ святѣйшимъ Аѳанасіемъ въ Митрополиты всея Руси. Но пришедши на свой престолъ, Св. Петръ увидѣлъ древнюю столицу забытую Князьями, всю же жизнь государства сосредоточенную на съверѣ, и не предпочелъ частной пользы своей родины общему благу Церкви. Подобно предѣстнику Максиму переселился онъ во Владимиръ, хотя и не преставалъ странствовать по Россіи, чтобы устроить дѣла церковные, ставить Епископовъ и мирить Князей. Ревностъ его къ утоленію междоусобія Князей Брянскихъ едва не стоила ему жизни; онъ спасся въ соборномъ храмѣ.

Скоро по своемъ пришествіи Митрополитъ Петръ имѣлъ случай вполнѣ оказать высоту Христіанскаго смиренія. Епископъ Тверскій Андрей, сынъ Литовскаго Князя, завидуя его воз-

вышепію, оклеветалъ предъ Патріархомъ, который прислали своего сановника судить Петра. Въ Переяславль Залѣскому открылся соборъ, на коемъ присутствовали Епископъ Ростовскій Симеонъ съ обвинителемъ, почетнымъ духовенствомъ и Князьями. Мало заботясь о временномъ величіи, Митрополитъ сказалъ собору: «я не лучше Пророка Іоны, если меня ради сіе волиеніе, изгоните меня и молва утихнетъ.» Когда же просіяла его невинность, кроткій Святитель отмстилъ клеветнику сими словами: «миръ тебѣ, чадо! не ты сіе сотворилъ, но изначала завидующій роду человѣческому діаволъ; ты же храни себя отнынѣ, а мимошедшее да проститъ тебѣ Богъ.»

Однако же въ тѣхъ случаяхъ, когда могло пострадать не его лице, но самая Церковь, Св. Петръ действовалъ съ твердостію ея защитника. Такъ онъ лишилъ сана виновнаго Епископа Сарскаго Исмаила и, страхомъ отлученія, удержалъ Князя Димитрія Тверскаго отъ нападенія на Владиміръ. И въ самую Орду ходилъ онъ съ несчастнымъ его отцемъ Михаиломъ, какъ истинный настырь сопутствуя дѣтямъ: тамъ пріобрѣлъ общее уваженіе Хана Узбека и Монголовъ, недавно принявшихъ лжеученіе Корана: ярлыкъ ханскій, свидѣтельствуя о расположении къ нему Узбека, послужилъ залогомъ благовolenія всѣхъ послѣдующихъ Хановъ: «Ни-

кто да не обидитъ на Руси церковь соборную, Петра Митрополита, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ; земли пхъ свободны отъ всякия данни и пошлины, ибо все то есть Божие, и люди сии молитвою своею блодутъ насть, да будутъ они подсудны одному Петру Митрополиту, согласно съ древними ихъ законами: да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, да правыть сердцемъ и безъ печали молить за насть и дѣтей нашихъ. Кто возьметъ что нибудь у духовныхъ, заплатитъ втрое; кто дерзнетъ порицать върху Русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню, — да умретъ.»

Уваженіе, коимъ пользовался Первосвятитель, посреди междуусобий удѣльныхъ Князей, было спасительно для всего государства, соединяемаго щъ одно цѣлосъ только лицемъ Митрополита Всесоюзного. Великий Князь Иоаннъ Московскій постигъ всю важность его духовной власти, когда ласками и моленіемъ убѣдилъ Митрополита переселиться въ свою любимую отчину Москву, которая съ того времени сдѣлалась столицею. Но, не безъ высшаго побужденія, исполнилъ Св. Петръ желаніе Иоанна; онъ предвидѣлъ грядущую славу еще убогой тогда Москвы, и убѣдилъ Князя положить въ ней основаніе каменному собору Успенія. «Если ты успокоишь мою старость, говорилъ онъ, если воздвигнешь здѣсь храмъ достойный Богоматери,

то будешь славище всехъ прочихъ Князей и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ, Святители захотятъ обитать въ немъ, и руки его взыдутъ на плечи враговъ нашихъ!»

Такъ, словами древняго труженика Патріарха Іакова, въ часъ смертныи предрекшаго лъвишную силу племени Іудова, Св. Петръ, отходя съ миромъ отъ многотруднаго своего странствія, въ духѣ предвѣднія говорилъ Іоанну, и сбылось его заповѣдное слово: — въ томъ храмѣ, гдѣ самъ онъ приготовилъ себѣ въ стѣнѣ гробницу, въ виду пестлѣнныхъ мощей его, какъ бы предъ лицемъ самаго Святителя, вѣнчаются преемники Іоаниновы, уже не Московскіе только и Влади-мирскіе, но владѣя міра девятою частію, которая едва въ себѣ вмѣщаетъ одну Русь!

Умилительно для каждого сына Церкви и отечества созерцать благословеніе Богоматери, постоянно пребывающеое надъ Русскою землею, притекшеео на всегда къ ея покрову. Священныи соборъ Апостоловъ на Сіонѣ, при ея успеніи, служить основаніемъ всѣмъ престольнымъ соборамъ нашего отечества. Въ Корсунскомъ храмѣ Богоматери крестился Св. Владимиръ и въ честь ея воздвигъ первый соборъ Десятинный; въ храмѣ Софійскомъ Царьграда, празднующемъ успенію Дѣвы, которая была храмомъ воплощенной Премудрости Божіей, увѣровали въ Господа послы Владимировы, и Ярославъ великий

соорудилъ два Софійскихъ собора, въ Кіевѣ и Новгородѣ, своихъ столицахъ. Пустынникъ Антоній, устроѧ, по подобію Св. горы, свою пещерную лавру, колыбель обителей Русскихъ, посвятилъ ее также успенію Богоматери. Богоявленскій хотѣлъ создать новую столицу съверу, и положилъ первый камень великолѣпнаго собора успенскаго во Владимірѣ, въ честь ся иконы, написанной Евангелистомъ Лукою. Такимъ же храмомъ красуется древній Ростовъ; Полоцкъ и Смоленскъ празднуютъ пречистой Дѣвѣ. Наконецъ, по волѣ Провидѣнія, Москва долженствуетъ сдѣлаться главою Руси, и старецъ Петръ идетъ въ ней основаться, младенчески держась за покровъ Владычицы, и только въ храмѣ ея успенія ищетъ упокоянія себѣ и могущества Россіи. Именемъ ея укрѣплялъ себѣ въ битвахъ и народъ Русскій; воины Кіева, Новгорода и Полоцка бились за Св. Софию; Владимірцы и ратники Ростова, Смоленска, Москвы, за домъ пресвятой Богородицы. Сей воинственный кличъ свидѣтельствовалъ о благочестіи предковъ; сердцемъ каждого ихъ города былъ соборный храмъ, и его имя служило залогомъ побѣды: «за Св. Софию! за домъ Пресвятой Троицы!» страшно раздавалось въ рядахъ Новгорода и Пскова, когда святые витязи, Невскій и Довмонтъ, разили Шведовъ и Меченосцевъ.

Вместѣ съ соборомъ успенскимъ основалъ

еще Иоаннъ въ своей новой столицѣ храмъ Спаса на бору, почитаемый древнѣйшимъ изъ всѣхъ Московскихъ, и Архангельскій соборъ, гдѣ самъ опочилъ съ миромъ. Вокругъ сей первой велико-княжеской гробницы стали гробы его долгаго племени, въ родословномъ порядкѣ, какъ могильная лѣтопись царства Русскаго. Деревянный Кремль, начатый тѣмъ же Княземъ, обнесъ тогда же, свою зубчатою стѣною, заражающуюся силу Руси, какъ свитокъ, въ коемъ должна была вписаться вся ея святыни.

МИТРОПОЛІЯ ВЪ МОСКВЪ.

26. ОЕОГНОСТЬ.

1328. По кончинѣ Св. Петра, который какъ не-
зыблемый камень, положенъ быль въ основаніе
митрополіи Московской, пришелъ, отъ Патріарха
Исаіи, Митрополитъ Феогностъ и поселился во
дворѣ своего предмѣстника. Однъ только Кали-
та могъ дать ему пристанище въ мирномъ сво-
емъ княженіи: Галичъ палъ, Кіевъ быль уже
въ рукахъ Гедимина. Грекъ родомъ, Феогностъ
постигъ однакоже взаимныя отношенія В. Князя
съ удѣльными, и въ двадцатилѣтнее свое прав-
леніе постоянно содѣйствовалъ Іоанну и сыну
его Симеону гордому, во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ,
чѣмъ много способствовалъ къ возвеличенію кня-
женія Московскаго; ибо власть духовная, быв-

шая всегда на сторонѣ В. Князя, давала ему сильный перевѣсь. Такъ, сопутствуя Иоанну въ походѣ его на Псковъ, который не хотѣлъ отпустить Князя Тверскаго Александра, требуемаго въ Орду, Феогнотъ одолѣлъ гражданъ страхомъ запрещенія церковнаго и тѣмъ предупредилъ новыя разоренія Монголовъ; въ другихъ обстоятельствахъ и мятежный Новгородъ примирялся съ В. Княземъ чрезъ его посредство. Но странствованія его, по отдѣленіемъ епархіямъ Русскимъ, были обременительны для духовенства и даже возбудили въ послѣдствіи жалобы Владыки Новгородскаго Моисея къ Патріарху.

Напиache въ дѣлахъ церковныхъ оказалъ Феогнотъ чрезвычайную твердость. Когда Св. Архіепископъ Моисей, не смотря на моленіе вѣча народнаго, оставилъ престоль Софійскій, Новгородцы послали избраннаго на его мѣсто Василия, для посвященія во Владиміръ Волынскій, гдѣ тогда находился Митрополитъ. И Псковитяне, желая имѣть особеннаго Епископа, отправили туда съ тою же цѣлью илькоего Арсенія. Но не смотря на всѣ ихъ убѣжденія и на требованія сильнаго язычника Гедимина, обладавшаго Волынью, Феогнотъ не рѣшился нарушить порядка церковнаго. Князь Литовскій уважилъ санъ Митрополита, хотѣлъ однако же схватить Архіепископа; но онъ спасся бѣгствомъ и деньгами отъ ногони.

Василій былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ владыкъ Новгорода, столько же искусный въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ и духовныхъ; онъ много украсилъ Св. Софию, и чрезъ дружественныя сношенія съ Митрополитомъ огражденъ своею областью отъ В. Князя. Магнусъ, Король Шведскій ревнуя обратить Новгородъ къ церкви Латинской, просилъ Василія совѣщаться о вѣрѣ съ его посланніи; но владыка благоразумно отклонилъ преніе, обративъ ихъ къ Патріарху. Самъ Патріархъ Филоѳей, уважая его достоинства, прислалъ ему въ благословеніе крещатыя ризы и бѣлый клобукъ, какъ посвященному въ санъ архіерейскій изъ бѣлаго духовенства, и употребленіе клобука сего перешло въ послѣдствіи къ Митрополитамъ, вѣроятно когда некоторые изъ нихъ поступили въ Москву изъ владыкъ Новгорода.

Митрополитъ, старалсь искоренить злоупотребленія, вкравшіяся въ монастыри отъ ига Татарскаго, самъ твердо стоялъ въ Ордѣ за права духовенства и даже испыталъ тамъ гоненія. Случай странный: — сынъ Узбека, Чанибекъ, требовалъ у него разрѣшенія отъ льготныхъ грамматъ, дарованныхъ отцемъ его Св. Петру; ибо хотѣлъ наложить дань на духовенство, но не смѣлъ преступить слова родительскаго. Митрополитъ поддержалъ и здѣсь свое достоинство, личными дарами избавился отъ ханскаго гнѣва, но сохранилъ на будущее время преимущество Цер-

кви. Черная смерть, язва, свирѣпствовавшая въ Россіи и по Европѣ, въ одинъ годъ поразила и В. Князя Симеона, съ его семействомъ, и Митрополита Феогноста и Архіепископа Василія, на мѣсто коего гражданеозвели опять схимника Моисея.

Три Епископа погребали Митрополита Феогноста близъ гроба его святаго предмѣстника, въ Успенскомъ соборѣ: Аѳанасій Волынскій, изгнанный изъ своей эпархіи Литовскимъ Княземъ, другой Аѳанасій, первый Епископъ вновь учрежденной Коломенской эпархіи, и Св. Алексій, рода боярскаго Плещеевыхъ, уже двѣнадцать лѣтъ бывшій намѣстникомъ Митрополита, сперга въ Киевѣ, потомъ во Владимірѣ и Москвѣ, на время частыхъ его отлучекъ.

27. Святый Алексій.

Провидѣніе, съ юнаго возраста, избравшее 1353. Алексія на подвиги духовные, въ мастистой старости укрѣпило его для спасенія отечества, обуреваемаго при слабомъ княженіи Іоанна II и въ младенческие годы сына его Димитрія. Орда, еще гроз-

ная на востокъ, съ запада возрастающая сила Литвы, при Ольгердѣ, постепенно отторгавшемъ древнее достояніе наше; внутри же мятежная независимость Новгорода, Пскова, и соперничество трехъ сильныхъ княжений, Тверского, Рязанского и Суздальского, которыхъ Князья принимали титулъ Великихъ,—такова была политическая буря, которой противостоялъ Алексій, и въ теченіе двадцати четырехъ лѣтняго святительства, можно сказать, былъ правителемъ государства. Онъ сохранилъ возмужалому Димитрію то, что гордый его дядя оставилъ слабому его отцу.

Нечаянное пришествіе Феодорита, самовольно присланного Патріархомъ Болгарскимъ на митрополію Русскую, еще при жизни Феогноста, побудило сего Святителя, съ одобреніемъ В. Князя, просить Патріарха Цареградскаго Филоея о назначеніи себѣ преемникомъ Алексія; согласіе патріаршее пришло уже по ихъ кончинѣ. Но едва новый Митрополитъ уснѣлъ возвратиться изъ Константиноپоля, куда звали его на поставленіе, какъ услышалъ, что, по волѣ того же Патріарха, посвященъ въ Россію еще другой Митрополитъ Романъ, и снова принужденъ быть предпринять трудное путешествіе въ Грецию. Однакоже ни одна эпархія Русская не хотѣла признать Романа; онъ оставался на Волыни, где Князья Литовскіе съ неудовольствіемъ смотрѣли

а подчиненіе завоеваннаго ими края духовной власти Митрополитовъ Московскихъ.

Скоро просіала святость Алексія въ самой Ордѣ. Ханъ Чанибекъ просилъ Іоанна прислать къ нему главнаго пастыря Русскаго, молитвамъ коего никогда не отказывалъ Богъ, для исцѣленія своей супруги Тайдулы, и помолясь надъ гробомъ чудотворца Петра Митрополита, Алексій съ твердою вѣрою пошелъ въ Орду и исцѣлилъ болѣшую. Чрезвычайныя милости и новыя льготы духовенству были знакомъ признательности Ханской; но вслѣдъ за тѣмъ смятенія возникшия въ Ордѣ, по случаю убійства Чанибека сыномъ его, заставили Митрополита опять идти къ Монголамъ. Тамъ, предъ свирѣпымъ Бердібекомъ, не убоился онъ стоять за права княженія Московскаго, и, по ходатайству исцѣленной имъ ханской матери, опять былъ отпущенъ съ честію.

Съ тѣхъ поръ уже Св. Алексій не отлучался изъ предѣловъ государства, но внутри его былъ строгимъ исправителемъ правовъ духовенства и мірянъ, между коими старался распространить просвѣщеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлался примирителемъ Князей, или въ отсутствіе Димитрія, всегда прибѣгавшаго къ его мудрому совѣту, управлялъ думою боярскою, давая перевѣсь великому княженію надъ прочими удѣлами. Тщетно Князь Сузdal'скій Димитрій, временно назначенный Великимъ, звалъ къ себѣ во

Владимір Святителя, який не захотѣлъ оставить гроба чудотворца и юнаго сына Іоаннова. Онъ возбудилъ упадшій духъ гражданъ юной столицы, при грозномъ нашествіи Ольгерда, и сею нечаянною твердостію сокрушилъ его честолюбивые замыслы: и древнюю столицу, Кіевъ, подвластную иноплеменному Князю, искалъ воздвигнуть Алексій отъ запустѣнія развалинъ, подъ коими погребена была ея многолѣтняя слава. Къ его суду обратились враждующіе между собою Князья Тверскіе, дядя съ племянниками, будучи недовольны разсужденіемъ собственного Епископа Василія, и на дворѣ свое мъ держалъ онъ заложникомъ ихъ юнаго родственника, выкупленного изъ плена Ордынскаго Дмитріемъ. Столь же властительски вступился онъ въ междуусобіе двухъ братьевъ Князей Сузdal'скихъ, изъ коихъ младшій незаконно овладѣлъ Нижнимъ Новгородомъ, и чтобы принудить ихъ къ миру, положилъ даже запрещеніе на ихъ столицу, устами кроткаго отшельника Сергія.

Съ именемъ Сергія, новый монашескій міръ образуется на съверѣ Россіи. Начало его пустынной обители, въ сосѣднихъ лѣсахъ Московскихъ, столько же важно, какъ ископаніе пещеры Антоніевой на берегахъ Днѣпра, ибо подобно Антонію ему суждена была слава сдѣлаться отцемъ иночествующихъ въ Россіи. Родомъ изъ Ростова,

Сергій, съ юныхъ лѣтъ, оставилъ домъ родительскій и, вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ, поселился въ дремучихъ окрестностяхъ Радонежа, гдѣ скоро былъ имъ оставленъ. Въ суровомъ уединеніи устоялъ онъ противъ всѣхъ искушений и дѣлиль пищу съ дикими звѣрями, доколѣ молва о его святой жизни не привлекла къ нему учениковъ; они принудили отшельника идти въ Переяславль Залѣскій принять санъ священства, отъ жившаго тамъ Епископа Волынскаго Аѳанасія. Собственными трудами Сергій соорудилъ, посреди бора, деревянную церковь, во имя живоначальной Троицы, и она обратилась въ ту знаменитую лавру, судьба коей сдѣлалась неразлучна съ судьбами столицы, и отколѣ столько разъ истекало спасеніе всей землѣ Русской.

Святители и Князья обращались къ Сергію, не только ради наставлѣнія духовнаго, но и дабы получать отъ него наставниковъ, усовершенствованыхъ въ его уединенной бесѣдѣ, которые въ свою чреду могли бы дѣйствовать благимъ примѣромъ; ибо, съ появлениемъ Сергія, началась у насъ какъ бы вторая эпоха житія иноческаго, и полнымъ цвѣтомъ его оживилось печальное отечество, страдавшее отъ язвъ Татарскихъ. Такъ, по просьбѣ брата великоњежскаго Владимира, ученикъ Сергіевъ Аѳанасій основалъ въ Серпуховѣ монастырь Высоцкій, и другой ученикъ его Савва положилъ начало Звѣнигородской обители, а племян-

никъ Феодоръ обители Симоновской въ Москвѣ. Самъ великий угодникъ Божій указалъ ему мѣсто на живописномъ берегу рѣки, въ виду столицы, и благословилъ В. Князя устроить въ Коломнѣ Голутвинъ монастырь на память Донской побѣды. Въ самый часъ сей рѣшительной битвы, впервые потрясшей владычество Монголовъ, Димитрія подкрѣпила молитва святаго старца; два его схимника, Пересвѣтъ и Ослыба, сражались въ рядахъ, подъ бронею воинскою поверхъ ихъ схимы, и Пересвѣтъ началъ битву поединкомъ съ исполиномъ Ордынскимъ. Кровію своею запечатлѣлъ онъ грядущее освобожденіе земли Русской и былъ начаткомъ тѣхъ витязей-илюковъ лавры Троицкой, которые прославили себя въ другіе бѣдственныя дни отечества; тѣла Пересвѣта и Ослыбы положены въ основаніе Симоновской обители, на старомъ ея мѣстѣ.

Самъ Митрополитъ Алексій, основавшій многіе монастыри: великолѣпный Чудовъ посреди Кремля, и виѣ стѣнь его женскій, во имя своего Ангела, и Царя Константина въ прежней столицѣ Владимірской, и въ Нижнемъ на берегахъ Волги Печерскій, на память Днѣпровскихъ пещерь Антонія, просилъ себѣ также ученика отъ Сергія, устроивъ въ Москвѣ обитель Андроніевскую, по обѣту данному имъ посреди бурнаго плаванія въ Царьградъ. Когда же чувствуя приближающуюся кончину, осьмидесятичеты-

рехътній Святитель, бодрый до послѣдняго часа, хотѣлъ благословить себѣ преемникомъ Сергія, скромный иноокъ со страхомъ отклонилъ отъ себя драгоцѣнную святительскую панагію. «Отъ юности моей, смиренно сказалъ онъ, я не былъ златоносецъ, въ старости же напаче хочу пребыть въ нищетѣ.» Св. Алексій имѣлъ причину заранѣе избирать себѣ преемника, ибо еще при жизни его тотъ же Патріархъ Филоѳей посвятилъ другаго Митрополита Кипріана, родомъ Серба, вѣроятно на мѣсто умершаго Романа; но онъ не былъ принятъ Димитріемъ и оставался жить въ Кіевѣ до кончины своего предмѣстника и во время неустройства церковныхъ, послѣ нее возникшихъ.

Едва нетлѣнныя мози блаженнаго Алексія 1378. положены были въ основанной имъ Чудовской обители, какъ духовникъ Великаго Князя, недавно постриженный изъ бѣлыхъ священниковъ, Архимандритъ Симоновскій Митяй, превозноясь его милостію, взошелъ самовольно во дворъ митрополичій и началъ распоряжать дѣлами церковными, какъ настоящій владыка. Онъ требовалъ себѣ посвященія въ Москвѣ отъ собора Епископовъ; но Діонисій Сузальскій и Св. Сергій возстали противъ сего нарушенія порядка церковнаго, ибо и самъ Алексій, не смотря на просьбы Димитрія, не рѣшился благословить Митяя на митрополію.

Сергій указывалъ В. Князю на Діонисія, какъ на любимаго ученика усопшаго, которому онъ ввѣрилъ иѣкогда свою Печерскую обитель, и дабы избавить его отъ гоненій самозванца Митяя и узъ темничныхъ, взялъ къ себѣ на поруку; однако Діонисій не поберегъ святаго старца и тайно бѣжалъ въ Царыградъ. Тогда и Митяй, опасаясь, чтобы Патріархъ не облекъ соперника саномъ Митрополита, отпѣль съ великою пышностю въ Константинополь, но скончался на морѣ, въ виду столицы Греческой; а бывшій при немъ архимандритъ Пименъ, воспользовался граматами княжескими, къ Царю и Патріарху Нилу, и обманомъ исходатайствовалъ себѣ посвященіе. Дмитрій, раздраженный столь коварнымъ поступкомъ, заточилъ его въ Твери; въ Киевъ же послалъ племянника Св. Сергія, архимандрита Феодора, звать Кипріана на митрополію всяѧ Руси.

28. КИПРИАНЪ.

1380 Это происходило въ годъ знаменитаго по боища Мамаева, покрывшаго безсмертною славою витязя Донскаго. Побѣда Куликовская чрезъ полтораста лѣтъ была мстительнымъ отголос-

скомъ несчастной съчи на Калкъ, но еще Россія не отдохнула отъ бѣдствій. Два года спустя губительное нашествіе Хана Тохтамыша предало опять запустѣнію ея предѣлы восточные, и дѣти измѣника, Князя Олега Рязанскаго, ввели Татаръ въ Кремль Московскій, оставленный В. Княземъ и Митрополитомъ. Удаленіе Кипріана изъ мятущейся столицы, предъ самыи нашествіемъ, и пребываніе въ Твери у соперника Дмитріева, Князя Михаила Александровича, возбудило противъ него негодованіе В. Князя и заставило опять поселиться въ Кіевѣ. Пименъ, вызванный изъ заточенія, заступилъ его мѣсто, хотя не на долго, будучи принужденъ идти въ Константинополь по зову патріаршему, чтобы судиться тамъ съ Кипріаномъ, который не хотѣлъ уступить ему своего права.

Явился и третій Митрополитъ: Діонисій, посвященный въ Епископы Суздалю Св. Алексіемъ, получилъ въ Царьградѣ санъ Архіепископа и хотя путешествіе его было предосудительно, однако же по своимъ паstryрскимъ добродѣтелямъ и краснорѣчію, онъ пользовался уваженіемъ В. Князя и народа, которые набожно приняли отъ него св. иконы и мощи, принесенные имъ съ востока. Онъ успокоилъ въ Новгородѣ неудовольствія церковниковъ и гражданъ, роптившихъ на большія издержки, требуемыя отъ нихъ при поставленіи въ санъ духовный, и опредѣлилъ

число денегъ, уставною граматою Патріарха, ко-
торую принесъ Владыкъ Новгородскому Алексію; волненіе сіе уже обнаружилось однажды, ересью Стригольниковъ, хулившихъ рукополо-
женіе священнническое. — Діонисій вторично по-
святилъ Царьградъ съ Феодоромъ, духовникомъ В.
Князя, и вѣроятно съ его согласія исходатайство-
1384. валь себѣ сань Митрополита, ибо Пимена нико-
гда не любилъ Димитрій; но на обратномъ путь-
ти его, сынъ Ольгерда, Князь Кіевскій Владіміръ,
державшій сторону Кипріана, остановилъ Діони-
сія, какъ неправильно поставленаго при жиз-
ни другаго Митрополита, и онъ скончался въ
Кіевѣ, гдѣ погребенъ въ пещерахъ.

Наконецъ Пимень, еще разъ позванный въ Константинополь на судъ Патріарха Антонія, скончался въ Халкідонѣ, и соперникъ его объ-
явленъ былъ единственнымъ Митрополитомъ всел-
1390. Руси. Сынъ Донского, Василій, уже по кончи-
нѣ отца, принялъ Первосвятителя съ великою
честію въ Москвѣ, куда пришелъ онъ въ со-
провожденіи двухъ Митрополитовъ Греческихъ и
семи Русскихъ Архіереевъ; троє изъ нихъ, Фео-
доръ, Евфросинъ и Исакій, посвящены были въ
Царьградъ въ сань архіепископскій на епархіи
Ростова, Суздалля и Чернигова. Такимъ образомъ
прекратился на время разрывъ единства церков-
наго.

Кипріанъ напомнилъ собою великое мис-

Кирилла, собирателя земли русской; столь же опытный въ дѣлахъ церковныхъ какъ и гражданскихъ, онь въ теченіи осмнадцати лѣтъ своего правленія, былъ въ полномъ смыслѣ Митрополитомъ всея Руси, не смотря на рѣзкое ея раздѣленіе между Литвою и Москвою. Прежнее пятнадцатилѣтнєе пребываніе въ Кіевѣ привлекло ему любовь всѣхъ Заднѣпровскихъ Епископовъ и уваженіе самаго Ольгерда, обращеннаго въ Христіанство супругою своею Марию, Княжною Тверскою. Оно спасительно было для православія всего южнаго края, ибо Папа Григорій XI, по просьбѣ Короля Польскаго Людовика, учредилъ уже четыре Латинскія епархіи въ Переяславль, Холмъ, Владиміръ и Львовъ. — Можно предполагать даже, что виною произвольнаго назначенія Романа и Кипріана въ Митрополиты полуденной Россіи, при жизни Св. Алексія, было опасеніе Патріарховъ за чистоту ея исповѣданія.

Хотя намѣстники Литовскіе въ Кіевѣ продолжали исповѣдывать вѣру православную, но самъ Великій Князь Ягелло, сынъ Ольгердовъ, будучи избранъ на престолъ Польскій, крестился со всемъ своимъ народомъ отъ Римскихъ священниковъ, и преемникъ его въ Литвѣ, могущественный Витовтъ, принялъ также исповѣданіе Латинское, сильно содѣйствуя распространению онаго въ Вильнѣ и на Волынѣ; даже въ Кіевѣ устроенъ былъ монастырь Доминиканский.

Однако Ягелло и Витовтъ уважали санъ и характеръ Митрополита Кипріяна, умѣвшаго угадывать имъ по мѣрѣ возможности, и не старались отдѣлить своихъ подданныхъ отъ его власти духовной; ибо переселясь въ Москву, онъ не представлялъ посѣщать Киева и Литвы. Родственныи союзъ Великихъ Князей способствовалъ къ согласию церковному: дочь Витовта Софія вступила въ супружество съ Василиемъ, и Кипріанъ, сопровождая Великую Княгиню въ Вильну къ отцу ея, посвящалъ тамъ Епископовъ, устроилъ дѣла церковныя и предупредилъ своего Государя о замыслахъ Литовскихъ, когда въ другой разъ опять имѣлъ свиданіе съ Витовтомъ и Ягелломъ.

Не менѣе благоразумно было его управление въ предѣлахъ Московскихъ. Чувствуя всю важность единства церковнаго, всѣми силами старался онъ возстановить въ Новгородѣ права іерархической, нарушенныя во время слабаго правленія Пимена, самоуправствомъ вѣча, которое отказалось отъ верховнаго суда Митрополитовъ, чтобы избавиться отъ судныхъ пошлинъ, и предоставило окончательное рѣшеніе въ дѣлахъ духовныхъ своему Владыкѣ. Но неудачно было первое покушеніе Кипріана и безъ благословенія оставилъ онъ непокорныхъ гражданъ, не хотѣвшихъ повиноваться даже граматѣ патріаршей. Самъ В. Князь вступился въ дѣло сіе, частію

государственное, ибо подчинение Новгорода, власти духовной Первоиерархии, делало его болѣе зависимымъ отъ Москвы, въ отношеніяхъ гражданскихъ. Въчѣ смирилось, хотя не на долго; новыя его смятія возбудили войну, и добрый Архиепископъ Іоаннъ претерпѣлъ заточеніе въ Чудовъ монастырь, за непокорность своей паствы.

Тверь и Рязань жили въ согласіи съ Москвою, а Суздаль, еще со временемъ Донскаго, почитался уже ея областю. Кипріанъ, по просьбѣ дружественнаго ему Князя Тверскаго Михаила, посвятилъ на мѣсто отрѣшенаго Епископа Евѳимія, Св. Арсенія, прославившагося своимъ благочестіемъ, который основалъ близъ Твери Желтиковъ монастырь и тамъ нетлѣнно почиваетъ. А Олегъ Князь Рязанскій, послѣ нашествія Токтамышева, былъ наконецъ умирѣнъ убѣждѣніями Св. Сергія, навсегда укротившаго его враждующее сердце. Оба знаменитые соперника Димитрія, Михаилъ и Олегъ, скончались въ одно время, и въ союзѣ съ его сыномъ, а съ ними угасла и слава ихъ княжествъ.

Въ княженіе Василіева преставился, въ глубокой старости, и великий поборникъ своей земли Сергій, посреди благословеній современниковъ, которыя скоро обратились въ молитвы о заступлении, когда обрѣтены были его нетлѣнныя мощи. Ученикъ его, святой игуменъ Никонъ, обрѣль ихъ послѣ разворенія Эдигеева, созидала каменный

Троицкій соборъ, и положилъ во утвержденіе своей лавры, которую съ тѣхъ поръ не постигло ни одно изъ бѣствий, поражавшихъ сосѣднюю Москву. Другой великий залогъ спасенія столицы перенесенъ былъ въ ея Успенскій соборъ, изъ престольнаго Владимира, когда угрожало иное страшное нашествіе. Завоеватель Востока, Тамерланъ, внезапно наступилъ на Орду и сокрушивъ Тохтамыша, быстро двинулся во внутрь нашего отечества, все предавая огню и мечу. В. Князь съ войскомъ ждалъ его на берегахъ Оки; Митрополитъ съ гражданами встрѣтилъ въ Москвѣ древнюю икону Богоматери, и въ самый тотъ 1395. день обратился вспять Тамерланъ. Монастырь Срѣтенскій воздвигнутъ въ Москвѣ на память избавленія Россіи, праздновавшей съ тѣхъ поръ 26 Августа.

Многія обители начали возникать на сѣверѣ, со времени Св. Алексія и въ долгое правление Кипріаново. Въ Суздалѣ ученикъ Архіепископа Діонисія, Св. Евфимій, основалъ свой знаменитый Спасскій монастырь; и въ Москвѣ благочестивая вдова витязя Донскаго Евдокія, подъ именемъ Евпраксіи, постриглась въ устроенной ею въ Кремль Вознесенской обители, гдѣ рядомъ съ ея гробницею начали погребаться всѣ Великія Княгини и Княжны возвеличенного дома Московскаго. Болѣе всѣхъ прославились пустынья Бѣлоозерская, которой положилъ начало собе-

съдникъ Сергіевъ и постриженникъ Симоновскій Св. Кириллъ. Жаждущій совершеннаго безмолвія, уединился онъ на глухихъ берегахъ Бѣлаго озера; но не могъ оставаться подъ спудомъ подобный свѣтильникъ, и процвѣтшая его обитель наравни съ Сергиевою, сдѣлалась предметомъ глубочайшаго уваженія Царей нашихъ, напаче Грознаго. Въ свою чреду была она разсадникомъ другихъ окрестныхъ и отдаленныхъ пустынь. Отъ бѣлыхъ водъ ея озера перенесъ Св. Савватій зародыши иночества на сѣдяя волны Океана; тамъ, на безлюдныхъ островахъ Бѣлаго моря, сотрудникъ его Германъ и преемникъ Св. Зосима утвердили начало Соловецкой лавры, которая стала славною границою нашего отечества на съверѣ и просвѣтила Христіанствомъ все поморіе.

Подобно симъ двумъ первостепеннымъ обителямъ, другія, менѣе значительныя, столь же благодѣтельно дѣйствовали на дикую окрестность. Недалеко отъ Бѣлозерска, одинъ изъ Князей его открылъ цѣлое общество иноковъ, на пустынномъ камennомъ острову Кубенскаго озера, которые занимались единствено проповѣдью слова Божія народамъ Чудскимъ. — И еще далѣе къ съверу простерлось благочестивое ихъ рвеніе: инокъ Лазарь основалъ свою Успенскую обитель на берегахъ Онежскаго озера для обращенія Лопарей, и въ то же время монахи Валаамскіе просвѣщали святымъ крещенiemъ соѣднихъ Кореловъ.

Не только духовное образование, но и самое население съверныхъ и восточныхъ предѣловъ Россіи, совершилось чрезъ размноженіе обителей, вокругъ коихъ начинали селиться жители, привлекаемые льготами ханскими и несудимыми граматами, дарованными отъ Князей духовенству. Такимъ образомъ, каждый монастырь разширя границы наши, дѣлался средоточiemъ нраваго края и даже оплотомъ въ случаѣ нападенія дикихъ народовъ. Великая Пермь, куда прежде ходили за рухлядью промышленники Новгородскіе, пріобрѣтена Россіи однимъ инокомъ, чрезъ проповѣдь имени Христова: Св. Стефанъ, проникнутый ревностю Апостольскою, поболѣль сердцемъ о грубомъ язычествѣ Пермянъ, и съ дѣтства изучивъ языкъ ихъ, изобрѣлъ писмена. Одинъ пошелъ онъ проповѣдывать Христа въ глухie лѣса Перми и вѣрою одолѣлъ всѣ препоны враждебныхъ жрецовъ; на рѣкѣ Выми основана имъ первая убогая церковь, откоторой распространилось мало по малу спасительное ученіе. Самъ онъ былъ посвященъ Епископомъ въ Пермь, руками Митрополита Пимена, и по многолѣтнимъ подвигамъ опочилъ въ Москвѣ, гдѣ донынѣ сокращаются святые моши его въ Спасскомъ соборѣ.

1407. Великій современникъ столькихъ святыхъ подвижниковъ, Митрополитъ Кипріанъ, представился, оплакиваляемый В. Княземъ и всею об-

ширию паствою, въ любимомъ подмосковномъ селѣ своемъ Голенищевѣ, гдѣ въ маститой старости искалъ упокоянія отъ молвъ житейскихъ. Тамъ посвящалъ часы уединенія описанію святаго житія своихъ предмѣстниковъ Петра и Алексія, и собранію лѣтописей новаго своего отечества, которыя памъ сохранились подъ именемъ степенныхъ книгъ; ибо сей великий мужъ Церкви былъ вмѣстѣ мудрый ревнитель просвѣщенія. Предъ тихою кончиною написалъ онъ умилительное завѣщеніе къ своей паствѣ, въ которомъ прощаю всѣхъ, смиренno просилъ самъ у всѣхъ прощенія, и заповѣдалъ прочесть опое надъ своимъ гробомъ; по примѣру его и всѣ грядущіе Митрополиты Московскіе оставляли послѣ себя подобныя завѣщенія.

29. Фотій.

Три года не было Митрополита въ Россіи 1410. послѣ Кипріана, доколѣ Патріархъ Матоѣй не приспалъ Фотія, посвященнаго изъ строгихъ иноновъ страны Амморейской. Пришествіе его, сперва въ Киевъ, а потомъ въ Москву, случилось въ самую тяжкую годину раззореній Татарскихъ, ка-

кимъ опять подверглось отечество. Орда, раздѣленная междуусобиемъ рода Тимура и Токтамыша, еще сильна была въ рукахъ правителя Эдигея, который подобно Мамаю располагалъ судьбою Хановъ. Ему хотѣлось смирить В. Князя, ибо благоразумный Василій, пользуясь войнами Орды съ Литвою, малою данію откупался отъ ига. Губительно было нашествіе Эдигеево; всѣ восточные предѣлы обратились въ пепель; для В. Князя, знаменитый сподвижникъ Донского, Владіміръ Андреевичъ, едва отстоялъ Кремль Московскій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, и древній Кіевъ, со всею южною областію, подвергся мечу Татарскому, и съ тѣхъ поръ еще болѣе опустѣлъ.

Фотій нашелъ достояніе митрополіи, частію разграбленнымъ, частію расхищеннымъ отъ самихъ бояръ, въ отсутствіе Первосвятителя, и горячо вступившись за имущество церковное, навлекъ на себя ихъ неудовольствіе, которое раздѣлилъ В. Князь. Инокъ, привыкшій къ уединенію пустынному, Фотій наскучилъ моловою въ странѣ ему чуждой, онъ тщетно искалъ тишины въ любимомъ приютѣ Кипріана, гдѣ, подобно ему, предавался ученымъ занятіямъ, и на времія удалился въ лѣсистые предѣлы Владімірскіе; но и оттолѣ изгнало его новое нашествіе Царевича Ордынского, разорившаго престольный Владіміръ.

А между тѣмъ другое, давно предвидѣнное

бѣдствіе, поразило съ запада Церковь Россійскую. Ревнитель Рима Витовтъ, изъ уваженія къ Кипріану, не нарушалъ единства митрополіи; но неопытность Фотія въ дѣлахъ государственныхъ и строгость, съ какою собирали опь доходы церковные въ областяхъ Литовскихъ, побудили Князя къ разрыву, благопріятствовавшему его политическому видамъ. Въ Новгородѣ Литовскомъ созвалъ онъ всѣхъ своихъ Епископовъ: Феодосія Полоцкаго, Исаакія Черниговскаго, Діонисія Луцкаго, Герасима Волынскаго, Іоанна Галицкаго, Севастіяна Смоленскаго, Харитона Холмскаго, Павла Червенскаго, Евфимія Туровскаго, представилъ имъ трудность управления церковнаго, подъ зависимостію чуждаго Первосвятителя, и требовалъ особеннаго Митрополита Кіеву. Долго колебались православные Епископы исполнить волю иновѣрнаго Государя; но угрозы и томления принудили ихъ приступить къ избранию. Мужъ ученый изъ Болгаръ, Григорій Симвлакъ, отираженъ былъ соборомъ въ Царьградѣ для посвященія, съ жалобою на Митрополита Фотія, дабы отклонить ответственность отъ избирателей за нарушеніе союза церковнаго; но Царь Мануилъ и Патріархъ Каллистъ отвергнули прошенія собора. Самъ Митрополитъ Фотій, услышавъ о замыслахъ Литовскихъ, хотѣлъ идти предупредить ихъ къ Витовту и далѣе въ Царьградъ, но былъ ограбленъ на рубежѣ Московскомъ и принужденъ

возвратиться; а Витовтъ, изгнавъ его намѣстника изъ Киева, овладѣль всѣми имѣніями митрополіи въ своихъ предѣлахъ.

Несогласіе Патріарха Константинопольскаго на посвященіе Симвлака, не остановило гордаго Литовца, онъ созвалъ опять Епископовъ въ Новогродокъ, и принудилъ рукоположить Григорія Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Чувствуя однакоже неправильность своего поступка, соборъ хотелъ оправдаться окружною грамотою, въ коей обвинялъ не только корыстолюбіе Фотія, но и Царей Греческихъ, будто бы изъ личныхъ выгодъ посылавшихъ Митрополитовъ въ Россію, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялъ свое уваженіе къ Патріархамъ Вселенскимъ и догматамъ православія. Съ своей стороны Фотій созвалъ Епископовъ области Московской, предалъ анаѳемѣ дѣйствія собора Новогродскаго и самаго Симвлака, и всѣми силами старался востановить нарушенное единство Церкви; но не могъ сего достигнуть при жизни соперника, утвердившаго свою каѳедру въ Вильнѣ.

Григорій, приверженный къ догматамъ Восточной Церкви, не равнодушно видѣлъ попыткѣ своего Государя и убѣждалъ обратиться къ православію; но Витовтъ, избѣгая самъ состязанія, принудилъ егоѣхать на Западъ, где длился соборъ Константскій. Симвлакъ остался непоколебимымъ въ преданіяхъ отеческихъ и

скоро скончался въ Вильне. Тогда Митрополитъ 1490. Фотій, уже болѣе опытный, по долгому пребыванію въ Россіи, воспользовался обстоятельствами, и провожая В. Клягиню Софию къ отцу ея, возстановилъ согласіе, которое не нарушилось до смерти обоихъ, ибо въ послѣдніе дни Витовта, Митрополитъ имѣлъ еще разъ дружественное съданіе въ Трокахъ съ нимъ и съ Королемъ Польскимъ Ягелломъ.

Весьма чувствительна была кончина Фотія для благосостоянія княжества Московскаго, терзаемаго междуусобіемъ единокровныхъ, послѣ мудраго правленія Василія Дмитріевича. Брать его Юрій возсталъ на юнаго сына его Василія, законнаго В. Князя, котораго поддерживалъ Митрополитъ властію святительскою, смиряя непокорныхъ страхомъ отлученія. Но когда не стало въ Москвѣ главы церковнаго, вспыхнули опять раздоры, самые жестокіе въ лѣтописяхъ нашихъ. Казалось, прежде нежели могла отдохнуть Россія, отъ двухвѣковаго ига Татарскаго и внутренній распрай, чтобы возвеличиться въ лицѣ Іоанна III, — все сіи долголѣтнія бѣдствія должны были въ послѣдній разъ обрушиться на отца его Василія. Чего не испыталъ онъ въ тридцатишестилѣтнее правленіе? И судъ въ Ордѣ предъ Махметъ Ханомъ съ честолюбивымъ дядею, и плененіе тѣмъ же Ханомъ, въ часъ неудачной битвы, и дважды сверженіе съ престола великокня-

жескаго отъ единокровныхъ, темницу и наконецъ самое осиротление! Но страдальцу сему облязано отечество за его твердость въ догматахъ православія, ибо никогда Церковь Россійская не подвергалась подобной опасности.

Преемникъ Витовта Свидригайло, вида празднинъ престолъ первосвятительскій, послалъ любимца своего Епископа Смоленскаго Герасима въ Константинополь, где поставленъ быль въ Митрополиты Патріархомъ Іосифомъ; но онъ оставался жить въ Смоленскѣ, чтобы ближе действовать на Москву, хотя ни та, ни другая епархія никогда не хотѣли признать его; только Новгородъ невольно къ нему обратился, по смерти своего Архіепископа Симеона; для посвященія на престолъ Софійскій Св. Евфимія, одного изъ самыхъ добродѣтельныхъ пастырей сего города. Чрезъ два года, пострадалъ Герасимъ отъ прежняго своего благодѣтеля: свирѣпый Свидригайло, узнавъ о его тайныхъ сношеніяхъ съ соперникомъ по Литовскому княжению, Сигизмундомъ, къ ужасу всѣхъ православныхъ, сжегъ Митрополита въ Витебскѣ.

30. И с и д о ръ.

Междудвумъ В. Князь Василій, скучая долгимъ лишениемъ пастыря, соборно избралъ Епископа Рязанскаго Іону, мужа прославшаго своими добродѣтелями въ бурные дни отечества, и отправилъ его для поставленія къ Патріарху Йосифу; но Іона уже засталъ въ Царьградѣ другаго Митрополита всея Руси, Иисидора, назначенаго изъ Епископовъ Иллірійскихъ. Это было въ самое бѣдственное время Греческой Имперіи, которая вся почти уже заключалась въ стѣнахъ одной столицы, подъ ужасомъ возрастающей грозы Отоманской. Императоръ Іоаннъ, не видя спасенія внутри государства, искалъ его отъ западныхъ державъ.

Опытный старецъ, Евгений IV, сидѣлъ тогда на Римскомъ престолѣ, и хотя самъ состязался съ соборами Констанціи и Базеля, о власти папской, предложилъ однакоже Императору созвать въ Италии соборъ для соединенія Церквей, обѣщаю спасти Царьградъ отъ Турокъ. Іоаннъ,

вмѣстѣ съ Патріархомъ Іосифомъ и почетнымъ духовенствомъ, отплылъ въ Венецию; но какъ Россія составляла уже великую половину Восточной Церкви, то Исидоръ, другъ Папы, знаменитый умомъ своимъ и краснорѣчіемъ, былъ посланъ въ нее Митрополитомъ. Киевъ и Москва встрѣтили его торжественно, вся Россія признала; но черезъ четыре мѣсяца началъ онъ проситься у В. Князя на соборъ, представляя ему, что всѣ Государи и Іерархи востока и запада стеклись для состязанія о вѣрѣ, и не прилично одной Россіи не имѣть тамъ представителя. Съ прискорбіемъ отпустилъ Василій Митрополита, убѣждая стоять твердо за доктрины православія, и далъ ему спутникомъ Епископа Сузdalльскаго Аврамія съ многочисленною свитою. Св. Евфимій Новгородскій провожалъ Архипастыря до своихъ предѣловъ, Магистръ Ливонскій съ честію его встрѣтилъ въ Ригѣ; оттолѣ моремъ отплылъ онъ до Любека и прибылъ въ Феррару, гдѣ его одного ожидали Императоръ и Папа для открытия собора.

Начались долгія прѣнія о исхожденії Св. Духа, о чистилищѣ, опреображеніи, наипаче же о власти Папской. Императоръ и Патріархъ, удрученные бѣдствіемъ отечества и нищетою, боролись долго, краснорѣчивый Марко, Митрополитъ Ефесскій, гремѣлъ противъ новыхъ доктринаў и честолюбія Рима; но Виссаріонъ Митрополитъ

Никейскій и Исидоръ Русскій сплошь клонили въ пользу Папы. Соборъ перенесли во Флоренцію, гдѣ скончался Патріархъ Іосифъ; наконецъ Евгений одержалъ верхъ и превозгласилъ союзъ Церкви на условіяхъ благопріятныхъ Риму. Одинъ Маркъ Ефесскій не подписалъ соборныхъ определеній и скрылся, чтобы потомъ быть на Востокѣ ревнителемъ православія; ибо прочіе Вселенскіе Патріархи отринули Флорентинскій союзъ и, соединясь въ Константинополѣ, осудили всѣ его условія и акты. Императоръ возвратился безъ успѣха для упадающаго царства; никто изъ западныхъ Государей не подалъ ему помощи и даже не былъ во Флоренціи, благопріятствуя миѳніямъ Базельскаго собора. Виссаріонъ и Исидоръ украсились багряницею Римскою, а послѣдній титломъ кардинала легата Апостольскаго въ Россіи. Торжественно возвращался онъ чрезъ 1440. Киевъ въ Москву, съ дружелюбными граматами Папы Евгения къ В. Князю; но на первомъ богослуженіи, когда въ Успенскомъ соборѣ сталъ поминать Римскаго Первосвятителя, вместо Вселенскихъ Патріарховъ, и когда архидіаконъ возгласилъ съ каѳедры дѣянія Флорентинскаго собора, Василій съ гнѣвомъ обличилъ Исидора, называя его измѣнникомъ православія и лженастыремъ. Онъ созвалъ Епископовъ и бояръ разсудить о новомъ ученіи; — никто не хотѣлъ признать въ Папѣ намѣстника Христова и всѣ единодушно

отвергли догматы западные о исхождении Св. Духа и отъ Сына, вопреки древнему символу, несмотря на хитрыя убѣжденія Исидора, которого заключили въ Чудовъ монастырь; онъ бѣжалъ изъ подъ стражи и благоразумный Василій не велѣлъ его преслѣдоватъ. Принятый съ честію въ Римъ, Исидоръ былъ посланъ въ Константинополь, гдѣ по случаю соединенія Церквей возникли волненія въ народѣ, предъ самымъ паденіемъ столицы; ибо два Патріарха, Митрофанъ и Григорій, одинъ послѣ другаго держались Флорентийского собора. Когда же послѣдній Константинъ палъ, на развалинахъ своей имперіи, на коихъ основалъ новую державу завоеватель Магометъ, тогда опять Исидоръ бѣгствомъ искалъ спасенія въ Римъ и тамъ почтенъ титломъ Патріарха Константинопольскаго. Ученикъ его Григорій посвященъ былъ Митрополитомъ въ Киевъ, гдѣ около сего времени учредилась кафедра Латинскихъ Епископовъ; но Григорія не признавали ни въ Россіи, ни даже въ Литвѣ, несмотря на покровительство Казимира, Государя Польскаго и Литовскаго. Такъ кончилось сіе покушеніе подчинить Россію Римскому престолу; но чрезъ полтораста лѣтъ, тяжкими бѣдствіями, отзвалось оно отечеству, чрезъ Самозванцевъ и Унію.

31. Святый Ионд.

После Исидора опять восемь лѣтъ спротивовала Церковь Россійская. Въ теченіи сего времени Князь Дмитрій Шемяка, овладѣвшій престоломъ осѣпленнаго и заточеннаго имъ Василія, вызвалъ изъ Рязани Святителя Иону и предлагалъ ему сань Митрополита, если только примирить его съ В. Княземъ; коварно убѣждалъ опять старца принести ему на воспитаніе двухъ державныхъ младенцевъ Темнаго, которыхъ вѣрные бояре укрыли въ Муромѣ, его эпархіи, обѣщаю упокоить богатою отчиною ихъ несчастнаго родителя, или разорить городъ въ случаѣ отказа. Сань первосвятительскій не могъ прельстить Иону, почитаемаго уже законнымъ преемникомъ митрополіи, но онъ надѣялся облегчить участъ Василія, ибо не предвидѣлъ ему возможности царствовать, и исполнилъ желаніе Шемяки. На свой омофоръ принялъ онъ въ Муромскомъ соборѣ сыновей Темнаго; когда же Шемяка, измѣнивъ данной клятвѣ, сославъ ихъ въ Угличъ въ заточеніе къ отцу, строгія увѣ-

щанія святаго мужа заставили его исправить въ-
роломство. «Ты посрамилъ мою старость, и ны-
нѣ я весь во лжи: сведи грѣхъ съ своей души
и съ моей; что тебѣ слѣпой Князь и малыя дѣ-
ти?» твердилъ онъ Шемякъ, доколѣ не тронулъ
его сердца. Вместо узъ темничныхъ, связавъ Ва-
силія словомъ крестнымъ, предъ соборомъ Ени-
скоповъ, Шемяка отпустилъ его съ дѣтьми въ
Вологду. Но Темный, предательски взятый вра-
гомъ своимъ въ стѣнахъ Троицкой лавры, у ра-
ки чудотворца Сергія, въ стѣнахъ другой оби-
тели получилъ разрѣшеніе отъ невольной прися-
ги. Игуменъ Бѣлозерскій Трифонъ принялъ
клятву, на себя съ братію, и ко благу отечества
побудилъ В. Князя искать себѣ и дѣтямъ закон-
наго наслѣдія. Съ радостію встрѣтила Москва
своего истиннаго Государа и первымъ его дви-
женіемъ было послать опять Святителя Іона для
поставленія въ Царыградъ.

Василій подробно описывалъ въ своей грама-
тѣ Царю и Патріарху о смятеніи, произведенномъ
измѣною Митрополита Исидора, и о своей пре-
данности древнимъ благочестивымъ доктринаамъ;
но слухи, о сношенияхъ Константинополя съ Ри-
ромъ, заставили В. Князя остановить свое посоль-
ство. Въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обсто-
ятельствъ, пять лѣтъ управлялъ Св. Іона Цер-
ковію, безъ соборнаго поставленія; видя же на-
конецъ продолжающееся неустройство на Восто-

къ, Василій созваъ Епископовъ Россійскихъ. Ефремъ Ростовскій, Аврамій Суздальскій, бѣжавшій съ Флорентинскаго собора, Варлаамъ Коломенскій и Питиримъ Пермскій, въ послѣдствіи умерщвленій дикими жителями своей паства за имя Христово, поставили Митрополитомъ всея Руси Іону, а Св. Евфимій Новгородскій и Епископъ Тверскій прислали утвердительныя грамоты.

Съ тѣхъ поръ, по случаю паденія имперіи 1453. Греческой, всѣ Митрополиты наши были поставлены соборомъ своихъ Епископовъ, ибо не имѣли возможности ходить чрезъ земли Литовскія въ Царьградъ, бѣдствующій подъ игомъ Отоманскимъ. Но союзъ духовный съ Церковю Восточною и самое подчиненіе престолу Константинопольскому сохранились неприкосновенными; при всѣхъ возможныхъ случаяхъ Патріархи сообщались, граматами или чрезъ приходящихъ архіереевъ, съ Митрополитами Русскими, и прочие Вселенскіе Патріархи, снисходя къ тягостнымъ обстоятельствамъ времени, одобрили сей порядокъ посвященія, не нарушая союза, какъ явствуетъ изъ кормчей книги.

Но Св. Іона послѣдній носилъ званіе Митрополита Кіевскаго. Преемники его назывались уже Московскими и всея Руси: ибо въ Кіевѣ начался постоянный рядъ своихъ Митрополитовъ подвластныхъ Литвѣ. Семь лѣтъ продолжалъ онъ

являть примѣръ всѣхъ пастырскихъ добродѣтелей, на престолѣ святительскомъ, утѣшаю столицу во время пожаровъ и страшнаго нашествія Татаръ, едва не овладѣвшихъ Кремлемъ, и еще при жизни прославился свыше, даромъ предвѣденія и исцѣленій, подобно Св. Петру, предрекши освобожденіе отъ ига невѣрныхъ и славу Россіи.

1461. Правленіе Митрополита Іона кончилось по-
чи въ одно время съ Василіевымъ. Благое Про-
видѣніе продолжило святую жизнь великаго мужа
Церкви до славныхъ временъ Іоанна III, новымъ
блескомъ озарившаго Россію. Здѣсь съ изумле-
ніемъ должно остановить взоръ на мимошедшихъ
вѣкахъ рабства и вознести благодарную молитву
къ Господу, который подъ сѣнью своей Церкви
охранилъ юное царство, ввѣряя кормило ея, по-
среди раздоровъ и пѣни, въ теченіи двухъ сотъ
летъ, славному ряду великихъ Святителей. Едва
появились Татары и раззорили отечество наше,
какъ одинъ за другимъ восстали, то изъ соб-
ственныхъ нѣдръ его, то изъ Греціи,—Кирилль
и Максимъ, святые Петръ и Феогностъ, Алек-
сий, Кипріанъ, Фотій и наконецъ Іона, которыхъ
всѣхъ причла Церковь къ лицу своихъ заступни-
ковъ, увѣровавъ на опытѣ еще при ихъ жизни, въ
ту небесную защиту, какую даровали ей по бла-
женній кончинѣ. Время правленія каждого было
столь продолжительно, сила характера, привержен-
ность къ Церкви столь неколебимы, и такъ умили-

тельна святая жизнь ихъ, что внутреннія бури, мало по малу, утихали по кроткому слову Святителей и, какъ въ иѣкої пристаи, вокругъ нихъ умиралась Князья, а виѣшнія волны часто разбивались о твердый оплотъ святительского сана. Съ благо-
твіемъ должна памятовать Россія сихъ свя-
щеныхъ пеступовъ мятежныхъ дней ея юно-
сти, наипаче же Кирилла, Петра, Алексія, Ки-
пріана и Юну.

Съ воцареніемъ Іоанна III измѣнились виѣши-^{1462.}
нія и внутреннія обстоятельства Россіи, которая созрѣла въ мощное государство въ теченіе дол-
гаго и мудраго его правленія. Золотая Орда, до-
толь грозная, уже распадалась; послѣдній Ханъ
ея Ахматъ едва собирая слабую дань съ В.
Князя. Изъ ея обломковъ образовалась три от-
дельныя царства: Казанское, болѣе другихъ
враждебное Москвѣ, хотя Цари его часто постав-
лялимы были отъ Государей нашихъ, какъ иѣко-
гда наши отъ Хановъ, — Астраханское, собрав-
шееся на дальнемъ югѣ изъ многихъ кочую-
щихъ Ордъ, и Крымское, основатель коего
Менгли-Гирей, во всю жизнь свою, былъ вѣр-
нымъ союзникомъ Іоанна, сокрушая племя Ах-
матово и тревожа набѣгами Литву. Съ другой
стороны великое княжество Литовское, обнимав-
шее уже всѣ югоизападные предѣлы Россіи, еще
болѣе усилилось, когда стало давать Государей
своихъ, племени Гедиминова, на престолъ Поль-

ши. Оно заслоняло намъ западъ, хотя посольства Іоанновы ходили ко всемъ самодержцамъ Европейскимъ, начиная съ Папы и Императора Римскаго, и даже до Султана. Воинственный орденъ Ливонскій, дѣйствуя за одно съ Литвою, громилъ предѣлы Новгорода и Пскова, которые началь называть своими отчинами Іоаннъ, къ крайнему неудовольствію вѣча народааго. Внутри государства междуусобія угасли; одна Рязань сміренно держалась на правахъ отдѣльного княжения, подъ вліяніемъ Московскаго, а Тверь уже родственная по брачному союзу Іоанна съ ея Княжною, была присвоена имъ, когда послѣдній владѣтельный Князь бѣжалъ, обличенный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою. Единодержавіе сдѣлалось цѣллю всей жизни Іоанновой.

Сильно было вліяніе его и на дѣла церковныя, ибо Церковь, собственно Россійская, заключалась вся въ предѣлахъ его державы, по отдѣленіи южныхъ епархій отъ власти Митрополитовъ Московскихъ. Съ Юною окончился рядъ великихъ Святителей, распространявшихъ благотворительное вліяніе свое на древнее достояніе нашей Церкви и соединявшихъ все во едино, частыми странствіями по Россіи и въ Царыградъ, откоторъ приносили образованіе духовное. Чувствительно было въ послѣдствіи сіе невольное отданіе наше отъ завоеваннаго Царыграда, когда мужи высокаго образованія, подобно Кипріану и

Фотію, перестали восходить на кафедру Московскую;— слабыя погрешности, мало по малу вкравшіяся въ богослужебныя книги Славянскія и въ иные некоторые обряды, по не сличенію ихъ съ Греческими, укоренились непримѣтно, и послужили наконецъ источникомъ несчастныхъ раздоровъ.

32. Оеодосій.

Преемникъ Св. Іоны Оеодосій, соборно по- 1462.
ставленный изъ Архіепископовъ Ростовскихъ, по
старшинству своей эпархіи, въ послѣдній годъ
киажденія Темнаго, не болѣе пяти лѣтъ былъ
Митрополитомъ Московскимъ. Усилившаяся то-
гда мысль о скоромъ преставленіи свѣта, по ис-
теченіи седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія мі-
ра, возбуждала усердіе бояръ къ созиданію ча-
стныхъ церквей; а умноженіе безприходныхъ
священниковъ, не допуская строгаго выбора при
ихъ поставлениіи, произвело послабленіе въ пра-
вахъ духовенства. Строгій ревнитель благочи-
нія Оеодосій, исправительными мѣрами, возбу-
дила противъ себя негодованіе и, уклонясь ро-
пата общественнаго, удалился волею въ Чудовъ

монастырь. Тамъ принялъ къ себѣ въ келлію разслабленнаго старца, служилъ ему до кончины, омывая его струны, въ образецъ Христіанскаго смиренія. За годъ до своего стицествія имѣлъ онъ случай участвовать въ дѣлахъ Палестинской Церкви. Патріархъ Іерусалимскій Іосифъ, избѣгая гоненія Египетскаго Султана, искалъ пристанища въ Россіи и скончался на пути въ Каффѣ; братъ его съ граматами прибылъ въ Москву и, соборомъ Епископовъ Русскихъ, рукоположенъ въ Митрополиты Кесаріи. Это было первое возваніе бѣдствующей Церкви Восточной къ любви и милости единовѣрной Россіи, послѣ раззоренія Византійскаго.

33. Филиппъ I.

1497. Филиппъ, поставленный изъ Епископовъ Суздальскихъ, наследовалъ сану и добродѣтелямъ Феодосія, въ семилѣтнєе свое правленіе оказавъ замѣчательную твердость характера. Имя Іоанна, уже известное въ Европѣ, обратило на себя вниманіе Первосвятителя Римскаго Павла, при дворѣ коего обрѣло пріютъ семейство Деспота Мо-

рейского Фомы, брата послѣдняго Константина. Предъ самимъ паденіемъ Царяграда возобновилось родство дома великокняжескаго съ императорскими, и сестра Темнаго Анна вступила въ супружество съ Ioannomъ Палеологомъ. Послѣ же паденія, Папа не могъ избрать болѣе достойнаго жениха Царевиѣ Греческой Софии, какъ могущественнаго Государя Россійскаго. Мысль о всеобщемъ крестовомъ походѣ противъ Турокъ и надежда присоединить отечество наше, чрезъ посредство Софии, воспитанной въ правилахъ Флорентійскаго собора, возбудила Павла передать Россіи сей остатокъ древней Византійской славы, и съ радостю принялъ Ioannъ послѣдній залогъ ея въ лицѣ Софии. Но не исполнились надежды Римскія. Царевна, при самомъ вступленіи въ предѣлы наши, показала себя ревнительницею исповѣданія православнаго. Когда же сопутствовавшій ей легатъ Антоній хотѣлъ торжественно встунить въ Москву, съ преднесенiemъ креста по обычаяу Латинскому, и колебался Ioannъ, уважая въ немъ посланика, — тогда Митрополитъ Филиппъ вступилъ за преимущество отечественной Церкви: «кто хвалитъ и чествуетъ вѣру чуждую, тотъ унижаетъ свою», сказалъ онъ Ioannу, если же легатъ взойдетъ со крестомъ въ одни врата города, я выйду другими.* Послѣ бракосочетанія, Митрополитъ имѣлъ разговоръ о вѣрѣ съ легатомъ, но осторожный посланикъ

Рима избѣгалъ рѣшительнаго првиія, отзываюясь неимѣніемъ съ собою книгъ.

Усердствуя къ соборному храму Успенія, гдѣ покоялись его блаженные предмѣстники, Филиппъ, подаяніемъ бояръ и духовенства, началъ созидать новый соборъ на мѣсто ветхаго зданія Казитина; но неопытность строителей была причиною скораго паденія сводовъ, и заставила В. Князя вызвать изъ Италіи знаменитаго зодчаго Аристотеля. Онъ соорудилъ соборъ Успенскій, въ томъ величественномъ Византійскомъ вкусѣ, въ которомъ красуется донынѣ, какъ лучшее сокровище древнаго Кремля, и два другихъ великолѣпныхъ собора, Благовѣщенія и Архангела, воздвигнуты имъ вновь на тѣхъ же мѣстахъ. Внутри же храма Успенія, краеугольными камиями, положены были тѣлеса великихъ Святителей, подобно тому какъ отдыхали они въ древнемъ святилищѣ: Пётръ и Феогностъ въ придельномъ олтарѣ, Кипріанъ и Фотій въ юго-западномъ углу собора, и на противуположной сторонѣ Іона, обрѣтенный нетлѣннымъ во время строенія. Но Святитель Филиппъ не видѣлъ ни паденія начатаго имъ зданія, ни сооруженія новаго; испуганный сильнымъ пожаромъ Кремля, онъ внезапно заболѣлъ и скончался, и надъ гробомъ его повѣшены были тяжелыя вериги, найденные на его постническомъ тѣлѣ.

34. Г Е Р О Н Т І Й.

Преемникъ, Митрополитъ Геронтій, избран^{1472.} ный изъ Епископовъ Коломенскихъ, довершилъ начатое Филиппомъ и освящалъ соборъ Успенія. Больѣ двадцати лѣтъ пасъ онъ Церковь Христо- ву, въ самые славные дни княженія Іоаннова; ибо онъ былъ свидѣтелемъ покоренія неза- висимаго Новгорода и сверженія ига Татар- скаго, и въ обоихъ сихъ важныхъ событи- яхъ являлись замѣчательныя лица духовныя. Въ первомъ — Феофиль, избранный въ послѣд- ний разъ народомъ, на престолъ Софійскій, послѣ блаженной кончины Св. Іоны, памятнаго своими добродѣтелями въ долгое правленіе. Въ- че не допускало новаго пастыря идти ставиться въ Москву, за то что Іоаннъ, въ пригласитель- ной граматѣ, назвалъ Новгородъ своею отчиною, и хотѣло послать его для посвященія къ Митро- политу Кіева въ союзную Литву; но Феофиль, ревностный блюститель преданій отеческихъ, не согласился нарушить древній порядокъ іерархиче- скій. Онъ, во время первого похода Іоаннова, прими-

риль съ нимъ свою паству и принялъ законное рукоположеніе въ Москвѣ. Когда же вторично свое-
воліе торговой республики, подстрекаемое Марою посадницею, состязалось съ единодержавіемъ
властина Юанна, и войско его сломило дружи-
ны Новгородскія,— Феофилъ, уже подъ стѣнами
города, испросилъ пощаду жителямъ, хотя и съ
лишеніемъ всѣхъ народныхъ преимуществъ и съ
утратою собственныхъ богатствъ, отнятыхъ В.
Княземъ. Самъ Владыка, чрезъ короткое время
пострадалъ за остальныя искры вольности со-
гражданъ, хотѣвшихъ передаться Литвѣ, и кон-
чилъ тревожные дни въ заточеніи Чудова мона-
стыря, будучи во всю свою жизнь жертвою вол-
неній народныхъ.

Паденіе Новгорода заранѣе возвѣщено бы-
ло Архіепископомъ Св. Евфиміемъ, въ самый
часъ рожденія его грознаго завоевателя, и пред-
сказаніе повторилось честолюбивой Мароѣ, уста-
ми святаго игумна Соловецкаго Зосимы, гордо
принятаго въ ея теремъ, когда приходилъ въ
славные дни Новгорода, за милостиюю для сво-
ей убогой обители на океанѣ. Юань, заточивъ
Феофила, не рѣшился однакоже, безъ соборна-
го избрания, поставить новаго Владыку; согласно
съ обычаемъ Новгородскимъ, три имени положены
были на престолъ Успенскаго собора, и жребій
палъ на смиреннаго ивока Троицкой лавры Сер-

гіл, котораго посвятилъ соборъ Архіереевъ. Ско-
ро однако удалился Сергій, избѣгая не любви
народной къ чуждому владыкѣ и къ новому во-
рядку управлениія церковнаго. Онъ уступилъ мѣ-
сто свое болѣе опытному и просвѣщенному Ген-
надію, архимандриту Чудова монастыря, оказав-
шему въ послѣдствіи важныя услуги Церкви,
обличеніемъ ересей.

Наступило желанное время освобожденія
отечества нашего отъ позорнаго ига, тяготѣвшаго
надъ нимъ два съ половиною вѣка. Уже мудрая В. Княгиня Софія, воспитанная въ величіи
царскомъ, которымъ искала окружить дворъ Іоанна, испросила удаленіе пословъ Ордынскихъ
изъ нѣдръ Кремля, гдѣ на мѣстѣ ихъ подворья
устроила церковь Святителя Николая Голстун-
скаго; уже послы Хана перестали быть прини-
маемы съ честію, прекратилась и самая дань,
хотя союзъ Литовскій съ Ордою могъ тревожить
Іоанна. Наконецъ подвигся Ахматъ; въ послѣд-
ній разъ ополчилась Златая Орда на Россію, на-
помнивши полчища Мамаевы. В. Князь выступилъ
съ войскомъ къ берегамъ Оки, прозванной въ
народѣ поясомъ Богоматери, ибо не разъ спасалась
за нею земля Русская, и колебался. Его
осторожная политика боялась довѣрить будущую
судьбу всего государства случаю одной битвы,
подобно отважному Донскому, и оставивъ при
войскахъ сына, самъ онъ удалился въ столицу,

къ общему негодованію народа. Мысль о непобѣдимости Татаръ давно изчезла; Казань, обломокъ царства Капчакскаго, пріучила нась къ побѣдѣ надъ невѣрными; ропотъ усиливался. Тогда краснорѣчивый старецъ Вассіанъ, Архіепископъ Ростова, почерпнувши при ракѣ преподобнаго Сергія, гдѣ былъ игумномъ, наследственную любовь его къ отечеству, смѣлою рѣчью и убѣдительнымъ посланіемъ возбудилъ духъ Іоанна: «Смерти ли странитися? писалъ онъ, но и ты не бессмертенъ; безъ доли смертной нѣть ни человѣка, ни звѣра, ни птицы; — дай мнѣ сихъ воевъ въ мою руку и хотя я старъ, но не пощажу себя и не отвращу лица своего отъ Татаръ!» Митрополитъ Геронтій присоединилъ увѣщанія свои къ рѣчамъ Вассіана и возвратился 1381. въ станъ В. Князь. Ахматъ бѣжалъ безъ битвы и на вѣки освободилась Россія.

Въ послѣдніе годы святительства Геронтія взаимныя неудовольствія возникли между нимъ и Іоанномъ, и огорченный Митрополитъ хотелъ удалиться въ обитель Симоновскую, чтобы тамъ въ уединеніи окончить дни свои, а Іоаннъ предлагалъ мѣсто его Троицкому игумену Паисію; но инокъ, чувствуя всю тягость бремени правительеннаго, не пожелалъ высокаго сана, и Геронтій, убѣжденный В. Княземъ, остался на своемъ престолѣ до самой кончины.

Еще при началѣ его правленія приходилъ

другой Митрополитъ всея Руси Спиридонъ, родомъ изъ Твери, происками поставленный Патріархомъ Константинопольскимъ; но онъ не былъ принятъ ни въ Литвѣ, ни въ Москвѣ, и заточенъ на Бѣлъозерѣ. — Между тѣмъ въ Кіевѣ продолжался свой рядъ православныхъ Митрополитовъ, чуждыихъ Москвѣ, которые принимали по- 1471. ставленіе лично въ Царьградѣ, или чрезъ благословленныя граматы и экзарховъ патріаршихъ, отъ времени до времени посещавшихъ южныя области нации. Мисаилъ, рода княжескаго, первый отдѣльный Митрополитъ Кіева, послѣ Уніата Григорія; Симеонъ, прикоемъ Менгли Гирей, Ханъ Крымскій, опустошилъ древнюю столицу, ограбивъ лавру Печерскую и Св. Софію; Іона, пользовавшійся благосклонностію Казимира, Государя Литовскаго, и Св. Макарій, мученически убієнныи на пути Татарами, (мощи коего нетленно почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ), короткое время управляли своею обширною епархіею, имѣя пребываніе въ Вильнѣ, гдѣ съ трудомъ противоборствовали вліянію Рима.

35. Зосима.

1491. Въ Москвѣ же, послѣ смерти Геронтія, архимандритъ Симоновскій Зосима, рукоположенъ въ Митрополиты, безъ совѣщенія соборнаго; но на сей разъ выборъ великокняжескій былъ неуспѣшень, ибо подъ личиною благочестія, злостный еретикъ таился въ новомъ первосвященнике. Уже около двадцати лѣтъ распространялась непримѣтно въ Новгородѣ богохульная ересь Жидовская, отвергавшая Христа Спасителя, и все его учение, которая будучи принесена изъ Литвы Евреемъ Схаріею, смыкалась съ прежними заблужденіями Стригольниковъ. Таинственными гаданіями и кабалистикою завлекъ Схарія двухъ суемудрыхъ священниковъ Новгородскихъ, Алексія и Діонисія, и чрезъ нихъ посредство укоренилъ пагубное свое учение въ невѣжественномъ народѣ, ибо они коварно соблудили всѣ наружные обряды Христіанства, хотя сами ни во что ихъ не вмѣняли. Молва о просвѣщенніи и добродѣтели обоихъ священниковъ прельстила и В. Князя,

во время первого его похода; онъ взялъ ихъ въ Москву и далъ одному мѣсто протоіерея въ Успенскомъ соборѣ, а другому въ Архангельскомъ. Съ ними впервые проникла ересь въ православную столицу, и хотя не скоро обнаружились гибельные плоды ея, однако же приближенный дьякъ парекій Курицынъ и архимандритъ Зосима были втайне учениками Алексея, чрезъ котораго даже послѣдній достигъ митрополіи.

Ревностный владыка Новгорода Геннадій, съ ужасомъ открылъ ересь Жидовскую въ своей паствѣ, и первый обличилъ ее еще Митрополиту Геронтию, но удрученный годами и огорченіями старецъ не обратилъ должнаго вниманія, полагая ее ничтожною. Второе, болѣе сильное обличеніе, принудило Іоанна и Зосиму созвать соборъ Епископовъ; тогда явился другой краснорѣчивый обличитель жидаствующихъ и Стригольниковъ, Св. Іосифъ, игуменъ Волоколамскій, просвѣщеннѣйший мужъ своего времени и ученикъ Св. Пафнутия, знаменитаго основателя Боровской обители. Пламенно ревностно къ Церкви горѣло сердце Іосифово, уста его сильныя словомъ и убѣдительныя посланія, каюя ересь, поддерживали чистоту православія, и лицо его было столь же страшно отступникамъ въ Москвѣ, какъ въ Новгородѣ лицо Геннадіево. Но покровительство соумышленника Зосимы укрыло на соборѣ

нѣкоторыхъ преступниковъ; главный еписаархъ Алексій уже умеръ, Діописій и другіе его по-слѣдователи преданы были соборомъ анаемѣ и заключенію. Однакоже слѣды ихъ развратнаго ученія истребились въ Москвѣ только чрезъ двѣнадцать лѣтъ, по новымъ настояніямъ Геннадія и Іосифа, когда уже и самъ Митрополитъ принужденъ былъ В. Княземъ удалиться на смиреніе въ прежнюю обитель, подъ предлогомъ петрэзвой жизни, чтобы скрыть отъ народа главную вину его, ересь. Тогда Іоаннъ предалъ торговой казни дьяка своего, архимандрита Юрьевскаго Кассіяна и другихъ виновныхъ, которыхъ не обратили на путь покаянія первыя мѣры кротости церковной.

36. Симонъ.

1496. Послѣ бѣдственнаго для Церкви правленія Митрополита Зосимы, Іоаннъ много занимавшійся дѣлами духовными, нашелъ достойнаго пастыря въ его преемникъ Симонъ, посвященному изъ игумновъ Троицкой лавры. Можетъ быть, отступленіе отъ узаконенныхъ

обычаевъ, при избраніи Зосимы, побудило на этотъ разъ В. Князя, чрезвычайною торжественностию, облечь поставлениe новаго Первоначателя. Передавъ нареченаго въ руки Епископовъ, у дверей храма, самъ онъ привѣтствовалъ его рѣчью, послѣ совершения надъ нимъ таинства, по примѣру Императоровъ Византійскихъ, коимъ искалъ подражать во всѣхъ блестательныхъ случаяхъ, пышнотою обрядовъ дворскихъ и церковныхъ, и Митрополитъ въ свою чреду, съ жезломъ въ рукахъ, отвѣчалъ ему рѣчью съ каѳедры.

Еще во время смутъ еретическихъ, другое суевѣрное волненіе умовъ, о скромъ преставленіи свѣта, было виною собора, который уставилъ праздновать начало новаго года, съ первого сентября, вмѣсто первого марта, и утвердилъ пасхалію на осьмую тысячу лѣтъ, исчисленную Архіепископомъ Геннадіемъ; ибо преждя кончились 1492-мъ годомъ т. е. седьмою тысячею отъ сотворенія міра. Вскорѣ послѣ поставлениe Митрополита Симона, Іоаннъ обнаружилъ мысль отобрать земли церковные и отчины монастырей области Московской, подобно какъ въ Новгородѣ, гдѣ частію раздалъ ихъ дѣтямъ боярскимъ для ратнаго дѣла, частію же взялъ за себя. Но Митрополитъ представилъ В. Князю граматы завѣщателей, Св. Владимира, Ярослава и иныхъ Государей, равно какъ ярлыки Царей Ордынскихъ, и Іо-

аниъ оставилъ свое намѣреніе. На другомъ съборѣ припяты были имъ, вмѣстѣ съ Митрополитомъ, строгія мѣры о соблюденіи чистоты правовѣтъ въ духовенствѣ, и для сего монастыри мужескіе отдѣлены отъ женскаго, и устраниены пиоки отъ священнослуженія въ сихъ послѣдніхъ; даже чтобы удалить всякий поводъ къ соблазну, вдовымъ священнослужителямъ запрещено было совершать тайны, и недостойныхъ позволено лишать сана духовнаго. Не осталась безъ вниманія и плата, требованная за рукоположеніе во священство, которая столько разъ возбуждала неудовольствія, въ Новгородѣ, и въ послѣдствіи, по нареканію въ подобномъ злоупотребленіи, невинно пострадалъ самъ владыка Геннадій; лишенный престола Софійскаго, онъ кончилъ дни свои въ той же Чудовской обители, отколъ взятъ былъ на архиепископію.

Около сего времени и действуя въ томъ же благочестивомъ духѣ, Митрополитъ Кіевскій Іосифъ Салтанъ, преемникъ Св. Макарія, создавалъ въ Вильнѣ соборъ всѣхъ подчиненныхъ ему Епископовъ, для устройства благочинія духовнаго и для огражденія церковнаго достоянія отъ притязаній вельможъ Литовскихъ, вѣры Римской. Не смотря однакоже на ревность къ пользѣ своей паства, Іосифъ подвергся подозрѣнію пословъ нашихъ въ пінравославіи, даже обвинить былъ ими, предъ лицемъ Государя, въ по-

творствѣ зятю его Александру Литовскому, ко-
торый не дозволялъ супругѣ своей Еленѣ, доче-
ри Іоанна, имѣть при дворѣ домовую церковь, что
всего чувствительнѣе было для отеческаго серд-
ца. Тщетно скромная и добродѣтельная Елена,
сохрания законъ свой, старалась скрывать гоне-
нія супруга, чтобы не поссорить съ родителемъ,
ибо свобода исповѣданія была первымъ услові-
емъ ея брака. Александръ, по слѣпой ревности
къ Риму, слишкомъ явно не щадилъ ни под-
данныхъ, ни супруги, и жестокая война была
следствиемъ его гоненій на православныхъ. Ору-
жіе Русское, поднятое за вѣру отеческую, увѣн-
чалось успѣхомъ, не смотря на всѣ усилія Лит-
вы, Ордена и самой Польши, на престолъ ко-
ей вступилъ Александръ. Папа и Императоръ
заботились о водвореніи мира, но залогомъ по-
бѣдъ Іоанновыхъ осталась намъ область Сѣвер-
ская по сю сторону Днѣпра; Князья ея добро-
вольно поддались единовѣрному Государю, и е-
пархія Русская пріобрѣла еще двѣ эпархіи, Чер-
ниговскую и Брянскую, вскорѣ однако же упраз-
дненную.

Съ паденіемъ Золотой Орды Ахматъ упраз-
днилась и другая древняя эпархія Сарская и По-
донская, потому что Епископы наши перестали жить
въ Сараахъ, столицѣ Ханской; они перенесли ка-
ѳедру свою въ Москву, и дѣйствовали въ каче-
ствѣ намѣстниковъ Митрополита, въ собственной

его области; обитель ихъ, на крутомъ берегу
Москвы рѣки, присвоила имъ название Крутиц-
кихъ.

Кромъ горестнаго положенія любимой дочери своей на чужбинѣ, въ самой столицѣ, въ стѣнахъ собственнаго дворца, семейныя печали омрачили послѣдніе годы славнаго княженія Иоаннова. Старшій сынъ его, падежда государства, раздѣлявшій уже бремя правленія, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ ему внука Димитрія, рожденнаго отъ Елены, дочери великаго Стефана, Господаря Молдавскаго. Тайная вражда о престолонаслѣдіи возникла между двумя матерями, Еленою и В. Княгинею Софіею, которая хотѣла видѣть преемникомъ втораго сына своего Василія. — Раздраженный ихъ происками Государь взялъ сторону юнаго внука, по правамъ старѣшинства, и рѣшился торжественно возвести его на престоль. Митрополитъ Симонъ впервые совершилъ обрядъ вѣнчанія, оставленный со временъ Мономаховыхъ; вѣнецъ его и св. бармы возложены были на невиннаго отрока, но только для его бѣдствія, потому что хитрость Софіи скоро превозмогла волю Иоаннову; еще при жизни отца, Василій былъ уже объявленъ Государемъ всея Руси, а Димитрій и нещастная мать его кончили дни въ заключеніи.

1505.] Княженіе Василіево было только продолже-

ніемъ Іоаннова, по начертаніямъ коего шель онъ къ той же цѣли единодержавія, хотя съ большою кротостію въ своихъ мѣрахъ. Непримѣтно слились при немъ съ государствомъ Московскимъ удѣльная Рязань и независимый Псковъ, непримѣтно изчезли послѣдніе Сѣверскіе удѣлы рода Шемякина, и уже не оставалось разновластія внутри Россіи. Извѣжъ же почти безпрестанно продолжалась борьба: на востокѣ съ непокорною, исполненною мятежами Казанью, которой тщетно посыпалъ Василій Царей ея племени; на югѣ съ Ордою Крымскою, отколѣ сынъ Менгли-Гирея, враждебный Махметъ, забывъ союзъ отца своего съ Россіею, раззорялъ ея предѣлы и даже однажды приступилъ къ Москвѣ; на западѣ же съ Сигизмундомъ Королемъ Польскимъ и Литовскимъ. Но послѣдняя война сія была успѣшнѣе своими послѣствіями и упрочила завоеванія Іоанновы; самій Смоленскъ, древніе достояніе наше, сдался В. Князю, хотя Епископъ Варсонофій клонилъ въ пользу Литвы. Его заточили въ Чудовъ и, съ назначеніемъ новаго Епископа Іосифа, древняя сія епархія присоединилась къ іерархіи Московской. Обитель Новодѣвичья воздвигнута въ столицѣ памятникомъ радостнаго события. Василій поддерживалъ также и дружественные сношенія съ Государями Европейскими, съ Императоромъ и Папою, а въ Орденѣ Ливонскомъ, дотолъ всегда враждебномъ

России, имѣлъ вѣрнаго союзника противъ замысловъ Сигизмунда.

Чрезвычайное благочестіе было отличительнымъ характеромъ Василія, исполненнаго уваженія къ уставамъ святой Церкви, которая наслаждалась миромъ въ тридцатилѣтнее его княжение, и подобно какъ при Іоаннѣ славилась великими угодниками Божіими. Новгородъ и Псковъ, въ послѣдніе годы своего величія, украсились новыми обителями, зиждителями коихъ были два сомненные Саввы, Ефремъ и Никаноръ, и двое владыкъ, святые Евфимій и Іона, а на ру́бежѣ Ливонскомъ ископана Печерская обитель, священнослужителями бѣжавшими отъ гоненій изъ Дерпта. Но наипаче процвѣль монастырями дикий сѣверъ, который оживили своими пустынными подвигами выходцы Валаама и Бѣлаозера, искавши уединенія въ лѣсахъ новой Вологодской епархіи, учрежденной на мѣсто Пермской. Уже издавна основались тамъ Св. Діонисій Глушницкій и ученикъ его Григорій, и Павель Комельскій; подражателями ихъ были Корнилій и Феодосій Тотемскій, и Антоній Сійскій, и еще позже, при Грозномъ, три Александра, Комельскій, Свирскій и Ошевенскій, и многие другие, чьи имена и дѣянія не могутъ взойти въ краткій обзоръ сей. — Знаменитые отшельники: Ниль Сорскій, писатель иноческаго устава, и Кириллъ Новоозерскій, и Нилъ Столбенскій, спасавшійся въ пре-

дѣлахъ Твери, гдѣ не за долго предъ тѣмъ, просияла память Макарія Колязинскаго, были также современниками Василія, а другомъ его и наставникомъ великий Даніїлъ, игуменъ Переяславскій.

Однакоже, въ отсутствіе ересей, иныя темные облака пробѣгали по небосклону Церкви: несогласіе возникло между Серапіономъ, Владыкою Новгорода, и игуменомъ Волоколамскимъ Іосифомъ, котораго не ограждалъ онъ отъ жестокихъ притѣсненій удѣльного Князя. Митрополитъ Симонъ, съ согласія великокняжескаго, покровительствуя новой обители, переписалъ ее къ своей церковной области отъ Новгорода, за что Серапіонъ наложилъ запрещеніе на игумна съ братіею и горько выразился о лицѣ Митрополита. Судъ соборный лишилъ его престола, и въ Троицкой лаврѣ, прежней своей обители, блаженно окончилъ онъ дни свои на молитвѣ, при миренный съ Первосвятителемъ и съ самимъ Іосифомъ.

Удаленіе Св. Серапіона было весьма чувствительно для Новгорода, который послѣ него, въ теченіи семнадцати лѣтъ, оставался безъ Владыки, до посвященія Макарія. Сей будущій Митрополитъ всел Руси, показалъ еще у Св. Софіи, чего могли отъ него надѣяться Церковь и отечество. Онъ ободрилъ духовенство и народъ, огор-

ченные долгимъ отсутствіемъ Святителей; всѣ монастыри мужескіе и женскіе приняли отъ него уставъ общежитія, обновился и украсился при немъ древній Софійскій храмъ, и въ самый отдаленный съверъ проникли его пастырскія заботы:— тамъ посланный имъ для проповѣди слова Божія, иночъ Илія, обратилъ къ Христіанству дикихъ обитателей, и съ благословеніемъ Макарія устроилъ первую церковь, во имя Крестителя, по просьбѣ самихъ Лопарей.

37. ВАРЛААМЪ.

1511. Другимъ непріятнымъ событиемъ для нашей Церкви, послѣ несогласія двухъ святыхъ мужей Іосифа и Серапіона, должно почитать несправедливое гоненіе благочестиваго Святогорца Максима. Многіе монашествующіе начинали приходить съ Аюна и Синая, за милостынею въ единовѣрную Россію, при Великемъ Князѣ Василіѣ и кроткомъ Варлаамѣ, посвященному въ Митрополиты по смерти Симона. Чудовъ монастырь, уже прославленный открытиемъ мощей Святителя Алексія, служилъ для пришельцевъ гостепріимнымъ кровомъ, и быть можетъ, подобное обще-

ніє любви, подало мысль Василію испросить у Патріарха Константинопольского одного ученаго мужа изъ Грековъ, чтобы разобрать богатое хранилище Греческихъ рукописей, собранное въ его палатахъ отъ предковъ и матери Софіи. Инохъ Максимъ, получившій высокое образование въ Италии, пришелъ съ Аѳонской горы удовлетворить желанию Государя, и ласково имъ принятый занялся не только устройствомъ книгохранилища, но и переводомъ толкованія псалтыри, и исправлениемъ нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ, въ которыя вкрались грубыя ошибки неопытныхъ писцовъ. Когда же Митрополитъ Варлаамъ, избѣгая молвъ житейскихъ, уединился въ свою прежнюю Симоновскую обитель, и честолюбивый Даніилъ, игуменъ Волоколамскій, вступилъ на его каѳедру, тогда и полезные труды пришельца Греческаго подверглись осужденію, и самъ онъ сдѣлался предметомъ ропота народа.

38. *Даниилъ.*

Ученикъ просвѣщенаго Іосифа, коего послѣдователи, отличаясь особенною ревностію, назывались даже Іосифлянами между прочими иночами,

1522.

Даниилъ не могъ равнодушно видѣть книжныхъ исправлений ученаго иноземца, который имѣлъ также свободный доступъ къ В. Князю и не малое влияніе при дворѣ. Максимъ, какъ бы предчувствуя свою участъ, заблаговременно просилъ удалиться, но былъдержанъ, и отъ одного изъ своихъ приближенныхъ услышалъ горькую истину, что онъ слишкомъ многое видѣлъ на Руси, чтобы возвратиться. Нечаянное обстоятельство рѣшило судьбу его: бездѣтный Василій, послѣ двадцати лѣтняго супружества, рѣшился оставить добродѣтельную Соломонію за ея неплодіе, и просилъ разрѣшенія отъ Митрополита, Даниила, угождая В. Князю изъ видовъ политическихъ, согласился, вопреки церковныхъ правилъ, на нарушеніе священнаго союза, если только В. Княгиня удалится въ монастырь. Насильственно было ея постриженіе и Соломонія скончалась инокинею въ Суздалѣ, а Василій вступилъ въ бракъ съ дочерью Князя Глинскаго Еленою. Многіе втайне его осуждали, и два инока, Вассіанъ, роду княжескаго, неволею постриженный Іоанномъ въ Симоновъ монастырѣ за приверженность къ юному Димитріс, и Максимъ Грекъ, не убоялись обличать беззаконіе. Обоихъ заточили, перваго въ Волоколамскій монастырь, втораго въ Тверскій Отрочь, гдѣ во все времена правленія Даниилова, безвыходно сидѣлъ онъ въ келліи. Въ послѣдствіи облегчилась его

темница, перемѣщеніемъ въ Троицкую лавру; но не смотря на его убѣдительныя посланія и на представительство Патріарховъ Вселенскихъ, никогда уже не возвратился дряхлый страдалецъ на свою желанную родину, во святою гору.

Іоаннъ грозный былъ плодомъ воспрещенного брака. Обрадованный отецъ поручилъ ему молитвамъ Св. Сергія, въ чью раку положилъ державнаго младенца; крестилъ его игуменъ лавры Георгій, долженствовавшій пострадать Митрополитомъ въ бурные дни отрочества Іоанинова; восприемниками были три инока и въ числѣ ихъ Св. Даниилъ 1533. Переяславскій. Чрезъ четыре года, ранняя кончина постигла Василія, умилительная благочестіемъ умирающаго. В. Князь, устроивъ дѣла государства и семейства, просилъ одѣянія иноческаго; бояре напротивъ предлагали ему пріемъ великаго родителя и предковъ, преставшихся въ величинѣ царскомъ: но Василій настоятельно требовалъ постриженія. — Тогда Митрополитъ съ гневомъ сказалъ боярамъ: «никто не отниметъ у меня душу его; добръ сосудъ серебряный, еще лучше златой!» и постригъ В. Князя Василія, Варлаамомъ, на имя любимой имъ Бѣлоозерской обители. Съ келаря Троицкаго сняли мантию для царственнаго инока, и монашествующая братія Волоколамской и Троицкой обители вынесла изъ палатъ тѣло его, среди

плача народнаго, въ недавно украшенній имъ соборѣ Архангельскій, усыпальницу вънценосныхъ предковъ.

Митрополитъ поспѣшилъ привести къ присягѣ, младенцу и матери, его беспокойныхъ бояръ и народъ, но самъ онъ не долго удержался на своемъ престолѣ. Съ преждевременною смертію правительницы кончилось и его правленіе; Дума боярская, распоряжавшая государствомъ въ младенчество Иоанна, все возмутила, своимъ междуусобіемъ и крамолами, и первый пострадалъ Даниилъ. Могущественные Князья Шуйскіе принудили его написать отреченіе отъ митрополіи, и сослали въ прежній Волоколамскій монастырь, гдѣ строгою жизнью загладилъ погрѣшности своего правленія.

39. Іоасафъ.

1539. Новый Митрополитъ Іоасафъ возведенъ былъ ими для той же бѣдственной участіи. Представительствомъ его освободились изъ темницы родственныіе Государю Князья Бѣльскіе и двоюродный

брать его Владимиръ, но благодѣтельное вліяніе
короткаго пастыря продолжалось только до вре-
мени паденія Бѣльскихъ. Тѣ же Князья Ишуйскіе,
осыпавъ его поруганіями въ присутствіи малолѣт-
няго Царя, низвергли съ престола, едва не
лишили самой жизни и сослали на Бѣлоозеро,
откуда переселился онъ въ лавру. Тамъ гробъ
святаго мужа, подъ гроба Новгородскаго Владыки
Серапіона; оба лишенные престоловъ, оба
блаженные по кончинѣ. Между тѣмъ, посреди
десятилѣтий крамольъ боярскихъ, возрасталь
отрокъ Іоаннъ, преданный на волю всѣхъ своихъ
страстей, потворствомъ и примѣромъ преступи-
нныхъ пестуновъ; нравъ его отъ природы кру-
той, еще болѣе ожесточился и обнаружилъ на-
клонность къ тѣмъ ужасамъ, какими омрачилась
его старость. Но къ счастію Россіи, среднія лѣ-
та его мужества неожиданно украсились добро-
дѣтелями царственными, подъ спасительнымъ
вліяніемъ іерея Сильвестра и Адашева, во дни
Митрополита Макарія.

40. МАКАРИЙ.

1542. Вызванный изъ Новгорода, думою боярскою, которая низвергла двухъ его предмѣстниковъ, онъ принесъ на каѳедру всея Руси достаточную опытность, чтобы устоять посреди крамолъ, и былъ мужемъ совѣта юному Царю Шуйскіе уже пали; но дяди Государевы, Глинскіе, заступили ихъ мѣсто, къ позору отечества, обуреваемому внѣшними врагами при внутреннихъ неустройствахъ. Все измѣнилось неожиданно. Іоаннъ, по совѣщаніи съ Митрополитомъ, объявилъ намѣреніе вѣнчаться на царство, по примѣру Мономаха, и вступить въ союзъ брачный. Радостю исполнилась Москва; въ Успенскомъ соборѣ, съ вели-
1547. кимъ торжествомъ, Макарій возложилъ на него св. бармы, цѣпь и вѣнецъ и крестъ великаго Мономаха, по чину вѣнчанія Греческихъ Царей. Патріархъ Константинопольскій Іоасафъ, благословенною граматою, утвердилъ на царство Іоанна, какъ послѣднюю отрасль древняго императорскаго дома; тридцать шесть Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ Восточной Церкви под-

писали сию драгоценную грамату, доныне хранимую въ архивѣ Московскому, за которую по сказанию Курбского, Соловецкій инокъ Феодорить былъ посланъ Иоанномъ въ Царыградъ. Скорѣе другое, брачное вѣнчаніе юнаго Царя съ добродѣтельною Анастасіею, изъ рода Романовыхъ, польстило новыми счастливыми надеждами Россіи; набожныя странствія державныхъ супруговъ въ лавру Сергиеву, любимое мѣсто молитвъ Иоанновыхъ, на Бѣлоозеро, въ Пѣсноши, Волоколамскъ и другія обители, запечатлѣли радостное событие государственное и семейное.

Внезапное бѣдствіе совершенно обратило Царя съ гибельного пути его юности. Страшный пожаръ опустошилъ столицу, на пепелищѣ ея кинѣлъ матежъ народный; одинъ изъ Глинскихъ былъ умерщвленъ чернило въ соборѣ: на Воробьевыхъ горахъ, трепеталъ въ недоумѣніи самъ Иоаннъ. Тогда, какъ нѣкій Ангелъ обличитель, предсталъ ему престарѣлый пресвитеръ Повгородскій Сильвестръ и спыннымъ словомъ пробудилъ его совѣсть. Угрозы небесной казни, въ минуту земной, потрясли не совсѣмъ еще ожесточенное сердце: — Иоаннъ сталъ другимъ человѣкомъ. Онъ призвалъ Митрополита, всѣхъ Святителей, и торжественно калялся имъ въ грѣхахъ своихъ, собралъ и народъ на лобномъ мѣстѣ, оплакалъ предъ нимъ свои заблужденія, слагая вину на недостойныхъ пестуновъ. Съ чуднымъ

исправлениемъ Царя все приняло вокругъ него иной видъ: удалились преступные бояре; Адашевъ, новый добродѣтельный другъ Царевъ, не знатный родомъ но дѣяніями, сталъ на ближней ступени престола, процвѣло государство; нашлись въ думахъ мужи совѣта, въ битвахъ воожди. Но если Адашевъ владѣль сердцемъ Іоанна, душою его правилъ Сильвестръ. Странно печальное явленіе сего іероя Новгородскаго въ палатахъ царскихъ; можно предполагать, что Митрополитъ Макарій, узнавъ лично его достоинства въ прежней своей епархіи, искалъ приблизить къ Царю въ благопріятный часъ. Польза Церкви и отечества были единственою цѣлью обоихъ, слава Россіи отголоскомъ ихъ тридцатилѣтняго вліянія. На законы гражданскіе вначалѣ обратилось вниманіе новаго правительства; опытная дума бояръ, разсмотрѣвъ уложеніе Іоанна III, составила новый судебнікъ.

Самъ Іоаннъ, не смотря на порочную юность, получившій довольно образованіе и ревность къ уставамъ церковнымъ, усмотрѣлъ погрѣшности, вкравшіяся въ богослуженіе, и беспорядки въ духовномъ чинѣ. Онъ созвалъ опять соборъ всѣхъ Епископовъ Русскихъ подъ предсѣдательствомъ Митрополита Макарія, и открылъ засѣданіе трогательною рѣчью, въ коей изложилъ бѣдствія первыхъ лѣтъ своихъ. «Отцы наши, настыри и учители, говорилъ онъ, внидите въ чув-

ства ваши, прося у Бога милости и помощи, из-
тревзите умъ и просвѣтитесь во всякихъ бо-
годухновенныхъ обычаяхъ, какъ предаль вамъ
Господь, и меня сына своего наказуйте и про-
свѣщайте на всякое благочестіе, какъ подобаетъ
быть благочестивымъ Царямъ, во всѣхъ правед-
ныхъ царскихъ законахъ, во всякомъ благо-
вѣріи и чистотѣ, и все православное Христіан-
ство нелѣнно утверждайте, да непорочно со-
хранитъ истинный Христіанскій законъ. Я же,
единодушно всегда буду съ вами исправлять и
утверждать все, чему наставитъ васъ Духъ Свя-
тый; естьли буду вамъ сопротивляться, вопреки
божественныхъ правилъ, вы о семъ не умол-
кайте; если же преслушникъ буду, воспретите
менъ безъ всякаго страха, да жива будетъ душа
моя и всѣ сущіе подъ властію нашою.»

Іоаннъ напомнилъ, какъ поручилъ онъ, въ
годъ своего вѣнчанія, всѣмъ Епископамъ и игум-
намъ собрать житія Святыхъ, спасавшихся въ
ихъ областяхъ или обителяхъ, для возданія имъ
общей хвалы, и что плодомъ ихъ ревности бы-
ло прославленіе двадцати новыхъ угодниковъ,
соблюдающихъ молитвами Русскую землю. Въ
числь ихъ: Митрополитъ Іона и Новгородскій
Владыка Іоаннъ, пустынники Соловецкіе Савва-
тій и Зосима и другіе отшельники: Діонисій
Глаущикій, Павелъ Комельскій и Александръ

Свирскій; ученики Св. Сергія, Никонъ и Пафнитій Боровскій, и Александръ витязь Невскій. Соборъ еще однажды утвердилъ праздновать ихъ память, утвердилъ и предложенный ему на разсмотрѣніе новый судебнікъ.

Тогда Царь требовалъ разрѣшеніе на многіе вопросы, касавшіеся до благочинія виѣшняго и внутренняго, суда церковнаго, быта иноческаго, обрядовъ, пѣнія, иконъ, знаменія крестнаго, исправленія книгъ, нравственности духовенства, несудимыхъ граматъ, имущество церковныхъ, искорененія многихъ суевѣрій и проч. На всѣ сіи вопросы отвѣчалъ соборъ пространнымъ писаніемъ, раздѣленнымъ насто главъ, что дало ему слишкомъ известное въ послѣдствіи название Стоглава. Но хотя, казалось, всѣ недоумѣнія церковныя, того времени, разрѣшались сими правилами соборными, которыя разматривалъ еще въ тиши келейной бывшій Митрополитъ Іоасафъ съ іереміемъ Сильвестромъ; хотя предсѣдательствовалъ Митрополитъ Макарій, краснорѣчивый писатель житія Святыхъ, собраннаго имъ въ Четырехъ Мніяхъ, и хотя цѣллю самаго собора было истребленіе суевѣрій и безпорядковъ, — не смотря на то, предразсудки и невѣжество темнаго вѣка Іоаннова отразились въ нѣкоторыхъ дѣяніяхъ собора; потому что не кому было, просвѣщеннымъ окомъ, безпрестрастно повѣрять егортіенія:— образован-

ный иноокъ Максимъ Грекъ страдаль въ заточении и упалъ духомъ, къ Патріархамъ Вселенскимъ не обращались для утверждения Стоглава. Такимъ образомъ, нѣкоторые суевѣрные обычай и по грѣшности мѣстныя, облеклись признакомъ законности, и укоренившись временемъ въ народѣ, произвели тѣ пагубные расколы, какими донинѣ страдаетъ Церковь; такъ и самое исправленіе богослужебныхъ книгъ, предположенное на стоглавномъ соборѣ, отсрочено было, бѣдствіями государства, до временъ Никона Патріарха, хотя его предшественники, мало по малу, уже приступали къ сему великому труду. Еще одно весьма важное обстоятельство бросаетъ невыгодную тѣнь на стоглавный соборъ: дѣянія его остались неутвержденными, подписью Епископовъ Русскихъ, и не только не сохранился его подлинникъ, но даже никакая лѣтопись не упоминаетъ о немъ до Никона, и самъ Митрополитъ Макарій безмолвствуетъ о соборѣ въ своей степенной книгѣ, гдѣ изложилъ события царственныя и церковныя; быть можетъ, и онъ не соглашался на нѣкоторыя его правила, или за утратою подлинника, соборныя дѣянія иска жены въ спискахъ.

Междуд тѣмъ внутреннее благосостояніе государства отозвалось побѣдами врагамъ: царства и области постепенно падали къ ногамъ юнаго Царя; обломки Золотой Орды, разсыпавшейся

при Иоаннѣ III, взошли въ державу его внука. Еще недавно грозились Крымъ и Казань, взаимно поддерживая свои силы, и Хань Девлетъ Гирей, опустошительнымъ набѣгомъ, приближался къ столицѣ, приводя въ трепетъ луму боярскую и отрока Иоанна; въ свою чреду бѣжалъ онъ въ степи, при одномъ слухѣ о вооруженіи возмужавшаго Царя. Въ послѣдній разъ взволновалась Казань противъ намѣстника Русскаго, даниаго ей, когда увезены были въ Москву Царица Татарская Сумбека съ малолѣтнимъ сыномъ; изъ Астрахани вызвалъ себѣ пародъ Казанскій Царемъ Эдигера и возбудилъ гнѣвъ Иоанна. Сильныя приготовленія воинскія предшествовали величайшему изъ ратныхъ подвиговъ сего времени. На пути къ мятежному городу заложена была Свѣлжская крѣпость; увѣщательныя граматы Митрополита возбудили ея новыхъ поселенцевъ и собравшіеся полки къ святому исполненію своего долга. Наконецъ поднялся самъ Иоаннъ; блестательный походъ его имѣлъ совершенно подобіе крестового; торжественность обрядовъ церковныхъ мѣшалась съ упражненіями воинскими; молебствія начинали и заключали каждый подвигъ. Въ виду Казани расположился необъятный станъ Русскій и близъ шатра царскаго разбитъ шатерь церковный. Отчаянны были приступъ и отпоръ, подъ главную башню подведенъ подкопъ, и когда во время

литургії громко возгласилъ діаконъ слова евангельскія: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь» ужаснымъ взрывомъ пали стѣны Казанскія.

Торжествующій Іоаннъ, вступивъ въ покоренный городъ, самъ волрузилъ посреди него первый крестъ, и обойдя по стѣнамъ, съ хоругвями и иконами, посвятилъ его имени Христову. Въ нѣсколько дній создана имъ малая церковь Благовѣщенія, начатокъ просвѣщенія Востоку, ибо отсель отверзлась ему широкая дверь къ услышанію спасительного благовѣстія. Неписчилимы были счастливыя послѣдствія взятія Казани, прославившей имя Іоанна въ Европѣ и Азіи: — владѣтель Сибирскій предложилъ ему дань, Князья Горскіе и Черкасскіе подданство. Скоро нало предъ его оружиемъ и другое царство Татарское Астрахань, хотя съ меньшими усилиями. Казаки, новый народъ, образовавшийся еще при его дѣдѣ, изъ разнородныхъ племенъ, съ однимъ лишь условіемъ православія, на верховьяхъ Дона и на порогахъ Днѣпра, тревожили Крымъ и Литву, и соединились подъ предводительствомъ вождей Русскихъ, чтобы наступить на Хана. Стоило одной воли Іоанновой, и сей послѣдний остатокъ силы Батыевої изчезъ бы въ предѣлахъ нашихъ, но Царь не послушалъ совѣта благоразумныхъ вельможъ, обратилъ честолюбивый

взоръ на Ливонію, и Крымъ ожиль для бѣдствія отечества.

Радостно возвращался юный Царь изъ подъ Казани; рождение сына Димитрія усугубило его радость. Онъ направилъ путь въ лавру, чтобы принести тамъ благодарственное моленіе; два святые мужа, какъ живьцы иныхъ временъ, встрѣтили его у гроба Сергіева: Ioасафъ Митрополитъ, пострадавшій во дни его юности, и Максимъ Грекъ, доживавшій въ заточеніи горькую старость. Другая, болѣе торжественная встреча ожидала его въ Москвѣ: Митрополитъ Макарій со всемъ духовенствомъ стоялъ у той обители, гдѣ нѣкогда предмѣстникъ его Кипріанъ принялъ икону Владімірскую залогомъ спасенія отъ Тамерлана. Въ умилительной рѣчи изложилъ Царь всѣ свои побѣды, смиренno относя ихъ молитвамъ Святителя и въ избыткѣ чувствъ простираясь предъ соборомъ. Въ свою чреду привѣтствовалъ его Макарій, благодаря отъ лица всея земли Русской, и палъ къ ногамъ его съ духовенствомъ. Послѣдняя сладостная встреча была въ Кремль: супруга Анастасія съ младенцемъ. Крещеніе его ознаменовалось принятіемъ въ имена Церкви трехъ Царей Казанскихъ: Сумбеки и ея сына, подъ именемъ Александра, и племянаго Эдигера, нареченаго Симеономъ, по собственному изъ произволенію; Митрополитъ самъ испытывалъ искренность обращенія.

Торжественно было открытие новой епархии Казанской. Митрополит Макарий, Архиепископы Новгородский Пименъ и Никандръ Ростовскій, Епископы Аѳанасій Сузdalльскій, два Гурія, Смоленскій и Рязанскій, Акакій Тверскій, Феодосій Коломенскій, Нифонтъ Сарскій и Кипріанъ Вологодскій, въ присутствіи двора и пословъ иноzemныхъ, избрали и посвятили соборно игумена Селижаровскаго Гурія, архиепископомъ въ Казань, и дали ему степень вслѣдъ за Новгородскимъ, изъ уваженія къ царственной его епархіи. Десятина доходовъ завоеванной области и многія волости царскія опредѣлены для содержанія Святителя, который отпущенъ изъ Москвы на судахъ, съ крестами и хоругвями. Обращеніе многихъ тысячъ язычниковъ и Магометанъ, къ свѣту Христову, было подвигомъ всей жизни Гурія, причтеннаго къ лицу святыхъ. Около того же времени предсѣдательствовалъ Макарій на другомъ, менѣе знаменитомъ соборѣ, осудившемъ начала ереси, которая вкрадывалась къ намъ изъ Литвы. Отверженіе церковныхъ правилъ, обрядовъ и иконъ, и сомнѣніе въ Божествѣ Спасителя, обнаружили виновныхъ, Бакшина и его не многихъ послѣдователей; ихъ предали анаѳемѣ, послѣ тщетныхъ увѣщаній игумена Троицкаго Артемія, который въ послѣдствіи самъ подвергся подозрѣніямъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь. Пола-

гаютъ, что и Кассианъ, Епископъ Рязанскій, по той же причинѣ лишенъ былъ своей эпархіи. — Преемникъ Артемія игуменъ Елевоерій, впервые возведенъ въ санъ архимандрита, и лавра его почтена¹ старѣйшинствомъ предъ всѣми обителями Русскими, въ залогъ особеннаго усердія Іоаннова къ великому угоднику Сергію. Наружное его благочестіе и благодарность Господа за дарованныя побѣды ознаменовались, кроме щедрыхъ милостынь и вкладовъ, строеніемъ великолѣпнѣйшаго изъ храмовъ Московскихъ, предъ вратами Спасскими Кремля, во имя Покрова Пресвятаго Дѣвы. Храмъ сей, болѣе известный подъ именемъ Василія блаженнаго, въ немъ почивающаго, поражаетъ взоры своею необычайною, полуосточною, полуготическою громадою, какъ славный памятникъ побѣды, какъ бы самый образъ покоренной Казани, припавшей подъ сѣнь древней Московской святыни.

Скоро жестокая болѣзнь, которая едва не свела во гробъ Іоанна, послужила началомъ грядущихъ бѣдствій Россіи; ибо на одрѣ смертномъ испыталъ онъ опять смуты боярскія своего детства; самые близкіе вельможи не хотѣли присягать малолѣтнему сыну его Димитрію, изъ страха безначалія, и клонили на сторону его двоюроднаго брата Владимира. Однакоже исцѣленный Царь, казалось, забылъ ихъ своеволіе и по-

данному обѣту отправился на богомоліе въ лавру, Пѣсношь и Бѣлоозеро. Июкъ Максимъ Грекъ, является здѣсь въ послѣдній разъ уже на исходѣ своего тридцатилѣтняго страданія. Неизвѣстно, по какимъ тайнымъ побужденіямъ, отклонялъ онъ Іоанна отъ дальнѣйшаго пути, предрекая даже безвременную кончину Царевича, но не былъ послушанъ. Въ Пѣсношь другое замѣчательное свиданіе ожидало Царя, пагубное для его душевнаго спокойствія; тамъ жилъ на смиреніи бывшій Епископъ Коломенскій Кассіанъ, никогда другъ В. Князя Василія и Митрополита Даніила; ожесточенный годами и затворомъ, старецъ, въ бесѣдѣ съ Іоанномъ, далъ ему совѣтъ по сердцу: не держать между близкими никого мудрѣе себя, чтобы свободно властвовать; и посвяленное имъ слово принесло въ свое время гибельный плодъ.

Умершій Димитрій замѣненъ былъ Царю двумя сынами, Іоанномъ и Феодоромъ: но ничто не вознаградило ему ранней кончины добродѣтельной Анастасіи, съ которою рушилось все благосостояніе; — жестокій нравъ второй супруги Царя, Княжны Маріи Черкасской, и проклятия вельможъ погубили лучшихъ его сподвижниковъ: Сильвестра и Адашева обвинили въ отравленіи Царицы Анастасіи. Оба, предвидя свою участь, искали удалиться; Сильвестръ постригся

на Бѣлоозерѣ, но вызванъ на судъ въ Москву и заточенъ въ Соловецкомъ. Адашевъ, заранѣе испросивъ себѣ санъ воеводы въ Ливоніи, былъ лишенъ его и скончался въ темницѣ Дерптской.

Еще пылала тогда война Ливонская, славная оружію нашему, ибо подъ ударами вождей, Курбскаго, Серебрянаго и Адашева, падали строи и города рыцарскіе, и взять самый Феллинъ, ихъ столица, но она бесполезна была для государства: Іоаннъ съ немногими городами удержалъ одно титло Государя Ливонской земли. Орденъ сокрушился, его бывшій Магистръ и рыцари томились въ темницахъ Московскихъ; по послѣдней В. Магистръ Кетлеръ, не видя ни отколовъ спасенія, поддался Королю Польскому Сигизмунду, сложивъ съ себя воинскія достоинства главы Меченосцевъ для получения герцогства Курляндскаго. Часть его приморскихъ владѣній отошла къ Швеціи; отсель возникла продолжительная война съ сими двумя державами. Но хотя Литва уже на всегда присоединилась къ Польшѣ и могла дѣйствовать общими силами противъ Россіи; однако же успѣхи Іоанна, до смерти слабаго Короля Сигизмунда, были блестательны. Онъ самъ взялъ Полоцкъ и тѣмъ окончилась его личная воинская слава: Епископъ сей древней Русской епархіи отосланъ съ плѣнными въ Москву, и Сузdal'скій Трифонъ на краткое время

назначенъ туда Архіепископомъ, до обратнаго завоеванія Полоцка Поляками. Ветръча, подобная Казанской, ожидала побѣдителя, хотя уже перемѣна его характера убила въ сердцахъ радость.

Митрополитъ Макарій опять привѣтствовалъ въ Москвѣ Царя и вскорѣ преставился. Свидѣтель первой славной половины царствованія Іоанна, онъ былъ избавленъ Прорицаніемъ отъ кровавыхъ ужасовъ второй, и еще отошелъ съ миромъ, оставивъ по себѣ благую память опытнаго настыря, руководившаго его къ добру. Любитель просвѣщенія, съ слабыми средствами своего вѣка, онъ невинно причинилъ много вреда Стоглавомъ, но принесъ и великую пользу своими учеными трудами, продолженіемъ лѣтописи Кипріановой, переводомъ Греческихъ миней и заведеніемъ первой въ Москвѣ типографіи, где напечатаны при немъ *Дѣянія и посланія Апостольскія*. Суемудрые толки противъ книгопечатанія, возбудившаго нареканія писцовъ, остановили первые его успѣхи, по кончинѣ покровителя Макарія, и хотя было издано Евангеліе, по волѣ Царя, онъ уступилъ однакоже знаменитому Князю Константину Острожскому, намѣстнику Киева, пособія и славу напечатать у себя полную Славянскую Біблію.

Въ Литвѣ, послѣ Митрополита Іосифа Салтана, продолжался рядъ православныхъ Митропо-

литовъ Киевскихъ. Не уступалъ ему въ ревности преемникъ Іона II, избранный по представительству В. Княгини Елены, который утвердилъ въ православіи многихъ князей Литовскихъ, и успехъ сей былъ причиною, что Король Польскій, на Гродненскомъ 1522. сеймѣ, запретилъ назначать православныхъ въ сенаторы и высшія должности государственные, оставилъ имъ однако же право избранія своихъ Первоучастителей. Послѣдовавшіе за нимъ Митрополиты, благословленные Патріархами Константинополя, — Госифъ II, изъ Епископовъ Полоцкихъ, Макарій II, изъ придворныхъ священниковъ В. Княгини Елены, Сильвестръ, Іона III, при коемъ, конституцію сейма Люблинскаго, совершилось соединеніе княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ, єль лицъ Сигизмунда Августа, и Илія, съ помощію победъ Государей Россійскихъ, сильно противоборствовали вліянію Рима и ереси Лютеровой, проникшей въ западные предѣлы наши, гдѣ многихъ обольстило исповѣданіе Латинское, даже изъ числа духовныхъ.

1569.

41. АЕАНАСІЙ.

Въ Москвѣ, послѣ Макарія, избранъ Ми-^{1564.}
трополитомъ духовникъ царскій, архимандритъ
Аѳанасій и соборною грамотою утверждено ему
и преемникамъ ношеніе бѣлаго клобука, который
имѣлъ его предмѣстникъ, какъ владыка Новго-
рода. Но не долго оставался на своей каѳедрѣ
Аѳанасій; испуганный правственною перемѣною
своего духовнаго сына, онъ чрезъ годъ удалил-
ся въ Новоспасскій монастырь, созданный Іоан-
номъ III, вместо первоначальной Спасской обите-
ли прадѣда Калиты.

Внезапное удаленіе Царя, со всемъ семействомъ, въ слободу Александровскую, подъ предлогомъ опасенія отъ своихъ подданныхъ, ознаменовало начало ужасовъ его царствованія. Смятенная столица послала святителей и бояръ умолять Государя о возвращеніи. Онъ смиливался съ условіемъ не вступаться за его жертвъ,— и пали головы первостепенныхъ вельможъ. Въ порывѣ непопятнаго изступленія Іоаннъ раздѣлилъ всю Россію на двѣ части: одну назвалъ

свою собственностию или опричною, въ которую включилъ многіе города и участки самой столицы, подъ личнымъ управлениемъ; другую, съ именемъ землины, поручилъ боярамъ, жертвуя ею во всѣхъ случаяхъ своей опрични. Себя же окружилъ шеститысячною стражею буйныхъ юношей, съ коими обтекалъ города и села, предавая ихъ огню и мечу и насилию, такъ что страшные его опричники просыпали кромѣнниками въ народѣ, отъ тьмы кромѣнной, изъ кой казалось исторглись.

Избѣгая столицы, въ Александровѣ устроилъ онъ себѣ келліи, палаты съ крестовою великолѣнною церковью, и обнесъ ихъ оградою на подобіе обители; тамъ, въ черной мантіи ино-ка, которою какъ бы на поруганіе, облекъ и свою кровожадную братію, ревностно исполнялъ онъ весь уставъ церковный, чтобы заглушить совѣсть, молясь и каая, изъ храма выходя на пытки: — странная игра человѣческаго сердца! благочестивые навыки дѣтства, всосанные съ млекомъ, набожность вѣшняя, обратившаяся ему въ природу, безъ отчета и от-голоска въ сердцѣ, пробивалась всюду сквозь жестокую, грубую оболочку страстей, кото-рая въ свою чреду сдѣлалась второю приро-дою Иоанна. Твердо изучивъ писанія, владѣя первомъ сильнымъ, изъ грознаго своего пріюта разсыпалъ онъ язвительныя посланія по окре-

стнымъ монастырямъ, обличая ихъ въ несоблюденіи устава, въ нарушеніи строгихъ правилъ житія иноческаго, котораго казался первымъ ревнителемъ.

Нашелся и ему отважный обличитель, вѣнчанный также, но только вѣнцемъ мученика, поверхъ пастырской митры. Робкій Аѳанасій удалился, не въ силахъ будучи противостоять подобной бурѣ; на Германа Архіепискоша Казанскаго палъ выборъ царскій. Тщетно отказывался святой старецъ; ему повелѣли занять покой первосвятительскіе въ ожиданіи оржественнаго постановленія. Чувствуя долгъ своего званія, Германъ хотѣлъ однако же предварительно бѣсѣдоватъ съ Царемъ, и увѣщаніемъ пастырскимъ, дерзнулъ отклонять его отъ гибельного пути, по коему стремился. Разгнѣванный Іоаній изгналъ его изъ палатъ Кремлевскихъ въ прежнюю епархію и приступилъ къ новому выбору.

42. Святый Филиппъ II.

1565. Онъ вспомнилъ знакомаго ему въ дѣтствѣ св. игумна Филиппа, происходившаго отъ рода боярскаго Колычевыхъ. Давно уже, оставивъ суету міра, спасался онъ въ дикой пустынѣ Соловецкой, гдѣ строгая жизнь иноха не мѣшала ему заниматься устройствомъ своей далеской обители и распространенiemъ свѣта Христова вокругъ Бѣлаго поморія. Молва о святой жизни Филиппа побудила Царя вызвать его къ себѣ, подъ предлогомъ духовнаго совѣта. Съ горькими слезами оставилъ старецъ свое уединеніе и, испуганный предложеніемъ высокаго сана, умоляль не лишать его пустынїи и святыхъ отецъ. Онъ видѣлъ долгъ званія, предвидѣлъ и участъ, и на первомъ шагу уже не хотѣлъ признать гибельной опричины, отторгнавшей часть его паства. Онъ убѣжалъ Епископовъ стоять твердо противъ столь пагубнаго раздѣла; но одни безмолвствовали отъ страха, другіе потворствовали изъ человѣкоугодія; всѣ умоляли его не раздра-

жать изступленнаго, своимъ удаленiemъ, не предавать гибелью его государство и Церковь, и, ради ихъ будущихъ льстивыхъ надеждъ, согласился Филиппъ, избѣгая нареканія гордости и упорства. Онъ зналъ, что новыя бѣдствія скоро поставятъ его лицемъ къ лицу съ Иоанномъ и дадутъ изречь слово истины.

Въ самый день посвященія уже раздались съ каѳедры увѣщанія его на привѣтственную рѣчь Царя: ибо молчаніе, говорилъ ревностный пастырь, полагаетъ на душу грѣхъ и наноситъ всенародную смерть. Иоаннъ, еще подъ вліяніемъ первого впечатлѣнія, внималъ спокойно Митрополиту, ласкалъ, или лучше сказать, терпѣлъ его, и временно престали казни, но не на долго. Они повторились съ новыми ужасами въ бѣдствующей столицѣ и жалобы бояръ, прибѣгавшихъ къ заступленію Филиппа, подвигли его душу.

Однажды въ день воскресный, когда служилъ онъ литургію въ соборѣ Успенскомъ, взошелъ Царь въ толпѣ своихъ опричниковъ, облеченный самъ въ страннаяя одежды, и сталь у каѳедры принять благословеніе; но Святитель, устремивъ взоры на икону Спасову, казалось, не замѣтилъ прихода царскаго; бояре возвѣстили ему Иоанна. «Не узнаю Царя въ такой одежде», возразилъ онъ, не узнаю и въ дѣлахъ царства: кому поревновалъ ты, о Царь, измѣ-

нивъ образъ твоего благолѣпія? убойся Божія суда; здѣсь приносимъ мы безкровную жертву Господу, а за олтаремъ льется неновинная кровь Христіанская!» — Іоаній закинѣль гнѣвомъ, угрозами хотѣль закрыть уста его, но онъ не страшили были святому мужу: «я пришлецъ и пресельникъ на земли, какъ и вѣсъ отцы мои, тихо отвѣчалъ онъ, и готовъ пострадать за истину; гдѣ же вѣра моя, если умолкну?»

Виѣ себѣ отъ ярости вышелъ изъ собора Іоаній; однакоже, несмотря на внушенія своихъ приближенныхъ, искій тайный страхъ еще удерживалъ его возложить руку на святаго. Онъ только избѣгалъ лица его, встрѣчаясь съ нимъ въ однихъ храмахъ, но тамъ гремѣли обличенія. Крестный ходъ соединилъ обоихъ на стѣнахъ Дѣвичьяго монастыря, и Митрополитъ, обратясь къ народу, увидѣлъ одного изъ опричниковъ съ покровленною головою. Онъ указалъ виновнаго Іоаниу, жалуясь на сей Татарскій обычай его дружинъ; по любимецъ царскій уже успѣлъ снять тафью, и въ свою чреду обвинилъ въ клеветѣ Филиппа. Іоаній рѣшился наконецъ свергнуть тягостное для себя иго его добродѣтели, и искалъ лишь законной вины. Онъ послалъ Сузdalльского Епископа Пафнутия въ Соловецкую обитель испытать жизнь Филиппову, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ протекла большая часть ея въ подвигахъ духовныхъ; по никто изъ

братіи не дерзнула клеветать на бывшаго настоятеля; одинъ только игуменъ Паній увлеченъ былъ лестію и угрозами къ его обвиненію. Обрадованный Царь призвалъ Митрополита, какъ подсудимаго, на соборъ духовный, гдѣ въ числѣ судей его засѣдалъ и владыка Новгорода, честолюбивый Пименъ, скоро воспріявши достойную мзду, съ Филоесемъ Рязанскимъ, Пафнутиемъ Суздальскимъ и другими угодниками Иоанна; заточеніе было имъ наградою. Св. Филиппъ предрекъ его Пимену, и самъ, слагая съ себя мантію и бѣлый клобукъ, радостно отдавалъ ихъ Царю, прося опять пустыни и безмолвія, и убѣждая Епископовъ твердо стоять за Церковь Христову. Но Иоаннъ хотѣлъ мщенія торжественнаго за обличенія всенародныя; онъ принудилъ Митрополита служить еще однажды литургію. Толпа опричниковъ съ воплемъ ворвалась въ храмъ, когда Святитель стоялъ уже предъ престоломъ, спокойно принося послѣднюю жертву, готовый принести и самаго себя за имя Христово; съ него сорвали ризы, одѣли въ рубище и повлекли въ темницу. Старецъ, осенія на пути народъ, повторяль только, «молитесь» и въ дверяхъ собора возгласиль: «радуюсь, что все сие пріобрѣль ради Церкви; но наступитъ время вдовства ея, когда пастыри ея будуть презираемы, какъ наемники.»

На другой день, въ палатахъ царскихъ, въ

присутствіи Царя, объявлено Филиппу его низложение; съ спокойствіемъ выслушавъ приговоръ свой, онъ еще однажды умолялъ Царя, вспомнить примѣръ своихъ предковъ и престать отъ убийствъ. Въ монастырѣ Никольскомъ, куда временно былъ заточенъ, получилъ онъ даръ отъ Иоанна — окровавленную голову своего племянника. Филиппъ благословилъ ее и возвратилъ пославшему. Чрезъ недѣлю отвезли его, подъ крѣпкою стражею, въ Тверскій Отрочь монастырь, гдѣ въ тѣсной келліи пребывалъ на молитвѣ до мученической своей кончины.

43. КИРИЛЛЬ III.

Безмолвный иноокъ, игуменъ Новинскій Кирилль, посвященъ былъ на его мѣсто, но Церковь и государство не примѣтили пребыванія его на каѳедрѣ Московской. Онъ и преемникъ Антоній, избранный изъ Архіепископовъ Полоцкихъ, скользнули какъ тѣни, во мракѣ послѣднихъ, ужасныхъ лѣтъ Иоанна; послѣ Св. Филиппа они уже казались мертвыми!

На свой Новгородъ поднялся Иоаннъ, когда

еще длилась безъ успѣха виѣшняя война съ Сигизмундомъ; — преданность Каролю Польскому послужила предлогомъ раззоренія собственныхъ городовъ. Все предано было огню и мечу, на пути его къ Ильменю, начиная съ Клина. Посреди опустошенія Твери не забылъ мучитель о прежней своей жертвѣ; онъ послалъ достойнаго клеврета Малюта Скуратова, какъ бы за благословеніемъ, въ Отрочь-монастырь. «Твори то, зачѣмъ присланъ» спокойно сказалъ ему Св. Филиппъ, и былъ задушенъ въ келліи, пострадавъ за истину какъ другой Предтеча. многими великими Іерархами просіяла Церковь Россійская, но въ числѣ ихъ одинъ только мученикъ, и слава его нетлѣнна, какъ нетлѣнны самыя останки. Живое слово Филиппа, казалось, удержало жизнь и въ мертвенному его тѣлѣ, и не могъ разсыпаться неколебимый столпъ сей, подпирающій Церковь. На четырехъ столпахъ покоятся Церковь Московская и всяя Руси: Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, — кто потрясеть подобную твердыню! Въ соборѣ Успенскомъ молчи священномуученика; тщетно обитель Соловецкая испросила ихъ, въ кроткіе дни Феодора, чтобы упокоить, подъ шумъ своихъ бѣлыхъ пучинъ, избравшаго нѣкогда утесъ океана пустыннымъ себѣ приютомъ. Пастырь добрый, положившій душу за овцы, долженъ быть отыскать на мѣстѣ своего подвига.

Отъ Твери продолжалась кровавая стезя Иоанна; дружина предупредила его убийствами въ Новгородѣ: иноки, богатѣйшіе граждане поставлены были на правежъ и многіе не перенесли ударовъ; однихъ духовныхъ пострадало болѣе пятисотъ; имущества обителей разграбили; простой народъ свергали тысячами въ Волховъ. Владыка Пименъ встрѣтилъ со крестами на мосту; Царь назвалъ его измѣнникомъ и сурово велѣлъ идти служить литургию въ Софийской соборѣ; изъ храма зашелъ къ нему на трапезу, и, по данному знаку, съ всплемъ бросились на него опричники, схватили всѣхъ бояръ и посадили подъ стражу. Сосланный въ слободу Александровскую, онъ тамъ лишенъ былъ сана и заключенъ въ монастырь Тульскій; а Новгородъ, исполненный смерти, которую умножили еще голодъ и моръ, слѣдствіе казней, опустѣль послѣ грознаго посѣщенія Иоаннова. Онъ собралъ тамъ великия богатства и побѣжалъ изъ Хутыни, пораженный тайнымъ ужасомъ, когда хотѣлъ коснуться раки преподобнаго Варлаама. Расхищая святотатно одинъ обители, благоговѣйно украшаль онъ другія: троицкая лавра и Кириловъ монастырь были исключительнымъ предметомъ его усердія; два собора, Успенскій и Сопшественскій, воздвигнуты имъ въ лаврѣ и обитель Бѣлоозерская укрѣплена твердыми стѣнами, гдѣ думалъ найти спасеніе отъ набѣговъ Татарскихъ и отъ своихъ

подданныхъ, ибо тамъ намѣренъ былъ постричься и туда сложилъ сокровища, добытыя имъ въ Казани и Новгородъ.

Псковъ едва не подвергся той же участи, какъ и древняя столица Рюрика. Уже грозный истребитель стоялъ подъ его стѣнами, и послѣдняя ночь осѣнила трепещущій Псковъ; все граждане проводили ее на молитвѣ; ударили въ колоколь къ утренни и тихій звонъ смягчили жестокое сердце; умилился Іоаннъ и утихъ. Съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ его народъ, кускомъ сыраго мяса, юродивый Салось, въ своей келіи. «Я Христіанинъ и не змѣя мяса въ великий постъ», «сказалъ ему удивленный Царь, «Ты пьешь человѣческую кровь»,» отвѣчалъ смильный отшельникъ, и смиленный Іоаннъ остался безотвѣтенъ и поспѣшилъ изъ Пскова. Не радостный гость ожидалъ его въ Москвѣ: единственный Ханъ Девлетъ Гирей, съ Ордою Крымцевъ, обопель на Окѣ воеводъ и подступивъ къ Москвѣ, выжегъ всѣ я посады. Митрополитъ Кириллъ едва не задохся отъ дыма въ Кремль; Іоаннъ бѣжалъ. Вторичное нашествіе Хана было менѣе ему удачно; знаменитый воевода Воротынскій, будущій мученикъ неблагодарнаго Іоанна, разбилъ совершение Хана недалеко отъ столицы; а Царь опять удалился въ Новгородъ, но на сей разъ безъ пролитія крови, смиреннымъ богомольцемъ, на тѣхъ же мѣстахъ, где свирѣп-

свовалъ мучителемъ, и привезъ съ собою въ утѣшенье гражданамъ новаго Владыку Леонида.

Тревожимый совѣстю Иоаннъ, какъ бы невольно, тѣснился въ Церковь, чтобы въ ней найти приютъ отъ внутренней бури, и наполнялъ ее непрестанно своими ужасами, такъ, что на каждомъ шагу его жизни, дѣяніе церковное стоить подмѣтъ убийства, и въ страшномъ смѣшаніи мелькаютъ вокругъ него то лица святителскія, то опричники. Послѣ убіенія Св. Филиппа и сверженія Пимена, странно видѣть того же Иоанна, преданного всему пылу страстей своихъ, смиренно просящаго разрѣшенія на четвертый бракъ у собора Епископовъ, которые разрѣшили бракъ, вопреки правилъ церковныхъ, и возложили на него эпитимію, безмолвствуя о потокахъ крови, имъ проливаемой. Это произходило уже по кончинѣ Кирилла и въ небытность Митрополита. Антоній, возведенный на его мѣсто, предсѣдательствовалъ на другомъ соборѣ, который, по требованію царскому, запретилъ

1572. монастырямъ приобрѣтать новые вотчины, и возвратилъ Государю тѣ изъ нихъ, которыя пожертвованы были В. Князьями Московскими. Затруднительныя обстоятельства Россіи принудили прибѣгнуть къ сей мѣрѣ.

44. А п т о п і й.

Уничтожилась наконецъ пенавистная опричина, стоявшая столько крови, но не перестала литься кровь сановниковъ, мірскихъ и духовныхъ; въ числѣ ихъ пострадалъ Владыка Новгорода Леонидъ, и благочестивый игуменъ Печерскій Корнилій, который встрѣтилъ болѣе счастливо Іоанна, въ часъ опасности Пскова, нежели въ собственной обители, во время Ливонскаго похода, и ѡеодорить мужъ праведный, принесшій ему иѣко-гда благословенную грамоту патріаршую на царство, и съ тѣхъ поръ опять уединившійся на съ-вѣрѣ, где устроилъ обитель посреди крещеныхъ имъ Лопарей. Когда же такимъ образомъ внутри враждовалъ самъ Іоаннъ, извѣзвѣстали новые сильные враги. Нещастная Ливонія продолжала быть предметомъ и поприщемъ жестокой борьбы. Съ одной стороны опустошили ее войска Іоанновы, который самъ домогался званія ся Государя, и далъ мечтательный титулъ Короля Ливонскаго Принцу Датскому Магнусу, женивъ его на своей племянницѣ. Съ другой

стороны вторгались Шведы, стараясь удержать за собою поморие; явился и третий могущественный вонитель, сильнее и деятельнеъ своихъ соперниковъ, новый Король Стефанъ Баторій, избранный изъ Князей Седмиградскихъ послѣ бѣства Генриха Валуа. Еще недавно чины Польскіе и Литовскіе предлагали корону юному сыну Іоанна Оводору; но честолобивый отецъ присвоивая ее себѣ, утратилъ для обояхъ. То же самое должно было повториться чрезъ нѣсколько лѣтъ съ Сигизмундомъ и Владиславомъ Польскими, въ отношеніи Россіи. Витязь, посѣдѣвшій въ битвахъ, Баторій, славою побѣдъ своихъ, затмилъ оружiemъ воеводъ панихъ. Древній Полоцкъ, не смотря на мужественную защиту жителей, ободряемыхъ своимъ архіепископомъ Кипріаномъ, сдался. Непріятель двинулся въ самые предѣлы наши и поставилъ станъ свой подъ стѣнами Пекова, но храбрый воевода Шуйскій отразилъ всѣ его приступы и сдѣлалъ тщетною долгую осаду.

Непонятная робость, слѣдствіе внутренняго смятенія, овладѣла душою Іоанна. Имѣя многочисленное войско, онъ искалъ помощи въ посредничествѣ чуждыихъ державъ, съ коими, во все теченіе долгаго царствованія, находился въ сношеніяхъ дружественныхъ и торговыхъ. Императоръ и Папа вступились въ дѣла Польскія. Григорій XIII не упустилъ случая благопріятна-

го для своихъ видовъ; онъ отправилъ Иезуита Антонія Поссевина, къ враждующимъ, который, въ качествѣ посредника, переходя изъ стана въ станъ, способствовалъ къ заключению перемирия, невыгоднаго для Россіи, ибо послѣ столькихъ пожертвованій она уступила Ливонію и Полоцкъ Литвѣ. — Хитрый Антоній усиливался обратить Іоанна къ союзу Флорентинскому, къ каждой изъ политическихъ бестъдъ своихъ примѣшивая слова о соединеніи Церквей; но Іоаннъ, не менѣе тонкій, старался отклонять всякое состязаніе, чтобы оскорблениемъ легата не повредить дѣламъ своимъ. Когда же увѣренъ былъ въ перемирии, рѣшительнѣе давалъ отвѣты; иногда даже не въ силахъ будучи умѣрить своего пылкаго нрава, онъ выражался сильно на счетъ честолюбія и самовластія первосвященниковъ Римскихъ, и опять смягчался видя неудовольствие Поссевина. Не смотря однакоже на всѣ его просьбы, онъ не дозволилъ кунцамъ Венеціанскимъ строить Латинскихъ церквей въ государствѣ, и отпустилъ послана съ честью и богатыми дарами. Но посѣщеніе Антонія, недѣйствительное въ Москвѣ, оставило по себѣ глубокіе слѣды въ Литвѣ, гдѣ ревностныя его увѣщанія и хитрая политика произвели чрезъ всѣсколько лѣтъ Уию, столь гибельную въ лѣтописяхъ Церкви и отечества.

Покореніе Сибири Ермакомъ было послѣд-

нимъ отблескомъ могущества Іоаннова, болѣе славнаго на востокѣ, нежели на западѣ. Третіе царство Татарское уже сокрушалось у подножія его престола; оставалась одна тревожная Орда Крымская для совершеннаго сотрнія памяти Монгольской. А самъ онъ преждевременно склонился въ могилу, изпепелившійся внутренно пыломъ страстей цѣлой жизни. Сильно потрясла его бѣдственная кончина царевича Іоанна; неистовый отецъ поразилъ его жезломъ, въ припадкѣ ярости, и опомнился уже надъ трупомъ; богатыя милостины, по душу его, посланы были на Синай и Аѳонъ и къ Св. гробу. Наслѣдниками остались слабый Феодоръ и младенецъ Димитрій, рожденный отъ седьмаго брака, горько памятный Россіи. Наконецъ болѣзнь душевная Іоанна сообщилась и тѣлу; окруженный столькими тѣнями, имъ убіенныхъ, онъ угасалъ какъ багровое солнце въ тучахъ. Въ часъ кончины, Митрополитъ Діонисій, зная желаніе державнаго, сталъ постригать его на имя любимой имъ обители Бѣлоозерской, и уже не грозный Іоанъ, но смиренный инонъ Іона, предалъ духъ свой небесному судіи его страшнаго на землѣ царствованія.

45. Діонисій.

Пастало мирное время Феодора, какъ тиши- 1582.
на послѣ бури; въ лицѣ его родъ Рюриковъ прощался съ Россіею, осыпая ее послѣдними благодѣяніями, и торжественно было сіе прощеніе, между ужасовъ Іоанновыхъ и мятежей Самозванцевъ. Пять думныхъ бояръ оставлены были могущественнымъ отцемъ слабому сыну, Князя Шуйскаго, Мстиславскаго и Бѣльскаго и родствен- ные Никита Романовъ, его дядя, и шуринъ Борисъ Годуновъ, будущій Царь, заблаговременно принявший бразды правленія и удаливший прочихъ вельможъ. Малолѣтнаго Дмитрія, съ матерью Царицею Марею и всѣмъ дворомъ его, послали на воспитаніе въ удѣльный Угличъ. По примѣру родителя вѣничался на царство Феодоръ: Митрополитъ Діонисій, возложивъ на него вѣнецъ Мономаховъ, помазалъ Св. муромъ, по чину вѣчанія Императоровъ Греческихъ, кото- рое получилъ Іоаннъ отъ Патріарха.

Мудрыми распоряженіями Годунова благо-
дествовало государство, мирное съ сосѣдними

державами, Швециею и Польшею, где доживалъ славные дни старець Баторий, разширяющееся къ востоку. Строеніе Архангельска, Уральска, слободы Волжскихъ Казаковъ, и крѣпостей на Терекѣ, обозначило наши дальняя грани. Сибирь, покинутая послѣ завоеванія Ермакомъ, вторично покорилась Воеводамъ царскимъ, которые основались близъ древней столицы ея Искера въ Тобольскѣ. Царь Кучумъ бѣжалъ въ степи; пленнія дѣти его стояли уже въ рядахъ царедворцевъ, съ бывшимъ Царемъ Касимовскимъ, изъ рода Казанскаго, Симеономъ, перенесеннымъ въ В. Князья Твери. Еще одно царство покорилось, древняя Иверія, тѣснившая Персами и Турками. Царь ея Александръ присягнула на подданство Россіи и Феодоръ послалъ въ его области священниковъ, для поддержанія Христіанства и просвѣщенія, между пострадавшими отъ долгихъ бѣствій.

Одно только честолюбіе Бориса нарушило временно спокойствіе палатъ Кремлевскихъ, возбуждая ненависть бояръ, которымъ въ свою чреду отмщалъ онъ заточеніемъ. Князь Шуйский, единомышленный Митрополиту, возсталъ противъ правителя, и хотѣлъ убѣдить Феодора развестись съ сестрою Годунова, Ириною, за ея неплодіе, подобно какъ поступилъ дѣдъ его съ Соломоніею; но умыселъ открылся: тщетно мирилъ Діонисій Шуйского съ Бори-

сомъ; не проченъ быль миръ, и знаменитый защитникъ Пскова скончался въ темницѣ Бѣлозерской. Самъ Митрополитъ, мужъ характера твердаго, прозванный граматикомъ по своей учености и краснорѣчию, пострадалъ за славнаго друга. Онъ отважился обличать Царя своеволіе и гоненія Годунова и не устоялъ противъ его власти. Лишенный каѳедры, вмѣстѣ съ преданнымъ ему Архіепископомъ Крутицкимъ Варлаамомъ, Діонисій былъ сосланъ въ Новгородъ и тамъ скончался, въ прежней своей Хутынской обители. Согласно съ желаніемъ правителя, на престолъ Московскій и всея Руси, возвели Архіепископа Ростовскаго, еще не давно бывшаго Епископомъ Коломенскимъ, Іова. — Отсель разверзаются 46 Іовъ. уже скрижали Патріаршія.

1587.

ПАТРІАРХИ.

I. І о въ.

Важное событие совершилось тогда въ Российской Церкви, важное по самой эпохѣ, ибо гражданское благосостояніе уже клонилось къ паденію, съ угасающимъ родомъ Рюрика, и предстояла долголѣтняя буря, во время коей Церковь спасла отечество, въ лицѣ своихъ первоствятителей, пріявшихъ кормило, важное и по возстановленію виѣшняго, церковнаго порядка. Протекло уже около полутораста лѣтъ послѣ паденія Царяграда, и Митрополиты Всероссійскіе, поставляемые соборомъ своихъ Епископовъ, не были утверждаемы Патріархами Константинопольскими, хотя продолжали числиться въ ихъ духовной области. — Первоначальное ихъ на то

согласие и бѣдственныя обстоятельства Востока могли отчасти извинять сію неточность въ подчиненности іерархической, столь необходимой для единства Кафолической Церкви; но продолженіе подобнаго состоянія могло бы сдѣлаться опаснымъ. Отдаленность и самая обшириность Российской Церкви невольно устранили непосредственную зависимость ея отъ бѣдствующаго престола Константинопольскаго; но съ другой стороны ей нельзя было сдѣлаться самобытною, безъ общаго согласія четырехъ Вселенскихъ Патріарховъ, чтобы не впасть въ пагубный разрывъ единства.

Господь же Іисусъ Христосъ, промышляющій о той, которую стяжалъ своею драгоценною кровью, самъ все устроилъ ко благу, такими средствами, которыя по наружности кажутся иногда только счастливымъ стечениемъ обстоятельствъ, въ сущности же суть таинственные пути Прорицанія. Въ короткое время два Патріарха, Антиохійскій и Константинопольскій, пришли за милостынею въ наше отчество, а набожный Царь Феодоръ, услаждавшій душу благолѣпіемъ обрядовъ церковныхъ, пожелалъ возвеличить сапомъ патріаршимъ Митрополитовъ Всероссийскихъ, и сіе произвольное стремленіе его сердца едва ли не было единственнымъ самобытнымъ дѣйствиемъ всего его правленія, въ кото-

ромъ не участвовало честомюбіе Гориса. — Учреждение соборное пятаго Патріарха, на мѣсто отпавшаго Римскаго, представлялось столь величимъ событиемъ въ мірѣ церковномъ, какъ явствуетъ изъ самыхъ выражений современныхъ актовъ, что оно никакъ не могло входить въ расчеты политические людей и вѣка, жившихъ болѣе жизнью церковною, нежели гражданскою. Самая постепенность въ ходѣ сего дѣла показываетъ, съ какою робостію къ нему приступали, и что всего замѣчательнѣе,— Церковь Россійская узнала о томъ, уже посль согласія Царя съ Патріархомъ Цареградскимъ.

Въ 1580 году, еще при Митрополитѣ Діонисіѣ, когда приходилъ въ Москву Патріархъ Антіохійскій Іоакимъ, встреча ихъ въ Успенскомъ соборѣ подала первую мысль о учрежденіи патріаршества; ибо часто отъ малыхъ началъ проистекаютъ великія послѣдствія. — Митрополитъ Діонисій не хотѣлъ уступить первенства Патріарху Іоакиму и благословилъ его прежде нежели самъ принялъ отъ него благословеніе, что тогда же слегка замѣтилъ ему Патріархъ. Вскорѣ посль благочестивый Государь, изложивъ своей боярской думѣ, о древнемъ и новомъ образѣ поставленія Митрополитовъ нашихъ, разсуждалъ, что приличиѣ было бы учинить въ Россіи Патріарха, и послалъ боярина

Годунова совѣтоваться о томъ съ Антіохійскимъ Святителемъ; но Іоакимъ отозвался, что дѣло еїе подлежитъ суду цѣлаго собора, и обѣщалъ только совѣтаться съ Константинопольскимъ и прочими Патріархами.

Два года спустя, уже при Митрополитѣ Іовѣ, посѣтилъ Россію самъ Патріархъ Цареградскій Іеремія II, знаменитый своею ученостію и страданіями ради Церкви; — онъ даже былъ заточенъ Султаномъ Муратомъ въ Родосѣ, за твердую защиту правъ ея. Лишенній древняго патріаршаго храма, Іеремія пришелъ просить вспоможенія у Царя Феодора, будучи предваренъ Антіохійскимъ о его желаніи, и принять былъ съ честію, подобающею Вселенскому Архиастырю, отъ коего зависѣла и Московская Церковь. Обрадованный Государь предложилъ Святителю навсегда остаться въ Россіи, во избѣжаніе бѣдствій Востока, и утвердить престолъ патріаршій въ начальномъ городѣ Владимирѣ; ибо Феодоръ, при всемъ желаніи имѣть въ Россіи Патріарха, еще колебался, чтобы съ одной стороны не нарушить правъ Константинопольскаго престола, независимостію Российской Церкви, съ другой же чуждался видѣть близъ себя Первосвятителемъ иностранца, не знавшаго ни обычаевъ нашихъ, ни языка для совѣтованій; не хотѣлъ также оскорбить и Митрополита Іова, поддерживаемаго Годуновымъ,

и вотъ единственное участіе личныхъ видовъ боярина въ столь важномъ дѣлѣ церковномъ.

Опытный старецъ Іеремія, посѣдѣвшиій посреди трудныхъ обстоятельствъ Востока, и ревностный къ поддержанію собственнаго престола, не могъ согласиться на предложеніе царское; онъ ясно видѣлъ, что отдаленное жительство во Владимірѣ сдѣлаетъ его равнозначимъ объимъ Церквамъ, Константинопольской и Московской, и просилъ отпуска въ Царьградъ; наконецъ, послѣ новыхъ настояний со стороны Государя, рѣшился поставить избраннаго имъ Митрополита Іова въ Патріархи Всероссійскіе. Торжественный соборъ всѣхъ Архіереевъ Русскихъ былъ созванъ въ столицѣ: самъ Царь предложилъ имъ совѣщаться между собою, о учрежденіи патріаршества Московскаго, и соборъ положился во всемъ на волю Государя, будучи твердо увѣренъ въ его благочестивомъ рвеньи ко благу Церкви. Приступили въ Успенскомъ храмѣ къ избранію трехъ духовныхъ особъ, съ предоставленіемъ окончательного выбора Царю; Патріархъ Іеремія принесъ имена ихъ въ палаты и на имени Іова остановился Феодоръ.

1788. Но когда однажды уже испрошено было законное согласіе отъ престола Цареградскаго, на самобытное существованіе Церкви Россійской, Государь сталъ наблюдать, чтобы ни въ чёмъ

не нарушались права братского равенства между обоми Первосвятителями, и чтобы съ первой минуты, полною независимостию отъ Царыграда, пользовался Іовъ Московскій. Такимъ образомъ, при нареченіи, ему велѣно цѣловаться братски въ уста съ Іереміею, и не оставлять своего посоха, если самъ онъ не оставитъ пастырскаго жезла; измѣненъ былъ и чинъ нареченія, предложенный Вселенскій Владыкою. Іовъ, со свѣчою въ рукахъ, не произносилъ ему благодарственной рѣчи посреди собора, по древнему чину Константинопольскому; оба только привѣтствовали взаимно другъ друга, на амвонѣ, и разошлись съ равною честію въ разныя врата; торжество посвященія совершилъ Іеремія соборно, повторивъ опять надъ избраннымъ весь чинъ рукоположенія епископскаго, ибо сугубая благодать нужна была высшему пастырю Церкви; потомъ оба Патріарха сѣли рядомъ на возвышенномъ амвонѣ, и Государь вручилъ драгоцѣнныи посохъ Іову, вмѣстѣ съ богатою мантіею и бѣльмъ клубкомъ, украшеннымъ каменьями. Царская трапеза ожидала въ палатахъ Первосвятителей, и самъ конюшій бояринъ Годуновъ водилъ коня подъ новымъ Патріархомъ Московскімъ, когда по обычай поѣхалъ онъ благословлять весь городъ вокругъ стѣнъ; — великолѣпные взаимные дары Царя и Патріарха заключили торжество.

Чрезъ иѣсколько днѣй, Іовъ поставилъ въ присутствіи святѣйшаго Іереміи, двухъ бывшихъ Архіепископовъ, Новгородскаго Александра и Ростовскаго Варлаама, въ Митрополиты тѣхъ же епархій, а потомъ еще двухъ: Епископа Геласія Крутицкаго, какъ намѣстника области патріаршіи, и архимандрита Казанскаго монастыря, знаменитаго Гермогена, Митрополитомъ въ Казань. Два первые были въ числѣ кандидатовъ на патріаршество, при избраніи Іова и послѣ того каждый изъ нихъ опять былъ представленъ, съ двумя архимандритами, для выбора царскаго на свою митрополію. Царь Феодоръ Іоанновичъ предварительно условился со святѣйшимъ Іереміею, чтобы Патріархи Московскіе поставлялись соборомъ своихъ Епископовъ, съ извѣщеніемъ только Цареградскаго престола, которое должноствовало быть взаимнымъ, при перемѣнѣ каждого изъ Вселенскихъ Патріарховъ. А для соборнаго избранія положено было тогда же умножить, въ Российской Церкви, число митрополій до четырехъ и возвысить шесть епископствъ въ архіепископіи: Вологодскую, Суздальскую, Нижегородскую, Смоленскую, Рязанскую и Тверскую, и прибавить къ бывшимъ епископствамъ Коломенскому и Брянскому, еще пять во Псковѣ, Ржевѣ Володимировомъ, на Устюгѣ, Бѣлоозерѣ и въ Дмитровѣ.

Государь, для большей прочности, велѣлъ

изложить на пергаминѣ все сіе новое учреждение, митрополій, архіепископствъ и епископствъ, равно и пришествіе Іереміи, посвященіе имъ Іова и данное согласіе на поставление впредь Патріарховъ Всероссійскихъ, соборомъ своихъ Архіереевъ. Онъ скрѣпилъ грамату, царскою свою печатію и двумя патріаршими, и печатами всѣхъ Архіереевъ нашихъ и Греческихъ, а въ рукоприкладствѣ участвовали большая часть архимандритовъ и игуменовъ Русскихъ, съ архимандритами Цареградскими, отъ святыхъ горъ Синайя и Аѳона и отъ Св. гроба, пришедшихъ съ Патріархомъ. При наступленіи весны отпущенъ былъ Іеремія съ великими дарами и честію, обѣщавъ вскорѣ прислатъ утвердительную грамату отъ Вселенского собора.

Между тѣмъ, перемѣна виѣшнихъ отношеній Первосвятителя Московскаго къ Цареградскому, изъ подчиненнаго въ равнаго ему Патріарха, не измѣнила внутреннихъ его отношеній къ своей Церкви: возвысился только одинъ титулъ, но Митрополитъ, сдѣлавшись Патріархомъ, не пріобрѣлъ новыхъ правъ надъ своими Епископами: — сохранился неприкосновеннымъ церковный судъ его надъ подчиненнымъ духовенствомъ и волостями ему принадлежавшими, исключая тѣхъ обителей, коимъ была предоставлена своя расправа, несущіе

димыми граматами В. Князей; сохранились и обычные пошлины за вершениe дѣлъ судныхъ, до него восходившихъ, о бракахъ, наследствахъ, завѣщаніяхъ, святотатствахъ, и другихъ, и узаконенная подать, которую взимали Митрополиты съ каждого прихода своей церковной области, и установленыя деньги при рукоположеніи діаконовъ, священниковъ, и дары при постановленіи Епископовъ. Не измѣнился и самый дворъ древнихъ Митрополитовъ, состоявшій изъ своихъ бояръ, дворянъ и дьяковъ, дѣтей боярскихъ и людей приказныхъ, на подобіе великокняжескаго. Въ отношеніи же Самодержца, Патріархъ остался въ томъ священномъ положеніи, въ какое искони поставила Вселенская Церковь своихъ Герарховъ, предъ лицемъ Константина, Феодосія, Іустиніана и другихъ величайшихъ Императоровъ Римскихъ: какъ духовный отецъ и богомолецъ царскій, Іовъ приглашаемъ былъ въ его совѣты, не вступалъ въ нихъ произвольно, и съ благословеніемъ его вершались дѣла, предлагаемыя ему на усмотрѣніе Государемъ, который довѣрялъ его опытности въ трудныя годины царства..

Спустя годъ послѣ отшествія Гереміи, Митрополит Діонисій Тырновскій и всея Болгаріи, отъ рода императорскаго Кантакузиновъ

и Палеологовъ, принесъ въ Москву къ Царю и Патріарху соборную утвердительную грамату Все-ленскихъ Святителей, которые признавая съ любовию Патріарха Московскаго своимъ собратомъ, на мѣсто отпадшаго Римскаго, давали ему пятую степень въ чиноначаліи Вселенской Церкви и въ ея молитвахъ послѣ Іерусалимскаго, хотя первое желаніе Феодора было, чтобы Московскій Первосвятитель поминался третьимъ, уступая Александрийскому, только по его титулу Судіи вселенной. Грамоту сю подписали три Патріарха, Константинопольский Іеремія, Антиохійский Іоакимъ и Іерусалимский Софроній, за смертію четвертаго Александрийскаго, и сверхъ того сорокъ два Митрополита восточные, девятнадцать Архіепископовъ, и двадцать Епископовъ, съ прочимъ освященнымъ соборомъ. Не смотря на то, Царь и Патріархъ, продолжали настаивать о третьей степени, а святійшій Іовъ, на торжественномъ отпускѣ Митрополита Діонисія Тырновскаго, не принялъ его предложения, о избраніи кого либо изъ Митрополитовъ Греческихъ, въ представителіи лица своего у Константинопольскаго патріаршаго престола, по примѣру прочихъ іерарховъ восточныхъ. Съ великою честию и съ богатѣйшими дарами, ко всемъ Патріархамъ, отпустиль Государь Митрополита Діонисія и, въ пространной граматѣ, изложилъ опять всему собору и наипаче Константинопольскому

Владыкъ, все дѣло о его пришествіи, совѣтъ, избраніи и самой степени Іова, и послалъ щедрую милостыню на сооруженіе новой патріаршой церкви, вмѣсто древняго храма Пантократора, отнятаго Султаномъ Муратомъ.

Когда такимъ образомъ устроялась православная Церковь въ Россіи, великая опасность угрожала ей въ предѣлахъ Польскихъ и Литовскихъ, выборомъ новаго Короля. Колебалась безначальная Польша на сеймѣ Краковскомъ, гдѣ между тремя искателями ея шаткаго престола, Максимилианомъ Австрійскимъ, Сигизмундомъ Шведскимъ и самимъ Феодоромъ, всенародное множество клонилось уже въ пользу Царя; но рѣшительный отзывъ великихъ пословъ нашихъ, о непрѣдѣломъ православіи Государя, открылъ путь Королевичу Шведскому, и съ воцареніемъ Сигизмунда, ревнителя Рима, началась та враждебная политика Западной Церкви противъ Россіи, которая столь жестоко отозвалась въ Уніи и Самозванцахъ и наконецъ въ бѣдственномъ раззореніи Московскомъ. Феодоръ, какъ бы предчувствуя грозу отъ Сигизмунда, всѣми средствами убѣждалъ Максимилиана не уступать ему короны Польской, но дружественные сиспешенія съ Цесаремъ и богатые дары царскіе, предназначенные для общаго крестового похода, были единственнымъ плодомъ желаннаго союза.

Начались пограничныя распри съ Швециею, за частые набѣги ея въ Кореліи, гдѣ раззоряла волости Соловецкаго монастыря и малыя беззащитныя пустыни. Самъ Государь, не получивъ удовлетворенія, поднялся въ походъ подъ Нарву; однако же приступомъ сего города окончилась война, доставившая Россіи нѣсколько порубежныхъ крѣпостей и краткое перемиріе; враждебные замыслы Швеціи обнаружились при первомъ благопріятномъ для нея случаѣ, во время смуты самозванцевъ.

Но самымъ гибельнымъ происшествіемъ сей эпохи, которое искуплено было въ послѣдствіи столь многою Христіанскою кровію, была несчастная кончина Царевича Димитрія, осмилѣтняго брата Феодорова, убіеннаго въ Угличѣ. По сказанію всѣхъ лѣтописцевъ и единодушному гласу народа, онъ палъ отъ руки людей, подосланныхъ Годуновымъ, изъ опасенія немобви къ нему Димитрія, и, чтобы истребленіемъ сей послѣдней отрасли царской, держава Россійская перешла въ его родъ. Князь Василій Шуйскій, отправленный Царемъ въ Угличь, для изслѣдованія кроваваго дѣла, обвинилъ въ мятежѣ гражданъ, умертвившихъ убійцъ Царевича, а дядей его Нагихъ и всѣхъ приближенныхъ, въ небрежномъ за нимъ смотрѣніи; по исправому розыску, укрѣпленному многими свидѣтелями, выведено было будто bla-

женный отрокъ, въ припадкѣ падучей болѣзни играя самъ накололся на ножъ. Въ Углицкомъ соборѣ погребли праведное тѣло; казни и ссыпки постигли ревностныхъ горожанъ, коими населили Пелымъ на тундрахъ Сибирскихъ, и запустѣлъ многолюдный Угличъ; а тѣла убитыхъ въ немъ ради смерти Царевича, пристава Битятовскаго, его сына, племянника, сына матери Димитріевой, и другихъ оглашенныхъ въ убийствѣ, предали землѣ съ честію. Тroe Нагихъ, дяди отрока, были разосланы по дальнимъ темницамъ; Царица мать пострижена неволею, подъ именемъ Мароы, въ дальнихъ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, въ убогой обители Св. Николая. Молва народная временно утихла, подъ спудомъ благодѣяній Бориса, послѣ страшныхъ пожаровъ, опустошившихъ Москву и другіе города; наконецъ всѣ мѣры предосторожности человѣческой были приняты, чтобы заглушить вопль земли Русской и вопіющую изъ нѣдръ ея кровь неповинную; — тщетно, самъ Господь явилъ себя мстителемъ за неправду.

Неожиданное нашествіе Хана Крымскаго Казы Гирея, отвлекло на время общее вниманіе. Воеводы пропустили полчища Крымскія на берегахъ Оки, и съ вершины Воробьевскихъ горъ, хищный Ханъ уже пожиралъ взорами златоверхую Москву, какъ бы свою добычу, которую обступили несметныя его рати. Но, съ высоты сво-

его Кремлевского терема, спокойно взиралъ на божный Феодоръ на враждебные полки невѣрныхъ и почиталъ грѣхомъ болзнь. Опѣ поднялъ икону Донской Божіей Матери, которая нѣкогда сопутствовала предку его Димитрию на побоищѣ Мамаевомъ; Патріархъ Іовъ, съ молебнами, вручили ее духовному собору, чтобы нести вокругъ стѣнъ и поставить подъ шатромъ въ походной церкви Св. Сергія, всегдашняго заступника въ часъ бѣствій, среди стана ратныхъ, ополчившихся наскоро у вратъ столицы. День цѣлый бились со стѣнъ и подъ стѣнами, и Годуновъ съ воеводами распоряжалъ битвой; день цѣлый страшное ожиданіе волновало сердца осажденныхъ, кромѣ одного Феодора, который тихо заснулъ подъ шумъ воинской бури, сказавъ: «завтре не будетъ врага» и наутро его не было; — онъ бѣжалъ испуганный вѣстю о приближившейся помощи, оставивъ по себѣ богатую добычу. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шатерь Сергіевъ съ чудотворною иконою, воздвигнутъ былъ усердіемъ царскимъ монастырь, во имя Донской Божіей матери, избранной воеводы сего побѣдного дня, и щедро наградилъ Государь вождей своихъ, напаче же правителя Бориса златою гривною.

Но едва миновала опасность, какъ опять пробудилась молва народная о смерти Царевича; говорили, что Годуновъ былъ виною пожаровъ, Годуновъ накликалъ Хана, чтобы заглушить па-

мять Димитрія, Годуновъ будто бы подмѣнилъ сына, родившагося у Феодора, дочерью, (рождение коей означеновано было богатою милостынею четыремъ патріаршимъ престоламъ и горько оплакана ранняя смерть ея безутѣшными родителями). Жестокая молва сія, непрестанно возобновляясь при каждомъ событии, преслѣдовала Бориса во все царствование Феодора, доколь не возрасла, при собственной его державѣ, въ мѣру возраста, въ страшное лицо человѣческое, которое однимъ своимъ подобіемъ съ Димитріевымъ, сокрушило престолъ его.

Между тѣмъ, въ южной Россіи, усиливъ хитраго Іезуита Антонія Поссевина, отринутаго Іоанномъ, о возстановленіи союза Флорентинскаго, взымъли наконецъ желанный успѣхъ, подъ покровительствомъ Сигизмунда. Притесненія вельможъ, которые вопреки статуту Литовскому, данному при его коронаціи, силою пріобрѣтали себѣ имѣнія православнаго духовенства, принудили Митрополита Оникифора, пастыря ревностнаго, испросить новыя привилегіи у Короля, для огражденія своей Церкви. Уже десять лѣтъ управляя ею, съ трудомъ могъ онъ, при Стефанѣ Баторіѣ, отклонить введеніе нового календаря Григоріанскаго, запрещеннаго окружною граматою Патріарха Іереміи. Съ одной стороны безпрестанныя гоненія, и внушенія тайныхъ и явныхъ,

измѣнъ православію; съ другой слабость защищали и крайняя борьба за основныя права свои, произвели послабленіе правовъ въ духовенствѣ и неправильность въ избраніи Епископовъ. Самъ Митрополитъ, хотя житія непорочнаго, былъ же натъ дважды, вопреки каноновъ, равномѣрно и Епископъ Луцка Кирилъ Терлецкій, первый виновникъ Унії.

Патріархъ Іеремія, посѣща впервые пастыту, не могъ равнодушно смотрѣть на подобные безпорядки; властію своею онъ отрѣшилъ Митрополита Онисифора, и посвятилъ на его мѣсто представленнаго ему въ Вильнѣ дворянами Литовскими, Михаила Рагозу, противъ своего желанія, по свидѣтельству лѣтописи, какъ бы предчувствуя его отпаденіе. Къ несчастію двоеженство и порочная жизнь Епископа Луцкаго не были еще тогда известны Патріарху, обольщенному его притворною ревностію, но Іеремія лишилъ сана преступнаго архимандрита Сулинськаго Тимоѳея, и отправляясь въ Москву поручилъ новому Митрополиту созвать въ его отсутствіи соборъ для исправленія церковнаго. Чувствуя необходимость просвѣщенія, Патріархъ Іеремія, по примѣру той ставропигії, какую основалъ онъ въ Успенскомъ монастырѣ города Львова, принялъ подъ свое особое покровительство и училище братской Святодуховой обители въ Вильнѣ, объявивъ ее ставропигіальною, а на об-

ратномъ пути благословилъ въ Киевъ начало Богоявленского братства, въ послѣдствіи преобразовавшагося въ академію; потому что онъ видѣлъ какое преимущество имѣли надъ православными образованные ревнители западной Церкви, Іезуиты. Архіепископъ Елассонскій Арсеній, сопутствовавшій ему въ Москву съ Митрополитомъ Монемвасійскимъ, гдѣ остался и получилъ эпархію Сузdalскую, можетъ быть не безъ цѣли, взять былъ Іереміею, изъ ректоровъ училища Львовскаго, чтобы на пути своемъ распространять повсюду просвѣщеніе.

Но послѣ годичнаго пребыванія въ столицѣ Русской, Патріархъ не нашелъ въ Вильнѣ желаннаго собора, и увлекаемый далѣе дѣлами церковными, рѣшился ожидать его сперва въ Замостьѣ, потомъ въ Валахіи, хотя съ тратою драгоцѣннаго времени и съ большими издержками, тягостными для его убогаго престола. — Но ожиданія Іереміи были тщетны, слишкомъ много обличеній предстояло на соборъ, а слабый Митрополитъ Рагоза опасался послѣдствій. Между тѣмъ слухъ о порочной жизни Епископа Луцкаго уже достигъ до Іереміи, и онъ послалъ изъ Замостья іеромонаха Григорія, съ граматою для его обличенія, къ Митрополиту; но Епископъ Кириллъ вельми силою отнялъ ее у Григорія, на пути чрезъ свою область; а самъ исполненный дерзости, не устрашился вѣхать прямо къ Па-

тріарху для оправданія, взявъ съ собою ревно-
стнаго въ православії Епископа Львовскаго Ге-
деона Болобана, и снова обольстилъ коварными
увѣреніями Первосвятителя; въ знакъ своей при-
верженности онъ даже проводилъ его, вмѣстѣ съ
Гедеономъ, до границъ Валахіи.

Однакоже насильственный поступокъ Ки-
рилла, съ посланнымъ патріаршимъ, не могъ дол-
го таиться; пробудилась новая молва, и Епископъ
Владимірскій, Мелетій Богуринскій, обличилъ
опять Кирилла предъ Патріархомъ. Тогда Іеремія,
назначивъ своимъ экзархомъ на соборъ архиман-
дрита Діописія, вручилъ довѣрительную грамату
Мелетію для созванія сего собора, потому что не
надѣялся болѣе на Митрополита; съ него же тре-
бовалъ, какъ бы въ наказаніе за потворство ви-
новнымъ, уплаты тѣхъ издержекъ, какія принуж-
денъ былъ сдѣлать во время тщетныхъ ожиданій
въ Замостьѣ. Коварный Кириллъ Терлецкій умѣлъ
употребить въ свою пользу и это малое обстоя-
тельство; предвидя свое осужденіе на соборѣ,
онъ испугалъ Митрополита вымысленною пѣ-
никою, и тѣмъ уклонилъ отъ исполненія воли па-
тріаршой; а у Мелетія похитилъ, во время дру-
жескаго посѣщенія, вѣрюшую грамату и, послѣ
скорой его кончины, убѣдилъ Рагозу посвятить
на епископію Владимірскую Игнатія Поця, ко-
тораго самъ недавно постригъ въ монашество изъ
кастеляновъ Брестскихъ, для своихъ преступ-

ныхъ замысловъ, зная, что Игнатій уже измѣнилъ однажды православіо.

Оба они сдѣлались главнѣйшими ревнителями Упії, и всѣми убѣжденіями старались склонить къ ней прочихъ православныхъ Епископовъ, на двухъ частныхъ съѣздахъ въ Брестѣ Литовскомъ и Львовѣ; но встрѣтили сильныхъ себѣ противниковъ въ Гедеонѣ Балабанѣ Львовскомъ и Михаилѣ Коныстенскомъ, города Перемышля, и въ краснорѣчивомъ архимандритѣ Кіевопечерской лавры Никифорѣ Туровѣ. Однакоже, почитая каждое средство позволительнымъ для достижения цѣли, испросили лестію поднісъ обоихъ Епископовъ на пергаментѣ, на коемъ будто бы хотѣли писать членитную къ Королю, о новыхъ привилегіяхъ и огражденіи Церкви православной, а вместо того написали соборное прошеніе къ нему и Папѣ о соединеніи съ Римскою.

Между тѣмъ, Патріархъ Іеремія, слыша о волненіи церкви Малороссійской, разослалъ окружную грамату съ другимъ экзархомъ своимъ Никифоромъ, угрожая Митрополиту и Епископамъ въ случаѣ отступничества, изверженіемъ; но Король Сигизмундъ обнадежилъ ихъ своимъ покровительствомъ, обѣщаю, что отлученіе патріаршее будетъ недѣйствительно въ областяхъ его. Скорая кончина опытнаго правителя Церкви, святѣйшаго Іереміи, и, въ теченіи двухъ лѣтъ, частая

перемъна трехъ его преемниковъ, благопріятство-
вали Унії, хотя управлявшій послѣ нихъ пре-
столомъ Константинопольскимъ, мудрый Патрі-
архъ Александрийскій Мелетій Пига, посыпалъ
новыя окружныя грамоты для поддержанія пра-
вославія, съ экзархомъ своимъ Кирилломъ Лука-
ремъ будущимъ Патріархомъ Царяграда. Не
умолкали и два ревностные пастыря, Гедеонъ и
Михаилъ Переяславльскій, и архимандритъ Пере-
черскій; на ряду съ ними подвизался столѣтній
старець воевода Кіевскій, Князь Константинъ
Острожскій, издавна знаменитый любовію сво-
ею къ просвѣщенію. Еще при Іоаннѣ Грозномъ
ему обязана была Церковь православная, издані-
емъ первой печатной Бібліи и другихъ свя-
щенныхъ книгъ на славянскомъ языке, и цвѣту-
щими училищами въ Острогѣ и Кіевѣ. Онъ раз-
сыпалъ повсюду грамоты патріаршія и прини-
маль подъ свое покровительство экзарховъ и пра-
вославныхъ гонимыхъ Королемъ, который не
смѣлъ его касаться.

Не смотря на сіи противудѣйствія, Ипатій
успѣлъ созвать въ своей епархіи, соборъ, по-
тому что удобнѣе могъ склонить на свою
сторону слабаго Митрополита въ пограничномъ
Брестѣ Литовскомъ, нежели въ столицѣ пра-
вославія Кіевѣ, или Вильнѣ и Новогродкѣ, обыч-
номъ его пребываніи. Кроме Митрополита, Ипа-
тія и Кирилла, присутствовали еще, со сторо-

ны православныхъ, Наѳанайль Полоцкій, Гедеонъ Львовскій, Михаилъ Перемышльскій, Леонтий Пинскій, Діонисій Холмскій, со многими архимандритами и игуменами; а со стороны Римлянъ примать королевства, Архіепископъ Гнѣзенскій, съ четырьмя другими Епископами. Ипатій, открылъ соборъ убѣдительною рѣчью о присоединеніи къ Западной Церкви, и, послѣ многихъ прѣній, преклоненный Митрополитъ, съ четырьмя Епископами, измѣнившими православію, Ипатіемъ, Кирилломъ, Леонтиемъ и Діонисиемъ, подписали соборную грамату о союзѣ, на условіяхъ Флорентинскихъ, но съ сохраненіемъ всѣхъ правиль и обрядовъ Восточной Церкви. — Смерть избавила Наѳанайла Полоцкаго отъ подписания столь горестнаго акта, но Гедеонъ и Михаилъ сильно возстали противъ и нашли себѣ отголосокъ въ духовенствѣ и народѣ. Однакоже Ипатій и Кириллъ, стараніемъ Короля Сигизмунда, посланы были, какъ бы отъ лица всей Россійской Церкви, къ первосвященнiku Римскому, для засвидѣтельствованія предъ нимъ своей покорности, и Климентъ VIII торжествовалъ успѣшное совершеніе давно желаннаго союза. Но тѣ еще до возвращенія по словъ, Гедеонъ и Михаилъ, узнавъ о злоупотребленіи ихъ собственноручной подписи, всенародно огласили сей коварный поступокъ, а Князь Острожскій громко вопіялъ противъ измѣны

Брестской, где пять архіереевъ выдали все православіе. Волnenie общее, за древніе доктрины вѣры, въ такое время, когда долженъ былъ собраться сеймъ королевскій, сдѣлало необходимымъ для обѣихъ сторонъ созваніе новаго собора, который бы могъ опредѣлить яснѣе настоящее положеніе Церкви и обнаружить ея истинныхъ пастырей или противниковъ, и въ томъ же Брестѣ Литовскомъ соединился опять соборъ гораздо многолюднѣйшій первого. Тамъ уже не одно духовенство православное пришло защищать права свои, но поднялся и старець Князь Константинъ Острожскій съ лучшимъ дворянствомъ; отъ имени же Короля присутствовали гетманъ Литовскій Радзивилъ съ приматомъ и воеводами.

Два экзарха патріаршіе, Никифоръ и Ки- 1596.
рилль Лукарь, Митрополитъ Бѣлградскій Лука и Епископы Гедеонъ и Михаилъ, архимандритъ Печерскій Никифоръ и другія священныя особы, были представителями своей Церкви на соборѣ Брестскомъ. Видя колебаніе Митрополита Михаила, который только наканунѣ подписалъ окончательное согласіе на Унию, и притѣсненія отъ своихъ противниковъ, не принимавшихъ Никифора за экзарха патріаршаго, они собрались торжественно въ отдѣльномъ домѣ, потому что не могли испросить себѣ церкви; тамъ, со всѣми православными изъ клира и мірянъ, послѣ двухкрат-

наго, тщетного призыва піл Митрополита, предали его анафемѣ, какъ отступника отъ православія, вмѣстѣ съ отпадшими Епископами. А соборище Уніатское и Римское, подтвердивъ торжественно первыя условія союза, который запечатлѣло общенственнымъ служеніемъ въ единомъ храмѣ, произнесло тоже отлученіе противъ благочестивыхъ, и такъ распалась Церковь Малороссійская, на Православную и Уніатскую, сохранивъ однакоже единообразіе, не только въ священнослуженіи наружномъ, но даже и въ доктринахъ, пбо Римъ допустилъ сперва символъ вѣры безъ измѣненія, и требовалъ наипаче одной лишь покорности Папѣ.

Отсель начались тяжкая долголѣтия борьба Православія съ Унію, во всѣхъ предѣлахъ Польскихъ и Литовскихъ, и гоненія Западной Церкви, въ особенности же правительства на тѣхъ, которые не хотѣли измѣнить вѣру предковъ; вопреки всѣхъ прежнихъ основныхъ узаконеній, они лишились своихъ гражданскихъ правъ, искони равныхъ для обоихъ исповѣданій. Гоненія были столь жестоки, что три гдѣда спустя послѣ Брестского собора, сенаторы и дворянне православные принуждены были соединиться съ другими первостепенными и меньшинствами членами государства, исповѣданія протестантскаго, чтобы торжественнымъ актомъ конфедерациіи Віленской, объѣтать другъ другу взаим-

шую помощь и защиту на сеймахъ и трибуналахъ, предъ лицемъ королевскимъ. Явились и другие защитники, вооруженные мечемъ вмѣсто закона, вольные казаки сѣчи Запорожской, которые, подъ предводительствомъ своихъ атамановъ не разъ уже устрашали Польшу. Король Стефанъ Баторій далъ имъ привилегіи законныя, признавъ ихъ атамана; по опасности въ свободномъ исповѣданіи вѣры православной, бывшей необходимымъ условіемъ сѣчи, возмутила ихъ противъ Сигизмунда, и даже на время лишила всѣхъ привилегій коронныхъ, когда храбрый атаманъ Наливайко, напесшій столько уроновъ войскамъ Польскимъ, самъ наконецъ былъ разбитъ и сожженъ гетманомъ Жолкевскимъ. Скоро однако же они возстали, подъ предводительствомъ новаго витязя Сагайдачнаго.

Возгорѣлась и иная война, язвительныхъ прѣній и укоризнъ, между духовными обѣихъ враждующихъ сторонъ, и доколѣ смерть не заключила уста защитниковъ Церкви, Гедеона, Михаила, Тура и самаго Князя Осторожскаго, они подвизались словомъ и писаніемъ, но все это было слабо въ сравненіи превозмогавшаго насилия Унії. Епископы, избираемые изъ числа самыхъ приверженныхъ Риму, имѣли не только возможность проповѣдывать словомъ, но и дѣйствовать помощю правительства, и такимъ образомъ, въ

тепеніе не многихъ лѣтъ, сократили до четырехъ миллионовъ людей въ своихъ епархіяхъ.

Митрополитъ Рагоза отнялъ у православныхъ въ Киевѣ древній соборъ Софійскій, который однако не долго оставался въ рукахъ Уніатовъ; по онъ тщетно старался присвоить себѣ лавру Печерскую, огражденную молитвами основателей Антонія и Феодосія. Самъ онъ не смѣлъ уже, послѣ своего отпаденія, обитать въ Киевѣ и Вильнѣ; мѣстомъ постояннаго пребыванія избралъ Новогродокъ, и тамъ до конца жизни не преставалъ колебаться, увѣряя письменно въ своемъ православіи Князя Острожскаго и пословъ Россійскихъ, проѣзжавшихъ въ Польшу. Ипатій Владимірскій, избранный по смерти его Митрополитомъ, поддержалъ и утвердилъ Унію, распространеніемъ Доминиканскихъ монастырей, во всей своей церковной области, и насильственнымъ отнятіемъ многихъ имуществъ у обителей православныхъ, начиная съ Киева. Онъ испросилъ запрещеніе королевское принимать въ училища православныхъ, и вмѣсть съ тѣмъ никакуда не позволялъ посвящать не ученыхъ. Много содѣйствовалъ въ его рѣшительныхъ мѣрахъ къ успѣху Уніи, Папа Климентъ VIII, дважды посылавшій своего легата аббата Комулеся къ Царю Феодору, будто бы для общаго крестового похода, но съ тою же

цѣлію, съ какою нѣкогда странствовалъ по Россіи Іезуитъ Антоній Поссевинъ.

А между тѣмъ, одинъ за другимъ, отходили къ покою поборники православія, уже никѣмъ не замѣняемые. Прежде всѣхъ и почти въ однѣ время скончались, столѣтній Князь Константина Осторожскій, какъ бы отжившій уже другой вѣкъ человѣческій, чтобы поддержать бѣдствующую Церковь, въ ожиданії лучшихъ временъ, и бодрый ея пастырь Епископъ Львовскій Гедеонъ.—Семейство первого, кроме одного сына, воеводы Князя Василія, отпало въ Унію; пастырь втораго оставалась долго безъ главы, доколѣ наконецъ Митрополитъ Валахскій не поставилъ на мѣсто его Епископа Іосифа. Скоро преставился послѣдній ревнитель Церкви, Епископъ Переਮышльскій Михаилъ, и всѣ православные, не имѣя болѣе святителей, принуждены были прибѣгать, для рукоположенія священниковъ и для святаго мура, въ отдаленный городъ Львовъ къ Епископу Іосифу, единственному во всей югоzapадной Россіи. А дерзость Митрополита Ипатія возрастала по мѣрѣ ихъ упадка; даже съ опасностию жизни продолжалъ онъ передавать древнія обители Уніатамъ, и въ Вильнѣ едва не сдѣлался жертвою ярости народной, за насильственное присвоеніе Троицкаго каѳедральнаго монастыря. Вопреки правиль церковныхъ, заживо назначилъ онъ себѣ преемни-

комъ, любимца своего Іосифа, который еще усилилъ Унію, учрежденiemъ конгрегаций училищ и главной надъ ними семинарии. Противодействуя ему тѣми же средствами, пѣкоторые изъ вельмож православныхъ старались съ своей стороны заводить такъ называемыя училищные братства, жертвуя въ нихъ своимъ имуществомъ.

Въ столь бѣдственномъ и безутѣшномъ положеніи находилась, въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ, Церковь Малороссійская, лишенная своихъ Митрополитовъ и всѣхъ Епископовъ, до пришествія Патріарха Іерусалимскаго Феофана, волнившая Унію, одолѣваемая Римомъ.—Но и Церкви Россійской горько отклинулись сіи смятія на страждущей сестры ея, когда изъ того же зараженнаго гнѣзда, изъ тѣхъ же гибельныхъ стихій, создался страшный Самозванецъ, искусною рукою Іезуитовъ, и тою же бурею дохнуль на Россію.

1598. Но уже Феодоръ закрылъ глаза на г҃ки, спасенный Прovidѣniемъ отъ зрѣлища грядущихъ бѣдствій: въ лицѣ его шестивѣковый родъ Рюрика прощался съ Россіею, осыпая ее послѣдними благодѣяніями на вѣчную разлуку; — блаженна была кончина христолюбиваго Царя: ему видѣлся святой мужъ, срѣтающій его въ небесныя сѣни, и пусть остался безъ него домъ царства Московскаго. Безутѣшная вдовица

Ирина, единодушно признанная правительству-
ющею Царицею, оставила престолъ и постри-
глась въ монастырѣ Новодѣвичьемъ; однако же,
на ея новое ангельское имя Александры, продол-
жали писаться граматы и вершились всѣ дѣла,
ибо не было другой главы государству. Патрі-
архъ соблюдалъ только тишину и созывалъ ду-
му, сперва боярскую, потомъ земскую, для из-
брания Царя. Два лица привлекали на себя об-
щее вниманіе, по сродству съ усопшимъ: двою-
родный братъ его, по матери Анастасіи, бояринъ
Феодоръ Никитичъ Романовъ, и шуринъ его по
супругѣ Иринѣ — Борисъ Годуновъ.

Но Россія, въ теченіи четырнадцатилѣтняго
царствованія Феодора, уже привыкла къ правле-
нію Бориса, и испуганная небывалымъ дотомъ
сиротствомъ своимъ и безначаліемъ, избрала его,
по внушенію Патріарха Гова и приближенныхъ
Бояръ. — Долго отказывался Борисъ, и даже
укрылся въ келлію Царицы сестры своей. Па-
тріархъ, съ крестнымъ ходомъ всего духовен-
ства, едва могъ умолить его на царство, ради
пришествія къ нему въ обитель самой иконы
Владимірской Богоматери, и торжественно вѣн-
чалъ въ соборѣ Успенскомъ, вѣнцемъ Мономаха.

Казалось все благопріятствовало новому Ца-
рю, мудрому и опытному въ дѣлахъ правленія,
уважаемому внутри и въ государствѣ, коего

одинъ воинскій станъ испугалъ пословъ Крымскихъ на берегахъ Оки, и съ которыми дружественно сносились Кесарь, Королева Англинская, Шахъ Персидский, и ближніе соседи. Дворъ его царскій славился необычайною пышностью, а теремъ украшался цвѣтущею семьею, сыномъ Феодоромъ и дочерью Ксениею, предметами его извѣнѣйшей любви, для коихъ старался упрочить свѣтлое будущее и два престола: Русскій Феодору и Датскій Ксении, чрезъ союзъ брачный съ Королевичемъ. — Не было причины сомнѣваться въ порядкѣ законнаго престолонаслѣдія; но ближніе бояре и родственники Феодора, Романовы, возбуждали подозрѣніе Годунова. Ихъ оклеветали въ покушеніи на жизнь царскую и подобно Нагимъ, дядямъ отрока Димитрия, разосланы были по дальнимъ темницамъ пять братьевъ Романовыхъ, гдѣ четверо скончались. Старшій изъ нихъ Феодоръ и супруга его Марія пострижены неволею, первый, подъ именемъ Филарета, въ пустынной Сійской обители, другая же, подъ именемъ Мароны, въ обители Заонежской; а юный сынъ ихъ Михаилъ, будущій Царь, раздѣлилъ заключеніе съ дядею своимъ, Княземъ Черкасскимъ, на Бѣломъ озерѣ.

Скоро распространился жестокій голодъ по всей Россіи, тщетно облегчаемый благоразумными мѣрами Бориса, который кормилъ и занималъ работами народъ; памятникомъ царскихъ заботъ

осталась сооруженная въ столицѣ колокольня Ивана Великаго. Отъ голода возникли болѣзни, разбои и своеvolство по всему государству. — Это было только начало бѣдствій, которыхъ не могли отклонить ни усердныя молитвы, ни щедрые вклады и милостины Бориса, великого сына изъ всѣхъ Царей по своемъ даяніямъ. Страшныя знаменія какъ бы предваряли о наступающихъ смятеніяхъ; но, подобно кроткому супругу Феодору, еще съ миромъ отошла инокиня Царица Александра; — остался Борисъ одинъ, чтобы исчерпать все горе.

Въ сіе тяжкое время пронесся слухъ по Россіи, что давно оплакиваемый ею отрокъ, сынъ Иоанновъ, Царевичъ Димитрій, живъ и явился въ Польшѣ. Смущенный Борисъ сталъ испытывать о времении явленія его, и о самомъ лицѣ Самозванца, и вызывалъ даже, для объясненія, заточенную мать Царевича, изъ Бѣлоозера въ столицу. Открылось, что нѣкто изъ дѣтей боярскихъ, Григорій Отрепьевъ, жившій сперва въ услуженіи у Романовыхъ, смѣтливый и граматный, постригся въ иноки, перешелъ изъ Суздаля въ Чудовъ монастырь, гдѣ Патріархъ Іовъ посвятилъ его въ діаконы и занималъ писаниемъ каноновъ, несмотря на предостереженіе Митрополита Ростовскаго Іоны, который предвидѣлъ въ юномъ недостойномъ чернецѣ сосудъ діавольскій. При дворѣ Патріарха и Царя слышалъ Григорій, о бѣдствен-

ной кончинѣ Царевича, о смучайномъ сходствѣ своего лица съ Димитріевымъ, и въ нескромныхъ шуткахъ обѣщался быть Царемъ на Москвѣ. Дерзкая рѣчь достигла Царя, и Соловецкій острогъ ожидалъ инока, когда, чрезъ родственаго дьяка, узнавъ о своемъ осужденіи, Отрець-свѣтъ тайно бѣжалъ, съ двумя другими чернецами, въ Новгородъ Сѣверскій, переходя изъ обители въ обитель. Въ Путивль впервые намекнулъ онъ архимандриту о своемъ высокомъ происхожденіи. Принятый въ Кіевъ, у сына знаменитаго Князя Константина Острожскаго, онъ юорочилъ себя нечистою жизнью, бѣжалъ въ съчу Запорожскую къ казакамъ, участвовалъ въ ихъ удалыхъ походахъ; потомъ учился граматѣ Польской и Латинской, въ Волынскомъ училищѣ, и поступилъ въ услуженіе къ богатому вельможѣ Князю Адаму Вишневецкому, гдѣ въ часъ мнимой болѣзни открылся духовнику и убѣдилъ легковѣрнаго Князя въ своемъ царскомъ родѣ.

Такое сказаніе, въ бѣломъ ипокѣ Отрець-свѣтъ, распущенное было изъ столицы, при первыхъ слухахъ о появлении Лжедимитрія, и возглашено ему соборная анаѳема вмѣстѣ съ вѣчною памятію блаженному отроку; посланъ и дядя Отрець-свѣта, Смирновъ, въ Польшу для обличенія племянника предъ Сигизмундомъ, куда уже проникъ Самозванецъ, честимый Княземъ Вишневецкимъ, какъ истинный сынъ Иоанна, будто бы спасенный вѣрнымъ

врачемъ изъ Углича: онъ былъ поддержанъ Иезуитами и папскимъ нунциемъ Рангони, которые избрали его орудіемъ для покоренія Россіи, и обратили къ нему сердце Короля. Посреди тяжкой борьбы Унії съ Православіемъ, обуревавшей тогда Литву и Волынь, ничто не могло быть благопріятнѣ Риму, какъ появленіе такого лица, которое бы въ силахъ было, лестно, потрясти православіе въ самомъ его сердцѣ, въ столицѣ Русской; всякое средство казалось позволительнымъ. — Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія, не рѣшился однакоже нарушить перемирія съ Россіею, и дозволилъ только своимъ вельможамъ дѣйствовать въ пользу минимаго Царевича.

Первый вооружился воевода Сеномирскій Миншекъ, горделивой дочери коего Маринѣ обѣщалъ Самозванецъ руку и престолъ Московский; скоро присоединились къ нему бѣглыя шайки Украины и казаки Донскіе, убѣжденные однимъ измѣнникомъ въ подлинности Царевича; взволновались предѣлы Сѣверскіе. Борисъ въ недоумѣніи мѣшкалъ и разсыпалъ соборныя граматы патріаршія въ Киевъ и Литву, для разувѣренія воеводъ, духовенства и народа; наконецъ выслалъ и войско, которому споспѣшествовала мужественная защита Новгорода Сѣверскаго, воеводою Басмановымъ. — Дважды разбитый Самозванецъ, дважды опять появлялся съ новыми

силами уже въ предвлахъ Орловскихъ, и между тѣмъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ себѣ мнѣніе народное, когда внезапная кончина поразила Бориса, по выходѣ изъ царственной трапезы. Едва успѣлъ онъ пріять образъ иноческій, съ именемъ **Боголѣпа**, и поручить Патріарху юнаго сына Феодора: — съ нимъ кончилось и величіе его дома.

Бояре присягнули новому Царю, но не на долго: мужественный Басмановъ, избранный воеводою войску царскому, предалъ его **Лжедимитрию**; за сею измѣною послѣдовали другія, первѣйшихъ вельможъ Россійскихъ. Ужасъ объялъ столицу, граматы Самозванца загремѣли съ лобнаго мѣста; тщетно бояре Шуйскій и Мстиславскій, по совѣту Патріарха, вышли изъ Кремля уговаривать народъ, буйные кинулись въ Кремль и свели юнаго Царя, съ его матерью и сестрою, въ тотъ частный домъ Бориса, откотъ такъ пышно взошелъ онъ на царство. Бояре, единомышленники Самозванца, возгласили ему присягу, тщетно въ соборномъ храмѣ Успенія обличая ихъ Патріархъ Іовъ; во время литургіи вторглись злодѣи въ храмъ и совлекли съ него святительскія ризы. Самъ онъ, сложивъ съ себя панагію къ образу Владычицы, съ твердостію произнесъ: «здѣсь, предъ сею иконою святою, поставленъ я быть въ святители и девятнадцать лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры: нынѣ вижу бѣдствіе царства, торжество обмана и ереси; Матерь Божія

спаси православіе.» На него надѣли черпую рясу, позорили на площади и повезли на телегѣ въ Старицкій монастырь, прежнюю его обитель. А юнаго Царя и его несчастную мать удушили убийцы, подобные тѣмъ, какие нѣкогда пашлись для отрока Димитрія, — ибо Господь взыскиваетъ иногда грѣхи отцевъ на дѣтиахъ.

Торжественно подвигался къ Москвѣ Лжедимитрій; сановники государства устремились къ нему не срѣтеніе въ Тулу, и уже тамъ увидѣли его предпочтеніе иноzemцамъ; первымъ союзникомъ его былъ Іезуитъ. Радостно встрѣтила столица мнимо воскресшаго сына Ioannova, по привязанности къ древнему племени Царей своихъ, и скоро остыла къ самозванцу, видя нечестіе и своеоліе окружавшихъ его Поляковъ, и неуваженіе къ святынѣ самаго Царя, попирающаго отеческія преданія. Приступили наскоcо къ избранию Патріарха, вместо заточеннаго Iова. Самозванецъ страшился Святителей Русскихъ и выбралъ Грека Игнатія, Архіепископа Рязанскаго, бывшаго нѣкогда Кипрскимъ, который пришелъ въ Россію съ Патріархомъ Antioхійскимъ и остался на жительство, подобно Арсенію Элассонскому. Однакоже, для соблюденія порядка церковнаго, Лжедимитрій послалъ избраннаго имъ въ Старицу, испросить благословеніе у старца Iова; но твердый посреди гоненій, зная преклонность Игнатія къ

обычаямъ Римскимъ, Святитель отказалъ въ благословеніи и, не смотря на угрозы, назвалъ его пастыремъ достойнымъ своего атамана: вопреки Іову посвятили Игнатія. Для большаго свидѣтельства о мнимомъ родствѣ съ Іоанномъ, возвращены были изъ заточенія оставшіеся еще въ живыхъ, Нагіе и Романовы, инокъ Филаретъ, инокиня Мареа и юный сынъ ихъ Михаилъ. По волѣ Пророка Провидѣнія, употребляющаго и недостойныя орудія на пользу, Лжедимитрій сдѣлался виною возвышенія Филарета Никитича, котораго посвятили Митрополитомъ въ Ростовъ. Возвращены и другіе знаменитые изгнанники, мертвые и живые: гробы Нагихъ и гробы Романовыхъ съ честію перенесены въ Москву; гробъ же Бориса съ безчестіемъ извергнутъ изъ собора Архангельскаго, и зарытъ въ монастырѣ Варсонофьевскомъ, въ ожиданіи третьяго погребенія въ лаврѣ Троицкой, уже при Шуйскомъ.

И бѣдствующій Царь, изъ рода Казанскихъ, Симеонъ Бекбулатовичъ, названный В. Княземъ Тверскимъ при Іоаннѣ Грозномъ, сосланный въ свою область и ослѣпшій при Феодорѣ, на краткое время воспользовался милостию царскою, чтобы опять кончить заточеніемъ въ Соловецкой и Бѣлозерской обители, гдѣ довершилъ инокомъ странное и многомятежное свое поприще. Сама Царица инокиня Мареа, мать настоящаго Дими-

тря, вызвана была вторично изъ Бѣлозерской пустыни, мнимымъ ея сыномъ, и должна за- свидѣтельствовать, безмолвнымъ сознаніемъ и пріятіемъ почестей царскихъ, о подлинности **Лже-димитрія**. Ей устроили келліи въ Кремль въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ приняла она какъ дочь и гордую невѣсту Самозванца. Съ чрезвычайнымъ торжествомъ пришла изъ Польши Марина, съ отцемъ своимъ воеводою, къ крайнему соблазну народа, по нескромности обычаевъ западныхъ и неумѣстной расточительности Царя, который отдавалъ цѣлые области ей и тестю Минишкѣ. Два мужественные Святителя дерзнули требовать крещенія новой Царицы и оставленія догматовъ Римскихъ, прежде ея вѣнчанія, Митрополитъ Гермогенъ Казанскій и Іосифъ Епископъ Коломенскій, и сосланы были въ монастыри своихъ епархій; бракъ и вѣнчаніе совершились вмѣстѣ. **Лжедимитрій**, еще прежде дозволившій Римскимъ священникамъ и Лютеранамъ отправлять свое богослуженіе въ Кремль, уже совершенно пренебрегалъ обряды православные, переписываясь съ Папою, который приглашалъ его къ соединенію Церквей, и находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ его нунціемъ Рангони и Іезуитами. Походъ крестовый, для завоеванія Царьграда, былъ любимою мечтою воинственнаго Самозванца. — Между тѣмъ, съ умноженіемъ насилий Польскихъ; оскудѣвало терпѣніе

народа; ропотъ и обличенія дѣлались болѣе гласными. Одинъ дѣлкъ царскій не убоился, въ лице Лжедимитрю, назвать его Отрепьевымъ, и заплатилъ жизнію за великодушную смѣлость, подобно другимъ, не щадившимъ себя для истины. Въ числѣ ихъ явился передворецъ, нѣкогда льстивый при Годуновѣ, Шуйскій, который лжесвидѣтельствовалъ о убіеніи истиннаго Димитря и отважился сказать правду о ложномъ. Ходатайство Царицы матери едва могло спасти его отъ казни, уже на лобномъ мѣстѣ, но онъ сдѣлался за то предметомъ любви народной; беспечный Самозванецъ, забывъ всѣ мѣры благоразумія, посреди увеселеній брачныхъ, скоро возвратилъ его изъ ссылки, и Шуйскій составилъ въ домѣ своемъ заговоръ съ боярами, людьми градскими и воинскими, для низверженія лжецаря.

Ночью взволновалась Москва, съ разсвѣтомъ ударили въ набатъ и толпы вооруженныхъ, предводимыхъ Шуйскимъ, устремились въ Кремль къ палатамъ царскимъ. Одни только тѣлохранители иноземные защищали Самозванца; онъ бросился изъ окна на житный дворъ, гдѣ былъ прежній домъ Царя Бориса, и съ сломанною ногою подняться было стрѣльцами. Еще разъ требовали свидѣтельства матери, чтобы удостовѣриться въ истинѣ лица его, и въ сию минуту выгнанная изъ келлій Мароа не признала его сыномъ. —

Стали допрашивать самаго Лжедимитрія, два выстрѣла поразили его среди допроса; бояре едва спасли его супругу Марину, съ отцемъ ея и послами Польскими; но не многіе изъ Поляковъ избѣгли яростной черни. Шуйскій съ трудомъ усмирилъ мятежъ; прахъ Самозванца сожгли и развѣяли. На другой день послѣ смятенія, дума боярская и народъ единодушно избрали Царемъ виновника избавленія, Князя Василія Шуйскаго, старѣйшаго, между родами княжескими Рюрика. Митрополиты и Епископы бла- 1606. гословили его на царство и тогда же заключи- ли въ Чудовъ лжепатріарха Ипатія, поблажав- шаго Самозванцу. Новый Царь прежде всего требовалъ избрания новаго Патріарха, чтобы не оставалась безъ пастыря Церковь Русская; — дряхлый Іовъ уже осльпѣ отъ золъ и гоненій. Общимъ голосомъ освященнаго собора избранъ былъ великодушный Митрополитъ Казанскій Гермогенъ, исповѣдникъ во дни Лжедимитрія, мученикъ за вѣру и отечество во время между-царствія, ибо страшная буря, возбужденная Самозванцемъ, не утихла его сверженiemъ; спасе-ніе Марины, пословъ и нѣкоторыхъ вельможъ Сигизмундовыхъ не удовлетворило Польши, ко-торая хотѣла воспользоваться бѣдствіемъ Россіи и сокрушить въ ней державу и православіе по-добно какъ въ Литвѣ.

2. ГЕРМОГЕНЪ.

Не утихала буря и внутри государства; достаточно было однажды возбудить и взволновать умы, именемъ близкимъ сердцу народа, чтобы безпрестанно являлися новые самозванцы и новые измѣнники, съ которыми тщетно боролся Василій въ четырехлѣтнее свое царствованіе. Казалось Россія не вѣрила ему за первую ложь надъ гробомъ Царевича. — Этотъ самый гробъ, съ нетлѣнными мощами блаженнаго отрока, рѣшился перенести въ столицу Шуйскій, для большаго удостовѣренія Россіи, на которую мало действовали его граматы, вмѣстѣ съ граматами Царицы Марѣи. Онъ послалъ родственнаго Димитрію Митрополита Ростовскаго, Филарета, съ Архіепископомъ Астраханскимъ Феодосіемъ и боярами, за святыми останками въ Угличъ, и самъ принялъ на рамена сіе царственное бремя, чтобы опустить въ могилу, изготовленную нѣкогда въ Архангельскомъ соборѣ для праха Борисова. Но обиліе чудесъ и исцѣленій, надъ гробомъ Царевича, не допустило довершить похороненія; онъ былъ поставленъ среди собора для

благоговѣйнаго чествованія и предъ нетлѣннымъ лицемъ своего сына, еще однажды, всенародно испросила себѣ его мать Царица, разрѣшеніе въ невольномъ лжесвидѣтельствѣ, у Патріарха Гермогена.

И другой великий разрѣшитель и страдалецъ былъ вызванъ изъ глубины своей келліи, гдѣ уже осмѣшилъ плакался о суетѣ міра, — Іовъ Московскій. На краю гроба, за нѣсколько дней до кончины, подвигся онъ изъ обители Старицкой, мольбами Царя и Патріарха, чтобы прийти разрѣшить въ столицѣ народъ Московскій и всю землю Русскую, отъ измѣнъ сыну Бориса и присяги Самозванцу. Трогательное зрѣлище открылось въ соборѣ Успенскомъ; — слѣпой, въ рясѣ иноческой, стоялъ Іовъ у патріаршаго мѣста, рядомъ съ Гермогеномъ, и внималъ покаянію народному, изложенному въ граматѣ царской, которую громогласно читали ему съ амвона; самъ онъ, въ свою чреду, прочелъ отпутильную грамату народу, и разрѣшаль его, какъ бывшій Патріархъ, исчисля бѣдствія отчизны и собственныхя страданія, въ томъ самомъ соборѣ, гдѣ стоялъ уже какъ выходецъ другаго міра, безмятежнаго, беспечальнаго, съ тихимъ соболѣзвованіемъ взирая на многомятежное волненіе земли и, какъ всякое завѣщаніе твердо лишь по смерти завѣщателя, Іовъ, едва достигнувъ обители Старицкой, — скончался.

Первый поднялъ на югъ знамя бунта Шаховской, именемъ Димитрія, когда еще семействомъ Миншекъ не былъ созданъ новый самозванецъ, и Марина съ отцемъ своимъ сидѣли въ Ярославль. Къ нему присоединились Болотниковъ и Ляпуновъ, вождь Рязанцевъ, но послѣдній, проникнувъ коварство своихъ сообщниковъ, съ омерзенiemъ ихъ оставилъ. Взволновались опять предѣлы Сѣверскіе, и явился у Донцевъ еще мнимый сынъ Царя Феодора Лжепетръ: воеводы Василіевы бѣжали; Тула и Калуга впали въ руки мятежниковъ, которые дерзнули приступить къ столицѣ, и подъ стѣнами ея отражены войсками царскими. Они напали и на беззащитную Тверь, но мужественный Архіепископъ Феоктистъ одушевилъ гражданъ и отбилъ непріятеля. Самъ Государь принужденъ былъ ополчиться, и послѣ долгой осады, взятиемъ Тулы, прекратилъ первыя начала бунта; но несмотря на плѣнь и казнь зачинщиковъ, Калуга осталась въ рукахъ другой шайки.

А между тѣмъ, происками мятежниковъ, настался иаконецъ, въ низшихъ сословіяхъ народа, человѣкъ, который принялъ на себя личину Димитріеву, явился въ Сѣверской области и опять собралъ ватаги разбойниковъ, вольницу Донскую и шляхту Польскую. Опять присоединились къ нему конфедераты и вельможи Литовскіе, князь Рожинскій, гетманъ Сапѣга и наѣздникъ Ли-

совский; они двинулись къ смятенной столице и основались на полтора года, за двѣнадцать верстъ отъ нея, въ сель Тушинъ. Василий поставилъ станъ свой въ предмѣстіи и послалъ племянника, юнаго воеводу князя Михаила Скопина, уже прославленнаго нѣсколькими побѣдами, искать помощи у Шведовъ, потому что положеніе Россіи становилось безнадежно. Предательство открылось внутри Москвы, измѣнники вельможи равнодушно переходили отъ Царя къ самозванцу, прослывшему Тушинскимъ воромъ; съ нимъ соединилась честолюбивая Марина, когда по ходатайству Сигизмунда, неосторожно выпустили ее изъ темницы Ярославской. Одинъ за другимъ сдавались города Русскіе, Лисовскому и другимъ атаманамъ, и не многіе остались вѣрными Василию; горы могилъ, по выражению лѣтописей, вздымались на землѣ Русской, терзаемой повсюду безначаліемъ и грабежами; казалось все царство, собиравшееся вѣками, разсыпалось внезапно, не смотря на усилія доблестныхъ паstryрей Церкви, которые твердо держались престола и страдали вмѣстѣ съ настою.

Уже отважный Архіепископъ Феоктистъ взять былъ въ покоренной Твери и убитъ на пути, за покушеніе избѣгнуть пльна Тушинскаго; Геннадій Псковскій не пережилъ измѣны своего города; Галактіонъ Сузdalъскій скончался въ изгнаніи за то, что не хотѣлъ благословить само-

званца; Иосифъ, Епископъ Коломенскій, уже однажды сопротивлявшійся первому, схваченъ былъ воинами втораго, которыхъ тщетно хотѣлъ вразумить, и влакимъ вслѣдъ за ними привязанный къ пушкѣ. Не кончилось время испытанія и для будущаго предстоятеля Церкви, Филарета Романова, Митрополита Ростовскаго. Въ древнемъ Успенскомъ соборѣ своей епархіи, мученически, вступилъ онъ въ тотъ десятилетній подвигъ страданій, изъ коего вышелъ Патріархомъ, уже въ царствованіе сына. Измѣнники Переяславскіе внезапно напали на Ростовъ, граждане кого бѣжали въ укрѣпленный Ярославль; но Филаретъ какъ добрый пастырь, полагающій душу за паству, не преклонился на бѣгство ихъ мольбами: — онъ заперся въ соборѣ и совершивъ литургію, причастилъ народъ, спокойно ожидая своей участіи. Мятежники ломились въ двери, Митрополитъ же не преставалъ ихъ увѣщаивать, доколѣ, вторгшись силою, сорвали съ него священскія одежды и повлекли едва живаго, въ рубищѣ, среди посмѣяній, на новые поруганія въ Тушино; тамъ долженъ онъ быть терпѣть лице Лжедимитріево и видѣть его мнимый дворъ и царство, и не прежде освободился, какъ послѣ бѣгства Тушинскаго вора, отбитый отрядомъ Шуйскаго изъ рукъ вражіихъ, подъ стѣнами обители Св. Иосифа Волоколамскаго.

Въ свою чреду прославилась, мужествомъ инооковъ, лавра Троицкая, которой не могло быть нуждо ни одно изъ бѣдствій столицы. По совѣту самозванца съ союзниками, гетманъ Литовскій Сапѣга и панъ Лисовскій пришли осадить твердыню монастырскую, чтобы прекратить сообщеніе Царю Василию съ сѣверными и восточными его областями. Архимандритъ Іоасафъ и воеводы князь Долгорукій и Голохвастовъ, словомъ и дѣломъ укрѣпились противъ лѣстивыхъ рѣчей и сильныхъ нападеній, и помощію преподобнаго Сергія шестнадцать мѣсяцевъ отсиживались отъ тяжкой осады, хотя 30,000 непріятелей обставили турами и обнесли валомъ ограду, изъ шестидесяти орудій непрестанно стрѣляя по стѣнамъ и храмамъ. Отважны и жестоки были приступы, не менѣе убийственны вылазки; по всѣмъ окрестностямъ лавры, въ рощахъ, на прудахъ и оврагахъ кипѣла сѣча; инооки и простые поселяне волостей Троицкихъ не уступали храбрѣшимъ воинамъ; подкопы ведены были подъ башни, но они встрѣчались подъ землею съ другими подкопами, и башни, готовыя взлетѣть на воздухъ, оставались неколебимы. Таковъ былъ видимый покровъ святыхъ игумновъ Сергія и Никона, утѣшившихъ своими явленіями братію, которой болѣе осьмисотъ человѣкъ пало отъ меча и болѣзней въ теченіе осады, но лавра устояла. Служившая тогда единственою за

щитою царству, обуреваемая врагами, она еще вспомоществовала столицъ своими хлѣбами, когда во время голода, знаменитый келарь Аврамій Палицынъ открылъ, по просьбѣ царской, свое хранилище и пропиталъ дважды истощенную Москву.

Василій уже колебался на шаткомъ престолѣ, окруженный бурами, какихъ дотоль не видала Россія; съ трудомъ разсѣялъ онъ на красной площади мятежное сонмище, которое тщетно увѣщавалъ Патріархъ Гермогенъ, но еще въ послѣдній разъ и на краткое время прояснились для Цара темные дни его правленія, побѣдами юнаго племянника князя Михаила. Съ помощью Митрополита Исидора, утвердивъ вѣрность гражданъ Новгородскихъ, онъ заключилъ договоръ со Шведами и, вмѣстѣ съ ихъ военачальникомъ Делагарди, началъ постепенно очищать предѣлы сѣверные, всюду поражая измѣнниковъ и Литовцевъ. Обитель Св. Макарія Колязинскаго видѣла его побѣду; въ слободѣ Александровской, нѣкогда страшномъ жилищѣ Іоанна, утвердился юный стратигъ, собирая полки восточные, и бѣжали изъ-подъ стѣнъ лавры Сапъга и Лисовскій.

Но сіе первое испытаніе доблести Троицкой служило только началомъ исполинскихъ трудовъ, какие подняла лавра за отечество. Уже ея

сокровища были истощены, тремя займами въ 65,000 рублей (около миллиона нынѣшихъ) Царей Годунова, Лжедимитрія и Шуйскаго; последній потребовалъ еще новыхъ пособій,— отдали сосуды и утварь, когда долгая осада сдѣлала необходимымъ починку обрушенныхъ стѣнъ. Не много дней оставалось Царю Василію до насильтственнаго постриженія и плену Польскаго, не много и Патріарху Гермогену исповѣдывать имя Христово на престолѣ святительскомъ до мучнической кончины, когда обоимъ пришла свыше благая мысль избрать Старицкаго архимандрита Діонисія настоятелемъ лавры, вместо умершаго Іосифа, и тѣмъ спасти отечество; ибо когда болѣе не существовало ни Царя, ни Патріарха, когда такъ сказать не было самой Москвы, полтора года томившейся подъ игомъ Польскимъ,— тогда лавра сдѣлалась сердцемъ вся Руси, Діонисій одинъ замѣнилъ всѣ власти, и какъ видимый покровъ Св. Сергія, осѣнилъ всю землю Русскую и собралъ ее къ развалинамъ столицы.

Бѣдствія государства, отвсюду воюемаго, подвигли и закоснѣлаго ся врага Сигизмунда вступить въ беззащитные предѣлы, уже не съ шайкою конфедераторовъ, подобно Лжедимитрію, но съ устроеннымъ войскомъ, потому что онъ хотѣлъ себѣ и сыну Владиславу престола Московскаго. Король надѣялся найти измѣну въ Смоленскѣ, но Смоленскъ соревновалъ лавръ; тамъ укрѣпилъ

лись воевода Шеинъ съ Архіепископомъ Сергиемъ и сдѣлали тщетнымъ все нашествіе Польское; въ долгой осадѣ истощились духъ и силы войска и походъ сей временно освободилъ Москву отъ полчищъ самозванца, не признаваемаго Королемъ. Лжедимитрій бѣжалъ съ Мариною въ Калугу, ему вѣрную, и составилъ тамъ новое скопище; а Тушинскіе измѣнники, Салтыковъ и Мосальскій, предложили вѣнецъ Королевичу Владиславу, сыну Сигизмундову.

Междудѣмъ, очищая себѣ путь побѣдами, радостно приближался къ столицѣ князь Михаилъ; народъ привѣтствовалъ съ восторгомъ своего избавителя; Ляпуновъ предложилъ ему вѣнецъ царскій и великодушно отринулъ его юный витязь; но подозрѣніе впало въ душу Царя, заисть овладѣла братомъ его Димитріемъ и злобною невѣсткою, дочерью злодѣя Скуратова, и на пиршествѣ въ ихъ домѣ внезапно скончался Михаилъ; ярость народа, съ трудомъ укрощенаго, обратилась въ плачь надъ его ранимъ гробомъ; еще однажды и уже въ послѣдній разъ потряслось въ основахъ царство Василія. — Опять возгорѣлся мятежъ, Ляпуновъ отторгнулъ Рязанскую область, одинъ только Зарайскъ удержанъ княземъ Пожарскимъ, будущимъ освободителемъ Россіи; поколебалаась вѣрность Казани и другихъ городовъ.

Гетманъ Жолкевскій уже шелъ къ Москвѣ

изъ подъ Смоленска, чтобы искорить ее Владиславу. Князь Димитрій Шуйскій, воевода по смерти храбраго племянника, встрѣтилъ гетмана подъ Клушинымъ, около Можайска, и бѣжалъ разбитый, Шведы, его союзники, отступили къ Новгороду съ Делагардемъ. Зашевелилось и смрадное гнѣздо Лжедимитріево въ Калугѣ; получища его разрушили обитель Панфутіевскую, гдѣ защищался съ иноками доблестный князь Волконскій; враги явились опять подъ Москвою въ сель Коломенскомъ. Взволновалась столица и измѣнила несчастливому Царю: братъ Лапунова, князь Голицынъ и другие вожди Московскіе, съѣхались съ измѣнниками Тушинскими и рѣшили отложить равно отъ Лжедимитрія и Василія, убѣдить его оставить царство, и ввѣрить старшему боярину князю Мстиславскому съ дулою боярскою, кормило правленія, до новаго избранія.

Сильно воспротивился Патріархъ Гермогенъ сей новой измѣнѣ: его не послушали. Василій низведенъ былъ съ престола и постриженъ въ Чудовѣ, а супруга его въ Ивановской обители. Одинъ изъ мятежниковъ произносилъ обѣты за постригаемаго неволею Царя;— Патріархъ объявилъ ихъ недѣйствительными. Но приверженцы самозванца обманули бояръ Московскихъ, и когда не стало у нихъ Царя, предложили опять Лжедимитрія, а Жолкевскій уже подступилъ.

Въ столь крайнихъ обстоятельствахъ князь Мстиславскій предложилъ думъ избрать Царемъ Владислава Польскаго. Снова возсталъ Патріархъ, убѣждая не жертвовать Церковю, предлагалъ дать вѣнецъ знатному вельможѣ князю Василию Голицыну, или юному Михаилу, сыну Филарета Романова, внуку первой супруги Иоанновой, но большинство голосовъ рѣшило въ пользу Владислава, потому что боялись слабости избираемыхъ соотечественниковъ. Начались переговоры съ Жолкевскимъ, который радостно принялъ предложенія столь лестныя Польшѣ, и безъ воли Сигизмунда заключилъ торжественный договоръ съ Патріархомъ и боярами. Всѣ условія были въ пользу Россіи и великие послы, князь Василий Голицынъ и Митрополитъ Филаретъ Ростовскій, которые оба могли имѣть виды на престолъ, вмѣстѣ съ келаремъ Троицкимъ Авраміемъ, отправлены были подъ Смоленскъ, просить у Сигизмунда сына на царство, съ тѣмъ чтобы крестилъся онъ въ православную вѣру. Гермогенъ заклиналъ ихъ не выдавать отечества, и Филаретъ далъ обѣтъ умереть за вѣру.

Между тѣмъ столица присягнула Владиславу; самозванецъ, оставленный Польскими союзниками, бѣжалъ опять въ Калугу, гдѣ скоро былъ убитъ за свою жестокость; осталась тамъ одна Марина съ новорожденнымъ сыномъ. Но Жолкевскій не отступалъ отъ Москвы; измѣни-

ники Тушинскіе ее наводняли, Салтыковъ, Мозальскій, Молчановъ; они пришли въ соборъ просить благословенія патріаршаго; съ твердостію отвѣчалъ имъ пастырь: «если вы пришли въ церковь праведно и не съ лестію, буди на васъ благословеніе, если же пѣтъ, — анаѳема.» Скоро оказалась ихъ правда; ночью впустили они Поляковъ въ Кремль, подъ предлогомъ усмиренія черни, и утромъ оружіе ихъ заблістало къ ужасу гражданъ, на стѣнахъ Кремля и Китая. Сего только ожидалъ гетманъ, чтобы удалиться; онъ оставилъ въ Москвѣ военачальникъ Гонсѣвскаго и думу боярскую для управления, взялъ съ собою двухъ братьевъ Царя, и самаго Василія изъ обители Волоколамской, куда былъ заточенъ, и отправился къ Королю подъ Смоленскъ.

Тамъ уже бѣдствовали послы наши, удивляя враговъ твердостию и терпѣніемъ, наравнѣ съ мужественными защитниками города. Король не разгадалъ великой мысли гетмана, не радовался воцаренію Владислава, думал самъ за него властвовать и прежде всего требовалъ сдачи Смоленска и денегъ. Слезно молили Филиаретъ и Голицынъ не испровергать дѣла гетманова, — тщетно; самъ гетманъ, видя нарушение договора и плодъ своихъ побѣдъ, теряющий мѣлкимъ честолюбіемъ Сигизмунда, удалился изъ стана, предавъ Королю Василія, ко-

торый поддержалъ свое достоинство въ бѣдствіи и не унизился предъ гордымъ побѣдителемъ. А непреклонные послы, претерпѣвая долгое время холода и нужду, подобно Царю своему, отправлены были подъ стражею въ Польшу, где еще девять лѣтъ томились въ тяжкой неволѣ.

Наконецъ общее негодованіе, противъ Сигизмунда и насилия Поляковъ, обнаружилось; Гермогенъ благословилъ ополчаться за родину, Ляпуновъ Рязанскій поднялъ оружіе. Народъ ропталъ громко и ссорился съ Поляками; граматы Московскія и Смоленскія, о помощи, ходили по всѣмъ частямъ государства, гдѣ собирались ополченія. Убѣдительны были посланія архимандрита Троицкаго Діонисія къ воеводамъ; на слезный зовъ его подвиглись даже Тушинскіе вожди, князь Трубецкой и атаманъ казаковъ Заруцкій, скоро опять измѣнившій; но покамѣстъ они медлили — сгорѣла Москва.

Дума боярская уже потеряла всю силу; Гонсѣвскій убѣждалъ Патріарха, чтобы онъ запретилъ общее возстаніе, измѣнникъ Салтыковъ требовалъ сего нагло. «Запрещу, твердо отвѣтствовалъ Гермогенъ, если увижу крещеніе Владислава и выходящихъ Поляковъ; велю, если сего не будетъ, и разрѣшаю всѣхъ отъ присяги Королевичу.» Салтыковъ поднялъ ножъ на старца; Святитель, осѣнивъ его крестомъ,

сказалъ: «се знаменіе противъ твоего дерзновенія, да взыдетъ вѣчная клятва на главу твою; и обратясь къ князю Мстиславскому, который далъ совѣтъ на избраніе Королевича, тихо произнесъ: «твое начало, тебѣ первому должно пострадать за правду; но ты прельстился, и преселить Господь тебя и корень твой отъ земли живыхъ.» — Время текло и разгоралась буря отечественная; еще однажды посланы были бояре съ угрозами къ Гермогену. «Все смиряется, опять отвѣчалъ онъ Салтыкову, если ты удалишься, измѣнникъ, съ своею Литвою; я же всѣхъ благословляю умереть за православную вѣру, ибо вижу ея поруганіе и не могу слышать Латинскаго пѣнія на Царе-Борисовомъ дворѣ.» Къ нему приставили стражу и принудили въ послѣдний разъ совершить торжество вай въ вербное воскресеніе.

На страстной недѣли вспыхнулъ мятежъ народный, отъ частной ссоры съ Ляхами, и дружина Гонсѣвскаго устремилась на кровопролитіе и грабежъ. Пламя разлилось по всей столицѣ, почти беззащитной; одинъ только князь Пожарскій бился въ дыму съ ея врагами и пальрененый. Три дня горѣла Москва, безпрестанно поджигаемая тамъ гдѣ угасала, и вся опустѣла внезапно: Поляки неистовствовали, жители разбрѣжались: остался одинъ обгорѣлый снаружи Кремль и Китай, гнѣздо злодѣевъ Русскихъ.

Посреди такого пепелища уже не могъ оставаться Патріархомъ Гермогенъ; — его свели съ престола и заключили въ Чудовъ, а на мѣсто святаго старца извели опять изъ келліи угодника самозванцевъ, Грека Игнатія, и вторично лжепатріархъ сталъ на мѣсто двухъ святителей, каковы были Іоасъ и Гермогенъ. Съ такими страданиями сопряжено было начало патріаршества въ Россіи. Но если Іоасъ сдѣлался только исповѣдникомъ за вѣру, то сего недостаточно было для Гермогена: до конца претерпѣлъ онъ и сподобился вѣна мученическаго, непреклонный ко всѣмъ мольбамъ и угрозамъ, и изнемогъ головою 1612 въ темницѣ, въ залогъ спасенія отечеству.

Тогда подступили къ Москвѣ воеводы, стѣсня враговъ въ одинъ убийственный голодный кругъ. Келарь Аврамій отпущенъ былъ, со святою водою, изъ лавры Троицкой въ станъ ратныхъ, для укрепленія духа; тамъ несогласіе возникло между Ляпуновымъ, Трубецкимъ и измѣнникомъ Заруцкимъ, котораго первый обличилъ въ измѣнѣ, и атаманъ, соединившійся съ Мариною для честолюбивыхъ замысловъ, умертвилъ на сходкѣ сего мужественнаго защитника отечества.

Между тѣмъ, послѣ двухлѣтней осады, приступомъ былъ взятъ вѣрный Смоленскъ, но Сигизмундъ не смѣлъ и не могъ идти далѣе,

съ изнуренными войсками. Онъ послалъ на помощь осажденнымъ въ Кремль, отрядъ гетмана Хоткевича, а самъ возвратился съ знатными плѣнниками, бояриномъ Шеиномъ, и Архіепископомъ Сергіемъ, торжествовать побѣду въ Варшавѣ, гдѣ томились другие великие плѣнники: Царь Шуйскій съ братьями и послами. Одно только личное самолюбіе Короля удовлетворилось наружнымъ блескомъ, престолъ же Московскій навсегда утраченъ былъ для него и для Владислава.

Но слабость и безначаліе Россіи доставили ей непріятелей въ прежнихъ союзникахъ и новыхъ искателей вѣнца подобно Сигизмунду. Шведскій воевода Делагарди, отступившій къ Новгороду, послѣ Клушинской битвы съ Жолкевскимъ, началъ дѣйствовать въ пользу своего Короля и захватилъ нѣсколько порубежныхъ крѣпостей; онъ взялъ самый Новгородъ, хотя и беззащитный, однакоже послѣ кровопролитной сѣчи съ гражданами, которыхъ возбуждалъ, съ высоты Софійскихъ стѣнъ, Митрополитъ Исидоръ, ревностный блюститель своей паствы. Сила одолѣла мужество и Делагарди принудилъ великій Новгородъ заключить съ нимъ договоръ, о признаніи Царемъ Московскімъ одного изъ Королевичей Шведскихъ, Густава Адольфа или Филиппа, по выбору отца ихъ Карла IX, самъ же продолжалъ именемъ ихъ громить сѣверные предѣлы;

но онъ нашелъ противудѣйствіе въ лаврѣ Соловецкой.

Лавра сія, еще при первыхъ набѣгахъ Шведскихъ, укрѣплена была твердыми стѣнами, по волѣ Царя Феодора, и снабжена орудіями и стрѣльцами, изъ собственныхъ ея волостей, равно какъ Сумскій и другіе остроги, отъ нея зависѣвшіе на берегу. Когда же начались смуты самозванцевъ, Король Шведскій спрашивалъ, чрезъ воеводъ своихъ, игумна Антонія, кого признаетъ онъ Царемъ: Шуйскаго или Лжедимитрія? коварно предлагая свою защиту, и получилъ твердый отвѣтъ: что никогда иноземецъ не будетъ Царемъ Русскимъ и что лавра не нуждается въ его воинахъ. Съ тѣхъ поръ не уступала она Троицкой, усердіемъ къ общей пользѣ, пожертвовала Царю Василию и князю Михаилу 500 рублей, для найма союзниковъ Шведскихъ, и дѣятельно споспѣшествовала къ водворенію спокойствія въ отечествѣ. Благоразуміемъ игумена Антонія спасена вся область поморская отъ Шведовъ, которые посыпь неудачной лести, ивсоколько разъ приступали къ Сумскому острогу и приплывали даже осаждать самую обитель. Но славное мѣсто, куда еще недавно принесены были мощи великаго страдальца Филиппа Митрополита, настоятеля Соловецкаго, не могло поколебаться въ вѣрности къ отечеству, и во все время смутъ до

заключенія конечнаго мира со Шведзми, великоудушный игуменъ Антоній и его преемники Иринархъ стояли тамъ на неусыпной стражѣ.

Наконецъ, когда уже все казалось погибшимъ, истощены были послѣднія силы государства и разрознены всѣ его части, внезапно рукою Божіею, оно воздвиглось, и страхи нувъ съ себя пепель селъ и городовъ, процвѣло въ новой силѣ. Лавра Троицкая согрѣла, своею пламенною любовію къ отечеству, остывшіе, омертвѣвшіе его члены: святый архимандритъ Діонисій бодрствовалъ, призиралъ бѣгущій изъ столицы народъ, обратилъ всю обитель въ одну бо гадѣлью для страждущихъ, вооружилъ слугъ монастырскихъ, разсыпалъ граматы въ тревожную Казань къ Митрополиту Ефрему, чтобы присоединились къ общему востанію, и въ понизовскія земли и на сѣверъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нужные запасы и снаряды къ осаждающимъ Москву воеводамъ. По тайному видѣнію очистительный постъ наложенъ былъ на всю Русскую землю, и въ Нижнемъ вспыхнула искра чистаго самоотверженія, въ сердцѣ гражданина Минина, который нашелъ себѣ отголосокъ въ цѣломъ народѣ; тамъ сосредоточилась воинская сила, долженствовавшая освободить отечество, подъ руководствомъ воскресшаго, отъ одра болѣзни, Пожарскаго.

Непрестанныя моленія Діонисія и Аврамія

заставили князя пренебречь опасностию, какая угрожала ему подъ Москвою, въ станѣ ратныхъ, отъ мятежныхъ крамоль, и двинуться изъ Ярославля, гдѣ долго собирался, для совершения великаго дѣла. Келарь Аврамій безотлучно находился при войскахъ, лицемъ не менеѣ дѣйствующимъ князя и Минина, а вмѣстѣ и лѣтописцемъ. Его краснорѣчивое перо передало потомству современные подвиги, подобно какъ его сладкія рѣчи возстановили тишину и миръ, посреди враждующаго стана, доколѣ наконецъ съ Заруцкимъ бѣжала изъ него измѣна. Аврамій споспѣшился побѣдѣ Пожарскаго, въ день жестокой битвы на Дѣвичьемъ полѣ, съ гетманомъ Польскимъ, убѣдивъ казаковъ выйти изъ окоповъ и участвовать въ сѣчѣ. Принявъ отъ старца ясакомъ имя Св. Сергія, они бросились чрезъ Москву рѣку съ кликами: Сергіевъ! Сергіевъ! и погнали Литву. Поляки крѣпко застыли въ Кремль; возникли новыя возмущенія между казаками, которые жалуясь на нищету свою и богатство вождей, хотѣли разойтись; но архимандритъ и келарь послали въ ихъ тaborъ послѣднія сокровища лавры, ризы жемчужныя, съ слезнымъ моленіемъ не покидать родину, и тронутые поклялись переносить всѣ лишенія.

Скоро преподобный Сергій явился во синь Греческому архіепископу Арсенію, заключенно-

му въ Кремль, и утѣшилъ вѣстю о избавленіи. Приступомъ взятъ былъ Китай, сдался Кремль; съ торжественнымъ пѣніемъ вступилъ архимандритъ Діонисій и весь священный соборъ въ храмъ Успенія и восплакали всѣ, при видѣ запустѣнія святыни. Оба, архимандритъ и келарь, присутствовали на единодушномъ избраниіи юнаго сына Филаретова, Михаила, которое совершилось на Троицкомъ подворьи, къ общей радости и удивленію; — соборъ и синклитъ говорили какъ одинъ человѣкъ. Келарь возвѣстилъ съ лобнаго мѣста избраніе народу, и народъ столь же единогласно произнесъ то же имя.

Совѣтъ земскій, назначилъ послами къ избранному Михаилу, для приглашенія на царство, архіепископа Рязанскаго Феодорита, келаря Аврамія и боярина Шереметева, и написалъ, отъ лица всей земли Русской, грамату Сигизмунду въ которой исчисливъ всѣ его вѣроломства, отрекался отъ Королевича Владислава и просилъ о выдачѣ знаменитыхъ пѣнниковъ, въ замѣнѣ Польскихъ: но отецъ Царя, Митрополитъ Ростовскій, былъ слишкомъ драгоцѣннымъ залогомъ, чтобы рѣшились отпустить его враги, хотя твердость старца сокрушила всѣ ихъ надежды.

Юный сынъ его, не ожидая блестательной

судьбы своей, смиренно обиталъ съ матерю ино-
кинею въ Костромѣ, въ обители Ипатьевской.
Приществіе пословъ исполнило страхомъ нѣжную
мать, уже испытавшую столько бѣствій; долго
отвергала она всѣ моленія, за себя и за сына,
которому страшно было промѣнять тишину оби-
тели на бурный престоль, колеблемый всѣми
ужасами войны и междоусобія. Но по многомъ
плачѣ, присутствіе двухъ чудотворныхъ иконъ,
Владимірскія и Феодоровскія Божія Матери, пре-
клонили на жалость иночію Мароу и она вру-
чила сына своего Россіи. Набожное шествіе Ми-
хailа въ столицу, мимо лежащей на пути его
святыни Ярославля, Ростова, Переяславля и ла-
вры Троицкой, было истиннымъ торжествомъ
благочестія царскаго и любви народной. Три
Митрополита: Ефремъ Казанскій, Іона Крутицкій,
Кириллъ Ростовскій, приглашенный народомъ
принять опять оставленную имъ епархію, и мно-
го трудившійся своими увѣщаніями для спасенія
отчизны, — вѣничали его вѣнцемъ Мономаха, въ
храмъ Успенскомъ; и уставная грамата всего со-
бора и синклита запечатлѣла избраніе Романо-
выхъ, возстановивъ навсегда права наслѣдствен-
наго самодержавія, потрясенныя несчастными
избраніями Годунова и Шуйскаго.

Но еще не утихли смятенія внутреннія и
наружныя; обширныя области Русскія остава-
лись въ рукахъ непріятелей, близъ самой Мо-

сквы находились города, преданные изменѣ, а другие мятежу и безначалію. Заруцкій страшилъ многочисленною толпою сообщниковъ; тысячи Литовцевъ, Казаковъ и Русскихъ измѣнниковъ, разсѣяны были повсюду и, неожиданными нападеніями, грабили беззащитные города по разнымъ предѣламъ государства. Крымцы грозили набѣгами, Малороссія, Донъ, Уралъ, готовы были, какъ прежде, подкрѣпить новое злодѣйство, ради добычи. Опытные вожди Польши и Швеціи могли двинуться по первому слову своихъ повелителей, — Жолкевскій, Хоткевичъ, Делагарди. Въ Польшѣ властвовалъ ревнитель Рима Сигизмундъ, соединившій виды личнаго честолюбія съ видами церковными, для покоренія Россіи Папъ. Страшный союзникъ витязь Густавъ Адольфъ воцарился въ Швеціи. Народъ Русскій радовался Михаилу, но привыкъ въ теченіе столькихъ лѣтъ къ частымъ перемѣнамъ властителей; самая дума царская состояла изъ вельможъ, пережившихъ въ краткое время пять Царей и бывшихъ отчасти виновниками безначалія; — и посреди всѣхъ сихъ опасностей, внутреннихъ и внѣшнихъ, рукою Провидѣнія, утвердился неопытный, но чистый предъ Богомъ и людьми, Михаилъ, чуждый всѣхъ ужасовъ минувшаго, начиная собою новое свѣтлое будущее Россіи.

Чтобы придать болѣе твердости думѣ боярской

столъ шаткой при его предмѣстникахъ, Михаилъ укрѣпилъ ее соборомъ неколебавшихся святителей, и съ общаго ихъ приговора вершились дѣла; по возвращеніи же двухъ старшихъ Митрополитовъ, Казанскаго и Ростовскаго, на свои епархіи, Юна Крутицкій какъ блюститель престола патріаршаго, временно управлялъ Церковю Юный Царь отправилъ посольства въ дальнія земли, чтобы возстановить связь гражданскую государства съ Шахъ-Аббасомъ Персидскимъ, Цесаремъ Рудольфомъ и морскими державами, Голландіею, Англіею, посредничество коихъ имѣло спасительное влияніе на Польшу и Швецію; а между тѣмъ всѣль осаждать Смоленскъ и воеводы его, князья Пожарскій, Черкасскій и другіе, безпрестанно сражались въ окрестностяхъ столицы съ мимоходными ватагами Литовскими. Астрахань и югъ Россіи успокоились, взятиемъ въ пленъ измѣника Заруцкаго и Маринѣ: но на съверѣ Густавъ Адольфъ приступалъ ко Пскову, хотя и неудачно; дружины Делагардія разорили богатый Новгородъ, который съ тѣхъ поръ уже не возставалъ въ прежнемъ своемъ величіи. Но не угасъ духъ его гражданъ; великодушный архимандритъ Хутыня монастыря Кипріянъ возбуждалъ воеводъ и почетныхъ людей обратиться къ новому Царю, и по внушенію Митрополита Исидора, посланъ былъ отъ Шведовъ, какъ бы для переговоровъ съ правительствомъ Русскимъ; въ

Москвѣ испросилъ онъ прощеніе у Михаила всѣмъ присягнувшимъ Королевичу и соединилъ опять древній Новгородъ съ Россіею, за что претерпѣлъ тяжкія муки по возвращеніи.

Наконецъ, видя упорство Россіянъ, рѣшились Шведы заключить миръ, при ходатайствѣ послы Англійскаго, въ селѣ Новгородской области Столбовоѣ, и хотя съверныя владѣнія Россіи, Ингерманландія, Карелія, временно отъ нея отторглись, миръ сей былъ необходимъ, чтобы управиться съ другимъ болѣе сильнымъ врагомъ, Польшею. Переговоры съ нею подъ Смоленскомъ были нарушены, несмотря на посредничество пословъ цесарскихъ, и послѣднее грозное нашествіе, Королевича Владислава, еще однажды поколебало Россію, до желаннаго отдыха. Отступленіе воеводъ нашихъ изъ подъ осажденнаго Смоленска, сдача городовъ на пути къ столицѣ означеновали опять бѣдствіями начало сего похода; но Можайскъ, около котораго суждено рѣшаться судьbamъ столицы, устоялъ. Минуя его Королевичъ, съ помощью гетмана Запорожцевъ Сагайдачнаго, ударилъ на Москву, исполненную уже инымъ духомъ: — со всѣхъ сторонъ отразила она приступъ Польскій. Наконецъ, къ священной оградѣ Троицкой лавры, двинулись полчища Литовскія, архимандритъ Дюнисій и келарь велѣли выжечь посады и укрѣпились опять на осаду. У ногъ Св. Сергія дол-

жна была разразиться громовая туча , пятнадцать лѣтъ скитавшаяся по мрачному небосклону Россіи , и послѣдній ударъ ея скользнулъ по лаврѣ , какъ бы только для того , чтобы осіять ее новымъ блескомъ , ибо она одна устояла въ долгую бурю , не запятнавъ ни единою измѣною свою славу . Въ виду ея стынъ , въ съсѣднемъ селѣ Деулинѣ , начались переговоры съ Королеви- чемъ о мирѣ , и послѣ долгихъ прѣній заключено пятнадцатилѣтнее перемиріе , хотя съ большими пожертвованіями для Россіи , уступившей Ливонію , Смоленскъ и западные города , по спасительное смятенному царству .

Тогда лишь освобождены были долго томившіеся въ неволѣ , именитые плѣнники наши , сперва живые , потомъ и мертвые ; уже Царь Шуйскій съ братьями погребенъ былъ на распутіи Варшавскомъ подъ стольбомъ , коего надпись гласила о его горькой участіи , скончался и твердый посолъ князь Голицынъ ; но возвратимись храбрый воевода Шенинъ , съ архіепископомъ Сергиемъ Смоленскимъ , и , къ несказанной радости своего царственнаго сына , самъ Митрополитъ Ростовскій Филаретъ . Трогательна была встрѣча сына Царя , съ отцемъ Святителемъ , при входѣ въ столицу ; каждый хотѣлъ припасть къ ногамъ одинъ другаго и , взаимнымъ нѣжнымъ объятіемъ , запечатлѣли они союзъ царства и церкви , которыя оба представляли лицемъ своимъ .

Въ сіе замѣчательное время, столь смутное для съверной и южной Россіи, по дѣламъ церковнымъ, ибо ни та, ни другая, не имѣли пастыря, прибыль въ Москву Патріархъ Іерусалимскій Феофанъ, и былъ Ангеломъ мира для обѣихъ. Восточные Патріархи, слыша о неустройствахъ единовѣрного царства Россійскаго и о гоненіяхъ Римскихъ противъ православія, уже изнемогавшаго на югѣ безъ Епископовъ, — сошлись для совѣщанія у гроба Господня и послали кроткаго его блюстителя устроить Церковь Россійскую; Патріархъ Константинопольскій далъ ему полномочіе дѣйствовать лицемъ своимъ и отправилъ съ нимъ своего экзарха архимандриста Арсенія.

Посѣтивъ сперва столицу Русскую, еще до освобожденія отца Государева, Феофанъ нашелъ Церковь въ волненіи, по случаю иѣкоторыхъ исправленій въ требникѣ. Самъ Государь замѣтилъ грубыя ошибки издавна вкравшіяся, не только въ рукописныя служебныя книги, но и въ тѣ, которыя напечатаны были при Патріархахъ Іовѣ и Гермогенѣ, и поручилъ святому Діонисію заняться, вмѣстѣ съ братію Троицкою, исправленіемъ сихъ погрѣшностей, по книгамъ ученаго Максима Грека и другимъ, хранившимся въ лаврѣ; потому что со временъ Стоглава и до Никона трудъ сей былъ предметомъ заботъ царскихъ и патріаршихъ. Діонисій, сличивъ

Русскій требникъ съ Греческими , выкинуль на водоосвященіи слово огнемъ , неправильно поставленное послѣ призываанія на воды Св. Духа , исправилъ также некоторые возгласы , въ койхъ славословіе святыя Троицы сопряжено было съ предшествовавшею молитвою , къ Сыну Божію , и за то подвергся жесточайшимъ гонениямъ , отъ необразованнаго Митрополита Крутицкаго Іоны . Въ теченіе цѣлаго года терпѣлъ святый старецъ душную темницу , побои и пытки , даже поруганія отъ народа , который нелѣпо обвинялъ его , будто онъ хочетъ истребить огонь въ землѣ Русской , и все сіе переносилъ онъ съ чрезвычайною кротостію и терпѣніемъ , какъ исповѣдникъ слова Божія . Пріездъ Патріарха облегчилъ его участъ .

3. Ф и л а р е тъ .

Прежде всего Феофанъ , по совѣту Царя , вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ , слезно молили великаго труженика , Митрополита Филарета , принять на себя высокій санъ патріаршій , и долго отрекался святитель , который даже въ часъ

освобожденія, будучи уже въ предѣлахъ отечества, не хотѣль идти далѣе, узнавъ что отпускавшіе его враги требовали новыхъ уступокъ, сверхъ договора, ради нѣжности сыновней Царя. Испытанный всѣми бѣдствіями, въ теченіе двадцати лѣтъ, постриженный неволею, сосланый, разлученный съ семействомъ, взятый силою изъ храма, поруганный, наконецъ девять лѣтъ томившійся въ плену, усталый старецъ хотѣль только житія безмолвнаго, и едва былъ упрощенъ Царемъ, Патріархомъ и соборомъ, украсить собою престолъ Св. Петра. Такимъ образомъ уже третій исповѣдникъ восходилъ на него, со времени учрежденія патріаршества, и тѣмъ прекратилось девятилѣтнєе сиротство Церкви Московской; предатель, лжепатріархъ Игнантій, бѣжалъ, еще до воцаренія Михаила, въ Польшу. — Самъ Іерусалимскій святитель совершилъ посвященіе великаго Филарета и, уставною граматою, утвердилъ на будущія времена, права данины при поставленіи Іову, святѣйшимъ Іеремію Цареградскимъ. Такимъ образомъ устроплось чудное явленіе въ летописяхъ міра, нигдѣ и никогда не повторявшеся, — родителя Патріарха и сына Царя, вмѣсть управлявшихъ государствомъ.

Патріархъ Феофанъ не замедлилъ оправдать, предъ новымъ Святителемъ Московскимъ, страждущаго Діонисія и обѣщаю, въ засвидѣтельство-

ваше правоты его, прислатъ объяснительныя граматы, по совѣщаніи съ прочими Восточными Патріархами, что въ послѣдствіи исполнилъ, ибо святѣйшій Филаретъ ревностно продолжалъ заниматься дѣломъ исправленія книгъ служебныхъ. Освобожденный архимандритъ возвратился въ лавру, прославленную его подвигами, и тамъ имѣлъ утѣшеніе принять торжественно своего избавителя и видѣть смиреніе Владыки Єрусалимскаго предъ мощами преподобнаго Сергія. Онъ представилъ єѳофану добліхъ иноковъ, подвизавшихся вмѣстѣ съ нимъ за отечество, которые находили, что раны полученные въ битвѣ, служили имъ еще лучшими будильниками для плача и воздыханія о грѣхахъ.

Съ благословеніями съверной Россіи, направился блаженный єѳофанъ въ южную, и посѣтилъ Кіевъ, древнюю матерь православія, страдавшую безначаліемъ перковымъ. Король Сигизмундъ, не смотря на свои гоненія, призналъ въ єѳофанѣ лицо патріаршее и велѣлъ воздавать ему должныя почести, хотя потомъ опять усумнился въ его санѣ. Ревностный къ просвѣщенію церковному, єѳофанъ именемъ Патріарха Константинопольскаго, утвердилъ Богоявленское братство въ Кіевѣ, створопигіальнымъ, т. е. прямо зависящимъ отъ Вселенскаго Владыки, благословилъ завести въ немъ училище, на Эллопо-

Славянскомъ и Латино-Польскомъ языкахъ, и присовокупилъ къ нему братство милосердія, или страпионпріимный домъ, обратившійся въ бурсу академическую. Гетманъ Запорожцевъ Сагайдачный пожертвовалъ свое имущество въ пользу сей новой обители, гдѣ самъ окончилъ на молитвѣ воинственный подвигъ жизни.

Когда долгимъ пребываніемъ Патріарха въ Кіевѣ, мало по малу стали ободряться православные, то почетное духовенство и дворянство, собравшіяся вмѣстѣ съ гетманомъ изъ сосѣднихъ городовъ, на праздникъ Успенія, устроили Феофана дать имъ наконецъ главу церковную и пастырей, коихъ такъ давно уже была лишена Малороссія. По примѣру прежніхъ Патріарховъ торжественно посвятили онъ въ лавръ, Митрополитомъ Кіевскимъ Іова Борецкаго, игумна Михайлова монастыря, и еще двухъ, ректора Віленскаго училища, архимандрита Мелетія Смотрицкаго Архіепископомъ въ Полоцкъ и Іосифа Курцевича во Владиміръ Волынскій, а потомъ и прочихъ: Ісаакія въ Луцкъ, Ісаю въ Перемышль, Паисія въ Холмъ, Грека Аврамія въ Пинскъ; такимъ образомъ возстановивъ упраздненный епархіи и возбудивъ всѣхъ стоять твердо за вѣру, спокойно возвратился въ свои предѣлы.

Тогда начались опять козни Уніатскія и сильное гоненіе со стороны правительства, па-

Епископовъ православныхъ, которыхъ оно не признало законными, хотя не препятствовала ихъ посвященію. Митрополигъ Іовъ принужденъ былъ послать, для оправданія собственнаго и всѣхъ архіереевъ, Епископа Іосифа на сеймъ Варшавскій; но хотя удостовѣреніе, полученное Королемъ изъ Турціи, о полномочіи Патріарха Феофана, смягчило его къ лицу самыхъ Епископовъ, не представали однакоже гоненія на Церковь православную; ставропигія Богоявленская въ Киевѣ была разорена Уніатами, въ Вильнѣ и Луцкѣ православные храмы обращены въ гостинницы; въ Оршѣ, въ Могилевѣ, Мстиславѣ, Гроднѣ и іныхъ мѣстахъ, запечатали церкви; въ Минскѣ землю церковную отдали подъ мечеть; во Львовѣ и Хельмѣ не смѣли показываться съ дарами священники православные и открыто погребать умершихъ; монастыри опустошались, пресвитеровъ и монаховъ мучили, и новые Епископы не могли свободно сообщаться съ паствою. Всѣхъ превосходилъ, своими гоненіями, на православныхъ архіепископъ Уніатскій Пилоцка Іоасафъ Кунцевичъ, который ругался даже надъ тѣлами погребаемыми и до такой степени ожесточилъ народъ, что самъ былъ убитъ въ Витебскѣ; онъ причтенъ Римлянами къ лицу своихъ мучениковъ. Въ то же время и казаки Запорожской сѣчи, которая одна только стояла твердо за православіе и укрощала въ Киевѣ насилия Уніатовъ,

утопили въ Днѣпрѣ игумена Выдубецкаго Антонія, намѣстника Уніатскаго Митрополита Іосифа.

Несчастная кончина Іосафата стсила Церкви православной одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ ея пастырей, Мелетія Архіепископа Полоцкаго, который отличался своими писаніями въ ея защиту. Неправильно обвиняемый правительствомъ Польскимъ, будто бы подалъ поводъ къ умерицвлению Іосафата, онъ принужденъ былъ бѣжать въ Грецію, гдѣ скитался три года, думая что между тѣмъ утихнетъ молва; наконецъ, движимый страхомъ, онъ передался малодушно на сторону Уніи и написалъ свою апологію въ укоризну Восточной Церкви. Митрополитъ Іовъ 1622. созвалъ въ Киевѣ соборъ и обличивъ Мелетія, заставилъ его принести въ церкви торжественное покаяніе и даже изорвать свою книгу. Но Мелетій Смотрицкій, возвратясь въ эпархію, въ Дерманскій монастырь, гдѣ основался по сосѣству Польши, издалъ вторично первую апологію, решительно отступилъ отъ православія и дажеѣздилъ въ Римъ для поклоненія Папѣ, который далъ ему санъ архіепископа Іерапольскаго; съ тѣхъ поръ эпархія Полоцкая перестала числиться въ спискѣ православныхъ. Оба Митрополита, Киевскій Іовъ и Уніатскій Іосифъ, созывали въ Киевѣ и Львовѣ соборы единомышленныхъ себѣ Епископовъ, одинъ для охраненія терзаемой паствы, другой для разширенія соб-

ственной; а сеймъ коронный въ Варшавѣ подтвердилъ права каждого исповѣданія, болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ. Смерть гонителя Сигизмунда и воцареніе Владислава IV, объявившаго при вступленіи на престолъ свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, подали только краткія надежды, скоро измѣнившія.

Между тѣмъ, пользуясь временемъ перемирия съ Польшею, государство Московское оправлялось въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ, подъ единодушнымъ блестительствомъ Михаила и Филарета, которому предоставиль любящій сынъ самое титло Великаго Государя. Измѣнился отчасти внутренній порядокъ управлениія: луна боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е. совѣтомъ Царя во всѣхъ дѣлахъ важныхъ; но множество дѣлъ требовало болѣе посредниковъ между Государемъ и народомъ, нежели однихъ воеводъ и намѣстниковъ, рядившихъ области имѣніемъ царскімъ. Учредились въ Москвѣ различные приказы, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Знаменитый указъ Царя Феодора, коимъ воспрещалось крестьянамъ произвольно мѣняться своихъ помѣщиковъ, отмененный Годуновымъ, подтвержденный опять Шуйскимъ, укрепленъ былъ окончательно Михаиломъ, и при немъ же заведены первыя писцовые книги, содержащія въ себѣ описи городовъ и разграниченіе земель.

Движимый любовию къ родителю, Царь распространилъ его права, придавъ больший блескъ и двору патріаршему. — Еще въ 1599 году Борисъ, въ знакъ благоволенія къ Патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамату, данную Іоанномъ Митрополиту Аѳанасію, духовнику своему, такого содержанія: что всѣ люди Первосвятителя, его чиновники, слуги и крестьяне, освобождаются отъ вѣдомства царскихъ бояръ, намѣстниковъ, тіуновъ, не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кроме душегубства, засвидѣтельствованаго судомъ патріаршимъ, и увольняются также отъ всякихъ податей казенныхъ. Сие древнее государственное право нашего духовенства оставалось неизмѣннымъ въ царствование Василія, Михаила и сына его, до временъ Никона. Царь же Михаиль Феодоровичъ установилъ еще, чтобы во всѣхъ мѣстахъ и городахъ монастыри, церкви и земли, составлявшія собственно патріаршую область, имѣли особенное преимущество вѣдаться, по дѣламъ гражданскимъ, только въ приказѣ большаго дворца, какъ бы предъ лицемъ самаго Государя, и чтобы всѣ архимандриты, игумны, священники, діаконы и причты сихъ обителей и приходовъ, съ ихъ волостями, подсудны были только одному Патріарху, кроме случаевъ уголовныхъ; чтобы никто наконецъ не вступался въ судъ его, расправу, лестину и оброки, которые онъ по соб-

ственному усмотрѣнію положить на причты и приходы своей области; а лавръ Троицкой, ради заслугъ ея, равно какъ двумъ обителямъ, Вознесенской въ Кремлѣ и Новодѣвичьей, гдѣ отошло на покой столько царственныхъ инокинь со временемъ Іоанна, предоставлено было право зависѣть единственно отъ суда патріаршаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указъ царскій, въ подтвержденіе прежнихъ указовъ Іоанна, воспретилъ обителямъ пріобрѣтать, покупкою или вкладами, новыя волости, или недвижимыя имѣнія, число коихъ чрезвычайно возрасло съ годами благоденствія.

Россія, сокращаемая съ запада, сильною рукою Польши и Швеціи, разширялась исполински къ востоку. Сибирь, едва открытая Ермакомъ, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, уже до половины составляла область Россійскую. Удалые казаки и люди промышленные, съ малыми пособіями правительства, продолжали покорять необъятныя пустыни ко имя Годунова, Жедими-трія, Шуйскаго, въ во время, когда они сами теряли нетвердый престолъ въ Москвѣ: Алтынъ Ханъ Монгольскій услышалъ наконецъ, у верховья Амура, имя Михаила. Какъ древніе Варяги, казаки подымались и спускались по рѣкамъ до впаденія другихъ рѣкъ, ставили на устьѣ ихъ малые остроги, съ двумя и тремя вооруженными блюстителями новыхъ владѣній; а

дикіе жители приходили платить дань, мѣхами, и смирялись предъ величіемъ невѣдомой Россіи, которая ихъ изумляла подвигами сыновъ своихъ. Не съ болышею отвагою совершилось завоеваніе новаго свѣта Кортесомъ и Пизарромъ: — Сибирь была также новымъ міромъ для Россіи. Постепенно воздвигались въ ней города, все дальне къ востоку, и посреди безлюдной пустыни, по свойственному благочестію предковъ, съ городами возникали обители, первая въ Верхноторскѣ, основанная нѣкимъ отшельникомъ Іоною, потомъ въ Тюмени и иныхъ мѣстахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сіе обширное царство не имѣло никакого управления духовнаго; буйные казаки едва слушались воеводъ царскихъ, и жертвовали самыми грубыми страстями, насилиемъ пріобрѣталъ себѣ женъ изъ Россіи или между язычниковъ; беспорядки ихъ обратили вниманіе святѣйшаго Филарета.

Хотя по общему совѣту Патріарховъ, Іереміи и Іова, значительно умножено было число епархій Россійскихъ, однако же еще Гермогенъ почувствовалъ необходимость устроить новый престоль архіепископскій, въ отдаленной Астрахани, и посвятилъ туда впервые Феодосія. Когда же, во время смутъ междуусобныхъ, покорилось царство Сибирское, Патріархъ 1067. Филаретъ не могъ найти лучшаго средства къ внутреннему его устройству, какъ учрежденіе но-

1623. вой архіепископії Тобольской и Сибирской. Выборъ патріаршій палъ на знаменитаго, своими страданіями, архимандрита Хутынскаго Кипріана и онъ первый посѣтилъ сю отдаленную паству, въ четырехлѣтнее свое правленіе, положивъ прочное основаніе для будущаго. Возбуждаемый граматами Первосвятителя къ исправленію нравственности казаковъ, онъ съ помощію воеводъ, началь мало по малу распространять на нихъ свое благодѣтельное вліяніе и, чтобы укрѣпить ихъ въ законѣ Божіемъ, основалъ новыя между ними обители, въ Невьянскѣ, Тагилѣ, Тарѣ, Томскѣ и Туруханскѣ; украсилъ Знаменскую обитель въ самомъ Тобольскѣ и привелъ въ должный порядокъ основанные прежде мужескіе и женескіе монастыри въ Верхотурѣ и Туринскѣ; онъ испросилъ также угодья новому архіерейскому дому, чтобы обеспечить его въ kraю дикомъ для своихъ преемниковъ; самъ же скоро переведенъ былъ въ Москву на митрополію Крутицкую, а оттолѣ въ родственныій ему Новгородъ. Кипріанъ оставилъ по себѣ вѣчную память въ Сибири, гдѣ собралъ, еще изъ усть сподвижниковъ Ермака, преданія о его удалихъ походахъ, и написалъ лѣтопись, которая сохранила потомству подвиги отважнаго завоевателя.

Заботы патріаршія равно простирались на дальний Тобольскъ и на близкій Новгородъ.

Скорбя и радѣя о православныхъ чадахъ Церкви, отторгнутыхъ Столобовскимъ договоромъ въ подданство Швеціи, онъ писалъ къ Митрополиту Новгородскому Макарію, чтобы продолжать завѣдывать ими, какъ своею духовною паствою, и Шведы, съ своей стороны, не препятствовали имъ сноситься съ бывшимъ ихъ архипастыремъ. Такимъ образомъ союзъ церковный поддерживался при разрывѣ гражданскаго, до новаго при соединенія. Преемнику Макарія поручалъ также Патріархъ истребить уставы церковные, разсыпанные въ предѣлахъ сѣвера, которые безъ вѣдома святѣйшаго Гермогена, съ грубыми ошибками, напечатаны были уставщикомъ Троицкой лавры Логиномъ, злымъ еретикомъ, наношившимъ много личныхъ оскорблений святому архимандриту Діонисію, за его раченіе о книгахъ. Сии самые уставы нѣсколько позже были причиною мятежа Соловецкаго.

Филаретъ самъ занялся болѣе правильнымъ изданіемъ новаго требника и прочихъ священныхъ и служебныхъ книгъ, предохраняя паству отъ твореній Уніатскаго запада, каковы были, евангельскія поученія архимандрита Транквилліона, опасныя для православія. Увлеченный даже своею ревностію и тѣмъ бѣдствіями, коихъ былъ свидѣтель, отъ нововведеній Римскихъ, онъ положилъ соборно, по случаю вопросовъ Митрополита Крутицкаго Іоны, чтобы во-

становленъ былъ прежній обычай, оставленный Игнатіемъ при самозванцѣ, перекрещивать обращаемыхъ изъ латинства къ православію. Только въ царствованіе Императора Петра отмѣнился сей обычай, какъ несходный съ древними правилами Церкви; но во дни Филарета гоненія Уніатскія возбуждали къ большему разрыву съ Римомъ; православные Епископы не находили мѣста въ своихъ епархіяхъ и въ числѣ искавшихъ себѣ пріюта въ Россіи былъ Епископъ Владимира Волынскаго Іосифъ.

Политический горизонтъ Россіи омрачился опять въ послѣдніе годы Филарета, неудачною войною съ Польшею, по истечении перемирія. Наступательный походъ Короля Владислава и постыдная сдача Боярина Шеина подъ Смоленскомъ, нѣкогда прославленнымъ его защитою, стоила жизни сему воеводѣ и многихъ пожертвованій Россіи. Кромѣ потери воиновъ и денегъ по приговору соборному, собранныхъ въ казну изъ монастырей, она должна была, послѣ краткой войны, заключить въ Вязьмѣ новый договоръ, еще болѣе тяжкій, нежели Столобовскій, лишившись, вмѣстѣ съ Смоленскомъ, Чернигова и другихъ Сѣверскихъ городовъ. Но уже великіе подвижники славнаго ся освобожденія не были свидѣтелями столь горькаго мира: келарь Аврамій давно удалился на свое обѣщаніе въ обитель Соловецкую, гдѣ нѣкогда былъ постриженъ и

тамъ скончался; а за годъ до своей кончины Патріархъ Филаретъ торжественно отпѣвалъ въ Москвѣ святаго архимандрита Діонисія.

Самъ великий Святитель скончался въ день 1633. покрова Божіей Матери, давшой его покровомъ землѣ Русской, посреди всеобщаго ея плача и плача безутѣшнаго сына; Михаилъ лишился въ немъ не только отца и Патріарха, но и мудраго соправителя, который, по свидѣтельству летописи современной, исправлялъ слово Божіе, укрѣпивъ православную вѣру и многихъ язычниковъ приведя въ Христіанство, исправлялъ и дѣло земское, не допуская насилиниковъ въ государствѣ и жалуя тѣхъ, которые пострадали и послужили въ междуцарствіе. Уважаемый сосѣдними державами, онъ получилъ въ даръ, отъ славнаго на востокѣ Шаха Аббаса Персидскаго, нешвенный хитонъ Спасителя, который, по древнему преданию, принесенъ былъ въ Грузію однимъ изъ воиновъ, дѣлившихъ одѣжды у креста, и сохранился многія столѣтія въ Мцхетскомъ соборѣ. Аббасъ не могъ избрать лучшаго хранителя для подобной святыни, и хитонъ Господній, означененный многими исцѣленіями въ столицѣ Русской, положенъ былъ Патріархомъ въ Успенскомъ соборѣ, подъ сѣнью мѣднаго шара, подъ коего самъ возлегъ онъ на вѣчный покой.

4. Іоасафъ I.

1681. Іоасафъ, Архієпископъ Пскова, избранъ на мѣсто его и поставленъ соборомъ своихъ Архіереевъ; известительныя граматы посланы были ко всемъ Патріархамъ и получено ихъ признаніе для большей твердости; но кроткій Іоасафъ не могъ замѣнить не только отца Михаила, но и государственного мужа, подобного Филарету, церкви и отечеству. Волею благаго Провидѣнія, когда сіе царственное свѣтило закатилось на сѣверъ, другое, столь же яркое, востекло на югъ, въ колыбели нашего православія.

Сынъ Государя Молдавскаго Петръ Могила, получившій образованіе въ знаменитомъ университѣтѣ Парижскомъ, и оказавшій воинскія заслуги, въ рядахъ Польскихъ, противъ невѣрныхъ, оставилъ величіе мірское и постригся въ обители Печерской, при ученомъ ея архимандритѣ Захаріи Копыстенскомъ, которому сдѣмался преемникомъ. Первымъ дѣломъ Петра Могилы было заведеніе училища въ лаврѣ, откуда послалъ нѣсколько избранныхъ юношь, для окончательнаго образованія въ чужія земли, въ томъ числѣ будущаго Митрополита Сильвестра Коссова и

ученаго Иннокентія Гізеля. Патріархъ Константинопольскій Кириллъ Лукаръ, зная ли чно достоинства архимандрита, сдѣлалъ его экзархомъ своего престола и онъ вполнѣ оправдалъ сей выборъ, ибо явился сильнымъ поборникомъ православія на Варшавскомъ сеймѣ, при воспареніи Владислава, испросивъ у новаго Короля возвращеніе многихъ обителей, церквей и имущество, отнятыхъ у православныхъ, свободное устроеніе семинарій, училищъ, типографій, возстановленіе епархій Львовской, Луцкой и Перемышльской и учрежденіе новой въ Могилевѣ, которая одна уцѣльла въ послѣдствіи, когда прочія православныя каѳедры, одна за другою, изчезли. Не смотря на всѣ происки Уніатовъ, королевская грамата объявила свободное исповѣданіе вѣры и отправленіе ея обрядовъ; Король, предоставивъ дворянству Русскому и Литовскому право избирать своего Митрополита, съ утвержденіемъ Патріарха Цареградскаго, возвратилъ Митрополитамъ Киевскимъ первоначальную ихъ святыню, Софійскій соборъ, и велѣлъ иаконецъ прекратить всѣ распри о вѣрѣ, уничтоживъ постановленія прежнихъ сеймовъ. Но льготы сіи скоро были нарушены, отчасти при самомъ Владиславѣ, наиболѣе же при братѣ его и преемнике Янѣ Казимирѣ, изъ кардинальской порфиры Рима, облекшемся въ королевскую.

Между тѣмъ скончался въ Кіевѣ Митропо-

литъ Говъ, и хотя назначенъ уже быль ему преемникомъ Архіепископъ Смоленскій Исаія, однакоже православные, бывшіе на сеймѣ, за великие заслуги архимандрита Печерскаго, избрали его Митрополитомъ и послали просить утверждение 1632. къ Патріарху Цареградскому Кириллу. Соборное посвященіе совершилось въ городѣ Львовѣ и къ общей радости народа, опять водворился Петръ въ древней митрополії Софійской, сохранивъ за собою и архимандрію лавры. Возобновляя престольный соборъ свой, доведенный до упадка Уніатами, онъ коснулся священныхъ развалинъ первоначальной десятинной церкви Св. Владимира, и возстановилъ одинъ изъ ея приделовъ; а нетленную главу ея основателя, просвѣтившаго Россію, обрѣтенную подъ сводами церкви, перенесъ въ лавру Печерскую, во главу и утвержденіе всей Церкви Российской.

Ревнуя о просвѣщеніи духовномъ, Петръ соединилъ училище, имъ устроенное въ лаврѣ, съ Братскимъ на Подолѣ, которое благословилъ Патріархъ Іерусалимскій; соорудилъ новыя зданія, бурсу для бѣдныхъ учениковъ, на свое иждивеніе, и приготовительное училище, завелъ библіотеку, типографію и испросилъ у Короля званіе духовной академіи Братскому училищу; самъ же принялъ на себя титулъ старшаго брата и покровителя, увѣковѣчивъ память свою въ

академії, которая долго посль него называлась
Кіево-Могилянскою.

Пользуясь краткимъ отдыхомъ православія, въ царствованіе Владислава, Петръ Могила не-престанно издавалъ въ своей типографії творенія Св. отець и служебныя книги, чтобы предохра-нить отъ Уніатскихъ, и большой его требникъ сдѣлался образцовымъ для богослуженія право-славнаго. Но важнѣйшимъ подвигомъ Митрополита для утвержденія своей обуреваемой паству, было изданіе православнаго исповѣданія вѣры, которое написалъ частію самъ, частію же архимандритъ Исаія Трофимовичъ, подъ его руководствомъ. Со-боръ Епископовъ созванъ былъ въ Кіевѣ, для раз-смотрѣнія сего катихизиса, необходимаго посреди волненія умовъ и хитрыхъ увѣщаній лезуитскихъ, который, по тщательномъ исправленіи и переводѣ на языкъ ново-Греческій, посланъ былъ къ Па-тріарху Константинопольскому Пароенію. По-явленіе такой книги произвело сильное впечат-лѣніе на Востокъ, куда проникла тогда ересь Кальвинская. Коварные лжеучители, подъ име-немъ Кирилла Лукаря, Патріарха Цареградскаго, разсыпали плевелы, совершенно противные дог-матамъ православной Церкви, и выдавая ихъ за подлинное ея исповѣданіе, соблазняли неопыт-ныхъ. Кириллъ, осуждавшій новое ученіе Каль-виновъ, не рѣшился однако же явно востать противъ, и за нерадѣніе преданъ былъ самъ

анаоемъ отъ преемника своего Кирилла Вер-
гийского, по смущеніе продолжалось. Ст-
раніемъ Іоанна, Господаря Молдавскаго созванъ
быть соборъ въ Яссахъ, который еще однажды
1613 осудилъ лжеученіе Кальвинское. Митрополитъ
Петръ Могила, съ четырьмя Епископами Русскими
скрѣпили своею подписью акты соборные. По
волѣ Патріарха Пароенія Константинопольскаго,
экзархъ его, Мелетій Стрига, разсмотрѣлъ и испра-
вилъ окончательно, на Ясскомъ соборѣ, православ-
ное исповѣданіе. Оттолѣ послана книга сія на утвер-
жденіе Восточныхъ Патріарховъ и, съ ихъ одо-
брительными граматами, возвратилась въ Киевъ,
уже по смерти великаго подвижника Петра Мо-
гили, который послѣ столькихъ трудовъ опочилъ
съ миромъ въ лаврѣ, какъ одно изъ самыхъ
1617. светлыхъ лицъ нашей церковной исторіи.

Время его правленія, продолжавшееся столь-
ко же, сколько и царствованіе Владислава, хотя и было благопріятно для просвѣщенія
духовнаго Малороссіи, но страданія ея въ
быту гражданскому доходили до высшей степ-
ени. Правительство Польское, вопреки благонамѣреннымъ видамъ Короля, всѣми мѣрами
утѣсняло несчастную Украину, чтобы смирить
съчу Запорожскую, которая одна только, изъ
недоступныхъ острововъ Днѣпровскихъ, подымала
вольное оружіе для защиты своихъ согра-
жданъ и единовѣрцевъ. Гетманы ея, одинъ за

другимъ, возставали противъ жестокихъ воеводъ, бились съ лучшими полководцами при непостоянномъ счастіи: то наполняли страхомъ предѣлы Польши, всюду разоряя костелы, ибо первыми врагами ихъ было духовенство Римское; то попадали сами въ руки неумолимыхъ вождей Польскихъ, и кончали жизнь въ ужаснейшихъ мукахъ. Но судьба Павлюка, Остраницы и другихъ храбрыхъ атамановъ, не устрашала ихъ мужественныхъ преемниковъ, потому что тѣже неправды нарушали общее терпніе, доколѣ наконецъ не явился въ Украинѣ великий мужъ, ожесточенный лично кровными обидами, который рѣшился наконецъ свергнуть иго Польши и подчинить Малороссію единовѣрной Россіи. — То былъ гетманъ Богданъ Хмельницкій. Эпохою освобожденія прославилось святительство ученика Петра Mogилы, Сильвестра Коссова, избраннаго изъ Епископовъ Могилевскихъ на митрополію Киевскую; но въ то время и политическое положеніе государства Россійскаго уже измѣнилось; она окрѣпла внутри и снаружи, и другія лица держали въ рукахъ кормило.

Царь Михаилъ Феодоровичъ, властвуя надъ обширными странами, едва утихшими послѣ долгой бури, стѣсняемый Польшею и Швеціею, не могъ воспользоваться первымъ предложеніемъ Митрополита Киевскаго Іова, о принятіи подъ

свою высокую руку всей Украины. Онъ только отпустилъ, съ дарами и лестными надеждами, присыланного къ нему Епископа Луцкаго Іосифа, и сіи надежды сбылись при его болѣе могущественномъ сынѣ Царь Алексіѣ. Опасаясь разрыва съ Турциею и Крымомъ, готовыми поднять оружіе по зову Польши, Михаилъ не могъ даже удержать Азова, которымъ поклонились ему казаки Дона, овладѣвшіе сею крѣпостію; дума земская отсовѣтовала Царю оставлять за собою столь полезное завоеваніе, и Государь заботился болѣе о укрѣпленіи границы Украинской, отъ набѣговъ Татарскихъ, и самой столицы, гдѣ еще свѣжа была память нашествія Польскаго. Знаменитый освободитель отечества князь Пожарскій, продолжавшій, во все время царствованія Михаила, предводительствовать его войсками или управлять важными областями, скончался въ одинъ годъ съ Первосвятителемъ Московскимъ Іосафомъ, который оставилъ по себѣ кроткую память, хотя и не славился умомъ государственнымъ.

5. Госифъ.

Преемникъ его Патріархъ Госифъ, избран^{1642.} въій изъ архимандритовъ Симоновскихъ и посвя-щеній Крутицкимъ Митрополитомъ Серапіономъ съ соборомъ Епископовъ, ревновалъ къ просвѣ-щенію духовному, подобно великому Фила-рету; но онъ засталъ уже послѣдніе годы жизни Михайловой. Неуспѣшное сватовство Принца Датскаго за Царевну Ирину, сократило дни иѣ-жнаго родителя, который пламенно желалъ обращенія Волдемара въ православіе. и въ пала-тахъ его происходило иѣсколько прѣній о вѣрѣ, между избранными священниками Русскими и пасторами со стороны Королевича. Самъ Патріархъ Госифъ принималъ живое участіе въ прѣніи, и написалъ вопросныя и отвѣтныя статьи Волдемару, въ коихъ сильно обличалъ его ересь, доказывая истину православія. Скорая кончина Царя прекратила совѣщанія о вѣрѣ: Михайль, предчувствуя свое отшествіе къ Богу, поручилъ Патріарху юнаго сына Алексія, рожденаго еще при великомъ дѣдѣ, отъ щастливаго брака съ Евдокіею Стрѣшневыхъ, и уснулъ, какъ бы иѣ-кимъ сладкимъ сномъ, даровавшій самъ столь же-ланный отдыхъ Россіи; — лице его, говорить лѣ-топись, просвѣтилось какъ солнце въ часъ успенія.

1646. Первые годы правленія шестнадцатилѣтняго Царя Алексія напомнили смутныя начала его отца. Неопытнымъ руководили близкіе бояре, и наипаче пестунъ его, бояринъ Морозовъ, который вскорѣ послѣ брака царскаго съ Марию Милославскою, женился на сестрѣ ея. Народъ раздражался налогами; не было войны вѣнѣшней, но частные мятежи возгарались по городамъ, отъ неустройства правительственнаго. Бунтъ стрѣльцевъ, сей первой строевой дружины нашей, ужаснуль столицу и стоилъ жизни двумъ приближеннымъ дьякамъ царскимъ, которыхъ обвиняли мятежники въ произвольномъ возвышеніи цѣнъ на необходимые припасы. Это было началомъ тѣхъ неистовствъ, коими запятали себя въ послѣдствіи стрѣльцы, при малолѣтнемъ Петрѣ. — Явились и самозванцы, минимая дѣти Лжедимитрія и Шуйскаго, о коихъ предостерегали Царя духовныя власти Греческія по любви къ единовѣрной Россіи; одинъ изъ нихъ былъ выданъ и казненъ, другой еще нѣсколько лѣтъ беспокойль, тщетнымъ своимъ имѣніемъ, Россію, скитаясь въ Турціи, Венеции и между Запорожцевъ.

Посреди сихъ неустройствъ, Государь отмѣнилъ набожный и благочестивый, по совѣщанію съ Патріархомъ, Епископами и съ думою боярскою, вознамѣрился собрать правила Св. отецъ и законы Царей Греческихъ, исправить также

судебникъ Царя Иоанна , дополнивъ указами про-
чихъ Государей , и соединить все сie въ одно
уложеніе , могущее служить закономъ всему го-
сударству . Князю Никитѣ Одоевскому , съ двумя
думными боярами и дьяками , поручено было
заняться новымъ уложеніемъ ; а въ помощь имъ
созваны стольники , дворяне , жильцы , дѣти бо-
ярскіе и гости , выборные изъ всѣхъ большихъ
городовъ , чтобы общими силами устроилось сie 1648.
царственное и вмѣстъ земское дѣло ; къ исходу
года оно было уже окончено , съ благословенія
патріаршаго , и скрѣплено подписью духовенства ,
бояръ и всѣхъ сословій .

Одною изъ статей новаго уложенія учреж-
денъ приказъ монастырскій , изъ мірскихъ особъ
для сужденія по искамъ на лица духовныя и по
дѣламъ зависящихъ отъ нихъ волостей , которыхъ
прежде всѣ разбирались на дворѣ патріаршемъ .
Въ то же время разные чины и сословія госу-
дарственные , трудившіеся надъ собраніемъ зако-
новъ , подали челобитную Царю , чтобы отобра-
ны были у архіереевъ и монастырей всѣ вотчи-
ны , ими пріобрѣтеныя , вкладами или куплею ,
со времени Царя Иоанна , въ противность указа ,
запрещавшаго умноженіе недвижимыхъ имѣній
духовенству . Хотя самъ Государь , чрезвычайно
усердный къ Церкви , слѣдя примѣру родителя ,
уже успѣлъ въ три года своего правленія надѣ-
лить вотчинами многія обители , что продолжалъ

и въ послѣдствіи, однакоже, въ удовлетвореніе думъ земской, велѣль онъ дьякамъ своимъ приступить къ розыску и описанію приобрѣтенныхъ имъній. — Сіи два обстоятельства послужили также источникомъ его будущихъ неудовольствій съ Никономъ.

Необычайное въ лѣтописяхъ Русскихъ лице Никона, по временамъ свѣтлое и мрачное, великое и слабое, то благодѣтельное церкви и царству, то вредное обоимъ,—является при самомъ началѣ царствованія кроткаго Алексія, какъ нѣкая судьба, свыше ему данная и неразлучная съ нимъ до конца дней его, подъ вліяніемъ коей произошло все славное и все горькое его долголѣтней державы, и которая не преставала тревожить духъ его даже и тогда, какъ самъ виновникъ сей тревоги томился въ заточеніи.

Рожденный въ предѣлахъ Нижегородскихъ, отъ родителей поселянъ, Никонъ изучилъ священное писаніе и тайно оставилъ домъ свой, чтобы начать искусство иноческій въ обители Желтоводской. Убѣжденный отцемъ, онъ возвратился для соченія бракомъ, былъ посвященъ въ приходскіе священники и перешелъ въ Москву; но первоначальное влечение къ пустынной жизни не оставляло въ покое души его, связанный узами мира. Лишившись всѣхъ дѣтей, онъ принялъ сіе за горнее воззваніе, и послѣ десятилѣтняго супружества убѣдилъ жену идти въ монастырь; самъ

же пошелъ искать строжайшаго житія иноческаго во глубинѣ съвера, на льдахъ Соловецкихъ. Но и отдаленная лавра, Савватія и Зосимы, не казалась ему довольно пустынною; онъ нашелъ себѣ болѣе дикое уединеніе на соседнемъ островѣ Аизерскомъ, въ скиту преподобнаго Елеазара, гдѣ провелъ многіе годы въ постѣ и молитвѣ, изнуряя плоть свою непрестанными подвигами; дважды однако же вынужденъ былъ оставлять любимый пріютъ, чтобы опять убѣдить супругу къ рѣшительному постриженію, и въ другой разъ, вмѣстѣ съ преподобнымъ Елеазаромъ, за сборомъ милостыни въ Москвѣ. Милостыня сія, вопреки совѣтамъ Никона, долго не употребляемая на украшеніе лавры, послужила между ними причиною смуты, и въ третій разъ съ горестію оставилъ отшельникъ Аизерскій скитъ. На утлой ладѣ взвѣрился онъ бурному морю, и едва спасся отъ бури, на берегу пустынаго Кія острова, гдѣ водрузилъ крестъ въ знаменіе будущей обители. Попутный вѣтръ принесъ его къ устью рѣки Онѣги, оттоль пришелъ онъ въ обитель Кожеозерскую, и тамъ опять уединяясь, по уставу Аизерскому, на близъ лежащемъ острову, возбудилъ удивленіе братіи строгою жизнью. По смерти настоятеля, общимъ моленіемъ, убѣжденъ былъ Никонъ идти въ Новгородъ, къ Митрополиту Аѳоѳонію, просить благословенія на степень игумна; чрезъ три го-

да общежитія пустынного, Никонъ долженъ былъ, ради нуждъ церковныхъ, посѣтить Москву, и тамъ впервые увидѣлъ его юный Царь. Пораженный величественною осанкою и мужественнымъ краснорѣчіемъ игумна, наслышанный о его святой жизни, благочестивый Государь не рѣшился отпустить отъ себя такого мужа, и далъ ему монастырь Новоспасскій, мѣсто погребенія своихъ предковъ.

Здѣсь начало мірскаго величія Никона, но не конецъ его строгой иноческой жизни, въ которой пребывалъ твердъ до послѣдняго часа;— здѣсь начало и тѣхъ сильныхъ искушеній духа, подъ бременемъ коихъ изнемогъ иаконецъ, преъвзнесенный и превознесшійся. Необычайная милость царская отлила между всѣми новаго архимандрита. Въ его сладкой бесѣдѣ находилъ утѣшеніе духовное Алексѣй Михайловичъ и съ тѣхъ поръ привыкъ руководствоваться его мудрыми совѣтами; онъ встрѣтилъ въ немъ ревность къ Церкви, не уступавшую собственной, и высшій взглядъ на предметы, не только духовные, но и гражданскіе, что происходило у Никона единственно отъ его гениального ума и смѣлаго, открытаго характера. Въ теченіе трехъ лѣтъ, всякую пятницу являлся архимандритъ въ придворную церковь, для бесѣды съ Царемъ, послѣ божественной службы, на пути принималъ опъ челобитныхъ отъ народа, и Царь, не

выходя изъ церкви, давалъ на нихъ милостивыя рѣшенія; такимъ образомъ Никонъ отчасти уже начиналъ входить въ управление гражданское. Когда же слабость добродѣтельнаго Аѳеонія, Митрополита Новгородскаго, принудила его уда-литься въ монастырь Хутынскій, Государь из-бралъ ему въ преемники Никона, и Патріархъ Іерусалимскій Панісій, приходившій за милосты-нею въ Москву, посвятилъ его, по желанію царскому, въ Митрополиты великому Новгоро-ду. Такъ, по странному стечению обстоятельствъ одинъ изъ Патріарховъ восточныхъ посвящалъ Никона, которому суждено было лишиться сана также чрезъ Патріарховъ восточныхъ: возвышение и уничиженіе его совершились съ равнымъ блескомъ.

Но Алексѣй Михайловичъ, отпустивъ Нико-на въ Новгородъ, болѣль душою о разлука съ человѣкомъ приснѣмъ, необходимымъ ему и по влечению сердца и по дѣламъ государственнымъ. Всякую зиму призывалъ онъ Митрополита въ Москву, для совѣщаній, и по случаю сихъ ча-стыхъ поѣздокъ, испросилъ себѣ Никонъ у Го-сударя живописное озеро Валдайское, на перес-путьи, для основанія обители Иверской, на лѣ-систомъ острову. Исполненный впечатлѣніями пустыни, посреди коей провелъ лучшіе свои годы, онъ хотѣлъ, чтобы новая обитель напоми-нала ему гору Аѳонскую, образецъ житія ино-

ческаго, и устроилъ ее по подобію одного Русскаго монастыря Святой горы.

Необычайная власть предоставлена была отъ Государя Митрополиту въ эпархіи; не только его исключительному суду подлежали всѣ дѣла духовныя, но и виѣшия, какія могли касаться до лицъ монашествующихъ, священнослужителей и волостей церковныхъ. Никонъ имѣлъ даже право входить въ темницы и по личному своему усмотрѣнію разрѣшать узниковъ, если находилъ ихъ правыми. Довѣренность царская совершенно оправдалась во время голода, опустошившаго Новгородъ, когда Митрополитъ, устроивъ четыре богадѣльни, ежедневно кормилъ на дворѣ свое мѣсто убогий народъ; оправдалась и еще болѣе посреди страшного мятежа, вспыхнувшаго въ Новгородѣ и Псковѣ. Здѣсь въ полномъ блескѣ явились пастырскія добродѣтели Никона, ибо когда во Псковѣ разъяренная чернь умертила воеводу своихъ и съ трудомъ могла быть усмигена оружiemъ въ Новгородѣ напротивъ пострадалъ одинъ только Святитель. Онь укрыль въ своихъ налатахъ воеводу Князя Хилкова и вышелъ къ бунтующему народу; удары посыпались на отважнаго и замертво былъ оянъ оставленъ на площади. Едва дышущій поднялся однакоже, съ помощью своихъ; при изнеможеніи тѣлесномъ нашелъ въ себѣ довольно силы душевной, чтобы идти съ крестнымъ ходомъ служить литургию

въ той части города, гдѣ свирѣпствовалъ бунтъ; не боялся и еще однажды предстать даже въ самую избу, гдѣ собирались мятежники. Великодушіе пастыря на сей разъ поразило самыхъ буйныхъ, хотя не переставали они дѣйствовать противъ правительства, и заградивъ пути къ столицѣ, пересыпались со Шведами, чтобы отдать имъ Новгородъ. И тутъ успѣль Никонъ, предупредить Государя, для принятія нужныхъ мѣръ предосторожности; самъ же предавъ соборной анаѳемѣ измѣнниковъ, спокойно выжидалъ бурю. Буря утихла, разсѣянная его неколебимою твердѣстью, и онъ имѣль утѣшеніе видѣть раскаяніе народа, прибѣгшаго къ нему за разрѣшеніемъ духовнымъ и за милостію царскою, потому что Митрополиту предоставленъ былъ судъ надъ виновными.

Таковы были гражданскіе подвиги Никона въ своей эпархіи; пастырское же его раченіе о благонравіи клира и насты, о благолѣпіи обрядовъ церковныхъ, доходило до чрезвычайной ревности. Одаренный краснорѣчивымъ словомъ, Никонъ непрестанно поучалъ въ церкви, и на его пламенную проповѣдь, исполненную божественнаго писания, стекались издалека; онъ замѣнилъ живымъ словомъ чтеніе избранныхъ поученій, установленныхъ на каждый день, обратилъ вниманіе на утварь и облаченія церковныхъ, въ которыхъ любилъ чистоту и вели-

колѣпіе, чтобы сдѣлать ихъ достойными высокаго назначенія: устроилъ и самый порядокъ богослуженія, ибо по вкравшему злу, священнослужители для скорости читали въ одно время на обоихъ крылоахъ, въ два и три голоса, каѳизмы и каноны за всеиощною, и даже на літургії актени и возгласы сливались съ пѣніемъ клира. Строго запретилъ Митрополитъ подобное безчиніе во всѣхъ церквахъ своей эпархіи, которое указами царскими прекращено было и въ прочихъ, по совѣту Никона; онъ учредилъ также вместо неблагозвучнаго пѣнія, другое болѣе сладкое, примѣняясь къ древнимъ напѣвамъ Кіевскимъ и Греческимъ. Утѣшенній симъ пѣніемъ, Государь завелъ оное и въ своей придворной церкви, откогда начало распространяться въ другихъ церквахъ и обителяхъ.

Съ неудовольствіемъ смотрѣлъ престарѣлый Патріархъ Іосифъ на сей порядокъ церковный, который почиталъ нововведеніемъ, по слабости, свойственной человѣку, уже стоявшему на краю долгаго поприща. Многіе изъ числа духовныхъ, его окружавшіе, протопопъ Аввакумъ, священники Лазарь и Никита, царскій духовникъ Степанъ, діаконъ Феодоръ и братъ его Григорій Нероновы, поддерживали старца въ столь неблагопріятномъ мнѣніи и употребили во зло его довѣренность, при напечатаніи псалтири, кормчей,

катихизиса, искажая ихъ своими грубыми ошибками и произвольными толкованіями; потому что и начальникъ дворцового приказа, где находился печатный дворъ, князь Львовъ, былъ ихъ соумышленникъ. Многіе изъ неопытныхъ уже начинали заражаться ихъ толками, но по свидѣтельству современника, Митрополита Тобольского Игнатія, старые и свѣдущіе люди не хотѣли принимать новаго ихъ лжеученія. Между тѣмъ необходимость исправленія книгъ церковныхъ была столь чувствительна, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ усиливалась страсть къ просвѣщенію духовному, что Царь Алексѣй Михайловичъ просилъ Митрополита Кіевскаго, Сильвестра Коссова, прислать къ нему старцевъ, изъ знаменитой академіи, для сличенія съ Греческимъ Славянскаго перевода библіи, неисправно напечатанной княземъ Острожскимъ. Даже частный человѣкъ поревновалъ Царю въ его усердіи: благочестивый и образованный бояринъ Федоръ Ртищевъ, устроилъ подъ Москвою Преображенскую пустынь, зародыши будущей академіи, изъ тридцати монашествующихъ братій, собранныхъ имъ въ Малороссіи для перевода церковныхъ книгъ. Знаменитый богословъ своего времени, Кіевопечерскій іеромонахъ Епифаній Славенецкій, былъ въ числѣ ученой братіи сей обители, и подъ его руководствомъ изданы многія житія и бесѣды Св. отецъ и переведены съ Греческаго всѣ соборныя правила.

Не только съ Киевомъ и Малороссіею становились чаше и ближе церковныя сношения наши но и съ Востокомъ. При отшествіи изъ Москвы Іерусалимскаго Патріарха Паисія, отправленъ быль вмѣстѣ съ нимъ келарь Троицкой лавры Арсеній Сухановъ, во святыя мѣста Восточныя, для наблюденія устава церковнаго, четырехъ вселенскихъ престоловъ, ибо возникали разногласія и споры о нѣкоторыхъ обрядахъ. Арсеній дважды обращался изъ Молдавіи, отъ Патріарха Іерусалимскаго къ Царю и къ гетману казаковъ, по дѣлу о явившемся у нихъ самозванцѣ; онъ оставилъ наконецъ Паисія и встрѣтилъ въ Галацѣ другаго первосявятителя Греческаго, Аѳанасія Хартуларія, бывшаго краткое время на престолѣ Цареградскомъ. (Сей Аѳанасій, милостиво принятый въ Москвѣ, скончался на обратномъ пути въ Лубнахъ, гдѣ донынѣ почиваетъ его нетлѣнное тѣло). По случаю жестокихъ гоненій, которыя претерпѣвала тогда Константинопольская Церковь, и по бѣдственной кончинѣ Патріарха Пароенія, не могъ видѣть Сухановъ его преемника, но въ Александріи бесѣдоваль съ мудрымъ Патріархомъ Іоанникіемъ, и получилъ отъ него разрѣшеніе на многіе вопросы церковные. Въ Іерусалимъ же наблюдалъ и описалъ подробно весь чинъ богослуженія Греческаго, и шелъ обратно чрезъ Дамаскъ, гдѣ видѣлся съ Патріархомъ Антіохійскимъ, и черезъ

Грузію; такимъ образомъ онъ представилъ въ описаніи своего пути довольно полное обозрѣніе Восточной Церкви, хотя и омраченное одностороннимъ взглядомъ на характеръ Грековъ и недоразумѣніемъ въ пѣкоторыхъ своихъ наблюденіяхъ. Арсений возвратился въ послѣдній годъ жизни Патріарха Іосифа, когда уже своеольствовавшіе при немъ священники, недовольные Никономъ, заводили явные расколы. Они воспользовались пѣкоторыми неблаговидными замѣчаніями Арсения, чтобы востать противъ Митрополита Новгородскаго, за то будто бы, что хотѣлъ соображаться во всемъ съ Церковію Греческою, между тѣмъ какъ сама она не удержала древняго своего православія. Такъ, мало по малу, собирались тучи на горизонтѣ церковномъ.

Въ сіе время открылись моши ученика преподобнаго Сергія, св. Саввы Звѣнигородскаго, и утѣшенній ихъ явленіемъ Государь, вскорѣ созвалъ, по совѣту Никона, соборъ духовный для возданія торжественной почести тремъ великимъ страдальцамъ Россійской Церкви: Іову, Гермогену и святому Митрополиту Филиппу, чтобы изъ близкихъ и дальнихъ гробовъ своихъ собрались они къ сонму святителей, въ тотъ Успенскій соборъ, где просіали пастырскими добродѣтелями. Царь Михаилъ Феодоровичъ воздалъ сей послѣдній долгъ Царю, своему предмѣстнику Шуйскому, возвращенному имъ изъ Польской

могилы въ соборъ Архангельскій, а сынъ Михаила тремъ Святителямъ. Изъ Чудова перенесенъ торжественно великий Гермогенъ, въ престольный соборъ свой, и поставленъ поверхъ земли, подъ мѣднаго шатра ризы Господней. Престарѣлый Варлаамъ Митрополитъ Ростовскій, посланъ былъ въ Старицу за мощами Іова; Патриархъ Іосифъ, самъ уже предчувствовавшій близкую смерть, когда полагалъ первопрестольника Іова подъ предмѣстника своего Іоасафа, испросилъ себѣ у Царя мѣсто въ ногахъ Іова, и чрезъ нѣсколько дней исполнилось его послѣднее желаніе.

Между тѣмъ въ лавру Соловецкую отпущенъ былъ прежній ея отшельникъ Митрополитъ Никонъ, съ молебнымъ посланіемъ Царя къ мощамъ Филиппа, дабы подвигся великий Святитель, съ мѣста покоя, и пришелъ въ столицу разрѣшить своимъ присутствіемъ спящаго тамъ Іоанна, виновника мученической его кончины, за котораго молили кроткій Царь Алексій, какъ бы живаго о живомъ. И подвигся Филиппъ, и пошелъ вновь по водамъ Бѣлаго моря, который уже преплылъ однажды въ своей ракѣ, какъ въ гробовой ладѣ; кормчимъ былъ Никонъ, и причалилъ опять къ пустынному Кію острову и устью Онѣги, где никогда спасся на утломъ чолнѣ, и оттолѣ направился въ обитель Бѣлоозерскую. Извѣщая

постепенно Царя о своемъ шествіи, продолжалъ Никонъ, водою, путь свой отъ Св. Кирилла къ Ярославлю, и сушею, изъ Ярославля въ лавру; онъ не предчувствовалъ, что черезъ тридцать лѣтъ, испытавъ самъ всѣ превратности судьбы человѣческой, высшую степень величія и крайнюю убожества, изгнаникомъ и узникомъ будетъ возвращаться, тѣмъ же путемъ, въ обитель новаго Іерусалима, живой до Ярославля и уже мертвый далѣе. Юный Царь и дряхлый Митрополитъ Ростовскій Варлаамъ поспѣшили встрѣтить, за вратами столицы, мощи святителя Филиппа, и не достигнувъ ихъ скончался Варлаамъ, подъ бременемъ лѣтъ и чрезмѣрной радости. Многія изцѣленія озnamеновали торжественное возвращеніе Филиппа въ свою церковную область; онъ сталъ опять во гробѣ, на то мѣсто съ коего обличалъ Иоанна, и страждущіе, какъ нѣкогда угнѣтенные, опять къ нему притекали, какъ къ живому источнику помощи.

Казалось, Филиппъ, съ патріаршой каѳедры правилъ опять Церковію всея Руси, потому что не было ей другой главы: Патріархъ Іосифъ скончался, такъ же и мѣстоблюститель его Митрополитъ Ростовскій. Старшій изъ всѣхъ, Никонъ Новгородскій, отрекался упорно отъ престола патріаршаго, не смотря на моленіе любящаго и любимаго имъ Царя. Онъ зналъ, что окружавшіе Іосифа и сильная сторона въ духовенствѣ

смотрѣли на него, какъ бы на презрителя старины Русской, за сближеніе съ Восточною Церковью, видѣлъ любовь царскую, но также и вліяніе, которое имѣли приближенные бояре на кроткую душу Государя; а суровый характеръ Никона, увѣренного въ чистотѣ своей цѣли, не былъ по несчастію растворенъ пастырскою снисходительностью. Все сie предчувствовалъ онъ, когда съ такою твердостію отвергалъ всѣ моленія, но любовь Царя преодолѣла. Въ храмѣ Успенскомъ, предъ мощами Филиппа, со всѣмъ синклитомъ и соборомъ, въ послѣдній разъ, убѣдительно заклиналъ онъ Никона, не оставлять въ сиротствѣ Церковь Россійскую безъ пастыря, и поколебалась твердость святителя при такомъ моленіи; онъ спросилъ: будуть ли всегда почитать его, какъ истиннаго архипастыря и духовнаго отца, и дадутъ ли ему устроить дѣла церковныя? — услышавъ же единодушную клятву, изъявилъ наконецъ согласіе на высокій санъ, къ общей радости Царя, собора и народа, и тѣмъ изрекъ собственный приговоръ.

6. Никонъ.

Шесть лѣтъ дѣйствительнаго патріаршества 1653. Никона были самою блестящею эпохой царствованія Алексея Михайловича; — геніальный умъ и предпріимчивый характеръ Святителя одушили совѣтъ царскій и отзвались славою побѣдъ соцѣднимъ державамъ; но годы, проведенные имъ въ пустынныхъ подвигахъ, и на каѳедрѣ Новгородской, были лучшимъ временемъ его жизни; посреди заботъ государственныхъ утратилъ онъ миръ внутренній. Одно могло утѣшать Никона, — искренняя, взаимная любовь къ нему Государя, которая наполняла обоихъ до такой степени, что они казались однимъ человѣкомъ въ дѣлахъ правленія, проводя всѣ дни вмѣстѣ, на молитвѣ, въ совѣтѣ, или за дружественною трапезою; чтобы еще болѣе соединиться, узами родства духовнаго, Патріархъ былъ восприемникомъ всѣхъ дѣтей Государевыхъ отъ купели, и оба они дали взаимную клятву не оставлять другъ друга до предѣловъ гроба. И что всего трогательнѣе въ судьбѣ обоихъ, — даже во

время долголѣтнихъ смутъ, возбужденныхъ меж-
ду ними, завистю недоброжелателей, они сохра-
нили въ сердцѣ до послѣдней минуты сію нѣж-
ную пріязнь и ничего такъ не страшились ца-
редворцы, какъ личнаго межъ ними свиданія.

Исправленіе книгъ церковныхъ было пер-
вымъ и постояннымъ предметомъ заботъ Патріар-
ха. Дѣло сie, предполагаемое еще при Іоаннѣ
Грозномъ, на соборѣ стоглавомъ, но оставленное,
со многими полезными предпріятіями, въ мрач-
ные годы его душевной болѣзни, потомъ возоб-
новляемо было при Феодорѣ, печатаніемъ книгъ
церковныхъ, хотя и весьма несовершеннымъ, и
опять прервалось смутами самозванцевъ. Царь
Михаилъ Феодоровичъ и Патріархъ отецъ его
чувствовали равномѣрно сию необходимость, ког-
да постепенно исправляли уставы и требники,
обличая вкравшіяся въ нихъ ошибки отъ пере-
писчиковъ и печатниковъ. Но окончательный
трудъ требовалъ людей болѣе образованныхъ и
благомыслящихъ, нежели каковы были священ-
ники и діаконы, занимавшіеся печатаніемъ книгъ
при Іосифѣ. Когда же Патріархъ Никонъ, при
которомъ вышла въ свѣтъ напечатанная ими
кормчая, замѣтилъ, хотя и поздно, всѣ грубые
подлоги недобросовѣстныхъ ея издателей, наи-
паче о перстномъ сложеніи, то онъ подвергъ
ихъ строгому наказанію, умноживъ тѣмъ число
враговъ своихъ.

Соборное исправление книгъ произошло такимъ образомъ: скоро по своемъ поставленіи, Никонъ, разбирая утвердительныя граматы Патріарха Іереміи и собора Греческаго, на имя первопрестольника Іова, со страхомъ прочелъ въ нихъ, какому осужденію подвергается всякое нововведеніе въ вещахъ церковныхъ, вопреки уставамъ Св. отецъ; прочелъ также на древнемъ саккосѣ Митрополита всея Руси Фотія, за 250 лѣтъ принесенномъ изъ Греціи, символъ вѣры, визанный жемчугомъ, и разсмотрѣвъ тотъ же символъ въ новыхъ печатныхъ книгахъ, равно какъ и чинъ литургіи, ужаснулся, увидя въ нихъ несходства съ древнѣйшими списками. — Тогда же умолялъ онъ Царя созвать въ своихъ пала-
тахъ соборъ, для рѣшительного совѣщенія о исправленіи книгъ, и соединились Митрополи-
ты: Новгородскій Макарій, Казанскій Корнилій,
Ростовскій Іова, Крутицкій Сильвестръ, Сербскій
Михаилъ и Архіепископы: Маркелъ Вологод-
скій, Софроній Сузальскій, Михаилъ Рязанскій,
и Епископъ Павелъ Коломенскій, бывшій въ
послѣдствіи главою раскола и вину осужденія
самаго Никона.

Патріархъ предложилъ собору: «ноелику въ
новыхъ печатныхъ книгахъ Московскихъ обрѣ-
таются многія несогласія, съ древними Гречески-
ми и Славянскими книгами, которыхъ между со-
бою совершенно сходны, и погрешности сіи прои-

зопли отъ неопытности переписчиковъ и печатниковъ, то должно ли предпочитать новыя книги древнимъ, слѣдя коимъ угодили Богу великие богословы и учителя восточные и вселенскіе: Аѳанасій и Василій, Григорій, Златоустъ и Дамаскинъ, и Россійские чудотворцы: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ?» Государь и соборъ единодушно отвѣтствовали: «достойно и праведно исправить новыя книги, противъ старыхъ харатейныхъ, Славянскихъ и Греческихъ, чтобы слѣдовать во всемъ прежнимъ церковнымъ уставамъ.»

Тогда Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ, повелѣли собрать въ Москву древнія рукописные книги, за 800 лѣтъ и болѣе переведенныя съ Греческаго, изъ лавры Троицкой и обителей Новгорода, изъ монастыря Іосифа Волоколамскаго и другихъ, и чтобы не одна только ихъ воля, но и совѣтъ Вселенскихъ Патріарховъ, участвовали въ семъ предпріятіи, они послали въ Царыградъ, съ вопросительными граматами, мужа опытнаго Мануила Грека. — Исполняя благое ихъ желаніе, Патріархъ Константинопольскій Пансій, созвалъ Греческихъ святителей и дѣяніемъ соборнымъ утвердилъ рѣшеніе собора Московскаго: слѣдовать во всемъ православному писанию восточныхъ учителей, обрѣтающемуся въ древнихъ Греческихъ и Славянскихъ книгахъ, и прислать символъ вѣры Никейскій, для не-

преложнаго образца, въ коемъ ни единое слово ие должно быть прибавлено, или убавлено.

Братское посланіе Патріарха къ Никону, о чинѣ и таинственномъ значеніи литургіи, и о многихъ другихъ предметахъ, исполнено было глубокаго знанія, ревности къ православію и вмѣстѣ съ тѣмъ пастырской любви. Паисій умолялъ ни въ чемъ не разнствовать отъ устава великія Константинопольскія Церкви, дабы все пять патріаршихъ престоловъ: Царьграда, Александрии, Антіохіи, Іерусалима и Москвы, составляя единую вселенскую Церковь, были едины, не токмо въ догматахъ и правилахъ, но и въ самыхъ обрядахъ; предлагалъ православное исповѣданіе Петра Могилы, исправленное всеми Патріархами, какъ истинное выражение догматовъ Церкви Восточной. Но похваляя ревность Никона, просилъ также быть снисходительнымъ къ тѣмъ, которые заблуждались не въ существенныхъ догматахъ вѣры, но только въ нѣкоторыхъ маловажныхъ вещахъ виѣшвихъ, дабы чрезъ то удержать ихъ въ союзѣ церковномъ, и благоразумиѣ было бы послѣдовать кроткому совету Паисія; но по несчастію природная суровость Никона, при пламенной его ревности къ искорененію всякаго зла церковнаго, увлекала его изъ предѣловъ пастырскаго снисхожденія.

Утѣшенніе писаніемъ Паисія, Царь и На-

тріархъ, послали вторично съ богатою милостынею келаря Арсенія Суханова, за древними рукописями во святую Аѳонскую гору, гдѣ собралъ онъ до пяти сотъ Греческихъ книгъ, изъ коихъ одно Евангелие писано было за 1050 лѣтъ. Поревновали Аѳону и вселенскіе Патріархи, отпустивъ съ Арсеніемъ до двухсотъ подобныхъ рукописей, которые составляютъ и донынѣ лучшее сокровище патріаршой Московской библіотеки. Для большей вѣрности и предусмотрительности, Патріархъ Никонъ воспользовался пришествіемъ въ Москву Патріарховъ Антіохійскаго Макарія, Сербскаго Гавріила и Митрополитовъ Никейскаго Григорія и Молдавацкаго Гедеона; — онъ созвалъ опять соборъ, подтвердившій дѣянія первого, присутствіемъ восточныхъ Іерарховъ.

Подробно распрашивалъ ихъ Никонъ, о перестосложеніи крестномъ на Востокѣ, и слышалъ отъ каждого, что Церковь православная Греческая, искони и донынѣ, слагала и слагаетъ всегда для крестнаго знаменія три первые большие перста сходно съ Россійскою; онъ спрашивалъ и о несогласіи новыхъ печатныхъ Московскихъ книгъ съ древними Греческими и Славянскими, которое вkrалось въ то мрачное время, когда, по бѣдственнымъ обстоятельствамъ Востока, 120 лѣтъ Церковь Россійская не могла быть въ постоянномъ сношеніи съ престоломъ Константинопольскимъ и получать отъ него просвѣщен-

ныхъ святителей, или посыпать къ нему на поставление своихъ, — и оба Патріарха съ Митрополитами одобрили книжное исправленіе.

Тогда уже рѣшительно приступлено было къ необходимому исправленію, по древнимъ образцамъ Греческимъ и Славянскимъ, и прежде всего напечатанъ въ Москвѣ служебникъ, а вслѣдъ за нимъ другія книги и скрижалъ, или сборникъ духовный, о многихъ предметахъ догматическихъ, почерпнутыхъ изъ писаній Св. отецъ. Но когда всѣ сіи благоразумныя мѣры предосторожности, руководившія соборъ въ самомъ дѣлѣ исправленія и печатанія книгъ, перестали быть соблюдаемы при распространеніи ихъ въ церквахъ и обителяхъ, и строго начали отбирать у всѣхъ старопечатныя изданія, — тогда возникъ роптъ народный, коимъ воспользовались люди неблагонамѣренные; ибо они, употребляя во зло невѣжество неопытныхъ, называли книги Никона новыми, по времени ихъ явленія, и коварно скрывали совершенное имъ еходство съ древнѣйшими, Греческими и Славянскими рукописями, отъ коихъ напротивъ того отступали такъ называемыя старыя книги временъ патріаршихъ. Самыми дѣятельными распространителями подобныхъ мнѣній были личные врачи Никона, уставщики Патріарха Іосифа, пострадавшіе за неправильное изданіе кормчей, попы Аввакумъ, Лазарь, Никита, Стефанъ, діаконы

Григорій и Феодоръ Нероновы, которые сдѣлались святыми расколомъ. Такъ самое благое и полезное дѣло причинило нечаянное смятеніе.

Внезапная дѣятельность, оказавшаяся со временемъ возшествія Никона на престолъ патріаршій въ управлениі церковномъ, тогда же обнаружилась и въ дѣлахъ государственныхъ, и первымъ блестательнымъ подвигомъ было присоединеніе Малороссіи. Давно уже жаждалъ сего гетманъ Хмельницкій, но осторожная политика двора Московскаго содержала Россію въ тѣсныхъ предѣлахъ, въ какіе заключили ее войны самозванцевъ и слабость новаго правленія при Михаилѣ. — Между тѣмъ росла надмѣнность Польши, оскорбительная для Царей нашихъ, едва признаваемыхъ ею, и то безъ надлежащаго титула, умножались бѣдствія Україны, подвергаемой всякаго рода гоненіямъ, за свое православіе и за народность; а между тѣмъ, кромъ войска Запорожскаго, уже многочисленныя слободы казаковъ, раздѣленныхъ на полки, подъ управлениемъ своихъ полковниковъ и одного гетмана, могли выставить въ поле 60,000 лучшей конницы. Богданъ Хмельницкій былъ душою всей Україны. Непобѣдимый во многиу сраженіяхъ, онъ окружилъ станъ самаго Короля Яна Казимира, подъ Сборовымъ, и предписалъ ему условія, выгодныя для самобытности Малороссіи и ея свободнаго

въронисповѣданія. Сорокатысячный составъ войска казачьяго, засѣданіе Митрополита Кіевскаго въ сенатѣ Польскомъ, удаленіе школъ Іезуитскихъ изъ Кіева и Евреевъ изъ слободъ Украинскихъ, были важными статьями сего договора, ибо до такой степени доходили гоненія отъ Унії, что даже на откупъ Евреямъ отдавались вино и просфоры для литургіи. Но гетманъ, въ свою чреду, измѣнио союзныхъ Крымцевъ, былъ преданъ во власть Короля, и принужденъ принять отъ него стѣснительныя условія подъ Бѣлою церковію; тогда не видя уже никакого спасенія со стороны Польши, сталъ еще болѣе сближаться съ Россіею.

Сперва испросилъ онъ дозволеніе казакамъ селиться по лѣвую сторону Днѣпра, въ предѣлахъ Русскихъ, и устроилъ тамъ пять новыхъ полковъ, со всѣми льготами пятнадцати прочихъ полковъ Украинскихъ. Наконецъ, при наступательномъ движениіи вождей Польскихъ, прибѣгъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ подъ высокую руку Царя, и въ грамотѣ къ Патріарху Никону, предлагая условія подданства, умолялъ о присоединеніи Украины къ державѣ Русской. Соборъ духовныхъ и мірскихъ чиновъ соединился для совѣщанія въ грановитой палатѣ: Государь рѣшился, прежде нежели поднять оружіе, еще однажды требовать удовлетворенія отъ Короля Поль-

скаго; онъ предложилъ свое посредничество для защиты православія; но мирныя слова пословъ царскихъ съ гордостю отвергнуты были правительствомъ Польскимъ, и война объявлена, а Украина принята навсегда въ подданство Россіи.

Воеводу Бутурлина послали къ гетману для совершения столь великаго дѣла, которое не стоило ни одной капли крови Россіи. Хмельницкій, въ полномъ блескѣ своей славы, уважаемый Ханомъ Крымскимъ и Султаномъ, принудившій Господаря Молдавскаго выдать дочь за своего сына, спросилъ войско Малоросійское въ Переяславлѣ: «кому оно волитъ: бусурманскимъ ли Хану и Султану, латинскому ли Королю или Царю православному?» и слышавъ единодушный кликъ: «волимъ подъ Царя православнаго!» присягнуль на подданство со всею Украиною. — Вольное избраніе гетмана и собственная расправа казаковъ, при 60,000 составѣ ихъ войска, были главными условіями. Но въ Киевѣ, Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ и Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, не охотно рѣшились промѣнять древнее, именемъ только, подчиненіе престолу Цареградскому, на совершенную покорность Патріарху Московскому; однакоже, въ скоромъ времени, тотъ же архимандритъ отправленъ былъ въ Москву Митрополитомъ, для оправданія и утвержденія правъ духо-

венства Малороссийского; его приняли съ ма-
скою, по благоразумной политикѣ Никона и от-
пустили съ дарами; совершенное же присоеди-
неніе Киевской митрополіи послѣдовало только
чрезъ тридцать лѣтъ.

Въ началѣ 1654 года открылась война Поль-
ская; самъ Государь присутствовалъ при войскѣ,
поручивъ свое семейство и самое царство Патріар-
ху; бояре думные не могли действовать безъ
его совѣта. — Никогда дотолѣ оружіе Русское
не покрывалось болынию славою, какъ въ семъ
быстрымъ и блестательномъ походѣ. Казаки со-
дѣйствовали Царю во взятіи Смоленска, древней
его отчины, и вслѣдъ за тѣмъ тридцать важнѣй-
шихъ городовъ Бѣлорусскихъ, одинъ за другимъ,
сдались Государю. Полоцкъ, убѣжденный сво-
имъ краснорѣчивымъ игуменомъ Игнатіемъ, от-
крылъ врата единовѣрному властителю. — Но
посреди свѣтлыхъ побѣдъ опечалило Царя из-
вѣстіе о страшной моровой язвѣ, которая сви-
рѣствовала въ Москвѣ и ся окрестностяхъ, и
исполнила столицу трупами, не погребаемыми за
недостаткомъ руکъ. Патріархъ успокоивъ смятен-
ный народъ, паstryрскимъ окружнымъ посланіемъ
и внушиа мѣры предосторожности противъ зара-
зы, озабочился сохраненіемъ взѣренной ему семьи
царской. Онъ странствовалъ съ нею изъ монастыря
въ монастырь, лично наблюдалъ за безопасностью
мѣстъ, и имѣлъ утѣшеніе возвратить въ Вязьмѣ

Государю все близкое его сердцу, непредимымъ. Признательный Алексѣй Михайловичъ, въ восторгѣ радости, тогда же превозгласилъ Никона Великимъ Государемъ, подобно какъ называемъ былъ дѣдъ царскій Патріархъ Филаретъ, и не смотря на сопротивленіе Никона, велѣлъ писать во всѣхъ государственныхъ актахъ титулъ сей, который потомъ обратился ему въ обвиненіе, хотя самъ онъ не позволялъ такъ величать себя въ церкви.

Въ краткое пребываніе Царя посѣтили столицу Патріархи Автіохійскій и Сербскій, для книжнаго исправленія, и послы новаго Короля Шведскаго, съ дружественными предложениями Карла X, который съ своей стороны воевалъ Польшу; но дворъ Московскій, по хитрымъ внушеніямъ Австріи, устранившись отъ Швеціи, сдѣлалъ важную ошибку политическую. Содѣствовалъ къ тому и не благопріятный совѣтъ Никона, который будучи еще Митрополитомъ Новгорода, пламенно желалъ возвратить отъ Швеціи древнія области наши, Ингерманландію и Карелію, со столькими церквами и монастырями, отторгнутыми въ бѣдственныя времена междуцарствія. Обольщенный быстрымъ и счастливымъ присоединеніемъ Малороссіи и Бѣлоруссіи, онъ полагалъ, что настало время вознаградить всѣ потери; и по истинѣ, эта была самая блестательная мину-

та царствованія Алексія Михайловича, напомнившая лучшія времена Россіи до самозванцевъ.

Въ одно и то же время, отважный атаманъ Хабаровъ бился съ Даурами на берегахъ Амура, спускался въ океанъ восточный, покоряя отдаленнѣйший край Сибири Царю Русскому; и первое посольство наше проникло въ Пекинъ къ Богдыхану Китайскому, равно изумленному существованіемъ и силою Россіи; и орды Калмыковъ, кочевавшихъ въ безпредѣльныхъ степяхъ Астрахани, вступили въ подданство Россіи; и го-сподарь Молдавіи Стефанъ, подобно гетману Україны, просилъ Царя принять его подъ свою высокую руку, а соєднія державы искали съ нимъ союза. Второй походъ Польскій Алексія Михайловича покрылъ его новою славою. Гродно и Ковно не устояли противъ оружія Русскаго, распространившаго владѣнія наши почти до нынѣшнихъ предѣловъ, и самая столица Литовская, искони намъ враждебная, Вильна, увидѣла торжественное вицествіе побѣдоноснаго Царя. Ужаепулась Польша, лишенная всѣхъ своихъ столицъ, ибо Варшава и Краковъ пали предъ воинственнымъ Королемъ Шведскимъ; не-счастный Янъ Казимиръ прибѣгъ къ защитѣ имперіи Римской.

Тогда подвѣстовали коварныя внушенія посла Австрійскаго, Іезуита Аллегрети, и заключено было перемирие съ Польшею, которая

уступила всѣ завоеванныя мѣста, до совершен-
наго мира, единствено для обращенія оружія
нашего на союзную Швецію. Чтобы еще болѣе
завлечь Царя, въ сию пагубную войну, ему пред-
ложили корону Польскую, и онъ даже объяв-
ленъ былъ торжественно, на сеймѣ, наследникомъ
Яна Казимира. Обольщенный столъ хитрою по-
литикою, Государь внезапно направилъ войско
на Ливонію Шведскую, и это былъ рѣшитель-
ный оборотъ его воинскаго счастія. Динабургъ
съ некоторыми крѣпостями сдались приступомъ;
но крѣпкая Рига отразила нападеніе Царя и
охладила въ немъ любовь къ подвигамъ ратнымъ.
Онъ возвратился въ Полоцкъ и потомъ въ столи-
цу; тамъ встрѣтилъ опять свое семейство, вто-
рично спасенное, заботливостію Никона отъ мо-
ровой язвы, которая не переставала свирѣпство-
вать во все время похода, страшно возобно-
вляясь по разнымъ мѣстамъ. Между тѣмъ тщет-
ная война Шведская еще длилась два года, при
перемѣнномъ счастіи воеводъ нашихъ, и од-
на только опытность намѣстника Ливонскаго,
Ордина-Нащокина, удерживала сию покоренную
область. Въ теченіи сего времени скончался хра-
брый воевода Бутурлинъ, раззорявшій, вмѣсть съ
юнымъ сыномъ гетмана, южныя предѣлы Поль-
ши, скончался и самъ великий виновникъ изба-
вленія Малороссіи Богданъ Хмѣльницкій, вслѣдъ
за Митрополитомъ Киевскимъ Сильвестромъ Кос-

совымъ, и такимъ образомъ вся Україна на многие годы сдѣлалась поприщемъ безначалія, измѣнъ и кровопролитія.

Когда столь неблагопріятно измѣнились обстоятельства виїшнія, внутри государства возникло вредное для Церкви смятеніе, въ лицѣ Патріарха Никона. Строгій правитель, въ теченіе двухълѣтняго отсутствія царскаго, распоряжалась властно, не какъ первосвятитель, но какъ другъ Царевъ, по неограниченной къ нему довѣренности своего Государя, онъ возбудилъ зависть и ненависть первостепенныхъ бояръ, родственниковъ царскихъ, Морозовыхъ, Милославскихъ, Стрѣшневыхъ, и Князей Трубецкаго, Долгорукаго, Одоевскаго, Ромодановскаго. — Сама Царица втайне ему не благопріятствовала, по связямъ ли кровнымъ съ Милославскими, или опасаясь его влиянія на супруга. Вельможи, подавленные и помраченные свѣтлымъ гeniemъ Никона, не могли равнодушно переносить⁺ его единовластія, въ думъ ихъ и совѣтѣ царскому. Съ своей стороны Никонъ, по непреклонности характера, болѣе и болѣе раздражалъ умы, действуя рѣзко и самонадѣянно, и слишкомъ давая чувствовать свое преимущество. Патріархъ Антіохійской Макарій, посвѣтившій дважды Россию, во дни величія и паденія сего знаменитаго мужа, описалъ образъ его правленія и жизни, въ отсутствіи Алексія Михайловича.

Никонъ, обремененный всею тяжестью заботъ государственныхъ, продолжалъ быть строгимъ инокомъ на патріаршемъ престолѣ, соблюдалъ всѣ церковныя службы, съ такою притомъ ревностію къ просвѣщению духовному, что во время литургіи всегда имѣлъ при себѣ древнѣйшия требники, для сличенія обрядовъ и молитвъ. Онъ показывался народу только въ храмѣ и на краткомъ переходѣ изъ своихъ келлій въ соборъ Успенскій, принималъ членобитья, которыя рѣшались на мѣстѣ, или на другой день. Утромъ, въ урочный часъ, по звуку колокола, сходились бояре правительствующіе въ крестовую палату; Патріархъ выходилъ къ нимъ и стоя разсуждалъ о дѣлахъ; если же кто опаздывалъ къ выходу, то дожидался потомъ нѣсколько часовъ, въ его сѣняхъ. Когда же нѣкоторые изъ бояръ, возвратившіеся изъ Польского похода, принесли съ собою иконы, письма латинскаго, и завели въ домаѣ органы, — Патріархъ велѣлъ у нихъ отобрать то и другое, и предать огню, какъ предметы противные православію, и самъ громко обличалъ ихъ въ соборѣ, предъ лицемъ Государа, называя каждого по имени.

Не менѣе тягостенъ былъ Патріархъ и духовенству. Прошедши самъ чрезъ всѣ его степе-

ни и состоянія, будучи послушникомъ въ монастырѣ, десять лѣтъ приходскимъ священникомъ въ селѣ и столицѣ, потомъ долгое время отшельникомъ въ дикомъ уединеніи, игуменомъ въ бѣдной пустынѣ, архимандритомъ богатаго монастыря, митрополитомъ первостепенной епархіи и наконецъ Патріархомъ, — онъ испыталъ все, что только можетъ испытать лицо духовное, и показавъ всюду строгій примѣръ нравственности, требовалъ ее столь же строго отъ подчиненныхъ. Жестоко наказывалъ онъ нетрезвость, по обычаю того времени, темищею и біенiemъ, не пощадилъ и собственнаго духовника. Никонъ требовалъ, по мѣрѣ возможности, и иѣкотораго образования отъ посвящаемыхъ имъ въ діаконы и священники, по крайней мѣрѣ знанія граматы, и никогда не рукоолагалъ въ своей патріаршей области, безъ личнаго испытанія въ чтеніи, что также казалось въ то время весьма стѣснительною мѣрою. Но наипаче былъ онъ взыскателенъ за всякое нарушеніе чина церковнаго и, подвергнувъ наказанію не благонамѣренныхъ: Аввакума, Лазаря, Никиту и Пероновыхъ, не умѣрилъ гнѣва и въ отношеніи Павла Коломенскаго, какъ только замѣтилъ, что сей Епископъ, подписавшійся на соборѣ церковномъ о исправленіи книгъ, явно противудѣйствовалъ самому дѣлу. Патріархъ отрѣшилъ его самовластно отъ епархіи и заключилъ въ монастырь, безъ суда

архієрейскаго, подвергшись чрезъ то нареканію въ нарушеніи правилъ соборныхъ, повелѣвающихъ творить судъ надъ каждымъ Епископомъ. Высшее духовенство раздражилось симъ поступкомъ и терпѣло только до времени, давно уже оскорблѣнное необычайнымъ величиемъ Никона, которое казалось приличнымъ только Филарету, по праву родителя царскаго, но возбуждало зависть сверстниковъ къ человѣку, происхожденія темнаго. Ближайшіе къ особѣ Патріарха были вмѣсть и сильнѣйшими его недоброжалателями: Питиримъ Митрополитъ Сарскій, намѣстникъ его церковной области, и архимандритъ Чудовскій Павелъ, въ послѣдствіи заступившій мѣсто Питирима, когда онъ перешель на Митрополію Новгородскую; также Иларіонъ архіепископъ Рязанскій, и другіе хотя всѣхъ ихъ рукоположилъ самъ Патріархъ.

Одинъ только человѣкъ искренно любилъ Никона, помня его заслуги и неизмѣнную пріязнь,—это кроткій Царь Алексѣй Михайловичъ, и ему одному былъ преданъ Патріархъ всею душою, дорожа его славою даже до ревности; онъ не могъ равнодушно видѣть вліянія приближенныу бояръ, которые наконецъ, происками, достигли желанной цѣли, устранивъ отъ него Государя. Двухлѣтнєе отсутствіе пріучило его обходиться безъ постояннаго совѣта патріаршаго, неудачный походъ Шведскій, послѣ блестатель-

ныхъ успѣхомъ Литовскимъ, невольно раздражилъ за безвременный совѣтъ о войнѣ; по возвращеніи же общій голосъ бояръ и духовенства, о самовластіи Никона, содѣйствовалъ къ охлажденію царскаго сердца. Скоро замѣтилъ сіе Патріархъ; прекратились между ними дружественные ежедневныя трапезы и частыя совѣщанія; распоряженія церковныя Никона начали быть опровергаемы Государемъ: — такъ, по указу его, Полоцкій Богоявленскій монастырь, который Патріархъ объявилъ ставропигіальныи, т. е. зависящимъ прямо отъ своего лица, внезапно отданъ былъ въ управлѣніе Каллисту, посвященному на эпархію Полоцкую.

Между тѣмъ, приказъ монастырскій, оставшійся въ бездѣйствіи во время частнаго управлѣнія Никона, мало по малу уже начиналь судить лица духовныя и ихъ волости; иногда подымались дѣла и о самыхъ волостяхъ, пріобрѣтенныхъ вопреки указовъ Іоанна, и дума боярская стала рѣшительнѣе дѣйствовать, опираясь на уложеніе. Не такого характера былъ Никонъ, чтобы уступить тѣмъ, съ коими не привыкъ дѣлиться довѣренностью царскою. Гневно выражалася онъ о новомъ порядкѣ дѣлъ, и еще надѣялся опять обратить къ себѣ вниманіе; а вельможи, зная его раздражительность, питали ее личными оскорблѣніями.¹ Все приготовлялось къ совершенному разрыву, — ожидали только случая.

Чувствуя утрату своего первобытного вліянія, въ дѣлахъ государственныхъ и даже церковныхъ Никонъ не могъ уже заниматься ими, подъ вліяніемъ другихъ, и началъ помышлять о удаленіи. Для сего ревностно занялся устроеніемъ трехъ созданныхъ имъ обителей, Крестной, Иверской и Воскресенской, на память трехъ замѣчательныхъ эпохъ его жизни: отшельничества Соловецкаго, митрополіи Новгородской, и патріарщества Всероссійскаго. Какъ будто стыдясь своего унижения въ столицѣ, внѣ оной проводилъ съ время, въ трудахъ иноческихъ, а враги пользовались его отсутствиемъ, чтобы совершенно удалить. Однако же любящее сердце Царя невольно влекло его къ бывшему нѣкогда единственному другу, и взаимное чувство ихъ пріязни трогательно обнаружилось въ послѣдній разъ, при освященіи деревянной церкви новой обители Воскресенія. Съ горы, называемой Элеонъ, Государь, обозрѣвая живописную окрестность, сказалъ Патріарху, что Богъ изначала опредѣлилъ мѣсто сіе для обители, ибо они прекрасно какъ Іерусалимъ. Никонъ же, утѣшеннный столь сладкимъ именемъ, назвалъ въ угодность Царю всю обитель НовымъІерусалимомъ, и поручилъ келарю Арсенію Суханову, странствовавшему по Востоку, для собранія рукописей, принести ему образецъ Св. гроба, по подобію коего немедленно заложилъ каменную обширную церковь.

Протекло около года; павѣты и неудовольствія росли; Государь, удерживаемый боярами, видался рѣдко съ Патріархомъ и пересталъ даже выходить въ соборъ на его служеніе; царедворцы нагло надъ нимъ ругались, и одинъ изъ нихъ, Стрѣшиевъ, осмѣлился даже назвать именемъ его свою собаку. Только искреннее объясненіе Патріарха съ Царемъ, могло бы погасить разгоравшееся и раздуваемое пламя, но когда однажды поселится взаимное недоразумѣніе между людьми, любившими другъ друга, то самая память прежней любви отравляетъ раны ихъ сердца, потому что перемѣна отношеній взаимныхъ уже оскорбительна каждому.

Наконецъ представился случай къ совер- 1638.
шенному разрыву. Грузинскій Царь Теймуразъ, обуреваемый междуусобіями своей земли и набѣгами Персовъ и Турокъ, пришелъ лично искать покровительства у могущественнаго Царя Россійскаго, и съ великимъ торжествомъ принялъ его Алексѣй Михайловичъ. Патріархъ оставилъ также свое уединеніе, чтобы участвовать въ свѣтломъ пріемѣ; во время встречи Теймураза, окольничій царскій Хитровъ, очищая ему путь, ударили боярина патріаршаго и съ грубостію повторилъ ударъ. Раздраженный Никонъ требовалъ удовлетворенія, но происками бояръ не получилъ его; онъ надѣялся объясниться лично съ

Государемъ въ храмъ, на праздникъ ризы Господней; но, противъ обыкновенія, Царь былъ удержанъ отъ выхода, и князь Ромодановскій, пришедший въ соборъ, чтобы объявить о томъ Патріарху, сталъ упрекать его въ надмѣниости за титло Великаго Государя.

Тогда Никонъ потерялъ терпѣніе и предался гибѣ; окончивъ литургію всенародно объявилъ онъ, что ради его недостоинства приключаются все войны, моры и неустройства въ государствѣ, и поставивъ къ иконѣ Владимірской посохъ Петра чудотворца, громко произнесъ, что отнынѣ онъ уже не Патріархъ Московскій; снявъ съ себя одежды святительскія, не смотря на моленія клира и народа, надѣлъ простую мантію иноческую, и написавъ въ ризницѣ письмо къ Царю, обѣ отшествіи своемъ съ престола патріаршаго, сѣль на ступеняхъ амвона ожидать отзѣта. Смѣтенный Государь послалъ увѣщевать его, чрезъ боярина князя Трубецкаго; но увѣщатель былъ также изъ числа враговъ. Народъ плакалъ и держалъ двери соборныя, Никонъ остался непреклоннымъ, не хотѣлъ болѣе взойти въ келліи патріаршія и пѣший пошелъ изъ Кремля на подворье Иверское, оттолѣ же, не дождавшись дозвolenія царскаго, уѣхалъ въ обитель Воскресенскую и отказался сѣсть въ посланную за нимъ карету. Князь Трубецкой пріѣзжалъ опять, уже въ Воскресенскъ, спрашиватъ

его, именемъ Государя, о причинѣ отшествія. Никонъ отвѣтствовалъ, что ради спасенія душевнаго ищетъ безмолвія, отрекался отъ патріаршества, просилъ себѣ только трехъ монастырей, Воскресенскаго, Иверскаго и Крестнаго, благословилъ Митрополиту Крутицкому Питириму управлять дѣлами церковными, и наконецъ, въ трогательномъ письмѣ, смиленно просилъ Царя, о христіанскомъ прощеніи, за скорый отъездъ свой.

Слухъ о нашествіи Крымцевъ опять обратилъ къ Патріарху мысли Государя, встревоженнаго его опасностію въ беззащитномъ Воскресенскѣ. Онъ послалъ къ нему ближняго человѣка, съ предложеніемъ ѣхать, на время нашествія, въ укрѣпленный монастырь Макарія Колязинскаго. Никонъ почелъ это вѣстію заточенія и отвѣчалъ посланному, что есть для него въ Москвѣ другое болѣе крѣпкое мѣсто, у Зачатейскаго монастыря, разумѣя городскую тюрьму; самъ же поспѣшилъ въ столицу, гдѣ только чрезъ три дня допущенъ быль до свиданія съ Царемъ, и то въ присутствіи бояръ, или Царицы, и потомъ опять возвратился въ свою обитель. Но спокойствіе и тишина послѣ бури, въ такомъ сосѣствѣ отъ двора, могли быть опасными для недоброжелателей Никона; — послѣдовали новыя огорченія. Внезапно раскрытъ быль на патріаршемъ дворѣ тайный архивъ его и горько жаловался Никонъ, въ письмѣ къ Царю, на сіе нарушеніе

тайнъ, не только частныхъ и государственныхъ, у него хранившихся, но и тѣхъ, какія ввѣрли ему какъ святителю, чада духовныя, для облегченія совѣсти. Онъ приписывалъ такой поступокъ къ намѣренію истребить у него всѣ письма царскія, въ коихъ называемъ былъ Великимъ Государемъ, и свидѣтельствуя, что всегда отрекался отъ столь гордаго и неумѣстнаго для него титла, просилъ о утоленіи царскаго гнѣва. Чрезъ нѣсколько времени самоуправство Митрополита Птирима, который взошелъ во всѣ права патріаршія, и даже совершилъ, въ лицѣ его, обрядъ вербнаго воскресенія, шествіе на осяти кругомъ города, опять раздражило Никона; онъ не могъ еще отвыкнуть отъ мысли о своемъ патріаршествѣ, а уже видѣлъ въ намѣстникѣ личнаго врага, и отошелъ далѣе отъ столицы на Бѣлое море, въ Крестный монастырь, гдѣ провелъ болѣе года въ трудахъ пустынныхъ.

Между тѣмъ не могли оставаться въ такомъ неустроенному положеніи дѣла церковныя. Алексѣй Михайловичъ созвалъ въ столицу соборъ Россійскихъ и случившихся Греческихъ Епископовъ, чтобы разсудить о дѣйствіяхъ Патріарха; а между тѣмъ послалъ къ нему, на Бѣлое море, стольника Пушкина, просить окончательнаго разрѣшенія на выборъ инаго Патріарха. Никонъ, хотя и подтверждалъ свое отреченіе, однакоже опасался власти непріязненнаго преем-

ника, и не разрѣшая приступить къ избранию и посвященію, предоставлялъ право сіе исключительно себѣ. Онъ хорошо зналъ судей своихъ потому что на соборѣ вполнѣ обнаружилась вся ненависть, которую къ нему питали. Митрополитъ Крутицкій домогался доказать, свидѣтельствомъ многихъ, что Патріархъ, не дослуживъ літургію, оставилъ престолъ съ клятвою, никогда не возвращающейся, чѣму противорѣчило показаніе Митрополита Сербскаго Михаила и другихъ, которые не слышали клятвы. Даже пришельцы Греческіе возставали противъ Никона, и Кириллъ, Архіепископъ Кипра, утверждалъ, что за вину свою, долженъ онъ лишиться всѣхъ жалованныхъ Государемъ отчинъ, и что не слѣдуетъ давать монастырей въ управлѣніе отходящимъ на покой Архіереямъ, хотя сей порядокъ соблюдается въ Восточной Церкви; еще одинъ изъ Грековъ упрекалъ Никона въ дерзости Амановой. Всѣ же согласны были, не только на его низложеніе съ престола патріаршаго, но и на лишеніе сана архіерейскаго, за то, что самовольно оставилъ свою епархію, и старались утвердить сіе выписками изъ правилъ соборныхъ. Два только краснорѣчивые защитника заговорили въ пользу Никона на соборѣ: одинъ, ученый Печерскій іеромонахъ Епифаній Славенецкій, который писалъ всѣ соборные акты и объявилъ, что въ правилахъ церковныхъ не нашелъ онъ,

чтобы отрекшагося Епископа лишали священства; другой, архимандритъ Полоцкій Игнатій, вопреки рѣшенію соборному о избраніи новаго Патріарха, утверждалъ, что Епископы Русскіе не въ правѣ судить своего Архиастыря, безъ участія Патріарховъ Восточныхъ, и голосъ его проникъ въ кроткое сердце Царя, который не хотѣлъ принять на себя осужденія Никона.

Посреди столь смутныхъ обстоятельствъ, прѣѣхалъ въ столицу бывшій Митрополитъ Газы, Паисій Лигаридъ, долго скитавшійся безъ епархіи по Греціи и Италии, котораго за три года предъ тѣмъ вызывалъ изъ Молдавіи самъ Патріархъ Никонъ, не предвидя, что въ немъ найдетъ себѣ злѣйшаго врага. — Паисій принесъ одобрительную грамату отъ Патріарха Константинопольскаго Пароенія, какъ знающій церковные уставы и способный къ изслѣдованію поступковъ Никона. — Принятый ласково Государемъ и боярами, Лигаридъ преклонился на сторону недоброжелателей Никона и сдѣлался представителемъ продолжительного собора, управлявшаго Церковію въ отсутствіе Патріарха.

Никонъ, возвратившійся опять изъ Крестнаго монастыря въ Воскресенскъ, чтобы ближе наблюдать за дѣйствіями собора, обрадовался сперва пришестію Паисія, нѣкогда имъ обласканнаго, и въ жалобной граматѣ изложилъ ему всѣ свои огорченія, но скоро увидѣлъ свою о-

шибку. Тогда обратился онъ, съ такою же граматою, къ новому Патріарху Константинопольскому *Діонисію*, братски объясняя ему свои дѣянія, отъ самаго начала правленія, и всѣ претерпѣнныя имъ обиды; но грамата была перехвачена и послужила къ большему его обвиненію. Одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Патріарха, бояринъ Стрѣшиевъ, умышленно предложилъ Панію до тридцати вопросовъ, относившихся къ поступкамъ Никона, и Лигаридъ написалъ на нихъ канонические отвѣты въ его осужденіе. Раздраженный Никонъ, съ своей стороны, сочинилъ пространное возраженіе на вопросы и отвѣты обоихъ, въ которомъ, съ глубокимъ знаніемъ священнаго писанія, отразилось и все волненіе его гибнаго духа. — Между тѣмъ Паній, занимавшійся всѣми сношеніями Царя и собора съ Патріархами Восточными, послалъ къ нимъ двадцать пять подобныхъ же вопросовъ, о власти царской и патріаршѣй, о поступкахъ и судѣ Никона, не называя его по имени, а только предлагая вѣкоторые обстоятельства къ разрѣшенію, и сходно съ духомъ сихъ вопросовъ, отвѣты четырехъ Патріарховъ, испрошенные чрезъ дьяка царскаго въ Константинополь, были всѣ въ пользу собора. — Одинъ только Нектарій Іерусалимскій, хотя и подписавшійся на общемъ свиткѣ, въ отдельной граматѣ умолялъ Царя, вспомнить прежнія заслуги Никона, и милосердно возвратить

его на святительский престолъ, для прекращенія всякой распри и соблазна.

По истинѣ великъ былъ соблазнъ въ Церкви Россійской, отъ сей долгой распри, и радовались ей отступники православія. Съ одной стороны Паисій и лица духовныя, непріязненные Никону, дѣйствуя самоуправно и поблажая боярамъ, въ избраніи Епископовъ и дѣлахъ первокныхъ, менѣе ревновали о благѣ самой Церкви, нежели о конечномъ паденіи Никона, и осыпали его всякими хулами и оскорблениями, потому что они уже зашли такъ далеко, что не могли болѣе возвратиться; а между тѣмъ лжеучители: Лазарь, Аввакумъ, Никита, монахъ Капитонъ и другіе, пользуясь паденіемъ Никона, разсѣвали свои толки, будто судится онъ за ересь и искаженіе книгъ. Съ другой стороны самъ Никонъ, изнуряя себя постомъ и молитвою въ пустынномъ скитѣ, работая, какъ простой каменьщикъ, при строеніи храма Св. Гроба, не смирялся духомъ. Это было какое-то темное, болѣзненное состояніе души его. — Принимая къ сердцу всякое оскорблѣніе, безпрестанно выходилъ онъ изъ должныхъ предѣловъ характера святительского; не щадилъ враговъ своихъ, ни на словахъ ни на бумагѣ, и предавалъ ихъ апостемъ, за обиды и отнятіе волостей монастырскихъ, такъ что подвергся нареканію, хотя и совершенно несправедливому, будто произносилъ клятву

иа Царя. Но къ нему одному не питалъ вражды Никонъ; зная козни вельможъ, онъ только жаловался ему въ письмахъ, или чрезъ людей довѣренныхъ, и великодушный Государь, памятуя прежнюю любовь, одинъ боролся съ многочисленными врагами Патріарха, не выдавая его ихъ злобъ, и посыпалъ непрестанныя милостиши въ Воскресенскую обитель. Наконецъ, для возвращенія тишины церковной, вынужденъ быть пригласить на судъ Восточныхъ Патріарховъ, и послалъ призывныя граматы къ четыремъ Всесленскимъ престоламъ.

Нашелся одинакоже, между столькими царедворцами, враждебными Никону, одинъ человѣкъ, ему доброжелательствовавшій, нѣкто бояринъ Никита Зюзинъ. Болѣзнуя о пагубныхъ послѣствіяхъ долголѣтней распри и слыша непрестанно, отъ людей приближенныхъ къ Царю, какъ болѣо его любящему сердцу такое ожесточеніе Патріарха, и какъ желалъ бы онъ его возвращенія, для совѣта о дѣлахъ Польскихъ и ради взаимнаго ихъ обѣта пріязни, неосторожный бояринъ рѣшился дѣйствовать по однимъ слухамъ; онъ написалъ къ Никону, чтобы внезапно прѣѣхалъ въ Москву, на праздникъ Петра Чудотворца, къ утренни въ соборъ Успенскій, и послалъ бы звать Государя на молитву, по обычаю, какъ будто бы не было межъ ними никакихъ огор-

ченій , и такимъ образомъ минувшее предано будеть забвению . Два подобныхъ письма получилъ святитель и усумнился ; но ласковый пріемъ , сдѣланный архимандриту Воскресенскому , посланному отъ него въ Саввиинъ монастырь къ Государю , поколебалъ Никона ; наконецъ , собственное его сонное видѣніе въ пустынномъ скитѣ , гдѣ мечталось ему , что сонъ преждепочившихъ святителей , возставая изъ гробовъ въ храмѣ Успенія по зову чудотворца Іоны , даетъ руки на вторичное его возведеніе , — рѣшили Патріарха .

Тайно почью вѣхаль онъ въ городъ , съ братію Воскресенской обители , на праздникъ Петра Митрополита , торжественно вступить въ храмъ Успенія и , приложась къ св. мощамъ и иконамъ , сталъ на патріаршее мѣсто , съ оставленнымъ имъ нѣкогда посохомъ Чудотворца . Добрый старецъ , Митрополитъ Іона Ростовскій , со временемъ удаленія Питирима въ Новгородъ , бывший мѣстоблюстителемъ , испуганный внезапнымъ явленіемъ Патріарха , подошелъ къ нему подъ благословеніе , со всѣми соборянами ; онъ посланъ былъ во дворецъ , съ вѣстию о приходѣ Никона , который возвратился , будто бы , послѣ долгаго странствованія по своей церковной области , и приглашалъ въ храмъ Государя для благословенія и молитвы .

Не менѣе Митрополита Іоны смущился Государь , за нѣсколько шаговъ отъ собора слу-

шавший утренню въ теремной церкви, и въ недоумѣніи послалъ за ближними боярами и духовными властями. Минута была рѣшительна, ибо отъ нея зависѣло или собственное ихъ паденіе, или конечнее низверженіе Никона; — они убѣдили Государя не принимать Патріарха, а только взять отъ него грамату, въ коей описывалъ свое видѣніе, и Князья Одоевскій и Долгорукій, съ Митрополитомъ Павломъ, пришли въ соборъ объявить ему волю царскую, чтобы выхалъ обратно въ монастырь Воскресенскій, въ ожиданіи суда Вселенскихъ Патріарховъ.

Въ свою чреду смутился Никонъ, полагавшій, что нечаяннымъ своимъ приходомъ исполнялъ тайное желаніе Государя; Патріархъ едва могъ вѣрить слышанному и подозрѣвалъ коварство враговъ. Онъ вышелъ изъ собора, но взялъ съ собою посохъ Чудотворца въ доказательство того, что не съ клятвеннымъ отреченіемъ оставилъ нѣкогда престолъ свой. Донесли о томъ Государю, который послалъ вслѣдъ за нимъ въ село Чернево, отобрать у него посохъ и спросить причину пришествія. Никонъ не хотѣлъ вручить жезла Митрополиту Крутицкому Павлу и Чудовскому архимандриту Иоакиму, какъ лояльны ему непріязненнымъ, но отоспалъ его, чрезъ собственного архимандрита, прямо къ Царю, вмѣстѣ съ призывающими письмами боярина Зюзина, который былъ за то сосланъ въ Казань.

Межу тѣмъ, Никонъ видя ясно, что все уже для него кончено и нѣтъ болѣе надежды на примиреніе, изъявилъ тѣмъ же посланнымъ согласіе свое на избраніе новаго Патріарха, съ условіемъ, чтобы ему сохранить три свои обители съ отчинами, въ распоряженіе коихъ не должны мѣшаться энтархіальные Архіереи, ни даже въ поставленіе священнослужителей сихъ монастырей и церквей отъ нихъ зависѣвшихъ; ему же надлежало удержать за собою титло Патріарха и вторую степень на соборахъ, съ свободнымъ доступомъ къ Царю и общеніемъ со всѣми желающими посвѣщать его: съ тѣмъ вмѣстѣ обѣщалъ онъ разрѣшить отъ клятвы столицу и всѣхъ, которыхъ ей подвергнуль въ свое мѣсто гнѣвъ. Но соборъ, разсуждавшій о его предложеніяхъ, не согласился признать независимости Никона отъ власти новаго Патріарха, и дозволить ему свободное посвященіе въ своихъ обителяхъ безъ власти энтархіальной; требовалъ обратно отчинъ, имъ отписаныхъ отъ другихъ мѣсть въ новую Воскресенскую обитель, лишалъ ее даже громкаго имени новаго Іерусалима, и наконецъ ограничивалъ прїезды Никона въ столицу. Въ тоже время соборъ подвергъ эпитиміи Митронополита Ростовскаго Іону, за то что осмѣлился подойти къ благословенію Никона въ храмъ Успенскомъ и назначилъ мѣсто-блестителемъ Павла Крутицкаго. Когда же пришла вѣсть о шествіи въ

Россю Патріарховъ Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго, то всѣ Архіереи, собранные въ столицѣ и все духовенство, встревоженные толками, которые разсѣвали люди злонамѣренные о неправославіи Патріарховъ, страждущихъ подъ игомъ Турецкимъ, и о невѣрности Греческихъ богослужебныхъ книгъ, единодушно дали присягу что они признаютъ православными и Святителей и книги.

Паступило время развязки осмилѣтнихъ смутъ волновавшихъ Церковь Россійскую, и могущественное лицо Никона, къ которому, въ теченіи двадцати лѣтъ, обращалось общее вниманіе, должно было сойти съ своего громкаго поприща. — Пришли съ востока Вселенскіе Патріархи, встрѣчаемые и честимые по всей дорогѣ; для пріема ихъ остался въ Астрахани Архіепископъ Іосифъ. Прочие же всѣ, съ Греческими Архіереями, въ Москвѣ бывшими, или странствовавшими съ Патріархами, и вмѣстѣ съ первостепенными архимандритами и игуменами нашими и Восточными, составили въ палатахъ Кремлевскихъ блестательный соборъ, какого не видала дотолѣ Церковь Россійская. — Кромѣ двухъ Патріарховъ и въ послѣдствіе еще третьаго Московскаго, присутствовали четыре Митрополита наши: Питиримъ Новгородскій, Лаврентій Казанскій, Іона Ростовскій, Павель Крутицкій, и шесть Греческихъ

изъ Никеи, Амасии, Иконии, Трапезунда, Варны, Хиоса, одинъ Грузинскій и одинъ Сербскій: Панісій же Газскій уклонился, самъ опасаясь обличенія какъ бѣглецъ Палестинскій, и обличеніе послѣдовало, хотя и позже, въ граматѣ Патріарха Нектарія Іерусалимскаго къ Царю. Архіепископы: Синайскій и Волохскій присоединились также къ шести Архіепископамъ Русскимъ: Симеону Вологодскому, кроткому другу Никона, Филарету Смоленскому, Стефану Сузdalскому, Иларіону Рязанскому, жестокому обличителю Патріарха, Іоанну Тверскому и Арсенію Нековскому; были и пять Епископовъ: Мисаиль Коломенскій, преемникъ низложеннаго Павла, Александръ Вятскій, Іоакимъ Славяносербскій и дга, изъ вновь присоединенныхъ отъ Польши областей, Лазарь Барановичъ, краснорѣчивый и добродѣтельный пастырь Чернигова, и Меѳодій Мстиславскій, такъ же одинъ изъ враговъ Никона; архимандритовъ же, игумновъ иprotoиересевъ, находилось на соборѣ болѣе пятидесяти, не считая иноковъ и прочихъ духовныхъ лицъ.

На такой соборѣ торжественно позванъ былъ Никонъ изъ обители Воскресенской, и пошелъ какъ бы на смерть, напутствовавъ себя св. дарами и елеосвященіемъ, потому что уже предчувствовалъ горькую участь. Въ селѣ Чернѣвъ услышалъ онъ третій зовъ, и остановился въ Китай-

городъ на подворьѣ, окруженному стражею. Не иначе однокоже, какъ по чину патріаршему т. е. съ предшествующимъ крестомъ, явился онъ на соборъ въ палаты царскія, и не видя себѣ приготовленного мѣста, на равиѣ съ восточными Патріархами, не сѣлъ, а стоя слушалъ обвиненіе изъ устъ самаго Государя: о смутахъ, какія произвѣль въ Церкви, своевольнымъ удаленіемъ и сводничавыми поступками, въ теченіе осми лѣтъ. Слезы текли изъ очей кроткаго Царя, при горькомъ обличеніи человека, нѣкогда столь близкаго его сердцу, и прослезился соборъ. Еще укорялъ онъ Никона, за жалобную грамату имъ написанную къ Патріарху Константинопольскому, и свидѣтельствовалъ предъ всѣми, что никакой личной вражды не питалъ противъ Святителя.

Никонъ отвѣтствовалъ, что удалился, бѣгая царскаго гнѣва, и водворился въ пустыни, не выходя однокоже изъ своей епархіи, которую не оставлялъ съ клятвою, какъ на него клевещутъ, но только ради удаленія отъ смутъ боярскихъ; грамату же къ Патріарху Вселенскому писалъ тайно, какъ братъ къ брату, и не чаялъ, что ко вреду и соблазну ее обнаружать. Тогда возстали на него злые обличители, Павелъ Митрополитъ Крутицкій, Иларіонъ Рязанскій, Меѳодій Мстиславскій, укоряя въ клятвенномъ оставленіи престола и самовольномъ низверженіи Павла Коломенскаго, и суровомъ обра-

щениі съ лицами духовными, и самъ Никонъ предался гибѣ, въ сильныхъ противъ нихъ возраженіяхъ.

День спустя, вторично позванъ онъ былъ на соборъ и слышалъ, кромъ прежнихъ обвиненій, еще новыя: будто называлъ Церковь Россійскую латинствующею, за предсѣдательство Панція Лигаріда, бѣжавшаго изъ Греции въ Италию, и говорившаго всегда на языкѣ Латинскомъ, а книгу номоканонъ, печатанную на западѣ, по сей причинѣ не признавалъ православною. Оба Патріарха во свидѣтельство чистоты ея правилъ, цѣловали книгу предъ всѣмъ соборомъ. Тогда Царь Алексѣй Михайловичъ, обратясь къ своимъ боярамъ и видя ихъ безмолвными, требовалъ новыхъ уликъ на Патріарха; но одинъ только Князь Долгорукій выступилъ изъ среды ихъ съ обвиненіями, потому что каждый имѣлъ противъ Никона только личности, которыя боялся обнаружить; Патріархъ же, пользуясь молчаниемъ прочихъ, съ презрѣніемъ сказалъ: «что камнями побить его могутъ, но не словами, если и еще девять лѣтъ собираить ихъ будутъ.» Между тѣмъ продолжалось чтеніе граматы Никоновой къ Патріарху Діонисію, съ допросами за ея жестокія выраженія. — Любящее сердце Цара не вынесло однакоже горестнаго предъ нимъ стоянія бывшаго друга, иногда возражавшаго, иногда безответнаго; тихо сонель-

овъ съ своего престола и приблизясь къ Никону, взялъ его за руку и сказалъ: «о святѣйшій, зачѣмъ положилъ ты на меня такое пятно, готовясь къ собору какъ бы на смерть? или думаешь, забылъ я всѣ твои заслуги, мнѣ лично и моему семейству оказанные, во время язвы, и прежнюю нашу любовь?»

Онъ укорялъ его и за грамату къ Патріарху Діонисію, изъявляя желаніе мира; столь же тихо отвѣчалъ ему Патріархъ, излагая всѣ на него бывшія крамолы, извинялся тайною граматы, не осторожно обличеною, и не смотря на мирныя увѣренія царскія, чувствуя, что минувшее уже невозвратимо, тогда же предрекъ свое горькое осужденіе. — Это было первое ихъ свиданіе и первая искренняя бесѣда, послѣ семилѣтней разлуки; взаимнымъ участіемъ на краткій часъ согрѣлись опять сердца обоихъ; это было также ихъ послѣднее свиданіе въ сей временній жизни.

Протекла недѣля въ совещаніяхъ соборныхъ, дѣлали выписки изъ помоканова, сообразныя различнымъ винамъ Никона; исчисляли также примѣры Византійской Церкви, о Патріархахъ оставившихъ, по собственной волѣ, престолъ безъ возврата, о другихъ, потомъ возвратившихся, и наконецъ о тѣхъ, на мѣста коихъ избраны были новые. Одинъ только голосъ Епископа Лазаря раздавался въ пользу Никона, которому хотѣлъ

онъ сохранить санъ святительский, лишивъ мѣста патріаршаго. Патріархи же Восточные написали граматы къ Вселенскому и Іерусалимскому, извиняясь, что принуждены были, не встрѣтивъ въ столицѣ Московской, ни ихъ самихъ, ни мѣстоблюстителей ихъ, приступить къ суду Никона. Наконецъ, въ третій разъ, позванъ былъ онъ на соборъ уже не въ палаты царскія, ибо не имѣлъ духа присутствовать добродушный Алексій Михайловичъ на его осужденіи, но въ малую церковь надъ вратами Чудовской обители.— Ему прочли обвиненія: что смутилъ царство Русское, вмѣшиваясь въ дѣла, неприличныя патріаршему достоинству и власти; что оставилъ съ клятвою и самовольно престолъ свой, за оскорблениѳ только своего слуги; что удаляясь отъ патріаршества, распоряжался властью въ трехъ своихъ монастыряхъ и давалъ имъ гордяя названія, Іерусалима, Виѳлеема, Голгоѳы и тому подобныя; что похитилъ разбойнически, и буде можно похитилъ бы третію часть царствія, и препятствовалъ избранию новаго Патріарха, предавая многихъ анаѳемъ, отъ удаленія же его умножились соблазны и расколы; что Павла, Епископа Коломенскаго, низвергъ самовольно и былъ жестокъ къ духовенству; жаловался на Царя Патріархамъ Восточнымъ, а Церковь называлъ латинствующею и опорочивалъ правила соборныя и самихъ Патріарховъ, своею гордостію. Всѣдѣ

за винами прочли ему приговоръ, о лишениі сана, съ сохраненіемъ только иночества, для вѣчнаго пожалія въ пустынной обители.

Тогда Патріархи, изъ коихъ одинъ, Автіохійскій, видѣлъ нѣкогда полное величіе Никона и пользовался его щедротами, приступивъ въ мантіяхъ, велѣли ему снять клобукъ съ жемчужными херувимами; но Никонъ отрекся сложить съ себя сіе знаменіе иночества, и спрашивали ихъ: «зачѣмъ въ отсутствіи Цара и въ малой церкви, а не въ томъ соборѣ Успенія, гдѣ нѣкогда умоляли его взойти на патріаршій престолъ, нынѣ неправедно и втайне его визлагаютъ?» Когда же сняли съ него клобукъ, оставивъ мантію архіерейскую и посохъ, страха ради народнаго, онъ опять укорялъ Патріарховъ въ ихъ лицепріятіи и странничествѣ, даруя имъ и жемчугъ клобука своего на пропитаніе. Изъ всѣхъ Архіереевъ Русскихъ, только Симонъ Вологодскій и Лазарь Черниговскій, не хотѣли присутствовать при семъ горькомъ дѣйствіи. Никонъ отведенъ былъ подъ стражею на земскій дворъ, осыпаемый ругательствами приставовъ, напиache архимандрита Сергія; но онъ все переносилъ съ тою же чрезвычайною твердостію, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ его жизни доходила въ немъ до упорства. Всѣ приверженные къ нему были разсѣяны.

На другой день, добродушный Государь,

милосердия о Никонѣ, послалъ ему на дальний путь денегъ и собольихъ мѣховъ; но ничего не хотѣлъ принять Никонъ, и въ бѣдной одеждѣ, подъ строгимъ надзоромъ, отправленъ на Бѣло озеро въ монастырь Ферапонтовъ, гдѣ устроены были келліи для его заточенія. Іосифъ, архимандритъ Печерскій, сопровождавшій его отъ Клязьмы, далъ ему теплую одежду, чтобы укрыть отъ стужи; но прибытіи же въ монастырь отобрали у него мантію и посохъ архіерейскіе, и въ первые мѣсяцы заключеніе его было весьма тяжко.

7. Іоасафъ II.

1667. Между тѣмъ, оставшися въ Москвѣ святыни, продолжали заниматься устроеніемъ двѣ церковныхъ, и прежде всего избрали, изъ архимандритовъ Троицкой лавры, въ Патріархи Всесоюзныя, кроткаго Іоасафа, тихостно права умирившаго все непріязненное. Хотя осуждены были своеуравнительные поступки бывшаго Патріарха, и уничтожено громкое имя его монастыря Йерусалимскаго, и отобраны приписаныя къ нему вот-

чины; по вѣра Никона признана чистою, исправленіе книгъ правильнымъ и сходнымъ съ духомъ православной Церкви. Оправдены также суетные толки монаха Капитона, поповъ Лазаря, Аввакума и Никиты, о сложеніи перстномъ и изображеніи креста, о имени Иисусовомъ, символѣ и сугубомъ амилуїя, и всѣ ихъ возраженія на книгу изданную при Патріархѣ Никонѣ, подъ именемъ скрижали; новая книга, ихъ облигавшая, жезлъ правленія, послужила къ временному обращенію Никиты, который призналъ свое заблужденіе и разрѣшился отъ соборной анаѳемы, постигшей прочихъ. Самыя дѣянія собора Стоглаваго, бывшаго основаніемъ суемудрыхъ толковъ, уничтожены рѣшеніемъ патріаршаго Московскаго собора, который имѣлъ почти достоинство Вселенскаго; потому что на немъ присутствовали представители Церкви Греческой вмѣсть съ Россійскими; такъ и въ древніе вѣка, меньшіе помѣстные соборы всегда исправлялись большими вселенскими. Сверхъ того опредѣлены были многія статьи, касавшіяся до внутренняго и наружнаго устройства перквиаго, и отмѣнены неправильно вкравшіеся обычай, какъ то перекрещиваніе приходящихъ къ намъ изъ Латинской Церкви, и запрещеніе священнослужевія вдовымъ священникамъ, и вѣкоторыя несвойственные привилегіи, данные архимандритамъ великихъ обителей.

Чинъ служенія архіерейскаго , принесенный Никону блаженнымъ Аѳанасиемъ Пателаріемъ , Патріархомъ Константинопольскимъ , былъ также сличенъ на соборѣ съ древними подлинниками Греческими , какъ всѣ уставы и требники , и признанъ единогласно подлиннымъ . Въ то же время , соображаюсь съ нуждами расширяющагося царства , разсудилъ соборъ возвысить изъкоторыя епархіи на степень митрополій , какъ то Астраханскую , Тобольскую и Рязанскую , и устроить новую Бѣлогородскую для вновь населенныхъ слободъ Украинскихъ ; возстановить празднія епархіи , Нижегородскую и Владимірскую , отдать по прежнему Пермскую отъ Вятской , учредивъ особую также въ Архангельскѣ . Древніе города , Черниговъ , Псковъ и Коломна , почтены архіепископіями , а митрополиты , Новгорода , Казани , Ростова и Рязани , облегчены Викаріями , назначенными въ Каргополь и Устюжну , въ Уфѣ , Угличѣ , Тамбовѣ и Воронежѣ . Предположено также открыть новыя епископіи въ Томскѣ и на Ленѣ , ради дальнихъ растояній отъ митрополіи Тобольской . — Столъ важнія учрежденія церковныя остались навсегда памятникомъ сего собора , па коемъ въ послѣдній разъ Церковь Греческая , личнымъ присутствіемъ своихъ высшихъ сановниковъ , оказала благодѣтельное участіе Церкви Россійской , искони почерпавшей отъ нея просвѣщеніе духовное .

Съ окончаніемъ собора удалился Александрійскій Патріархъ Паисій, Макарій же Антіохійскій на слѣдующій годъ; оба съ богатою милостынею, честію и дарами Но хотя обратился одинъ изъ лжеучителей, попъ Никита, а другой Павелъ, бывший Епископъ Коломенскій, соборнымъ опредѣленіемъ заточенъ въ монастырь Палеостровскій, однакоже продолжали дѣйствовать прочіе, тщетно наказываемые или ссылаемые въ Сибирь. Суетныя опредѣленія Стоглава служили имъ опорою въ миѳніи народномъ, вмѣстѣ съ старопечатными книгами Патріарховъ и вкравшимся, не болѣе какъ за сто лѣтъ, обычаемъ неправильнаго перстосложенія; а между тѣмъ не всякий могъ распознать истину исправленій соборныхъ.

Печальный примѣръ заблужденія явила древняя лавра Соловецкая, которая еще недавно, во время военныхъ дѣйствій, не пожалѣла 50,000 серебряныхъ рублей въ пособіе государству, и отразила новые набѣги Шведовъ. Сіе самое воинское ея положеніе послужило виною и средствомъ мятежа. Стрѣльцы и казаки, посланные для защиты острова, занесли туда плевелы раскола, и соединясь съ нѣкоторыми изъ монашествующихъ и ссылочныхъ, преодолѣли благонадежную часть братій; долго таилась искра, до колѣ наконецъ вспыхнула. Еще съ 1556. года, присланная въ лавру богослужебныя книги бы-

ли оставлены, и служение продолжалось по старымъ; вскорѣ послѣ собора Московскаго обнаружился расколъ, непокорностию келаря и казначея съ братіею, противъ архимандрита Варѳоломея. Они написали челобитную къ Царю, исполненную суетныхъ мудрований, которая и донинѣ въ великомъ уваженіи у заблуждающихся, и не приняли къ себѣ новаго архимандрита Іосифа. Однакоже мятежный келарь Савватій былъ выведенъ изъ лавры, вмѣстѣ съ ссылнымъ княземъ Львовыемъ, который будучи начальникомъ непечатнаго двора, благопріятствовалъ порчу служебныхъ книгъ и заразилъ собою обитель; но утьщательная граматы Царя остались тщетными: слабымъ показался и отрядъ воинскій противъ 1600 мятежниковъ, засѣвшихъ въ лаврѣ съ пушками, припасами и казною; а между тѣмъ лжеучители ихъ расходились по всему окрестному поморію, распространяя ересь и беззначаіе въ предѣлахъ Олонецкихъ, гдѣ устроились многочисленные скиты такъ называемыхъ Поморянъ. Не ранѣе, какъ чрезъ десять лѣтъ, воевода царскій Мещериновъ, съ дружиною стрѣльцовъ, послѣ долгой осады, взялъ приступомъ лавру и возвратилъ ее православію, когда зло уже пустило глубокіе корни въ окрестностяхъ и даже въ дальней Сибири.

Не болѣе успѣшины были и гражданскія обстоятельства сей второй эпохи царствованія Алек-

съя Михайловича. Поданія монастырей, подобныхъ Троицкому и Соловецкому, не могли покрывать чрезвычайныхъ расходовъ разорительной войны Польской; произошла перемѣна въ монетѣ и мѣдные деньги возбудили сперва ропотъ народный, а потомъ мятежъ, напомнившій первые бунты стрѣлецкіе. Война Шведская, столь бесполезная для Россіи, окончилась уступкою обратно всѣхъ областей, завоеванныхъ оружіемъ нашимъ въ теченіи шести лѣтъ; но Польская продолжалась съ обоюдными успѣхами и неудачами. Самая Малороссія временно отпала отъ державы Московской, измѣною гетмана Виговскаго, избраннаго вопреки законныхъ правъ сына Хмельницкаго Юрія. Мечтая о совершенной независимости Украины, плѣнился онъ ложными обѣщаніями Польши, о свободѣ гражданской и духовной, и обагрилъ кровью благословенную страну, присоединеніе кой не стоило ни единой капли. Поляки и хищные Крымцы воспользовались ея неустройствомъ, чтобы грабить подъ видомъ союзниковъ, то Виговскаго, то Юрія. Самъ Юрій явился за булавою отца своего, былъ признанъ Россіею, измѣнилъ и кончилъ иночество, воцвѣть лѣтъ, странное и бурное свое поприще, передавъ гетманство Запорожское Тетеръ, Опаръ и потомъ Дорошенкъ. Старшіе воеводы царскіе Трубецкой, Ромодановскій, Шереметевъ, теряли сраженія, отъ несогласій мѣстническихъ, посреди

междоусобія обѣихъ Українъ. Но если измѣнили казаки Заднѣпровскіе, то поселившіеся на Русской сторонѣ, твердо держались Царя Московскаго, подъ предводительствомъ храбраго атамана Самки и новаго гетмана сей части Україны, Брюховецкаго.

Въ столь же печальному растройствѣ находилась, со времени кончины Сильвестра Коссова, Киевская іерархія, страдавшая внутренними раздорами. Митрополитъ Діонисій Болобанъ, нареченный изъ Епископовъ Луцкихъ, съ согласія царскаго, въ Переяславль, не хотѣлъ принять посвященія отъ Патріарха Московскаго, и потому блестителемъ митрополіи присланъ былъ въ Киевъ, Меѳодій посвященный въ Епископы Мстиславскіе; а Діонисій скончался въ Корсунѣ, и на его мѣсто духовенство избрало въ Чигиринъ 1664. новаго Митрополита Іосифа Тукальскаго, изъ Епископовъ Могилевскихъ, по уважению къ тѣмъ гоненіямъ, какія претерпѣлъ онъ отъ Уніатовъ. Но гетманъ Заднѣпровской Україны, съ своей стороны, благопріятствовалъ Антонію Епископу Винницкому. Явился въ послѣдствіи и третій искатель Киевскаго престола, Іосифъ Архіепископъ Львовскій, надѣявшійся на покровительство Польши, который чрезъ иѣсколько лѣтъ, по неудовлетворенному честолюбію, перешелъ со всею єпархіею въ Унію.

Бѣдствіенно было святительство Іосифа въ

Чигирина, именемъ только Митрополита; знаменитый воевода Польши Чернецкій, взялъ его въ пленъ, вмѣстъ съ архимандритомъ Юріемъ Хмельницкимъ, и послѣ трехлѣтняго заточенія, уже не смѣлъ онъ идти въ Кіевъ, по оставался въ Вильне до заключенія перемирія Андрусовскаго. Смоленскъ и Черниговъ опять достались Россіи, а княжество Литовское Польши; Украина же, раздѣленная между обѣими державами, разбита 1667. была на два гетманства. Тогда Митрополитъ обратился къ храброму гетману Чигирицкому, Доронинку, и укрѣпилъ его своимъ присутствіемъ. Перемиріе поколебало довѣренность духовенства Малороссійскаго: хотя Царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ себя защитникомъ православія противъ Унії, требуя прекращенія гоненій; но самій Кіевъ, по условиямъ договора, долженъ былъ чрезъ два года поступить во владѣніе Польши; а воеводы царскіе нарушали права и льготы Украины, такъ что и самій гетманъ Брюховецкій измѣнилъ Россіи, предъ своею кончиною.

Между тѣмъ архимандритъ Печерскій, Иппокентій Гизель, тщетно испрашивалъ, соборною граматою, избрания новаго Митрополита, ибо два старѣйшіе Епископа, Лазарь Черниговскій и Меѳодій Мстиславскій, находились въ Москвѣ на судѣ патріаршемъ, и духовенство Украинское приуждено было прибѣгать иногда къ Митрополиту Госифу въ Чигиринъ. Блюститель Меѳодій,

скорѣ по возвращеніи въ Кіевъ, взятъ былъ гетманомъ Дорошенкою и лишенъ сана Митрополитомъ Іосифомъ; онъ спасся изъ заточенія въ Москву, но тамъ, уличенный въ преступныхъ сношеніяхъ съ гетманомъ Брюховецкимъ, кончилъ дни въ монастырѣ Новоспасскокъ. Архіепископъ Черниговскій Лазарь застунилъ его мѣсто въ краткое правленіе гетмана Многогрѣшнаго, и при мужественномъ Самойловичѣ, который соединилъ наконецъ обѣ Україны подъ свою булаву. Такъ отчаянно было положеніе Кіева, что гетманъ и блеститель предлагали перенести митрополію, изъ древней столицы православія, въ Переяславль или Черниговъ, а Митрополитъ Іосифъ, чтобы избавиться отъ двухъ соперниковъ, Винницкаго и Львовскаго, испросилъ себѣ отъ Патріарха Константинопольскаго Меѳодія утвердительную грамату. Онъ скончался однакоже въ Чигиринѣ, лишившись своего покровителя гетмана Дорошенки, который наконецъ покорилъ оружію Русскому, когда уже большая часть Заднѣпровской Україны, съ Каменцемъ Подольскимъ, находилась во власти призванныхъ имъ Турковъ, и новый Король Польскій, мужественный Янъ Собескій, съ помощію гетмана Україны, боролся противъ ихъ полчищъ.

Но покровительство Короля Яна не доставило, по смерти Іосифа, митрополіи Кіевской Архіепископу Львовскому, и самая его измѣна пра-

вославию не принесла ему личной выгоды: Упіаты уже имѣли въ Полоцкѣ собственаго Митрополита Кипріана. Столь же неуспѣшны были прописки другаго соперника Антонія Винницкаго; Лазарь, Архіепископъ Чернигова, пастырь опытный и добродѣтельный, продолжалъ заниматься дѣлами Кіевской іерархіи, вмѣстѣ съ ученымъ архимандритомъ Печерскимъ Иннокентіемъ Гизелемъ, до избранія новаго Митрополита.

Въ то время, когда гетманъ Дорошенко, добогаясь совершенной независимости, отъ Россіи и Польши, еще держался въ Чигиринѣ съ Митрополитомъ Іосифомъ, и всѣ усилия Царя обращены были на Україну, явился другой возмутитель казаковъ, совсѣмъ иного духа и характера, Стенька Разинъ. Собравъ шайку удальцевъ, онъ свирѣпствовалъ съ нею по Волгѣ, Уралу и берегамъ Каспийскаго моря, взялъ Саратовъ, Астрахань и умертвилъ тамъ воеводу и Митрополита Іосифа. Число приверженцевъ его возрасло при ложной вѣсти, имъ разсѣянной, будто бы Царевичъ Алексій, не давно умерший, живъ и находится въ его станѣ вмѣстѣ съ Патріархомъ Никономъ, избавленнымъ имъ изъ заточенія. Несудачная осада Симбирска поколебала счастіе Разина; атаманъ Донскихъ войскъ довершилъ начатое воеводами царскими, схватилъ самаго мятежника и представилъ на казнь въ Москву.

Это было послѣднее, сильное потрясеніе

державы Алексея Михайловича; въ остальные годы его правления, дѣла вицьшнія и внутреннія, начинали мало по малу приходить въ устройство. Кромѣ походоиъ Украинскихъ противъ Дорошенки и набѣговъ Крымскихъ, Царь находился въ мирѣ съ прочими сосѣдами и отправлялъ посланства свои во всѣ Европейскія государства, даже въ Китай, для распределенія восточныхъ, не престанно расширявшихся, предѣловъ нашихъ. Мирна была Швеція; Польша, враждебная столько лѣтъ, ослабѣла въ царствованіе Яна Казимира, который испыталъ болѣе бѣдствій, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ; послѣдній изъ дома Вазы, оставляя добровольно корону, онъ предвидѣлъ будущее раздѣленіе своей державы между Россіею, Австріею и Пруссіею. Преемникъ его, Михаилъ Вишневецкій, уже искалъ союза съ Москвою, уступивъ ей на всегда Киевъ, а перемиріе Андрусовское обратилось въ мирѣ при славномъ побѣдителѣ Туровъ, Король Янъ Собіескому, который избранъ былъ послѣ Михаила, хотя въ числѣ искателей престола Польскаго находился Царевичъ Феодоръ Алексѣевичъ. Но Феодору готовился другой, болѣе прочный престолъ Московскій, и славный преемникъ въ новорожденномъ братѣ; — Царь Алексѣй Михайловичъ, по кончинѣ первой супруги Маріи, сочетался бракомъ съ воспитанницею боярина Матвѣева, Наталиею, изъ рода Нарышкиныхъ, и

благословеннымъ плодомъ сего брака былъ великий Петръ. Его исполинскому гению предстояло довершить начатое отцемъ устроеніе царства, и велика была радость о его рожденіи для всей Россіи, какъ бы предчувствовавшей кто ей родился!

8. Питиримъ.

Въ однихъ только дѣлахъ церковныхъ не обрѣталъ сердечнаго утѣшенія Царь Алексѣй Михайловичъ, ибо чувствуя необходимость удаленія Никона, онъ не могъ забыть взаимнаго съ нимъ обѣта дружбы и тревожился духомъ, будучи лишеннъ его благословенія. А между тѣмъ уже послѣ Никона, три Патріарха смѣнились предъ его очами, какъ бы въ тайный ему укоръ, когда самъ бывшій Первосвятитель все еще томился въ заключеніи. По смерти кроткаго Іоасафа, выборъ духовенства, падая всегда на старѣшаго, поставлять въ Патріархи людей непріязненныхъ Никону. Такъ Питиримъ, Митрополитъ 1673. Новгородскій, послѣ десятимѣсячнаго правленія, уступилъ мѣсто другому владыкѣ Новгорода, Иоакиму, изъ дворянскаго рода Савеловыхъ, который будучи архимандритомъ Чудовскимъ, вмѣсть

съ Митрополитомъ Павломъ Крутицкимъ, отымаль
иъкогда у Патріарха Никона посохъ чудотворца
Петра. Живъ былъ еще и сей Павелъ, занимав-
шійся въ послѣдніе годы своей жизни, съ Епи-
фаніемъ Славенецкимъ и другими учеными мужа-
ми, исправленіемъ перевода библіи, съ Греческа-
го на Славянскій языкъ, но трудъ ихъ остался не-
окончаннымъ, по случаю скорой кончины.

9. Іоакимъ.

Алексѣй Михайловичъ облегчилъ строгое
сперва заключеніе Никона и велѣлъ отбить же-
лѣзные затворы съ оконъ и дверей его келліи,
такъ что онъ пользовался совершеніою свободою
въ монастырѣ, и имѣлъ домовую церковь, гдѣ
продолжалъ служить святительски съ раздѣлявшими
его заточеніе иночами; а Государь непре-
станио посыпалъ ему богатую милостыню, пи-
щу и утварь церковную, какъ бы забывъ о его
соборномъ низложеніи, и даже въ духовномъ за-
вѣщаніи назвалъ его отцемъ своимъ, великимъ
господиномъ, святѣйшимъ іерархомъ и блажен-
иѣйшимъ пастыремъ. Смирялась постепенно и
луша Никона съ душею Царя: чуждавшійся
виначалъ всякихъ подаяній, онъ началъ въ послѣд-
ствіи принимать ихъ, и съ любовию писаль гра-

маты къ Государю, ожидая возвращенія въ обитель Воскресенскую, постоянный предметъ его заботъ, гдѣ изготавилъ себѣ подъ Голгоѳою могилу. Не хотѣть онъ взять денегъ, для поминовенія Царицы Маріи, почитая долгомъ молиться за упокой ея; радовался новому браку царскому и рождению Петра, и горько прослезился о кончинѣ Государя.

Во глубинѣ своего уединенія услышалъ Никонъ о сей кончинѣ, и вздохнувъ сказалъ: «воля Божія да будетъ; если здѣсь и не простили съ нами, то въ страшное пришествіе Христово судиться будемъ.» Присланный просилъ у него отпустительной граматы усопшему; Никонъ же, разрѣшая на словахъ, не далъ граматы, чтобы не казалась она вынужденою отъ лишенаго свободы. Скоро постигли его новыя испытанія. Пользуясь слабостію юнаго Царя Феодора и нелюбовію Патріарха Іоакима, прежніе недоброжелатели Никона оклеветали монастырскую жизнь его, не устыдились даже обличать въ участіи съ мятещикомъ Разинымъ и въ нечистой жизни старца, коего иночество было непорочно съ юныхъ днѣй. Изъ Ферапонтовой обители, сдѣлавшейся почти его собственностью, былъ онъ переведенъ въ Кирилловъ укрѣпленный монастырь, подъ строжайшій надзоръ, и еще три года томился тамъ въ душныхъ келляхъ, забытый Царемъ и Патріархомъ.

Были однакоже и иѣкоторые доброжелатели Никона при дворѣ царскому; въ томъ числѣ воспитатель Феодора, іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, который получилъ образованіе въ училищахъ западныхъ, но вмѣстѣ съ глубокою ученостью, почерпнуль тамъ и иѣкоторыя миѣнія Римской церкви. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на умъ тихаго Государя и благопріятствовалъ начально му образованію Петра, котораго тщетно искали удалить отъ царственнаго брата Милославскіе, уже успѣвшіе сослать въ заточеніе добротельнаго боярина Матвѣева. Патріархъ Іоакимъ съ неудовольствіемъ встрѣчалъ, въ Симеонъ Полоцкому, сильнаго себѣ противника при особѣ Государя, и сходился съ нимъ мыслю только въ общемъ стремленіи къ просвѣщенію духовному, необходимость коего становилась тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе усиливались невѣжественные расколы.

Училище Греческаго и Латинскаго языка, начатое въ Москвѣ еще при Патріархѣ Филаретѣ, разширенное и устроенное Никономъ, не казалось достаточнымъ Симеону. Онъ внушилъ Царю, склонному къ ученымъ занятіямъ, завести въ Москвѣ, при Заиконоспасской обители, академію духовную, по подобію Киевской, и Царь обратился къ Патріархамъ Вселенскимъ съ просьбою граматою, о присылкѣ къ нему православныхъ учителей, для новой академіи. Два

значенитые брата Кефалонійскіе, іеромонахи Іоанникій и Софоній Лихуды, отпущены были съ благословенія Патріарховъ въ Россію, но уже не застали въ живыхъ, ни Царя, ни Симеона Полоцкаго, и послѣдующее устройство академіи было плодомъ заботливыхъ стараний святѣйшаго Іоакима.

Межу странными мыслями, которыя блуждали въ предпримчивомъ и мечтательномъ умѣ Симеона Полоцкаго, сохранившаго въ себѣ отпечатокъ Запада, было и то, чтобы учредить въ Россіи двѣнадцать новыхъ митрополій и четырехъ Патріарховъ, на мѣсто митрополитовъ Новгорода, Казани, Ростова и Крутицъ, по примѣру Вселенскихъ четырехъ престоловъ, а сходно съ іерархіею Римскою, одного Папу надъ всѣми; Папою же предполагалъ онъ Никона, чтобы уничижить непріязненнаго ему Іоакима. Но сія странная мечта Симеона разсвѣлась съ астрологическими гаданіями, бывшими любимымъ предметомъ его занятій, по духу того времени. Но ему также суждено было расположить добродушнаго Феодора къ облегченію участіи своего крестнаго отца. Мудрая тетка, Царевна Татіана Михайловна, всегда благопріятствовавшая Никону, убѣдила Царя посѣтить его забытую обитель Нового Іерусалима и принять, отъ оставленной тамъ братіи, членобитную о возвращеніи ея основателя. Пораженный величіемъ зданій,

начатыхъ по образцу Св. гроба, Государь велѣлъ продолжать ихъ и, движимый состраданіемъ, предложилъ на соборъ дозволить старцу Никону умереть въ начатой имъ обители. Долго оставался непреклоннымъ Патріархъ, доколъ наконецъ вѣсть о принятии схимы и совершенномъ изнеможеніи Никона тронула его сердце.

Въ самый тотъ день, когда пришло въ Кирилловъ монастырь милостивое разрѣшеніе Царя и Патріарха, Никонъ, еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и къ общему изумленію велѣлъ собираться своей келейной братіи. Съ трудомъ посадили въ сани изнуренного болѣзнями старца, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шекснѣ, по которой спустился въ Волгу; здѣсь привѣтствовали его посланные отъ братіи Воскресенского монастыря, Никонъ велѣлъ плыть Волгою внизъ къ Ярославлю, и причаливъ у Толгскаго монастыря, пріобщился запасныхъ даровъ, ибо начиналъ крайне изнемогать. Игуменъ съ братію вышли къ нему на срѣтеніе, и съ ними вмѣстѣ сосланный на покаяніе врагъ Никона, бывшій архимандритъ Сергій, который во время суда, содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Сему Сергію, заснувшему въ трапезѣ, въ часъ приплытия Патріарха, видѣлся сонъ: самъ Никонъ ему явился, говоря: «брате Сергіе востани, сотворимъ прощеніе!» и внезапно услышалъ онъ

что шествуетъ Волгою Патріархъ и братія уже потекла ему на встречу. Всльдъ за нею устремился Сергій и видѣл умирающаго, раскаянныи, со слезами паль къ его ногамъ и испросилъ себѣ прощеніе. Патріарху уже наступала смерть, когда опять тронулся стругъ по водамъ. Граждане Ярославскіе, слыша о его пришествіи, стеклись къ рѣкѣ, и вида старца на одрѣ смертномъ, съ плачомъ къ нему принадали, цѣлуя руки и одежды и проса благословенія; одни влекли вдоль берега стругъ, другіе же, бросаясь въ воду, имъ помогали: такъ причалили къ обители всемилюстиваго Спаса.

Изнемогающій страдалецъ уже ничего не могъ говорить, а только давалъ всѣмъ руку; діакъ царскій велиъ перевезти стругъ на другой берегъ, чтобы избавиться отъ толпы народной. Ударили въ колоколь къ вечерни, — Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, самъ онъ оправилъ себѣ волосы и браду и одежды, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ съ братіею прочитали отходныя молитвы. Патріархъ же распростершись на одрѣ и сложивъ крестообразно руки, вздохнувъ, — отошелъ съ миромъ. Между тѣмъ благочестивый Царь Феодоръ, не зная о его представлениіи, послалъ на встречу карету свою со множествомъ коней; когда же узналъ, прослезился и спросилъ: что завѣщалъ о своей духовной Никонъ? Услы-

шевъ же, что усопшій избралъ его, какъ крестнаго сына, своимъ душеприкащикомъ и во всемъ на него положился, кроткій Царь съ умиленіемъ сказалъ: «если такъ святѣйшій Никонъ Патріархъ возложилъ на меня всю надежду, воля Господня да будетъ, и я его въ забвѣніи не положу.» Онъ велѣлъ везти тѣло его въ Новый Іерусалимъ.

Новыя затрудненія возникли со стороны Патріарха Іоакима, о погребеніи Никона, которому не соглашался онъ воздать почестей святительскихъ, какъ лишенному сана Вселенскими Патріархами. Однакоже Государь убѣдилъ Корнилія, Митрополита Новгородскаго, дѣйствовать при погребеніи, безъ разрѣшенія Іоакима, и самъ участвуя въ трогательномъ обрядѣ, несъ на рунахъ своихъ Никона, отъ Элеонскаго креста, гдѣ нѣкогда вмѣстѣ съ царственнымъ отцемъ его, нарекалъ онъ новымъ Іерусалимомъ свою обитель, до той могилы подъ Голгою, гдѣ обрѣлъ себѣ вѣчный покой. Но и кроткому его погребателю оставалось не болѣе осьми мѣсяцевъ до тихаго перехода изъ царства временнаго въ вѣчное; онъ воспользовался симъ краткимъ срокомъ, чтобы испросить усопшему разрѣшительныя граматы у четырехъ Вселенскихъ Патріарховъ, которые единодушно пріяли его опять въ сонмъ Первосвятителей.

Такъ совершилъ странное и многомягкое свое теченіе сей знаменитый Іерархъ, имѣвший столь сильное влияніе на судьбы Российской Церкви, и около сорока лѣтъ занимавшій своею участію все царство, изъ коихъ пятнадцать протекли въ узахъ. Въ теченіе семидесятилѣтняго земного поприща Никонъ былъ современникомъ всѣхъ Российскихъ Патріарховъ: рожденный еще при первопрестольнике Иоаннѣ, отрокъ при Гермогенѣ, инокъ при великомъ Филаретѣ, настоятель обители при Іоасафѣ I, митрополитъ Новгорода при Іосифѣ, и узникъ при трехъ своихъ преемникахъ, Іоасафѣ II, Питиримѣ и Іоакимѣ, онъ скончался, когда послѣдній Патріархъ иванъ, Адріанъ, былъ уже архимандритомъ Чудовскимъ, а послѣдній мѣстоблюститель, Стефанъ Яворскій, сияль добродѣтелями въ южной Россіи, готовясь къ своему великому званію. Такъ огромное лицо Никона наполнило собою почти весь объемъ вѣка патріаршаго, въ лѣтописяхъ нашихъ.

Всё начинало устраяться въ тихое шестилѣтнее правленіе Феодора; усмирилась Малороссія и съ Портою заключенъ былъ миръ, прочный съ другими сосѣдами, Швеціею и Польшею. Однимъ словомъ Царя, на соборѣ духовныхъ и мірскихъ чиновъ государства, уничтожено, поувѣщанію патріаршему, пагубное мѣстничество,

которое причиняло столько бедствий России, и торжественно сожжены книги разрядные. Благодействовала и Церковь, ибо, содействием Государя, бдительный пастырь Иоакимъ угашалъ расколы, распространялъ просвещеніе въ училищахъ духовныхъ, и даже, для лучшаго надзора за духовенствомъ и паствою, хотѣлъ учредить въ расширяющемся царствѣ, до пятидесяти кафедръ епископскихъ, мѣстныхъ и викарныхъ. Предпріятіе рушилось со смертію Феодора, и государство временно погрузилось въ смуты и волненія, изъ коихъ исторгla его только мощнaя десница возмужавшаго Петра.

1682. Непостовый стрѣлецкій бунтъ былъ началомъ золъ, когда Патріархъ, съ благонамѣренными боярами, превозгласилъ на царство, вместо болѣзненнаго Иоанна, десятилѣтняго бодраго отрока Петра, подъ управлениемъ матери Царицы Наталии и добродѣтельнаго боярина Матвѣева. Честолюбивая сестра ихъ, Царевна Софія, дѣйствуя втайне съ родственными ей Милославскими, взволновала стрѣльцовъ, и жертвами ихъ сдѣлались, въ теченіи трехдневнаго бунта, Матвѣевъ, Нарышкины и всѣ бывшия опоры царствованія Алексія и Феодора; едва не погибъ самъ Патріархъ, устремившійся съ Краснаго крыльца увѣщевать толпу. Вынужденное превозглашеніе Иоанна, для соцарствія Петру, и приглашеніе Софіи управлять съ малолѣтними бра-

тіями, были плодами первого мятежа стрѣлецка-го, стоявшаго отечеству столько драгоценной крови.

Скоро смятеніе гражданское, приняло личи-
ну церковнаго. Пользуясь слабостю правитель-
ства, попъ Никита пустосвѧть, вторично отпав-
шій въ расколъ, сталъ собирать за Яузою и на
лобномъ мѣстѣ грубую чернь, для защиты будто
бы православія отъ лютыхъ волковъ, какъ на-
зывалъ онъ все духовенство. Наглость его дошла
до такой степени, что съ толпою единомышлен-
никовъ ворвался онъ въ Кремль и, поставивъ
налон съ иконами у Архангельского собора, тре-
бовалъ на состязаніе самаго Патріарха, который
служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ; — вы-
сланный къ немъ священникъ едва спасся. То-
гда для усмиренія черни, оба Царя велѣ-
ли собраться въ свои палаты всѣмъ архіере-
ямъ, и мятежники позваны были предъ ми-
це Патріарха, семи Митрополитовъ, пяти Архі-
епископовъ и двухъ Епископовъ, въ числѣ коихъ
находился новопоставленный святитель Воронежа
Митрофанъ. Пустосвѧть, сильно опровергаемый
во всѣхъ своихъ доводахъ, краснорѣчивымъ Ар-
хіепископомъ Холмогорскимъ Аѳанасіемъ, въ по-
рывѣ ярости бросился задушить его, но былъ
удержанъ окружающими, и отрокъ Царь, грозно
воставъ съ престола, посреди общаго смяте-
нія, твердымъ словомъ изгналъ буйную толпу.

Скопище разсѣялось, пристыженное бѣснованіемъ своего лжеучителя, котораго постигъ тяжкій припадокъ на площади, гдѣ былъ казненъ; но тайные приверженцы его не переставали распускать вредные толки, особенно между стрѣльцами и въ окрестностяхъ столицы.

Изъ числа ихъ, два священника, Косма и Степанъ, устрашившись участія Пустоевія, бѣжали сперва въ Малороссію, въ Стародубовскій полкъ а потомъ въ сосѣдніе предѣлы Польши, и основались тамъ на рѣкѣ Вѣткѣ; а ихъ преемникъ, Феодосій, устроилъ церковь, гнѣздо такъ называемой Поповщины, т. е. раскольниковъ, принимавшихъ священство, но не иначе, какъ бѣглыхъ поповъ. Другой, гораздо злѣйшій расколь Бездоповщины, который утверждалъ, что со временія Никона истребилась благодать священства и настало время Антихриста, укоренился на сѣверѣ, подъ именемъ Поморянъ, и въ Сибири, подъ разными названіями лжеучителей; ибо по свойству каждого изъ нихъ, онъ раздѣлился на множество толковъ, враждебныхъ другъ другу. Невѣжество и суевѣріе доходили до высшей степени изувѣрства. Олонецкіе, Нижегородскіе и Сибирскіе послѣдователи попа Аввакума, и чернеца Іосифа Армавіна, сосланныхъ въ Сибирь еще при Никонѣ, сожигали себя торжественно цѣлыми семействами, ради

небесной награды, мечтая быть вольными мучениками. Недалеко отъ Палеостровского монастыря, гдѣ содержался и умеръ Павелъ, бывшій Епископъ Коломенскій, образовались многіе скиты Поморянъ, подкрепленныхъ мятежниками Соловецкими, которые заблаговременно ушли изъ осады; и два брата, Андрей и Семенъ Денисовы, изъ древняго рода князей Мышецкихъ, основались въ Выгорецкомъ Олонецкомъ скиту, собирая всѣми средствами рукописи и книги, для прельщенія неопытныхъ.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, церковныхъ и гражданскихъ, неусыпно стоялъ на стражѣ мудрый Патріархъ Іоакимъ; то содѣствовалъ онъ къ укрощенію стрѣльцовъ, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ своеволія, потому что начальники ихъ приказа, князья Хованскіе, изъ видовъ конечно не духовныхъ, благопріятствовали расколу, какъ сильному двигателю мятежей; то обличалъ соборными поученіями еретиковъ. Книга его, увѣтъ духовный, и многія посланія остались памятниками сего печального времени. Скоро принужденъ былъ Патріархъ вооружиться противъ новаго толка, принесеннаго съ запада, о времени пресуществленія святыхъ даровъ. Ученикъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медведевъ, будучи настоятелемъ Запконоспаскаго монастыря, неправильно утверждалъ, по пре-

даніямъ Римскимъ, что не чрезъ призываніе Духа Святаго и благословеніе даровъ, а самыми словами Спасителя, «пріимите и ядите» и «пийте отъ нея вси» прелагаются хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христовы. Два знаменитые брата Іонійскіе, Софроній и Іоанникій Лихуды, присланы Вселенскими Патріархами, были первыми обличителями сего заблужденія и взошли съ Сильвестромъ въ состязаніе письменное, въ которомъ многіе приняли участіе.

Подъ покровительствомъ просвѣщенаго пастыря, основались они сперва въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ училище ихъ, составленное изъ малаго числа дворянъ и духовныхъ, въ короткое время оказалось необычайные успѣхи; потомъ, во вновь устроенномъ для нихъ домѣ, при Запконоспасской обители, ихъ неусыпными трудами процвѣла Славеногрекороссійская академія. Но ревніость Лихудовъ къ просвѣщенню и православію, достаточно оцѣненная при Патріархѣ Іоакимѣ, подвергла ихъ долгому заточенію при его преемникѣ. Хотя Сильвестръ, обличенный ихъ писаніями, лишенъ былъ сана Іоакимомъ, который созывалъ противъ него соборъ и спрашивалъ даже, для большей твердости, Епископовъ Малороссійскихъ о семъ догматѣ, однакоже мніе нашлись оскорблennыми, заботливостію ученихъ братьевъ, о чистотѣ ученія Восточнаго.

Церковь Малороссийская уже взошла тогда въ составъ іерархіи нашей, и это было однимъ изъ блестящихъ дѣяний патріаршества Іоакимова. Когда успокоплись обѣ Україны, подъ обладаніемъ гетмана Самойловича, и Король Іоаннъ Собіескій склонился на заключеніе вѣчнаго мира, уступивъ Кіевъ и Смоленскъ, — настало время устроить и митрополію Кіевскую, двадцать восемь лѣтъ находившуюся безъ настоящаго пастыря, съ одними только блюстителями; всѣхъ долѣе былъ Лазарь Архіепископъ Черниговскій.

Старецъ сей уже дряхлый годами, вмѣсть съ ученымъ архимандритомъ лавры, Варлаамомъ Ясинскимъ, дѣстойнымъ преемникомъ Иннокентія Гизеля, стояли въ числѣ кандидатовъ престола Кіевскаго; но выборъ палъ на Епископа Луцкаго Гедеона, Князя Четвертинскаго, который удалился изъ своей епархіи, по гонению уніатовъ и притязанію Епископа Львовскаго, Іосифа, домогавшагося получить ее для своего брата. Гетманъ, преданный Россіи, желая крѣпчайшаго съ нею союза, настаивалъ, чтобы новый Митрополитъ Кіевскій шелъ рукополагаться къ Патріарху Московскому и находился въ полной отъ него зависимости, на что не соглашались ни Лазарь, ни Варлаамъ, поддерживая права Царградскаго престола. Когда же Гедеонъ, принятый съ чрезвычайною честною въ Москвѣ, поставленъ былъ Іоакимомъ въ Митрополиты Кіевскіе

Галицкію и всея Малыя Россіи, съ подчиненіемъ ему Черниговской архіепископії, лавры Печерской, и эпархій южной Россіи, — тѣ же лица опять воспротивились сему опредѣленію, и Патріархъ Іоакимъ принужденъ былъ признать лавру ставропигіальною, а Черниговъ старшею въ Россіи архіепископією, не подлежащею Кіеву.

Тогда гетманъ и оба Царя, чтобы успокоить духовенство Украинское, отправили посланниковъ въ Константинополь, съ просительными граматами къ Патріархамъ, о утверждениі Кіева за престоломъ Московскимъ, для огражденія его отъ Унії; и два Патріарха, Діонисій Цареградскій и мудрый Досиоей Іерусалимскій, торжественными граматами, признали сіе окончательное присоединеніе іерархіи Кіева и всего юга къ Велико-Россійской. Такимъ образомъ кончился долгій разрывъ двухъ единовѣрныхъ Церквей, продолжавшійся болѣе двухъ съ половиною столѣтій, съ тѣхъ поръ какъ Витовтъ, вынужденнымъ назначеніемъ Григорія Симвлака въ Митрополиты Кіевскіе, отвлекъ южную Россію отъ союза духовнаго съ Москвою.

Но съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи, уничтожились въ теченіе не многихъ лѣтъ, прочія православныя эпархіи въ Литвѣ и Польшѣ: Львовская, Перемышльская, Луцкая, кромѣ одной Могилевской. Правительство Польское, подоб-

но Витовту, страшилось сей зависимости церковной, и новыя, сильнейшія гоненія, несмотря на благопріятныя условія, недавно заключеннаго мира, истребляли остатокъ православія въ областахъ Польскихъ; а Уніатскій архіепископъ Полоцка, съ титломъ Митрополита Кіевскаго и всея Руси, назначалъ постепенно Епископовъ на мѣста управляющихъ, или вытѣсненныхъ имъ архіереевъ благочестивыхъ.

Межу тѣмъ произошла важная перемѣна въ государствѣ. Петръ, входя въ возрастъ и мужая не по лѣтамъ, убѣгалъ праздной жизни паздѣ Кремлевскихъ; жаждущій познаній, онъ пользовалъся, для своего образованія, совѣтами выходца Женевскаго Лефорта, и самъ обучался въ упражненіяхъ воинскихъ, съ избранными дворянами своей потѣшной роты, обнаруживая явное негодованіе къ правленію сестры своей, Царевны Софіи. Временщикъ и любимецъ ея, Князь Василій Голицынъ, несмотря на два неудачные похода въ Крымъ, осыпанъ былъ почестами, и сложилъ вину свою на гетмана Самойловича; — невиннаго сослали въ Сибирь, а на мѣсто его назначили изъ эсауловъ хитраго Мазепу. Въ столь же неустроенному положеніи находились и дѣла внутреннія. Семнадцатилѣтній юноша, исполненъ тѣломъ и духомъ, гнушался властію женскою и требовалъ, чтобы сестра отступила отъ почестей царскихъ. Такъ рѣшительна была

его воля, что однажды, во время торжества церковного, не захотѣлъ онъ идти съ нею рядомъ, и съ гнѣвомъ уѣхалъ въ село Преображенское, обычное мѣсто его царственныхъ занятій. Новый бунтъ Стрѣлецкій, возбужденный Софию, и заговоръ на жизнь юнаго Царя, были следствіемъ отважнаго поступка. По Петръ имѣлъ доброжелателей и заблаговременно извѣщеній, успѣль удалиться въ лавру Троицкую, куда мало по малу собирались къ нему члены царскаго дома и самъ Патріархъ. Стрѣлецы, смятенные новою неудачею, успокоились и съ повинными головами ожидали въ столицу Царя. Открылась и виновница матежа, довѣренностию коей пользовался Шакловитый, начальникъ стрѣлецкаго приказа. Тщетно Царевны и Патріархъ умоляли Петра о прощеніи Софіи; всѣ они убѣдились сами въ ея преступныхъ замыслахъ. Тщетно сама Софія отправилась въ лавру просить помилованія; ее не допустили до брата; заговорщики преданы были казни; она же пострижена неволею въ Поводѣвичьемъ монастырѣ, изъ честолюбивой Софіи въ смиренную Сусаниу. Петръ сдѣлался самодержавнымъ властителемъ Россіи, ибо болѣзnenный Іоаннъ властноволъ только именемъ: пребывая постоянно въ Москвѣ, давалъ онъ возможность предпримчивому брату странствовать по Россіи, испытывать ея жизненные силы, и примѣрять свой исполинскій гений къ исполинской державѣ.

въ, которая, по мощному его глаголу, должна была впезапно воспрянуть, чтобы возрасти въ девятую часть міра.

Въ одно время скончались оба Іерарха, Малой и Великой Россіи: мѣсто Митрополита Кіевскаго застушилъ настоятель Печерскій Варлаамъ, и пришелъ также за посвященіемъ въ Москву, но уже не засталъ въ живыхъ Патріарха Іоакима. Благопріятствовавшій избранию и вторичному воцаренію Петрову, истиинный блеститель царства въ малолѣтство обоихъ Государей, и ревнитель просвѣщенія при любознательныхъ Феодорѣ и Софії, Іоакимъ только одинъ годъ управлялъ Церковію при державѣ юнаго Петра. Вмѣсть съ матерію его, благочестивою Царицею Наталиею, скорбѣль онъ о духѣ нововведеній и пристрастій къ обычаямъ иноземнымъ, которыя уже тогда обнаруживались въ царственномъ юношѣ. Чувства сіи излилъ онъ въ краснорѣчивомъ завѣщаніи, умоляя Царя твердо держаться преданій отечественныхъ, какія пріядъ отъ предковъ, для утвержденія земли Русской.

10. АДРІАНЪ.

1690. Къ сожалѣнію, послѣ столь замѣчательнаго пастыря, избранъ былъ на престолъ патріаршій старець, Митрополитъ Казанскій Адріанъ, хотя и украшенный добродѣтелями святительскими, но не постигавшій необходимости тѣхъ преобразованій, какія кипѣли въ творческой груди Петра, и какихъ усиленно требовали самыя обстоятельства; потому что со времени Царя Алексея Михайловича и предпріимчиваго Никона, все въ государствѣ шло къ постепенному образованію, хотя не столь быстро, какъ дѣйствовалъ Петръ. До слуха царскаго часто доходили неблагопріятныя сужденія бояръ и святителей, о всѣхъ его предпріятіяхъ; — по несчастію, сообщество его съ иноземцами, низкаго сословія, призванными для сооруженія флота и обученія войскъ, давали поводъ къ молвѣ, и осуждавшіе не умѣли отличать великихъ дѣяний отъ слабости человѣческой. Съ своей стороны Петръ, отъ юныхъ дней прошедшій чрезъ столько испыта-

ний, и принужденный, во всемъ пылу юности, умѣрять гнѣвъ свой на полагавшихъ ему преносы, ибо и мать и старшій братъ раздѣляли отчасти мнѣнія бояръ и Патріарха, съ непріятнымъ чувствомъ смотрѣлъ на Адріана, какъ на представителя старины, боровшейся съ его свѣтымъ гениемъ. Творческій духъ Петра, со-здавъ однажды въ мысляхъ своихъ грядущую Россію, предметъ пламенной любви его, какъ будто уже видѣлъ ее предъ своими глазами, и раздражался, когда современники не угадывали того, что только черезъ сто лѣтъ могли наконецъ увидѣть потомки, — осуществленіе его идеала, Россію временія нашихъ.

Однакоже и Патріархъ, съ первостепенными архіереями и боярами, участвовалъ въ приношеніяхъ денежныхъ, для созданія флота Русскаго, когда Петръ, побѣдивъ собственное отвращеніе къ водѣ, на тихомъ озерѣ Переяславскомъ и на бурномъ морѣ Бѣломъ, началъ строить корабли въ Воронежѣ, для покоренія Азова. Тогда про-сіали пастырскія добродѣтели первого Епископа Воронежскаго Митрофана, нынѣ причтенаго уже къ лику святыхъ, въ которомъ нашелъ великий Петръ искренняго друга и помощника въ трудахъ своихъ, при устроеніи флота, а вмѣстѣ съ тѣмъ и твердаго ревнителя догматовъ церков-ныхъ, готоваго положить за нихъ душу.

Сіяли и другіе свѣтильники въ собравшей-

ся во едино Церкви Великой и Малой Россіи: на съверъ два ревностные обличители ересей со-временныхъ, Аѳанасій, Архіепископъ Холмо-горскій, и Митрополитъ Сибиріи Игнатій, изъ рода Римскихъ-Корсаковыхъ, словомъ и дѣломъ подвизались противъ пагубныхъ расколовъ, ко-ими заражены были ихъ отдаленныя епархіи; три посланія Игнатія заключаютъ въ себѣ, вмѣстѣ съ пастырскими увѣщаніями, описание злого начала ересей, и самъ Патріархъ Адріанъ, по-дражая предшественнику своему, написалъ про-тивъ нихъ книгу обличительную, названную щитомъ вѣры православной. На югъ же, подъ отеческимъ крыломъ мудраго Варлаама Яспинского, явились два свѣтлыхъ лица, имѣвшія въ послѣдствіи столь сильное вліяніе на судьбу Всероссійской Церкви: святый Дмитрій и Сте-фанъ Яворскій. Первый изъ нихъ, получивъ превосходное образование въ училища Кіев-скихъ и Литовскихъ, долго уединялся въ обите-ли Батурина, мѣстопребываніи гетмановъ; тамъ поручилъ ему Варлаамъ начатое Петромъ Моги-лою и Иннокентіемъ Гизелемъ, описание жи-тія святыхъ, Греческихъ и Россійскихъ, которые собраны были въ рукописяхъ великой четви-иниціи Митрополита Макарія, при Іоаннѣ IV. Обширный и назидательный трудъ сей, поощ-ряемый похвальными граматами Патріарха Адріа-на, занялъ все теченіе благочестивой жизни Св.

Димитрія, и какъ богатое сокровище утѣшений духовныхъ, досель питаетъ Христіанскія души, возбуждая ихъ къ подраженію святымъ подвижникамъ. А Стефану, тѣгда еще проповѣднику слова Божія въ Кіевѣ, предназначено было многотрудное поприще, пасти всю Церковь Россійскую и слѣдовать, за исполинскими шагами предпріимчиваго Петра, стопою твердою и неуклонною отъ православія.

Послѣ завоеванія Азова, увѣнчавшаго словою 1696. первые ратные подвиги юнаго Царя, и послѣ кенчины брата Іоанна, означенованной для него новымъ стрѣлецкимъ бунтомъ, Петръ рѣшился удовлетворить страсти своей къ образованію, посвѣщеніемъ чужихъ земель; онъ поручилъ государство Князю Ромодановскому, съ титломъ Кесаря, родственнымъ боярамъ и Патріарху, а самъ пустился въ путь, вслѣдъ за великимъ посольствомъ, которымъ предводительствовалъ наставникъ его Лефортъ. Путь лежалъ чрезъ Пруссію въ Голландію, гдѣ сложивъ съ себя всяко величіе, Царь, простымъ работникомъ, посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ наукъ кораблестроенія, но съ отложеніемъ блеска наружнаго, еще болѣе просіявъ внутренній, какъ свѣтильникъ ярче горящій во мракѣ. Англія въ свою чреду представилась любознательному Петру; Императоръ Римскій Леопольдъ, договаривался съ

нимъ въ Вѣнѣ, о войнѣ и мирѣ съ Турциєю, которая при великомъ Солиманѣ, стала грозною для Европы. Кончина Иоанна Собіесскаго и выборъ новаго Короля беспокойной республикѣ Польской, озабочили также душу Петра; онъ благопріятствовалъ Курфирсту Августу Саксонскому, и послалъ въ помощь ему полки стрѣлецкіе; но походъ сей послужилъ виною послѣднаго ихъ бунта, и устроилъ возвращеніе Царя.

Страшная участь ожидала виновныхъ. Петръ, ожесточенный столькими мятежами, рѣшился совершенно истребить сіе всегдашнее гнѣздо бунта въ столицѣ. Многія тысячи были разосланы по дальнимъ городамъ; многія сотни осуждены къ торговой казни. — Тщетно Патріархъ, движимый человѣколюбiemъ, торжественно ходилъ съ иконою Владімірскою, умолять Петра о пощадѣ. Кротость пастыря еще болѣе раздражила Государя, который видѣлъ въ строгомъ наказаніи пользу общественную; онъ отвергнулъ ходатайство Адріана. Царевна Софія подверглась еще строжайшему надзору въ своихъ иноческихъ келіяхъ, за умыселъ стрѣльцевъ, которые желали видѣть ее опять на престолѣ, и съ нею въ обители пострижена была, въ то же время, другая сестра ея Марея, по неудовольствіямъ семейнымъ. Даже юная супруга Петрова, Царица Евдокія, изъ рода Лопухиныхъ, не избѣжалась сей горькой

учаси, по приверженности ея къ старому образу мыслей, столь непріязненному для Государя, и заключение въ обители Сузальской ожидало ее на все теченіе царствованія Петра.

По возвращеніи изъ за границы, еще болѣе обнаружилась склонность его къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, которыя рѣшился постепенно ввести между своими подданными, чтобы тѣмъ скорѣе сблизить ихъ съ образованіемъ Европейскимъ; бороды и кафтаны боярскіе исчезали постепенно въ угодность Царю; но духовенство и нисшія сословія удержали достояніе предковъ. Петръ отмѣнилъ также пѣкоторые обычай, не соотвѣтствовавшіе его образу мыслей: торжественное шествіе Патріарха на осляти въ недѣлю вай, вкравшееся къ намъ изъ запада, которое и Патріархъ Іоакимъ уже запретилъ совершать прочимъ архіераемъ, и всенародное цѣлованіе Царя съ Патріархомъ на площади Кремлевской, при такъ называемомъ дѣйствѣ новаго года. Онъ измѣнилъ и самое празднованіе новаго года, перенеся оное, по примѣру Европы, на первое Января; но не рѣшился одинакоже ввести календаря Григоріянскаго, и не смотря на сей столь важный переворотъ лѣтосчислениія гражданскаго и церковнаго, новое лѣто 1700 года встрѣчено было безъ малѣйшаго смятенія.

Скорбѣль одинакоже престарѣлый Патріархъ, удрученный болѣзнию, и не присутствовалъ на

торжественной літургії, которую совершилъ въ Успенскомъ соборѣ Митрополитъ Новгородскій Корнилій, привѣтствовавшій Царя съ новымъ го-домъ. Еще болѣе огорчился Адріанъ, когда Петръ, думая о преобразованіи государства, со-звалъ первостепенные чины, для исправленія уложенія отцевскаго и для составленія новаго, съ распределеніемъ судебнай власти, граждан-ской и духовной. Патріархъ, въ послѣдніе дни своей жизни, и уже стоя одною ногою во гро-бѣ, велѣль тщательно собрать и выписать всѣ права и преимущества Россійской Церкви, начиная съnomоканона, льготныхъ граматъ свята-го Владимира и Ярослава, коснулся даже и яр-лыковъ Хановъ Ордынскихъ, коими пользова-лись великие святители Петръ, Алексей и ихъ преемники. Въ заключеніи же, подобно Іоакиму, слезно увѣща-валъ бояръ, составлявшихъ уложение, помнить всѣ сіи льготы и права и не откло-няться отъ преданій отеческихъ. Онъ скончался въ исходѣ 1700 года и въка, а съ нимъ пре-съклось личное достоинство патріаршес въ Цер-кви Россійской.

Мъстоблюститель Стефанъ.

Трифиллій, Митрополитъ Сарскій и Понтийский¹⁷⁰², въ качествѣ намѣстника патріаршой области, занимался въ послѣдніе дни Адріановы и не сколько времени послѣ, дѣлами церковными. Но уже, судьбами Божіими, былъ готовъ славный преемникъ Патріарху, посвященный еще при жизни его, Стефанъ Яворскій. Проницательный Петръ усмотрѣлъ достоинства сего мужа, когда присланный въ столицу, Митрополитомъ Кіевскимъ Варлаамомъ, чтобы испросить утвержденіе преимуществъ училищамъ Малороссіи, говорилъ онъ краснорѣчивое слово, падъ гробомъ любимца царскаго боярина Шеина Утѣшенній его сладкою рѣчию Государь, повелѣлъ смиреннаго игумна Пустынскаго Николаевскаго монастыря, произвестъ прямо въ Митрополиты Рязанскіе, и сердце Царево опять было въ руцѣ Божіи, когда, мимо всѣхъ старѣйшихъ Митрополитовъ Великороссійскихъ, избралъ онъ сего Стефана блюстителемъ престола патріаршаго; ибо

пользуясь его довѣренностю, Степанъ, съ твердою вѣрою и твердымъ характеромъ, предстоялъ Церкви Россійской въ преобразовательное время для государства, паstryрски укрѣпляясь на неподвижныхъ заповѣдяхъ церковныхъ.

Онъ нашелъ себѣ вѣрного сотрудника, въ искреннемъ своемъ другѣ, архимандритъ Сѣверскомъ Димитрій, котораго также вызвалъ въ столицу Петръ, для посвященія въ Митрополиты Сибирскіе: Государь лично зналъ святаго, уже прославленнаго описаніемъ жизни угодниковъ Божіихъ, и заботился, чтобы образованіе Малороссійской Церкви распространялось и на сѣверъ. Но болѣзнейший Димитрій не въ силахъ былъ бѣхать въ отдаленную свою епархию и, по ходатайству Степана, перешелъ въ Ростовъ на мѣсто умершаго Митрополита Іосифа. Тамъ предназначено ему было просіять, своими добродѣтелями и ученіемъ, во всю Церковь Россійскую, которую назидалъ въ теченіе семи лѣтъ, какъ твердый ревнитель православія и обличитель враговъ его, какъ лѣтописецъ, проповѣдникъ и наипаче глубокій молитвенникъ. Такъ всеобъемлющее сердце Димитрія сроднилось съ каждымъ христіанскимъ сердцемъ своего земнаго отечества, еще прежде нежели началъ самъ принимать молитвы, отъ наученныхъ имъ молиться.

Нужна была такая духовная опора вѣръ

Стефановой, ибо не легкое поприще ему предстояло. Вскорѣ послѣ кончины Адріана, закрытъ былъ разрядъ патріаршій, завѣдывавшій всѣми дѣлами церковными, не только собственною іерархическими, но и волостными по имуществамъ, и тяжебными; потому что со временеми уничтоженія приказа монастырскаго, Царемъ Феодоромъ, въ патріаршемъ только разрядѣ производились всѣ иски на лица духовнаго званія. Они восходили иногда въ приказъ большаго дворца, т. е. на собственное рѣшеніе Государя, когда обнаруживалось пристрастіе судей въ дѣлѣ близкомъ для нихъ, по сродству съ подсудимыми. Петръ вѣдьмъ перенести всѣ нерѣшенія дѣла для окончательного сужденія въ разные государственные приказы, по содержанію каждого и по порядку мірскихъ тяжбъ, и такимъ образомъ дѣла о наследствахъ, завѣщаніяхъ, святотатствахъ, дото-ль подлежащія суду духовному, перешли въ гражданскій. Дѣла же собственно церковныя, іерархическая и догматическая, поручилъ вѣдать Митрополиту Рязанскому, въ духовномъ патріаршемъ приказѣ, еще прежде назначенія Стефана блестителемъ престола. Однакоже, въ скоромъ времени, опять обращены были на патріаршій дворъ всѣ иски на лица духовнаго званія, и, по представленію Митрополита Стефана, вновь открыть былъ приказъ церковный, для наблюденія за благочиніемъ священнослужителей.

Съ уничтоженіемъ разряда, Государь возстановилъ также, въ полной силѣ, приказъ монастырскій, утвержденный уложеніемъ отца его, и отдѣливъ совершенно отъ духовнаго приказа, ввѣрилъ управлению боярина Мусина Пушкина. Его вѣдѣнію, суду и расправѣ подлежали патріаршіе и архіерейскіе приказные люди и многочисленныя волости, также и богатыя имущество монастырскія, которыя были всѣ переписаны. Они не управлялись болѣе келарами и старцами, но стольниками царскими, независимо отъ воеводъ и намѣстниковъ, и относились прямо въ приказъ монастырскій, куда стекались всѣ ихъ доходы. Ограничено было и число монашествующихъ, обоего пола, въ каждой обители, и выведены бѣльцы и бѣлицы, жившия праздно безъ постриженія, для коего опредѣлены извѣстные годы, не ранѣе сорока для монахинь, и тридцати для монаховъ. Безбѣдное содержаніе назначено каждому иноку, по десяти рублей въ годъ и десяти четвертей хлѣба, вместо прежнихъ богатыхъ доходовъ, кои обратились частію на нужды государственныхъ, частію на устроеніе больницъ и пропитаніе убитихъ воиновъ, помѣщенныхъ въ монастыри. Однакоже тѣ изъ обителей, которыя по убожеству своему искони пользовались подаяніемъ царскимъ, удержали оное, и такимъ образомъ сохранился весь чинъ собственно монашествующихъ, весьма многомолодный въ то время, хотя и лишенный

избытка виѣшняго. Равномѣрно и власти духовныя, по степени ихъ сана, начали получать оклады и жалованье, въ замѣнѣ отчинъ, отписаныхъ въ приказъ монастырскій, и вместо церковныхъ сборовъ, искони получаемыхъ ими со всѣхъ приходовъ своихъ епархій; — такой порядокъ управления церковныхъ имуществъ продолжался до учрежденія Св. Сѵиода.

Такъ дѣйствовалъ Петръ, по вѣдомству духовному, приводя также въ порядокъ всѣ отрасли правленія государственнаго: умножая доходы лучшимъ устройствомъ податей, уничтожая роскошь, и входя даже во всѣ подробности жизни семейной и гражданской; заводя типографіи и училища, образуя общественный языкъ Русскій; поощряя промышленность и торговлю, учрежденіемъ ратуши, дабы сословіе купеческое имѣло собственное управление; наконецъ созиная флотъ и войско, въ самыя тяжкія годы испытаний, когда Россія стонала отъ нашествія Шведскаго.

Необходимость пристани на берегахъ Балтийскихъ, для сообщенія съ Европою, и надмѣньность Шведовъ, при воцареніи юнаго ихъ витязя Карла XII, побудили Петра къ заключенію тройственнаго союза, съ Фридрихомъ Королемъ Датскимъ и Августомъ Польскимъ. Запынала война съверная, двадцать два года тревожившая

Россю. Бѣдственны для нась были ея начала: Карлъ, быстро смиривъ Данно, опрокинулся вѣтми силами на Россю и подъ Нарвою, осажденою нашими войсками, почти совершенно сокрушилъ неопытное ополченіе, плодъ первыхъ стараній Петровыхъ. Но оно успѣло созрѣть въ битвахъ, съ военачальниками Шведскими, при покореніи Лифляндіи и Ингерманландіи; а отважный Царь, на самомъ поприщѣ войны, основалъ новую свою столицу, покамѣсть Карлъ, занявши Польшею, поражая на каждомъ шагу Августа, захватилъ обѣ столицы, Варшаву и Краковъ, и наконецъ возвелъ на престолъ королевскій Станислава Лещинскаго.

Тогда обратился опять на Россю и отвергнувъ предложенія мирныхъ, двинулся съ побѣдноснымъ войскомъ въ предѣлы Украинскіе, гдѣ надѣлся на тайную измѣну гетмана Мазепы. Но Карлъ, уподобляя себя великому Александру, не нашелъ въ Петрѣ Дарія. Бдительно слѣдовавъ онъ за врагомъ, прескакая ему сообщеніе съ другими отрядами Шведскими, которые заблаговременно были разсѣяны. Открылось предательство Мазепы, довольно во время, чтобы удержать отъ восстанія Украину, и въ Глуховѣ три архіерея, Митрополитъ Кіевскій съ своимъ Викаріемъ и Архієпискомъ Черниговскимъ, предали анаѳемъ измѣнника, забывшаго всѣ благодѣянія царскія. Съ немногими приверженцами явился онъ въ

станъ Короля. Войско Шведское осадило Полтаву, и на поляхъ ея впервые сразились оба исполина съвера; раненый Карлъ, на носилкахъ обтекая ряды, одушевлялъ воиновъ, устарѣвшихъ въ брані; исполненный любви къ отечеству Петръ просилъ забыть Петра для Россіи,— ей же на вѣки памятенъ подвигъ Царя ; подъ его ударами сокрушилось и изчезло ополченіе Шведское, какъ бы никогда не тревожившее Россію. За степи Українскія и Татарскія бѣжали вмѣстѣ Король и Гетманъ и остановились только на берегахъ Днѣстра. Измѣнникъ Мазепа умеръ въ Бендерахъ; гетманъ Скоропадскій уже былъ назначенъ на его мѣсто.

Усердіе Царя основало монастырь мужескій, во имя верховныхъ Апостоловъ, на поприщѣ битвы Полтавской, а на память самаго дня ея сооружена, въ новой столицѣ, церковь страннопріимца Сампсона. Съ великимъ торжествомъ встрѣтилъ Государя въ Кіевѣ, у вратъ Софійскихъ, Митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, за годъ предъ тѣмъ посвященный изъ архимандритовъ лавры, на мѣсто умершаго Варлаама, и префектъ академіи єеофанъ Прокоповичъ произнесъ краснорѣчивый панегирикъ Царю. Здѣсь впервые обратилъ си на себя вниманіе монаршее, сладостно рѣчи и глубокимъ образованіемъ, которое получилъ въ училищахъ Упіатскихъ и Римскихъ; страсть къ учению

увлекала Феофана до такой степени, что онъ даже сдѣлялся на время отступникомъ православія въ Римъ, и ту же удобопреклонность въ догматахъ вѣры обнаруживалъ въ послѣдствіи, когда занималъ высшія степени іерархіи Российской. Объ столицы съ не меньшимъ торжествомъ встрѣтили побѣдителя. Европа, дотолъ оглушенная громомъ побѣды Карла, съ удивленіемъ услышала о подвигахъ Петровыхъ, и обратила живое вниманіе на раззвѣтающую Россію.

Посреди подвиговъ ратныхъ не забывалъ Петръ о православныхъ единовѣрцахъ, страдавшихъ въ Литвѣ и Польшѣ, отъ насилия Уніатовъ, и пользуясь правами союзника, настоятельно требовалъ отъ Августа прекращенія гоненій. Не смотря на условія мира 1686 года, коими обязывался Король Янъ Собіескій даровать свободное вѣроисповѣданіе епархіямъ Луцкой и Галицкой, Переяславльской, Львовской и Бѣлорусской, съ утвержденіемъ ихъ прежнихъ привилегій, всѣ онъ были непрестанно нарушаемы, буйною шляхтою и самовластными магнатами Польши; они, вооруженною рукою, отнимали церкви и монастыри, ругались надъ святынею, мучили священнослужителей и подвергали православныхъ такому безчестію, какого никогда не терпѣли у нихъ Евреи и Магометане. По бѣдственнымъ обстоятельствамъ времени, самые Епископы: Иннокентій Переяславльский, Іосифъ Львовскій и Кипрі-

аинъ, бывшій сперва Полоцкимъ а потомъ Митрополитомъ отпадшихъ, предавшись на сторону Унії, сдѣлались въ свою чреду гонителями православія; на сторонѣ его оставались только два, изъ коихъ Кирилъ Луцкій принужденъ былъ бѣжать изъ своей епархіи въ Кіевъ, и получилъ Переяславль, съ титломъ Викарія, а Могилевскій Епископъ, князь Сильвестръ Четвертинскій, едва держался на своей каѳедрѣ. Всѣ православные монастыри взывали къ Петру, какъ единственному защитнику, и Петръ на опыте узнавъ истину ихъ жалобъ, ибо самъ подвергся ругательствамъ и даже опасности отъ Уніатскихъ монаховъ, когда посѣтилъ храмъ ихъ въ Полоцкѣ. Но всѣ граматы и убѣжденія Государя, и даже угрозы его Королю Августу оставались тщетными; удовлетвореніе жалобъ отлагалось отъ сейма до сейма, и православные должны были довольствоваться одними обѣщаніями правительства Польского о будущемъ улучшении ихъ участіи.

Славною битвою Полтавскою не кончилась однако же для великаго Петра борьба его съ Карломъ XII. Въ то время, какъ побѣдитель, воздвигая мощною рукою Августа Польского, возобновлялъ опять съ нимъ и Данією союзъ съверный, отчаянныи врагъ его укрѣпился на берегахъ Днѣстра, и оттолѣ не преставалъ возбуждать Султана расторгнуть миръ съ Россіею, доколѣ не достигъ желанной цѣли. Никогда Петръ

не желалъ больше мира, потому что пользуясь успехомъ Полтавы, онъ начиналъ приводить въ исполненіе свои великия предпріятія внутри государства. На время частыхъ отлучекъ, по необъятной монархіи, учредилъ онъ правительствующій 1710. Сенатъ, гдѣ должно было сосредоточиваться главное управление и стекаться всѣ его многоразличныя отрасли. Сему Сенату, составленному изъ высшихъ сановниковъ, поручилъ онъ блюсти Россію, когда самъ принужденъ былъ идти въ новый походъ, чтобы отразить полчища Порты, двинувшіяся къ Дунаю. Екатерина, новая супруга Царя, ему сопутствовала для спасенія отечества. Оба княжества Молдавіи и Валахіи благопріятствовали Россіи, но вѣрнымъ остался одинъ Кантемиръ Молдавскій; не измѣнилъ и ему Петръ въ самую горькую минуту жизни, когда внезапно окуженный на берегахъ Прута многочисленными врагами, отказался выдать Туркамъ господаря. Екатерина склонила золотомъ малодушнаго визиря къ миру, который стоилъ намъ Азова и юношескихъ завоеваній Петровыхъ, но сохранилъ Россіи самаго Петра. Императорская корона была наградою Екатеринѣ. Пять лѣтъ еще беспокойилъ Султана враждебный Карлъ, доколѣ наконецъ принужденъ былъ оставить союзство Царьграда; одинокимъ странникомъ прискакалъ онъ въ забытую имъ Швецію, изнемогавшую подъ ударами сѣвернаго союза, въ который вступ-

или также Пруссія и Ганноверъ, Голландія и Англія; а между тѣмъ Ливонія, Ингерманландія и часть Финляндіи, въ окрестностяхъ новой столицы Русской, сдѣлались уже ея достояніемъ.

Посреди непрестанной дѣятельности воинской продолжалось однакоже внутреннее образованіе Россіи; каждый промежутокъ брани означеновывался гражданскими учрежденіями, по всѣмъ частямъ управлениія, которому Петръ, для большаго устройства, мало по малу старался давать формы коллегіальныя; ибо онъ болѣе довѣрялъ совѣту многихъ, нежели произволу одного лица. За учрежденіемъ Сената послѣдовали коллегіи, сперва иностранная, потомъ военная и другія, а вся Россія раздѣлена была на восемь обширныхъ губерній. Подъ громомъ оружія образовались не одни только флотъ и войско; Царь, всеобъемлющимъ окомъ, проницаль всѣ источники богатствъ государственныхъ и мощнымъ словомъ вызывалъ ихъ наружу. Распространилось также просвѣщеніе, свѣтское и духовное, чрезъ умноженіе всякаго рода училищъ и путешествіе юношей Русскихъ по образованному Западу,

Ревностно содѣйствовалъ Государю Митрополитъ Стефанъ, принявшій на себя званіе протектора академіи Московской, которую расширилъ и образовалъ по примѣру Киевской. Ярко свѣтиль Димитрій, до своей блаженной кончины въ

Ростовъ, занимаясь самъ устроеною имъ семинариею. Мало по малу, по его примѣру, при всѣхъ домахъ архіерейскихъ учреждались школы, для образованія священнослужителей, обратившіяся въ послѣдствіи въ семинаріи. Іовъ Митрополитъ Новгородскій, мужъ исполненный благочестія Христіанскаго, вмѣстъ съ богоугодными заведеніями, учредилъ въ своей эпархіи до четырнадцати духовныхъ училищъ, и для лучшаго ихъ успѣха, вызвалъ изъ обители Ипатіевской двухъ давно забытыхъ братьевъ, Лихудовъ, пятнадцать лѣтъ томившихся въ заточеніи. Іоанникій и Софроній, какъ свѣтильники, извлеченные изъ подъ спуда, внезапно пролили образованіе въ сихъ училищахъ. Младшій Софроній, посланный въ Москву за типографіею, былъдержанъ тамъ блюстителемъ патріаршаго престола, для устройства академіи, и ему, вмѣстъ съ ея знаменитымъ ректоромъ Феофилактомъ Лопатинскимъ, будущимъ страдальцемъ за истину, поручено было окончить исправленіе библіи Славянской, начатое Епифаніемъ. По смерти Іова Митрополита, Іоанникій переселился въ столицу, чтобы разделить академическія занятія съ братомъ, и скоро скончался; Софроній же, возведенный въ сань архимандрита, достигъ глубокой старости.

Но, вмѣстѣ съ образованіемъ, непримѣтно про никало въ отечество ваше тайное зло, путив-

шее опасные корни. Путешественники и иностранцы занесли въ Россію противное нашей Церкви учение Лютера и Кальвина, которое, пре-небреженiemъ обрядовъ, и произвольнымъ суждениемъ о таинствахъ религіи, благопріятство-вало беспечности и самолюбію. Православная Восточная Церковь не страшилась вліянія Церкви Западной, ибо она боролась съ нею открыто, въ предѣлахъ Польскихъ, и неистовства Унії ожесточили слишкомъ сердца Русскія противъ Рима, чтобы сдѣлать его опаснымъ. Но мы не имѣ-ли никогда явной вражды съ Германскими ново-вводителями; присоединеніе областей Балтійскихъ и полезные труды иноземцевъ, вызванныхъ Петромъ, невольно насъ сближали съ ними. Выс-шая степень ихъ мірского образования и самое участіе, какое они принимали въ нашихъ обрядахъ церковныхъ, привлекали къ нимъ неопытныхъ, которые не умѣли распознать, гдѣ предѣлъ про-свѣщенія светскаго и гдѣ начало духовнаго, утаен-наго, по словамъ Христовымъ, отъ премудрыхъ и разумныхъ, но открытаго простымъ и младенцамъ.

Въ окрестностяхъ съверной столицы, гдѣ наиболѣе стекалось иноземцевъ, начало распро-страняться ихъ учение, и сильно восталъ про-тивъ него добродѣтельный Іовъ Новгородский. Онъ внушилъ ревностнымъ братьямъ Лихудамъ вооружиться на потрясающихъ основы правосла-вія, и явилась книга ихъ обличеній, посвящен-

ная четыремъ Вселенскимъ Патріархамъ, какъ хранителямъ благочестія. Не остался равнодушнымъ зрителемъ и блеститель престола Московскаго Митрополитъ Стефанъ, потому что и въ другую столицу проникла ересъ, распространителемъ коей былъ стрѣлецкій врачъ, Димитрій Тверитиновъ. Проживал долго при одномъ иностранномъ врачу, онъ заимствовалъ у него вмѣстѣ съ наукой и образъ мыслей, и началъ разсѣживать хулы на иконы, мощи, литургію, на призываніе святыхъ и поминовеніе усопшихъ. Многіе стрѣльцы и ремесленники къ нему пристали, и до того простерлась ихъ дерзость, что одинъ изъ хулителей цырюльникъ Осма Ивановъ ругался даже надъ иконою Св. Алексія Митрополита въ Чудовъ монастырѣ. Преосвященный Стефанъ, сперва тайно изслѣдовавъ о семъ дѣлѣ, донесъ Государю, потомъ же, по волѣ его, созвалъ соборъ сосѣднихъ Епископовъ въ Москву: Игнатія Сарскаго, Варлаама Тверскаго, и Грека Іоанникія Митрополита Ставропольскаго. Тамъ, въ патріаршихъ палатахъ, по довольною разсмотрѣніи и увѣщаніи, нераскаянныя были преданы анаѳемѣ, а начальники ереси гражданскому суду и казни. Но, недовольный единовременнымъ исправленіемъ, Митрополитъ Стефанъ, какъ истинный пастырь, отечески пекущійся о своей паствѣ, собралъ въ одну книгу всѣ ложныя мудрованія, явно опровергаемыя ученіемъ

Церкви, и назвалъ книгу сю камнемъ вѣры для сокрушенія враговъ православія. Догматы о святыхъ иконахъ и мощахъ, о знаменіи честнаго креста, о преданіи, о тайнѣ пречистаго тѣла и крови Христовыхъ, о призваніи Ангеловъ и Святыхъ, наипаче же Пречистой Дѣвы, и наконецъ о состояніи душъ по смерти и о молитвѣ за усопшихъ, въ совершенной полнотѣ и ясности представлены были благочестію испытующихъ, съ низложениемъ всякаго гордаго мудрованія, возносящагося на истинное ученіе Церкви. Въ предисловіи же смиренно говорилъ о себѣ кроткій Стефанъ: »наше есть еже врачевати, Божіе еже исцѣляти: твердь есть сей камень (книгу тако нарекохъ) неплодствію души моей сообразно; но и отъ камене можетъ воздвигнути Богъ чада Аврааму и отъ насъкомаго можетъ источить воду, напояющу въ животъ вѣчный.»

Не менѣе ревности оказывалъ блюститель къ прекращенію другаго зла, укоренившагося въ Россіи, отъ безнаказанности расколовъ и невѣжества ихъ начальниковъ. Писанія его о времени пришествія Антихриста и кончинѣ вѣка, разсыпало нельзіе толки, коварно распущенные въ столицѣ, будто уже Антихристъ явился и настала кончина. Не смотря однакоже на благоразумныя мѣры правительства, которое воспрещало употреблять раскольниковъ въ какія либо должности общественные, и даже облагала ихъ двой-

ною податью за упорство, беспокойное состояніе Россіи, посреди непрестанныхъ войнъ и переворотовъ, давало средства злонамѣреннымъ укрываться отъ надзора и наказанія. Границы Лифляндскія и Псковскія постепенно населялись раскольниками; поморскіе скиты, хотя не всѣ согласные между собою, умножались въ глухи лѣсовъ и болотъ Олонецкихъ, въ дикой Перми и Сибири. Еще болѣе была недоступна Вѣтка въ предѣлахъ Польскихъ, гдѣ въ четырнадцати слободахъ собралось до 30,000 старообрядцевъ секты поповщинской. Помѣщики Польскіе благопріятствовали имъ изъ личныхъ выгодъ: влияніе же Вѣтки было чрезвычайно сильно, ибо тамъ существовала Покровская церковь, единственная у раскольниковъ, и оттолѣ разносились запасные дары по всей Россіи, часто не безъ подлога; въ некоторыхъ мѣстахъ старожилы хвалились даже, что имѣютъ при себѣ древніе дары, освященные еще до временъ Никона, и святотатно разводили ихъ въ новомъ тестѣ, для пріобрѣщенія неопытныхъ. Недалеко отъ Вѣтки основались столь же многолюдныя слободы Стародубовскія, состояніе коихъ сдалось болѣе цветущимъ, когда за оканчанное ими усердіе, противъ измѣнника Мазепы, получили они въ награду многія льготы и земли.

Въ лѣсахъ Нижегородскихъ собралъ также другое скопище, современное Вѣткѣ и Поморію,

бѣглый ученикъ попа Аввакума, Онуфрій. По смерти его, діаконъ Александръ, за несогласие въ иѣкоторыхъ обрядахъ, началъ самъ отдѣльную секту, принявшую отъ него название діаконовщины; но она была слабѣе поповской, которая, чрезъ бѣглыхъ иноковъ и стрѣльцовъ, распространилась по теченію Волги и Дона. Бдитѣльный Государь, желая поразить расколъ въ самомъ гнѣздаѣ его, избралъ въ Епископы Нижегородскіе Питирима, жившаго на Вѣткѣ, но обратившагося къ Церкви, чтобы онъ своею опытностию обличилъ коварство лжеучителей. Преосвященный Питиримъ, съ паstryрскою заботливостію, принялъся за столь трудный подвигъ и самъ неоднократно посѣщалъ скиты раскольничихъ, разсѣянные въ лѣсахъ. Удовлетворительно отвѣчая на всѣ вопросы заблужденныхъ, онъ приводилъ ихъ въ недоумѣніе, и достигъ желанной цѣли, ибо діаконъ Александръ и главнѣйшиe старцы, его толка, признали свое обольщеніе и присоединились къ Церкви. Хотя же въ послѣдствіи непостоянный діаконъ отпаль опять въ прежній расколъ и подвергся заслуженной казни, по его бывшіе единомышленники устояли въ вѣрѣ. Книга Епископа Питирима, подъ именемъ пращицы духовной, осталась донынѣ спасительнымъ врачеваніемъ для желающихъ выдти изъ заблужденія, вмѣстѣ съ розыскомъ святителя Дмитрія Ростовскаго, о

вѣръ Брынскихъ раскольниковъ, коимъ обличалъ онъ суемудрыхъ своей эпархіи.

Новое путешествіе Государя за границу, для скрѣпленія съвернаго союза, во время военныхъ дѣйствій, ознаменовалось для него огорченіями политическими, отъ непостоянства союзниковъ, и семейными, отъ недостойнаго сына. Напрасно Петръ готовилъ себѣ преемника въ іономъ Царевичъ Алексій; рано обнаружилась въ немъ неспособность къ занятіямъ воинскимъ и гражданскимъ, и ненависть ко всемъ преобразованіямъ великаго отца. Память о заключеніи своей матери Евдокіи, въ стѣнахъ Сузальскихъ, дурные совѣты людей мірскихъ и духовныхъ, которые благопріятствовали его образу мыслей, ибо надѣялись видѣть въ немъ возстановителя древняго порядка вещей, довершили нравственное растройство Алексія. Угрожаемый лишеніемъ престола, онъ изъявилъ желаніе оставить свѣтъ; но не въ силахъ будучи разстаться съ своими грубыми страстями, рѣшился искать себѣ спасенія отъ строгаго родителя за границею. Въ Голландіи услышалъ Петръ горькую вѣсть о его бѣгствѣ и послалъ отыскивать сына въ областяхъ Императора Римскаго, самъ же продолжалъ путь въ Парижъ. Тамъ знаменитая академія Сорбонская, пользуясь личнымъ присутствіемъ Государя, предложила ему соединеніе Церкви Западной съ Восточною; но благоразум-

но отклонилъ онъ отъ себя дѣло столь важное, объщая только повелѣть архіереямъ Россійскимъ отвѣтить на писаніе Сорбонны.

Петръ поспѣшилъ возвратиться въ свое государство, куда скоро привезли виновнаго Царевича, найденнаго въ Неаполѣ; онъ былъ торжественно отрѣшенъ отъ престола въ древней столицѣ, и надъ нимъ открылся судъ духовныхъ и мірскихъ сановниковъ. Между соумышленниками нашлись лица близкія Царю и нѣсколько духовныхъ; опять прежняя Царица Евдокія, которая употребляла во зло оставленную ей свободу въ Суздалѣ, и благопріятствовавшіе ея честюлюбивымъ видамъ, Епископъ Ростовскій, и сестра Государева Царевна Марія, уже третія послѣ Софіи и Марои, возставшая на брата. Она заключена была въ крѣпость Шлиссельбурскую и усилено заточеніе Царицы въ Новомадожской обители; лишенный сана Досиоей, преданъ казни свѣтской съ прочими сообщниками Царевича. Надъ нимъ однимъ медлилъ произнести приговоръ родитель, хотя уже открывшій его преступные замыслы; онъ ожидалъ совершеннаго сознанія и перенесъ слѣдствіе въ новую столицу, но Царевичъ сознавался только по уликамъ, дѣйствуя иерѣнитительно. Наконецъ Государь преодолѣлъ отца; судомъ гражданскимъ и духовнымъ изреченъ былъ смертный

приговоръ, но одно о немъ извѣстіе, такъ поразило Царевича, что онъ внезапно скончался. Прямымъ наслѣдникомъ остался малолѣтный сынъ его Петръ, ибо другой младенецъ сего имени, рожденный Екатериною отъ великаго Петра, предупредилъ его на скоротечномъ поприщѣ.

1719.

Около сего времени вручилъ Петръ блюстителю патріаршаго престола и бывшимъ при немъ архіереймъ, пространное посланіе Сорбонны, въ которомъ приводила она на память сходство обѣихъ Церквей, въ доктринахъ, таинствахъ и преданіяхъ, въ поклоненіи честныхъ мощей и иконъ, призывааніи святыхъ и законахъ церковныхъ. Поверхностно отзывалась она о доктринѣ исхожденія Св. Духа, стараясь изъяснить правильное Греческое изреченіе, о низпосланіи Духа отъ Отца, чрезъ Сына, неправильнымъ Латинскимъ прибавленіемъ въ символѣ, о исхожденіи и отъ Сына, и, во свидѣтельство своего миролюбія, предлагала примѣръ Уніатовъ, у коихъ Греческій символъ остался неизмѣннымъ съ разрѣшеніемъ Папы. Еще легче говорила Сорбонна о Папѣ, со всѣми вольностями Галликанской Церкви, называя его только первымъ по старшинству между равными Епископами, по свидѣтельству древнихъ Отцевъ, и, отвергая его непогрѣшительность, подчиняла власти Каѳолической Церкви, образуемой Вселенскимъ соборомъ.

Но сколь ни благовидно было сіе моленіе

о мирѣ, съ должною мудростію отвѣчали на оное святители Русскіе, изъявивъ и съ своей стороны, желаніе союза, о коемъ непрестанно молитъ Церковь православная на всѣхъ богослуженіяхъ. Но они замѣтили Сорбоннѣ, что дѣло сіе, по великой его важности, не можетъ зависѣть отъ частнаго рѣшенія нѣсколькихъ богослововъ, и что вся Церковь западная, со всею Церковью Восточною, должна участвовать въ общемъ согласіи; а потому до времени должно довольствоваться учеными сношениями о предметахъ богословскихъ, чтобы новымъ союзомъ съ Церковью чуждою, не нарушить древняго съ четырьмя Вселенскими православными престолами. Митрополитъ Стефанъ, съ двумя архіепископами, Варнавою Холмогорскимъ и Феофаномъ Псковскимъ, скрѣпили отвѣтное посланіе, писанное симъ послѣднимъ, который недавно вызванъ былъ изъ Киева, и уже принималъ большое участіе въ дѣлахъ церковныхъ.

Чрезвычайныя способности Феофана ко вся-
каго рода занятіямъ, и глубокія его познанія
евѣтскія и духовныя, ревность къ просвѣщенію,
которое не преставалъ онъ поддерживать даже
изъ частныхъ доходовъ, устроивъ при домѣ сво-
емъ большую семинарію, привлекли къ нему
особенное благоволеніе Государя, а острый умъ
и веселый общежительный его характеръ, испы-
танный Петромъ во время Турецкаго похода,

сердечно привязали его къ спутнику своему, бывшему тогда еще ректоромъ Киевскимъ. Но знаменитый блюститель Церкви Россійской, Митрополит Стефанъ, знаяшій въ Киевѣ о начальахъ Феофана, не съ такою снисходительностію смотрѣль на сего новаго сотрудника; онъ не довѣряль его учености, заимствованной на Западѣ, и легкости его характера, склонной къ нововведеніямъ иновѣрцевъ. Положивъ камень вѣры въ претыканіе ихъ ученію, великий мужъ Церкви почель пастырскимъ долгомъ обличить избираемаго въ Епископы Псковскіе Феофана, въ тѣхъ по грѣшительныхъ мнѣніяхъ богословскихъ, какія преподавалъ онъ въ академіи Киевской, и сіе обличеніе, не уваженное Феофаномъ, послужило только источникомъ къ враждѣ его противъ Стефана.

Однакоже не смотря на частное предложеніе Сорбонны, о союзѣ церковномъ, никогда Унія не была столь жестока въ своихъ гоненіяхъ на православіе. Новый Митрополит Уніатской, Левъ Кишка, преемникъ Кипріана, успѣлъ уже на соборѣ, созванномъ въ Замостї, открыто утвердить 1720. Унію во всѣхъ епархіяхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, и признать законнымъ уничтоженіе всѣхъ Епископовъ православныхъ; конституція сейма уполномочила сіе насилие, сохранивъ только одну Могилевскую кафедру. Несколько уцѣльвшихъ монастырей и церквей, въ Литвѣ и на Волынѣ, отягощаемы были податями

лишаемы послѣднихъ имущество; духовенство терпѣло всякое насилие и поруганіе, утвари и со- суды расхищались и попираемы были св. тайны; волости монастырскія страдали безъ защиты, а шляхта и мѣщане православные не допускались ни въ какія должности. Самъ Могилевскій Епископъ, князь Святополкъ Четвертинскій Сильвестръ, под- вергался узамъ и ранамъ отъ буйства Поляковъ. Два Епископа Уніатскіе, Смоленскій и наипаче Перемышльскій Иннокентій, дѣлали нестерпимъ въ своихъ епархіяхъ пребываніе православ- ныхъ; тщетно гонимые взывали о защитѣ. Го- сударь вступался чрезъ посланника въ Варшавѣ за единовѣрцевъ, представляя, какою свободою пользуются всѣ исповѣданія въ Россіи и требо- валъ учрежденія слѣдственной комиссіи по гра- ницамъ, для разсмотрѣнія обидъ, наносимыхъ православнымъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Волынѣ; онъ назначилъ даже съ своей стороны въ Могилевѣ комиссара Рудаковскаго. Король Августъ и пунцій папскій въ Варшавѣ, архіепископъ Сан- тиви, и самъ Папа постепенно тревожимы были жалобными граматами Петра великаго; но строгія запрещенія Августа и окружныя посланія нунція, даже съ возложеніемъ проклятія на не- покорныхъ возмутителей спокойствія церковнаго, не дѣйствовали; насилие, грабежи, узы, мученія, воздвигаемые фанатизмомъ Римлянъ и Уніатовъ, продолжали срѣтаться, въ бѣдствую-

щей Литвѣ, съ неодолимою твердостію православныхъ въ вѣрѣ отеческой. И все сіе совершалось безстрашино и безнаказанно, когда уже Россія, окрѣпшая послѣ двадцатилѣтней борьбы Шведской, овладѣла съвернымъ поморіемъ, когда исчезъ съ поприща браней грозный ихъ возбудитель Карлъ, и преемникъ его заключилъ наконецъ съ Россіею славный для нее Нейштадтскій миръ, упрочившій ея вицшине благосостояніе.

Ограждаемая на Западѣ, въ царствованіе Петрова, расширялась она къ Востоку, до крайнихъ предѣловъ океана и вступила въ постоянныя сношенія съ Китаємъ. Распространялось и Христіанство по необъятной Сибири; преемникъ Игнатія, Митрополитъ Тобольскій Феодоръ, обратилъ въ Христіанство до 10,000 Остяковъ. Постепенно просвѣщались вѣрою и южные предѣлы, и окрестности дальніаго Иркутска, уже довольно населенныя Христіанами, взымѣли нужду въ Епископѣ. Иннокентій Кульчинскій, назначенный начальникомъ духовной миссіи въ Пекинъ, посвященъ былъ первымъ Епископомъ въ Иркутскъ и положилъ тамъ благое начало, прославившись святостію жизни и нетленiemъ по смерти. Это былъ третій стятый современникъ Петра, послѣ святителей Митрофана и Дмитрія, которымъ свыше назначено было просіять чудесами во дни наши.

Среди бури воинской процвѣтала и новая столица Царя, сильно созданная имъ на берегахъ Невскихъ; воля его побѣдила природу и предубѣжденіе первопрестольной Москвы. Храмы и зданія, общественные и частныя, росли постепенно, подъ убогаго жилища великаго основателя и скромнаго собора Троицкаго; уже сооруженъ былъ великолѣпный каѳедральный соборъ во имя верховныхъ Апостолъ Петра и Павла; возникла и лавра Невская, поставленная на ряду съ двумя древними лаврами, Печерскою и Сергіевскою. Она ожидала въ утвержденіе себѣ нетлѣнныхъ мощей Великаго Князя Александра, славнаго воителя на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положилъ ей начало другой побѣдитель Шведовъ, и торжественно перешелъ въ нее изъ Владимира благовѣрный Князь; а первый архимандритъ лавры Феодосій, украшенный добродѣтелями пастырскими, соединилъ съ симъ званіемъ и санъ архіепископа Новгородскаго.

Наступило наконецъ время устроить для церковныхъ, долго бывшія въ нерѣшительномъ состояніи, отъ воинскихъ и гражданскихъ смятений. Петръ, побѣдитель всѣхъ своихъ враговъ, украшенный титломъ Императора и Отца отечества, по собственному выражению, несуетный на совѣсти возымѣлъ страхъ, да не явится неблагодарнымъ Вышнему, если получивъ отъ него столько успѣха въ исправленіи чина воинскаго и

гражданского , пренебрежетъ исправленіемъ чина духовнаго. Нельзя было долго медлить; добродѣтельный блюститель патріаршаго престола , Митрополитъ Стефанъ, вполнѣ достойный довѣренности царской и своего высокаго званія, который двадцать лѣтъ держалъ кормило церковное , чувствовалъ уже приближеніе старости и не въ силахъ былъ слѣдоватъ повсюду за дѣятельнымъ Петромъ. Особенно тяжело было для него пребываніе въ новой столицѣ , еще не представлявшей никакихъ удобствъ жизни, и напаче для управлѣнія Церковью. Еще въ 1718 году жаловался онъ письменно Государю , что пребываетъ многіе мѣсяцы въ Петербургѣ , въ наемномъ домѣ , далеко отъ церкви , еще дальше отъ соборнаго правительства , которое ему ввѣreno, и отъ области патріаршей , съ двумя епархіями Рязанскою и Тамбовскою , лично ему подчиненными: что въ такомъ же неустройстве обрѣтаются митрополіи Киевская , Новгородская , Ростовская и Смоленская , по смерти своихъ пастырей , а другие Епископы , удрученные годами, просятся на покой ; всѣ же прибѣгаютъ къ нему за совѣтомъ , какъ къ блюстителю патріаршаго престола ; а самъ онъ , далеко отъ первопрестольной столицы , не имѣя при себѣ совѣта , не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ и не знаетъ , кого избирать на столько открывшихся каѳедръ.

Государь отвѣтствовалъ: что одно соборнос-

правительство могло бы быть достаточно для нуждъ церковныхъ, и еще болѣе утвердился въ сей коренной своей мысли, которую, въ теченіе долгаго царствованія, постепенно приводилъ въ исполненіе, учрежденіемъ сената и двѣнадцати коллегій. Онъ видѣлъ на опыте, какую великую пользу принесло государству сосредоточеніе гражданскаго управления въ сенатѣ, и началь рѣшительнѣе помышлять о учрежденіи постояннаго помѣстнаго Собора, болѣе беспристрастнаго и важнаго въ своихъ опредѣленіяхъ, нежели одно лицо патріаршее.

Составленіе регламента духовнаго, для руководства сему правительству Собору, возложено было на епископа Псковскаго Феофана, который изложилъ подробнѣ, въ трехъ отдѣльныхъ частяхъ регламента, составъ и вину такого правленія, дѣла ему подлежащія, должностъ, дѣйствія и силу самихъ правителей, по образцу древнихъ соборовъ и по правиламъ Св. Отецъ. Вмѣстѣ съ обязанностю Епископовъ, въ отношеніи сего высшаго правительства, монашествующихъ и мірскихъ лицъ своихъ эпархій, обсуждены были въ регламентѣ и средства къ исправленію нравственному паству, къ назиданію ся въ догматахъ вѣры, къ искорененію расколъ, и къ обученію готовящихся на мѣста священническія въ семинаріяхъ, которая должна

ствовали учредиться при каждомъ архіерейскомъ домѣ и въ предполагаемой академіи духовной.

Дѣло столь важное внимательно было разсуждаемо на соборѣ, созванномъ въ новую столицу, въ началѣ 1721 года, и весь регламентъ читанъ, въ присутствіи блюстителя патріаршаго престола Стефана, Сильверста митрополита Смоленскаго, Пахомія митрополита Воронежскаго, епископовъ Феофана Псковскаго, Питирима Нижегородскаго, Варлаама Тверскаго, Аарона Корельскаго, архимандрита Невской лавры Феодосія, пяти другихъ архимандритовъ и семи важнѣйшихъ сановниковъ государства, и засвидѣтельствованъ руками всѣхъ, за скрѣпною царской руки; потомъ же еще подписанъ всѣми архіерелями и первостепенными архимандритами и игуменами Российской Церкви.

Святѣйший Сѵнодъ.

Тогда торжественно открыть былъ, при Высочайшемъ присутствіи Императора Петра, сей постоянный Соборъ духовный, долженствовавшій на всегда управлять Церковию Россійскою, подъ

именемъ Святѣйшаго правительствующаго Сѵно-
да, съ возношениемъ сего титула на всѣхъ эктеніяхъ
гдѣ поминались Патріархи. Его вѣдомству подчи-
нены были всѣ архіерейскія и монастырскія вот-
чины, пришедши въ разстройство отъ управле-
нія приказа монастырскаго. Избраніе Епіскоповъ,
судъ надъ лицами духовными, кроме дѣлъ уго-
ловныхъ, производившихся въ разныхъ приказахъ,
дѣла о ересяхъ и расколахъ, брачныя и развод-
ныя, бывшія прежде въ разрядѣ патріаршемъ,
а потомъ въ вѣденіи мѣстоблюстителя Митро-
полита Стефана, отнесены были сужденію сѵно-
дальному; а самъ смиренный Стефанъ, послѣ
столѣ долгаго имъ управлениія Церкви соборной,
почтенъ былъ званіемъ Предсѣдателя Святѣйша-
го Сѵнода, съ голосомъ равнымъ прочимъ чле-
намъ, и еще два года подвизался на семъ по-
прищѣ до блаженной своей кончины. Онъ пре-
ставился въ Рязани, гдѣ и погребенъ въ вели-
колѣбномъ соборѣ имъ сооруженномъ. Назначены
были также два вице-президента, Феодосій, недав-
но посвященный въ архіепіскопы Новгорода, и
Феофанъ Пековской; прочие же члены, участво-
вавши въ сужденіяхъ сѵnodальныхъ, были: Леон-
идъ архіепіскопъ Крутицкій, архимандрить ла-
вры Сергиевской Гавріиль, архимандриты трехъ
ставропигіальныхъ Московскихъ монастырей, Чу-
дова, Новоспасскаго и Симонова: знаменитый Фе-
офилактъ Лопатинскій, Іероѳей и Петръ, игумны

Афанасій Толгскій изъ Ярославля, Варлаамъ Угрѣшскій изъ подъ Москвы, одинъ іеромонахъ Іоаннъ и два протопросвитера Петербургскихъ новыхъ соборовъ: Іоаннъ Троицкаго и Петръ верховныхъ Апостоль. Таковъ быль начальныи составъ Святѣшшаго Синода.

Обнародовано было сіе соборное правительство по всей Россіи, но еще требовалось, для вѣчной твердости онаго, признаніе прочихъ Восточныхъ церквей, дабы ненарушимо было единство Каѳолической Церкви. Императоръ Петръ, нѣсколько разъ въ теченіе своего царствованія, обращавшійся къ престолу Константинопольскому, то о дозволеніи браковъ съ иновѣрными, и не перекрещиваніи Лютеранъ и Кальвиновъ, переходившихъ въ православіе, надъ коими надлежало совершать одно только таинство муропомазанія; то о разрѣшениі поста воинамъ на браніи, самъ написалъ грамату къ Патріарху Іеремію. Извѣщая о нуждахъ Церкви Россійской, побудившихъ его принять оней попеченіе, по образу древнихъ благочестивыхъ Царей, и уставить съ властію равнопатріаршескою духовный Синодъ, для ея управлеія,—Петръ уповалъ, что и онъ, какъ первый Архіерей Восточной Каѳолической Церкви, признаеть за благо сіе учрежденіе, известить о томъ прочихъ блаженнѣйшихъ Патріарховъ, Александрийскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго, и будетъ имѣть общеніе съ Свя-

тъйшимъ Сунодомъ, какъ съ прежними Всероссійскими Патріархами.

Замѣчательно, что имя Патріарха, къ коему обращался Петръ при учрежденіи Сунода, былъ Іеремія, точно также какъ Іеремію звали Первовосвятителя Константинопольского, съ коимъ своился Царь Феодоръ при установленіи въ Россіи патріаршества. Странно повторились и нѣкоторыя другія обстоятельства: — въ семъ случаѣ, какъ и тогда, всѣхъ болѣе содѣствовалъ Государю и Цареградскому Владыкѣ Антіохійскій Патріархъ, а Александрийскій скончался во время совѣщаній. Другое важное дѣло занимало также Вселенскихъ Святителей, при полученіи царскихъ граматъ, и слегка коснулась онаго и Церковь Россійская. Нѣкто, Епископъ Фиваидскій, полежавшій престолу Александрийскому, находясь въ Великобританіи за сборомъ милостыни, подалъ мысль Англиканскимъ Епископамъ, о присоединеніи ихъ къ Церкви Вселенской, и доставилъ посланіе ихъ Патріархамъ.

Блюстители православія Восточнаго, соборно разсудивъ о томъ, пространно отвѣтствовали на вопросы Великобританскіе, излагая имъ, на какихъ только незыблемыхъ основаніяхъ вѣры отеческой, можетъ принять ихъ въ нѣдра свои Восточная Церковь, ибо она уже имѣла въ минувшемъ столѣтіи образецъ ложнаго присоединенія Кальвиномъ, которые обольстили Патріарха Кон-

станинопольского Кирилла Лукаря, и старались распространить свою ересь на Востокъ, подъ его именемъ. Преемникъ Лукаря, другой Кирилль Веррійскій, принужденъ былъ предать анаѳемъ догматы, приписываемые его предшественнику. А мудрый Досиоэй, Патріархъ Іерусалимскій, созвалъ соборъ въ Виолеемъ, и пространно изложилъ въ осьмнадцати членахъ все православное исповѣданіе Каѳолической Церкви, съ опроверженіемъ новаго ученія Германскаго, опираясь на прежде бывшее уже исповѣданіе Петра Могилы, признанное всею Церковію.

Между тѣмъ Епископы Великобританскіе, чрезъ протосингела Іакова Александрийскаго, взошли въ сношеніе о томъ же предметѣ съ Святѣйшимъ Синодомъ и прислали возраженіе свое на отвѣты Патріарховъ, прося доставить въ Константинополь; но Пастыри Россійскіе, видя какою ересью наполнено писаніе Англиканское, отвергавшее преданія отеческія, призваніе святыхъ и поклоненіе иконъ, — поступили столь же осторожно, какъ и Греческіе Святители, требуя соборно ихъ совѣта, безъ коего ничего не рѣшались предпринимать. Тогда три Вселенскіе Патріарха: Іеремія Константинопольскій, Аѳанасій Антіохійскій и Софоній Іерусалимскій, съ бывшими въ Цареградѣ Епископами, поспѣшили послать Святѣйшему Синоду соборное исповѣданіе Патріарха Досиоэя, какъ лучшее обличеніе на

ученіе Англиканское и Кальвинское; и окружнымъ посланіемъ умоляли пребывать непоколеблемо въ благочестивыхъ доктринахъ православія, ибо они уже издревле изслѣдованы и опредѣлены Вселенскими Соборами и Святыми Отцами, соблюдаются непрерывно служеніемъ Каѳолической Церкви, и нельзя ни приложить къ нимъ что либо, ниже отъ нихъ отнять.

Въ то же время Патріархи написали граматы Святейшему Сѵноду о признаніи его всею Вселенскою Церковию, по примѣру Константинопольского престола, отъ коего въ древности зависѣла Митрополія Всероссійская. Такова была грамата изъ Царяграда:

Іеремія, милостію Божію, Патріархъ Константина града.

Мѣрность наша, благодатію и властію Все святаго, животворящаго и совершенномачальствующаго Духа, узаконяетъ, утверждаетъ и провозглашаетъ, отъ благочестивѣшаго и тишайшаго Самодержца, святаго Царя, всея Московіи, малая и бѣлая Россіи, и всѣхъ сѣверныхъ, восточныхъ, западныхъ и иныхъ многихъ странъ обладателя, Государя, Государя Петра Алексѣевича, Императора, по Духу Святому намъ возлюбленнаго и превожденнаго, въ Россійскомъ святомъ великомъ царствѣ учрежденный Сѵнодъ. Есть и нарицается онъ нашимъ во Христѣ бра-

томъ, святымъ и священнымъ Синодомъ, отъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ Христіанъ, священныхъ и мірскихъ, начальствующихъ и подначальныхъ и отъ всякаго лица сановнаго; и имѣть власть творити и совершати, елика четыре Апостольскія, святѣйшии Патріаршіи престоли. Воспоминаемъ, завѣщаваемъ и уставляемъ ему, да хранитъ и содержть неколеблемы обычаи и правила священныхъ, вселенскихъ, святыхъ седьми Соборовъ и прочая елика содержть Восточная святая Церковь. И да пребываетъ во всѣ вѣки неколебимъ. Божія же благодать, и молитва, и благословеніе наша мѣрности да будетъ съ вами. 1723 г. сентября 23.

Іеремія, Божію милостію, Константинопольскій Патріархъ, во Христѣ братъ вашъ.

ПРИБАВЛЕНИЕ.

ПРИШЕСТВІЕ ВЪ РОССІЮ

ПАТРІАРХА ІЕРЕМІИ.

Въ лѣто отъ сотворенія міра 7095, Рождества же Господа нашего Іисуса Христа 1587, при державѣ Благочестиваго Царя и Великаго Князя Феодора Ioанновича всея Руси, и при святительствѣ Іова, содержавшаго престолъ Митрополіи Московской, пришелъ съ Востока Архіепископъ Константинополя, Новаго Рима, и Вселенскій Патріархъ Іеремія, нуждъ ради церковныхъ. Это было уже второе пришествіе Патріаршее въ краткое обладаніе Феодора.

Еще за два года прежде, Ioакимъ Антіохійскій и всего Востока, посѣтилъ за милостынею землю Русскую, чрезъ предѣлы Астраханскіе и Казанскіе, и высокимъ саномъ своимъ внушилъ набожному Царю, услаждавшему душу благолѣщемъ обрядовъ церковныхъ, желаніе возвеличить достоинство Митрополитовъ Всероссійскихъ; ибо давно уже они превосходили могуществомъ и об-

ширностю своей паствы Патріарховъ Вселенскихъ, хотя и числились сами въ области Цареградскаго. Въ то время Митрополитомъ былъ еще премудрый Діонисій Грамматикъ, и встрѣча его съ Святителемъ Антіохійскимъ едва ли не положила въ душу Царя первой мысли о учрежденіи Патріаршества: ибо когда Патріархъ, въ соборѣ Успенія Пречистыя Богоматери, приложась къ святымъ иконамъ, шель привѣтствовать Діонисія, Митрополитъ сойдя съ мѣста своего, не болѣе какъ на сажень, благословилъ его напередъ, а потомъ уже Патріархъ благословилъ Митрополита, и поговорилъ слегка, что приличнѣе было бы ему принять благословеніе прежде, да и пересталъ о томъ. — Благочестивый же Самодержецъ не пересталъ, но, помысля съ своею благовѣрною Христолюбивою Царицею Ириною, совѣтовался съ боярами и говорилъ имъ:

«Изначала, отъ працодителей нашихъ, Кіевскихъ и Владимирскихъ и Московскихъ Государей, Великихъ Князей и Царей благочестивыхъ, поставлялися богомольцы наши Митрополиты Кіевскіе, Владимирскіе, Московскіе и всяя Руси отъ Патріарховъ Царяграда Вселенскихъ: а потомъ, Всемогущаго Бога милостию и Пречистыя Богородицы заступницы нашей, и молитвами великихъ Чудотворцевъ всего Россійскаго царствія, и по совѣту Патріарховъ Вселенскихъ, начали поставляться особо Митрополиты въ Московскому

государствъ, по приговору и по избранію прародителей нашихъ и всего освященнаго собора, Архіепископовъ и Епископовъ Россійскаго царства, даже и до нашей державы. А нынѣ, по великой и неизреченной своей милости, велѣлъ намъ Богъ видѣть къ себѣ пришествіе великаго Патріарха Антіохійскаго: намъ же возсылающимъ за сіе славу Господу, испросить бы у Него еще милость, дабы явилъ свое милосердіе и устроилъ въ нашемъ государствѣ Московскомъ, Россійскаго царствія Патріарха, и посовѣтовать бы о томъ съ святѣйшимъ Іоакимомъ и съ нимъ бы приказать, о благословеніи патріаршества Московскаго, ко всѣмъ Патріархамъ.»

По волѣ Государя, шуринъ его, ближній бояринъ и конюшій, Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, объявилъ царскую рѣчь Патріарху Антіохійскому, чтобы о ней посовѣтоваль со Вселенскимъ, а Патріархъ Царяграда съ прочими, Александрийскимъ и Іерусалимскимъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ Греческаго царствія, да и во Святую гору и въ Синайскую обосмался, чтобы даль Богъ такое великое дѣло въ Россійскомъ государствѣ устроилось, ко благочестію вѣры Христіанской, а помысля между собою, чтобы объявили они, какъ приличнѣе можетъ оно состояться. Патріархъ же Іоакимъ выслушавъ рѣчъ сио, говорилъ:

«Извѣстно намъ Патріархамъ и всему Хри-

стіанству въ Греческой землѣ и повсюду, что Государь вашъ, благочестивый и Христолюбивый и милостивый къ своему Христіанскому народу, и насъ въ нашихъ скорбяхъ и угнетеніи, отъ богохмерзкихъ Агарянъ, призираетъ своею милостию, и мы о томъ молимъ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, и Пречистую Его матерь и всѣхъ Святыхъ, отъ вѣка угодившихъ Богу, дабы даровалъ Господь Государю нашему все по желанию его сердца, и многолѣтное здравіе и на враги побѣду, и государство его устроилъ бы мирно. — А такому великому достоянію въ его Россійскомъ царствѣ быть лично, когда бы Богъ устроилъ въ немъ Патріарха: только, не посовѣтовавъ съ Цареградскимъ и другими Патріархами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, учинить того невозможно, ибо то дѣло великое, всего собора: а слыша нынѣ такія рѣчи отъ благочестиваго Царя, начнемъ вкупъ о томъ совѣтовать и во Святую и въ Синайскую гору обоплемемся, и усердно будемъ просить милости у Бога, чтобы всемогущею своею десниццею сіе совершили.

И Государь, наградивъ милостию довольною Патріарха, отпустилъ съ честію, а на слѣдующій годъ прїѣжалъ въ Москву Грекъ Николай съ вѣстю, что Патріархи Цареградскій и Антіохійскій на словахъ ему приказывали о волѣ Государевой, какъ бы учинить на Руси Патріарха: что они

совѣтывавъ между собою, послали за Александрийскимъ и Иерусалимскимъ и велѣли имъ быть въ Царыградъ, о томъ дѣлъ соборовать и съ собора хотять прислать Святителя Иерусалимскаго, наказавъ ему какъ учинить Патріарха.

Пришествіе же Святѣйшаго Іереміи Вселенскаго таково было: — въ Іюнѣ 1588 года воевода Смоленскій Князь Михаилъ Катыревъ Ростовскій и бояринъ Князь Феодоръ Шестуновъ писали къ Государю, что прїехали къ нимъ Константинопольскій Патріархъ, а съ нимъ Митрополитъ Мопемвасійскій Іероѳей и Елассонскій Архіепископъ Арсеній, со многими старцами и людьми торговыми и служивыми, которыхъ остановили они до царскаго указа въ Смоленскѣ, и прислали грамату патріаршую:

«Іеремія, Божію милостию, Архіепископъ Константинополя, Новаго Рима, и всея вселенныя Патріархъ, благовѣрному и Богоизбранныму и тихомирному славному самодержцу, Царю всея земли Россійскія, Московскому, Казапскому, Астраханскому, Новогородскому и иныхъ! Молимъ Бога, чтобы твое царствіе многолѣтно было и мирно отъ всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ, на похвалу и на радование всея земли, всему роду благовѣрному. Мы слышали о твоемъ царствіи, еще при жизни блаженныя памяти отца твоего, и хотимъ и радѣемъ прийти въ ваши страны, чтобы принять благодать отъ страны Христіанскія,

слышали и о благовѣріи великаго Царя отца твоего, что содержалъ благочестіе ко всемъ храмамъ Божіимъ и дозиралъ дѣла царскія благо, боголюбезно и достоинъ царствія небеснаго. — А меня тогда времена тяжкія не пустили; нашли на насъ многія скорби и нужды и опалы, отъ невѣрнаго я былъ посаженъ въ темницу, и все сіе уже исповѣдано въ державѣ твоей. Нынѣ же, Божію милостію, мы изъ опалы вышли и испросивъ себѣ волю, пришли изъ Царяграда въ область твоего царствія, даже до Смоленска, и пишемъ къ тебѣ грамотою вскорѣ: произволишь ли намъ быть къ царствію твоему? — И здѣсь ожидаемъ отвѣта: нужно ли намъ быть или не быть? Мы же, чтобы учинить пользу своей великой Церкви, изготовили все, что было по силѣ. О Богъ пишемъ сіе и ожидаемъ твоего царскаго указа; и Вседержитель Богъ да сохранить твое царство многолѣтно и дасть помощь и благословеніе. Аминь».

Царь Феодоръ Іоанновичъ, получивъ вѣсть отъ воеводъ своихъ и грамоту святительскую, немедленно отправилъ въ Смоленскъ, на встречу Патріарха, почетнаго пристава Семена Пушечникова, съ указомъ къ воеводамъ, чтобы отпустили съ честію къ Москву святѣйшаго Еремію и приведшихъ съ нимъ, и дали бы имъ въ дорогу почетный кормъ и подводы, и дѣтей боярскихъ изъ Смолянъ для провожанія, а Епископу Силь-

вестру указалъ принять Патріарха въ соборѣ прѣсвятыя Одигитріи Смоленскія, съ возможнымъ благолѣпіемъ, какъ бываетъ при встрѣчѣ Митрополитовъ Всероссійскихъ, и чтобы въ церкви было людно и нарядно, и отъ себя велѣлъ послать также почетный кормъ къ Патріарху и къ Митрополиту и къ Архиепископу. Но, изъявивъ благочестіе свое, радушнымъ пріемомъ великаго Святителя, не оставилъ прозорливый Самодержецъ принять и нужныхъ мѣръ предосторожности правительственной. Въ грамотѣ царской къ воеводамъ Смоленскимъ изъявлено неудовольствіе за ихъ оплошность, ибо узнали они о приходѣ патріаршемъ тогда только, когда пришелъ уже въ ихъ пристань, а отъ рубежа Литовскаго до семидесяти верстъ шель онъ какъ бы чужею землею, нигдѣ не встрѣчая стражи, чего не было прежде; да и не распросили, какимъ обычаемъ проѣхалъ онъ чрезъ Литовскую землю, и съ приговору ли всѣхъ Патріарховъ оставилъ Царьградъ? и о самой встрѣчѣ не извѣстили Государя. Распрашивать же о томъ Патріарха болѣе имъ не велѣно, но только впредь быть осторожнѣе и прислать на казенный дворъ опись всего товара и имущества, которое съ нимъ и у людей его. И приставу дана отъ Государя память, какъ привѣтствовать Патріарха, и съ возможною бережностю и почестю ему сопутствовать; на дорогѣ же стараться вывѣдать тайно

отъ старцевъ его и людей, съ чѣмъ идетъ къ Государю святѣйшій Іеремія? и имѣть ли какое слово къ нему отъ прочихъ Патріарховъ? и кто на его мѣстѣ сталъ въ Царѣградѣ? и гдѣ Феолиптосъ, который прежде него былъ Патріархомъ? и кто изъ нихъ двухъ по возвращеніи его будетъ патріаршествовать? И о томъ вѣльно распросить: послана ли куда рать Турскаго Салтана? есть ли война съ Кизилбашскимъ Шахомъ, и въ миру ли съ Франскимъ и съ Испанскимъ Королемъ и съ Цесаремъ? А какъ шелъ Патріархъ черезъ Литовскую землю, видѣлъ ли Короля и кто тамъ нынѣ, и былъ ли у Пановъ-Рады? и что вѣдаєтъ вѣстей Литовскихъ и нѣтъ ли съ нимъ Литовскихъ люлей? Обо всемъ подробнѣ долженъ быть онъ извѣстить Государя, съ пути отъ Можайска и еще съ послѣдняго стана подъ Москвою, гдѣ ждать разрѣшенія о вѣздѣ.

Послѣ десятидневнаго шествія (Іюля 13) другой почетный приставъ Григорій Нащокинъ встрѣтилъ Патріарха у самой столицы, на перевозѣ Дорогомиловскомъ чрезъ Москву рѣку, и спросивъ о здоровьѣ отъ лица Государева, равно Митрополита и Архіепископа, повелъ ихъ лучшими мѣстами, мимо лровянаго двора, чрезъ слободы стрѣлецкія, подъ города въ Тверскія ворота; съ Тверской же улицы, житинымъ дворомъ мимо пушкарскаго двора на Рязанское подворье. Тамъ вѣльно устроить ихъ съ возможною почестію и до царскаго пріема никого къ нимъ не допускать изъ Грековъ или прочихъ ино-

земцевъ, кроме посылаемыхъ отъ бояръ и властей духовныхъ съ кормами почетными; а всѣхъ людей Волошскихъ и Литовскихъ, съ ними пришедшихъ, отвести на Литовскій гостинный дворъ; приставамъ же вѣдаться только съ думою боярскою и ничего не предпринимать безъ посольского дьяка Андрея Щелкалова.

Спустя недѣлю (Іюля 21), въ день воскресный, велѣль Государь Патріарху Цареградскому быть у себя на дворѣ; и Патріархъ съ торжествомъ вѣхалъ въ Кремль, на осляти, и слизь на рундукѣ у собора Благовѣщенія, а Митрополитъ и Архіепископъ сошли съ лошадей, не доѣзжая, въ сопровожденіи своихъ приставовъ. Дѣти боярскіе и люди приказные, въ золотомъ платьѣ, стояли по ступенямъ высокаго крыльца гдѣ ожидала первая встрѣча: — думный дворянинъ Татищевъ съ дьякомъ дворцовымъ Тіуновымъ, и въ проходной палатѣ у средней лѣстницы, гдѣ второй разъ встрѣчали окольничий Князь Петръ Лобановъ-Ростовскій и дьякъ разрядный Сапунъ Ивановъ. — Въ красномъ углу златой подписной палаты, изъ драгоцѣнномъ престолѣ, сидѣлъ самъ благовѣрный Государь, въ вѣнцѣ и царской одеждѣ, съ богато извѣяннымъ скиптомъ въ рукахъ, имѣя подъ себя златую державу съ изображеніемъ всея вселенныя. При немъ были всѣ его бояре, и окольничие и дворяне, въ золотомъ платьѣ. Казначей Траханіотовъ

явилъ ему пришествіе патріаршее, возгласивъ громко: «Святѣйшій Іеремія Патріархъ Цареградскій и Митрополитъ Моневассійскій Іерою таинственіи тебе Государю ударили челомъ.» Тогда Царь всталъ съ своего мѣста и за полсажени встрѣтилъ Патріарха; Святитель же сперва воздалъ честованіе святой иконѣ Владычицы небесной, которая сияла блескомъ драгоценныхъ камней надъ самыми престоломъ, изъ подъ его богатой сбни; потомъ же, поднявъ горѣ руки, вознесъ теплую молитву о здравії, многолѣтіи царскому, о прославленіи имени его на Востокѣ и Западѣ, о дарованіи ему благословенной отрасли, и осѣнилъ крестообразно преклоненную богоизбѣнченную главу его.

Въ свою чреду помолился Царь о исполненіи надъ нимъ святительскихъ обѣтованій, и возблагодаривъ его, молвилъ: «Въ часъ добрый святыня твоя посѣтила наше царство при моей державѣ; какъ миловалъ тебя Господь на пути?» Патріархъ же отвѣтствовалъ: «Божію милостію и твоимъ Государевымъ жалованьемъ, дошелъ я до царствія твоего здорово, и всѣ труды мои позабыты, когда увидѣлъ твои царскіе очи.»

Тогда поднесъ Государю дары свои, въ благословеніе: панагію златую съ частями животворящаго креста, ризы Господней и Богоматери внутри ея и съ частію орудій Божественныхъ страстей, копія, трости, губы, терноваго вѣнца;

также и святыя моши въ серебряномъ кіотѣ: руку равноапостольнаго Царя Константина, которую взялъ изъ Сербскія земли Султанъ Солиманъ и даровалъ нѣкогда бывшему Патріарху Іереміи въ соборный храмъ Богоматери, и руку Св. Іакова, одного изъ числа сорока мучениковъ Севастійскихъ. Другая златая панагія и моши Святыхъ Мученицъ Соломоніи и Марины Антіохійскія, назначены были въ благословеніе Христолюбивой Царицѣ Иринѣ.

Государь повелѣлъ принять священные дары сіи казначею Траханіотову и, возсѣвъ на престолъ, указаль Патріарху сѣсть на скамью подъ себя съ правой руки, поодаль же Митрополиту и Архіепископу, и казначей явилъ жалованіе царское: Патріарху двойной серебряный кубокъ и четыре портища разноцвѣтнаго рытаго бархата, камку и два сорока соболей и деньгами триста рублей; а Митрополиту отнесли на подворье кубокъ серебряный, три портища бархату, камки и обѣари, сорокъ соболей и пятьдесятъ рублей деньгами; Элассонскому же Архіепископу не дано жалованья отъ Царя, ибо однажды онъ былъ уже въ Москвѣ и тогда дарована ему богатая милостию отъ Царя Иоанна Васильевича; но съ тѣхъ поръ, проживая въ землѣ Литовской, не возвращался онъ въ свою церковную область.

Тогда посолъскій дьякъ Андрей Щелка-

ловъ говорилъ отъ имени царскаго, что по собственному желанію Патріарха велико перемолвить съ нимъ ближнему боярину и конюшему, шурину Государеву, намѣстнику Казанскому, и Астраханскому Борису Федоровичу Годунову, и что щедрый Государь посыпаетъ ему на подворье со стола своего трапезу. А святѣйшій Іеремія, еще онажды благословивъ Царя, вышелъ съ своими приставами и всѣми сопутниками въ малую отвѣтную палату, куда послѣдовалъ за нимъ бояринъ Годуновъ съ двумя дьяками. Тамъ Щелкаловъ явилъ его Патріарху, и Борисъ Федоровичъ, принявъ благословеніе, спросилъ о здравьѣ святительскомъ и внялъ отвѣту: «милостію Божію мы ѿхали здорово, но большее мое здоровье то что видѣль свѣтлایя царскія очи.»

Оба сѣли, также и дьяки съ разрѣшеніемъ патріаршаго, Архіереевъ же и старцевъ его выслалъ бояринъ въ другую проходную палату и говорилъ ему, что по волѣ Государя и собственному его желанію, изъявленному чрезъ приставовъ, посланъ онъ посовѣтовать съ нимъ о пѣкоторыхъ дѣлахъ и просилъ извѣстить о винѣ своего пришествія и о томъ кто въ Царѣградѣ Патріархъ въ его отсутствіе? также о странствіи своемъ чрезъ Литовскую землю и разговорахъ съ Панами-Рады и Капцлеромъ? — Патріархъ отвѣтствовалъ:

Былъ я на патріаршествѣ въ Царѣградѣ, и по моимъ грѣхамъ и ради грѣха всего Хри-

стіаства Греческаго, возмутился Салтанъ Турскій на Церковь Божію. Виною же всему Гречанинъ, бывшій у меня подъ началомъ, который бѣжалъ и обусурманился и сдѣлался капуджи у Салтана; онъ началъ наносить ему многія ложныя слова на меня и возводить великія богатства и сокровища и обличать великое украшеніе въ той церкви, гдѣ прежде меня жили Патріархи, говоря что утвари сей ить цѣны и числа. Къ тому же сталъ и Феоліптось подкупать Пашей, чтобы учинили его въ Царѣградѣ Патріархомъ, а онъ будетъ давать Салтану сверхъ прежней дани, 2000 золотыхъ. Я же, въ старости моей, хотѣлъ уже оставить престоль свої и избрать иного на мое мѣсто съ согласіемъ всѣхъ Патріарховъ, Митрополитовъ и всего освященнаго Собора, по прежнему обычаю. Но Турскій Салтанъ нарушилъ грамоты прародительскія, кои даны были Патріархамъ при взятіи Царяграда, чтобы въ духовные чины ни въ чемъ не вступаться, и велѣлъ быть Феоліпту, безъ нашего Собора, Патріархомъ. Когда же я сталъ о томъ много и жестоко говорить Пашамъ, чтобы не рушилъ грамотъ дѣдовскихъ, Муратъ Салтанъ учинилъ волненіе на Церковь Божію, и на меня опалу возложилъ, сославъ на Бѣлое море, на островъ Родось, и тамъ сидѣлъ я въ опалѣ четыре года. А въ то время въ Царѣградѣ былъ Патріархъ Фео-

липлось: на пятый же годъ Салтанъ его отставилъ и разграбилъ церковь Божію и все церковное строеніе, учинивъ въ ней мечеть, а за мною прислали, чтобы мнѣ опять быть въ Патріархахъ. — Я пріѣхалъ въ Царьградъ, вижу Божія церковь разорена и строить въ ней мечеть, все достояніе разграблено, кельи обвалились. Тогда сталъ присыпать ко мнѣ Салтанъ чтобы мнѣ устроить патріаршескую церковь и кельи въ иномъ мѣстѣ въ Царьградѣ; а мнѣ строить нечѣмъ: что было казны, все расхищено, и я съ приговору соборнаго былъ челомъ Салтану, чтобы мнѣ позволилъ ити, ради милостыни на церковное строеніе, въ Христіанскія Государства, и онъ меня отпустилъ. — А я слышавъ про такого благочестиваго и Христолюбиваго Государя вашего, сюда видѣть его царскія очи и православную вѣру и для ради милостыни, чтобы Государь пожаловалъ помогъ намъ въ нашихъ скорбяхъ и утѣшненіи и нынѣ иѣть въ Царьградѣ иного Патріарха.

Шелъ же я на Литву, и какъ пришелъ во Львовъ, посыпалъ къ канцлеру Яну Замойскому въ городъ Замостье, о пропускной грамотѣ, и канцлеръ велѣлъ мнѣ быть у себя, а въ ту пору былъ у него лучшій бояринъ Максимилиана Князя Австрійскаго, и говорилъ мнѣ канцлеръ въ разговорѣ: какъ на избраніи были великіе послы Государей, и паны Польскіе

избрали себѣ за Короля Свѣйскаго Королевича Сигизмунда и короновали его; а нынѣ неизвѣстно, кто у нихъ Король: Жегимонтъ въ Краковѣ, а Паны Рада избрали себѣ другаго Максимилиана Австрійскаго, и тотъ сидитъ въ городѣ Красномъ Ставѣ, а по грѣхамъ ихъ нѣтъ между ними согласія о Королѣ.»

Патріархъ еще говорилъ, что есть у него пѣкоторыя рѣчи тайныя, и бояринъ Годуновъ, выслушавъ ихъ вкратцѣ, обѣщалъ донести въ слухъ Царю, и отпустилъ Патріарха съ честію на подворье Рязанское; — благочестивый же Самодержецъ, помыслилъ съ своею супругою, говорилъ съ боярами.

«Прежде сего приходилъ къ намъ В. Государю, изъ Антіохіи, святѣйшій Іоакимъ Патріархъ, и мы тогда съ вами бояре совѣтовали, чтобы намъ Господь Богъ свое милосердіе даровалъ и устроилъ въ государствѣ Московскому Патріарху; а святѣйшій Іоакимъ рекся о томъ пословѣтовать со всѣми Патріахами. Нынѣ же, по великой и неизреченной милости Божіей, пришелъ къ намъ самъ пресвятѣйшій Іеремія, Натріархъ Цареградскій и Вселенскій, чего досель при нашихъ прародителяхъ никогда не бывало, чтобы отъ такого великаго и начальнаго въ вѣрѣ Христіанской мѣста, изъ православнаго Царяграда пришелъ Патріархъ, и мы прося у Бога милости разсудили, чтобы Патріарху Ца-

рерградскому быть нашего государства въ начальномъ городѣ Володимирѣ». И вельгъ Государь шурину своему посовѣтовать съ Патріархомъ, возможно ли тому статья, чтобы ему быть въ Россійскомъ царствіи въ первопрестольномъ Володимирѣ.

А между тѣмъ во время царскаго совѣта протекли многіе дни и недѣли, и святѣйшій Іеремія началъ уже просить обѣ отпускѣ въ Царьградъ, когда посѣтилъ его шуринъ Государевъ и, принявъ благословеніе святительское, спрашивалъ о здоровыи, отъ имени Царя и Царицы, и сказалъ ему тайную рѣчъ:

«Государь нашъ благовѣрный и Христолюбивый велѣль тебѣ святѣйшему Патріарху объявить свою царскую мысль. Приказавалъ онъ съ Антіохійскимъ къ тебѣ и другимъ Патріархамъ, чтобы всѣ вкупѣ межъ собою посовѣтовали, какъ бы устроить ко благочестію вѣры Христіанскія въ Россійскомъ царствіи Патріарха; и нынѣ сказывалъ ты, что по грѣхамъ Христіанскимъ, Султанъ Турскій волнепіе на Церковь Божію учинилъ и на тебя гоненіе, и Патріаршество разграбилъ; благочестивый же Самодержецъ молитъ святыню твою остататься въ Россійскомъ царствіи и патріаршествовать на престолѣ Владимирскомъ и всея величія Россіи, дабы такимъ обычаемъ правдиво именоваться тебѣ

Вселенскимъ, и обѣщаетъ многое достояніе тебѣ и твоимъ.»

Патріархъ же отвѣтствовалъ: «Царю и Великому Князю и его благовѣрной Царицѣ многое благодареніе за ихъ великое ко мнѣ жалованье. Извѣщалъ смиреніе наше братъ нашъ Антиохійскій, о благочестивомъ желаніи Самодержца, и мы соборно приговорили, что прилично во славу Россійскаго царствія учредить патріаршество, и самъ я того не отмечуся: только мнѣ во Владимірѣ стать невозможно, ибо Патріархъ всегда бываетъ при Царѣ, а что за патріаршество, когда жить вдали отъ своего Государя. Да и ко мнѣ слезно пишутъ Епископы и пресвитеры и вся братія Константинопольской Церкви чтобы къ нимъ возвратиться. Время итти мнѣ опять къ той Церкви, которую какъ мать воспріялъ, дабы хранить ее недугующую и старющущую, и поддержать многихъ изъ чадъ, ее покидающихъ безъ всякаго утѣшенія, не разсуждая, что отъ нея воспріяли они всѣ свои блага».

Великій Государь, внявъ отзывъ патріаршій, огорчился и много разъ посыпалъ къ нему шуринъ своего совѣщаться о томъ же и не произволилъ святѣйшій Іеремія; тогда созвалъ Царь свою ладу и говорилъ ей: «Помыслили мы Вселенскому Патріарху Іереміи быть у насъ на престолѣ Владимірскомъ и всяя Великія Россіи, а въ царствующемъ градѣ Москвѣ быть по пре-

жнему отцу нашему и богомольцу Іову Митрополиту: и святейшій Іеремія сего не хочетъ, если мы не произволимъ ему быть на Москвѣ у Пречистыя Богородицы: мы же разсудили, какъ намъ такого сопрестольника великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны, мужа житія достохвальнаго, святаго и преподобнаго, отъ Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ изгнать и учинить Греческаго Патріарха? А онъ здѣшняго обычая и закона не знаетъ, и намъ съ нимъ ни о какихъ духовныхъ дѣлахъ безъ толмача бѣсѣдоватъ нельзя. И нынѣ еще бы намъ посовѣтовать, чтобы Вселенскій Іеремія благословилъ и поставилъ на патріаршество Владимірское мужа Россійскаго собора, отца нашего Митрополита Іова, по тому же чину, какъ поставляетъ Патріарховъ Александрийскаго и Іерусалимскаго, и чинъ поставленія у него бы взять, чтобы впредь Патріархи поставлялись въ Россійскомъ царствѣ отъ своего собора, а для того учинить бы вновь Митрополитовъ и прибавить Архіепископовъ и Епископовъ, въ которыхъ городахъ приличнѣе».

Бояринъ Борисъ Феодоровичъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Андреемъ Щелькаловымъ (13 Генваря), вѣзли опять на подворье къ Вселенскому Патріарху и сказывали ему царское слово: «что если святейшій Іеремія самъ уже не хочетъ быть на патріаршествѣ Владимірскомъ

и всей Россіи, то хотя бы поставилъ вмѣсто себя, изъ Россійскаго собора, кого Господь Богъ и Пречистая Богородица и великие Чудотворцы Московскіе изберутъ: ибо изначала благочестивые прародители наши царскіе пріяли крещеніе въ Христіанскую вѣру, а преосвященные Митрополиты Кіевскіе поставленіе свое отъ Патріарховъ Константинопольскія Церкви, и вѣру сию содержатъ твердо. Ты же пресвятѣйшій Іеремія, по благодати Св. Духа, то же Апостольскаго престола преемникъ, дѣло сіе соверши». И Патріархъ, много о томъ совѣтовавъ съ бояриномъ, сказалъ: «поистинѣ въ благочестивомъ Царь Духъ Святый пребываетъ, отъ Бога внушенъ ему мысль сія и право его начинаніе: поелику вѣтхій Римъ палъ отъ ереси Аполлинаріевой, второй же Римъ, Константинополь, обладаемъ отъ безбожныхъ Турокъ внуками Агарянскими; великое же Россійское царство благочестіемъ всѣхъ превзошло, собравшись воедино, и одинъ Христіанскій Царь подъ небесами, вашъ благовѣрный Государь именуется во вселенной, то прымысломъ Божіимъ и Пречистыя Богородицы молитвами, и ходатайствомъ великихъ Чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны, и съ совѣта царскаго, сіе великое дѣло да исполнится!» Тогда благословилъ избрать по волѣ Государевой, и чтобы впредь поставлялись Патріархи въ Россійскомъ государствѣ, отъ своихъ

Митрополитовъ по чину церковному; себѣ же просилъ отпуска въ Царыградъ.

Въ лѣто 1589-е (Генваря въ 19 день) собралися въ царствующемъ градѣ Москвѣ великий духовный Соборъ всего Россійскаго царства: преосвященный Іовъ Митрополитъ всея Руси, Александръ Архіепископъ В. Новагорода и Пскова, Іеремія Арх. Казанскій и Свіяжскій, Варлаамъ Ростовскій и Ярославскій, Епископъ Іовъ Сузdal'скій и Торусскій, Еп. Митрофанъ Рязанскій и Муромскій, Еп. Сильвестръ Смоленскій и Брянскій, Еп. Захарія Тверскій и Кашинскій, Еп. Іосифъ Коломенскій и Каширскій, Еп. Геласій Сарскій и Подонскій и многіе Архимандриты, Игумены и старцы соборные, и великій Государь, изложивъ предъ ними о совѣщаніи своеемъ съ обоими Патріархами и о согласіи святѣйшаго Іереміи на поставленіе Патріарха въ Московскому государствѣ, указалъ имъ совѣтовать между собою, какъ бы даровалъ Богъ столъ великому и славному дѣлу устроиться въ Россійскомъ царствіи; и весь освященный Соборъ положился во всемъ на волю его Государеву. Царь же повелѣлъ дьяку посольскому Андрею Шелкалову, мужу опытному, искусному и уже въ годахъ преклонныхъ, распросить св. Іеремію, какъ бываетъ у нихъ поставленіе патріаршее, и Патріархъ сказывалъ ему, что по тому же чину какъ и Митрополитовъ, и далъ ему вкратцѣ письмен-

ный чинъ избрания и нареченія, по примѣру великой Константинопольской Церкви, такого содержанія:

Кого Царь произволитъ въ Патріарха, тому пошлетъ въ келію двухъ человѣкъ извѣстить, что Царь и Патріархъ хотятъ нарицать его, и дѣлаютъ втайнѣ; а какъ соборомъ отпоятъ вечерню, послѣ молебна возьметъ избранный свѣчу въ руки и свитокъ, въ коемъ писано благодареніе Царю, Патріарху и всему Собору, къ нему придетъ въ церковь Царевъ ближній человѣкъ и станетъ со свѣщеною противъ него, говоря: «святый Царь и святѣйшій Іеремія Патріархъ и весь освященный Соборъ велѣли тебѣ говорить: призываю тебя возсѣсть на престолъ Владимирскій и Московскій всея Руси.» А нареченный держитъ тому Цареву ближнему отвѣтъ: «Коли меня грѣшнаго избралъ Самодержець и Вселенскій Господинъ Іеремія со всѣмъ освященнымъ Соборомъ въ такой великой чинѣ, я о томъ ихъ благодарю и на себя тотъ чинъ принимаю», да послѣ того избранный всему Собору и народу говоритъ помолиться, чтобы ему соблюсти сіе стадо Господне»

Но благовѣрный Царь Феодоръ Ioannовичъ велѣлъ еще выписать изъ книгъ уложенную грамоту блаженной памяти отца своего, на поставленіе Митрополита Діонисія Грамматика, и, сличивъ съ патріаршимъ чиномъ, составилъ свой

приговоръ о избраніи и нареченіи, на который однако послалъ предварительно испросить взаимное согласіе св. Іереміи, отъ лица всего Собора, чрезъ Архіепископа Ростовскаго Варлаама и Смоленскаго Епископа Сильвестра, со многими Архимандритами и Игумнами.

Въ предназначенный день, четвертокъ (23 Генваря), сошелся весь освященный Соборъ: Архіепископы, Епископы, Архимандриты, Игумены въ Апостольскую церковь Пречистыя Богоматери и пѣли молебны великии Чудотворцамъ. Двое же изъ числа Епископовъ, Іовъ Суздальскій и Митрофанъ Рязанскій, со многими канонархами и старцами, пославы опять къ святѣйшему Іереміи пригласить его на Соборъ Россійской земли, и подвигся Патріархъ на ихъ моленіе, шествовалъ со звономъ, Китай-городомъ и Кремлемъ, ко храму, гдѣ ожидали его три встрѣчи: не доходя еще, Епископъ Крутицкій Геласій въ мантіи и съ нимъ двѣнадцать Архимандритовъ и Игумновъ въ полныхъ великолѣпныхъ облаченіяхъ, и на крыльца три Епископа, Смоленскій, Тверскій, Коломенскій, съ пятью другими великими начальниками обителей, и въ самыхъ дверяхъ три Архіепископа, Новагорода, Казани и Ростова, съ Архимандритомъ Троицкой лавры и соборными старцами. Святѣйшій же Іеремія вошелъ въ церковь, знаменовался у святыхъ иконъ и благословивъ великій

Соборъ Святителей, тайно совѣщался съ ними о избраніи; потомъ сталъ на свое патріаршес мѣсто, Святители же всѣ поднялись во главу собора, для избранія Главы Церковной, въ придѣлъ Похвалы Богородицы, что надъ ризницею въ куполѣ.

Тамъ, съ молитвою возсѣвъ, совѣщались и написали избраніе, съ твердымъ словомъ и скрѣнною рукъ своихъ: «Изволеніемъ Господа Бога Вседержителя, безначального Отца и собезначального единороднаго Его Сына, Господа нашего Іисуса Христа, и Всесвятаго животворящаго Духа, и молитвами Пречистыя Богородицы и приснодѣвы Маріи и святыхъ великихъ Чудотворцевъ преосвященныхъ Митрополитовъ Кіевскихъ и всея Руси, Петра, Алексія, Іоны, и повелѣніемъ Боговѣнчаннаго Царя, Государя и В. Князя Феодора Іоанновича всея Руси Самодержца, и по благословенію Іереміи Патріарха Вселенскаго, Греческій Митрополитъ Монемвасійскій Іероѳей, Архіепископъ Тихонъ Казанскій и Свіяжскій и проч., во всечестномъ храмѣ Пречистыя Богородицы, въ придѣлѣ Похвалы, въ Богохранимомъ градѣ Москвѣ, у цѣлебныхъ гробовъ великихъ Чудотворцевъ, возѣли и избрали во святѣйшую и великую Русскую Митрополію Богоспасаемаго града Москвы, къ соборной и Апостольской церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія и Св. великихъ Чудотворцевъ Петра,

Алексія, Іоны, въ Патріарха: Іова Митрополита всея Руси, Александра Архієпископа великаго Новгорода и Пскова, Варлаама Архієпископа Ростовскаго и Ярославскаго».

Тогда же избрали соборно трехъ на митрополію великаго Новагорода: Архієпископа Александра съ двумя старшими Архимандритами — Троицкой лавры Кипріаномъ и Рождественскаго монастыря, что во Владимірѣ, Іоною; а на Ростовскую митрополію также трехъ: Архієпископа Варлаама, и Архимандритовъ оть Нового Спаса Сергія и съ Чудова Феодосія.

Совершивъ избраніе, Святители спустились изъ купола соборнаго къ Патріарху и пошли вмѣстѣ съ нимъ въ палаты царскія: благочестивый же Государь, встрѣтивъ святѣйшаго Іеремію въ дверяхъ золотой палаты, пріялъ благословеніе и спрашивалъ о здравії: потомъ, возсѣвъ на свое царское мѣсто, указалъ близъ себя сѣсть Патріарху и поодаль всему Собору. Посольскій дѣлкъ прочель въ слухъ имена избранныхъ въ Патріарха, и на имени Іова остановилъся Царь, и послалъ трехъ Архіереевъ и боярина своего звать его къ себѣ въ палаты. Самъ же возрадовался духомъ и возставъ воздалъ хвалу Богу, пославшему ему Святителя Вселенскаго для исполненія желаній его сердца, и обратясь къ Патріарху, благодарилъ за посыщеніе Московскаго государства; умиленно отвѣтствовалъ Па-

тріархъ: «Всепромысляющій Богъ да исполнитъ всегда благочестивыя желанія Царя и дастъ благословеніе всему, что по его кроткому сердцу».

Въ дверяхъ палаты встрѣтилъ опять Государь со всѣмъ Соборомъ Митрополита Іова, и ему не вѣрно было оставлять посоха своего, при цѣлованіи Патріарха, какъ равнаго ему отнынѣ, если самъ св. Іеремія не отдастъ посоха, и Государь объявилъ ему рѣчю его избраніе, Вселенскій же Патріархъ благословилъ. Тогда же возгласилъ дьякъ посольскій и имена избранныхъ въ Митрополиты Новугороду и Ростову, и на прежде бывшихъ Архіепископахъ остановился выборъ царскій.

Государь проводилъ до съней обоихъ Патріарховъ; оба они взошли въ соборную церковь, но тамъ не совершился чинъ, предложенный Іереміею, и не читалъ Іовъ благодаренія ему и Собору о своемъ избраніи; а только сотворили Патріархи межъ собою о Христѣ цѣлованіе и разошлись въ разныя двери соборныхъ, въ сопровожденіи Архіереевъ.

Такое же приглашеніе и такія же встрѣчи ожидали святѣйшаго Іеремію въ слѣдующій воскресный день (26 Генваря), предназначенный для постановленія Патріарха Московскаго. Три стула, покрытые парчею для Царя и чернымъ бархатомъ для Патріарховъ, поставлены были на возвышенномъ амвонѣ среди собора, и отъ

нихъ, по двѣнадцати ступенямъ амвона до самаго алтаря, простирались три испещренныя коврами пути для шествія царскаго и патріаршаго; скамы стояли по сторонамъ для Архіереевъ, а предъ амвономъ написанъ быль на церковномъ помостѣ орелъ единоглавый, имѧ крылья простерты и право стоящій на ногахъ; а подъ ногами его градъ съ забралами и столпами; орелъ же крѣпко наступилъ на столпы, а вокругъ него, стали двѣнадцать стрегущихъ, чтобы никто не наступилъ, кромъ нареченаго. И нареченный Іовъ твердо исповѣдалъ на орла предъ лицемъ всего сѣдящаго окрестъ Собора, и предъ лицемъ Царя и Патріарха, возсѣвшихъ на высокомъ амвонѣ въ полныхъ своихъ облаченіяхъ, какъ предъ Богомъ и избранными его Ангелами, правую и непорочную вѣру Христіанскую, и символъ вѣры, и уставы вселенскихъ седьми Соборовъ и помѣстныхъ, и Св. Отецъ каноны, и взойдя на амвонъ, пріялъ осѣніе патріаршее, и цѣлованіе Епископовъ, и поклонясь Царю, удалился опять въ верхній придѣлъ Похвалы Богоматери, до времени поставленія.

Когда же наступило время, и Патріархъ Вселенскій, со всѣмъ Соборомъ, взошелъ уже на маломъ входѣ въ алтарь, и пѣли Трисвятую пѣснь, тогда протоіерей и архидіаконъ соборные привели нареченаго Іова предъ царскія двери и два Митрополита ввели въ алтарь, а

Патріархъ Вселенскій, возложивъ на него руки и разгнувъ надъ главою евангеліе, призывалъ Божественную благодать на новаго Патріарха, и повторилъ надъ нимъ весь чинъ посвященія архіерейскаго, какъ нуждающимся въ сугубой благодати для высокаго своего званія. — Потомъ взялъ его съ собою по обычаю на горнее мѣсто для слушанія Апостола и Евангелія, и оба совершили вкупе Божественную литургію; святѣйшій Іеремія поминаль Патріарховъ Вселенскихъ, а его самаго — Іовъ Московскій; лампада же и посохъ предъ царскими дверьми во всю службу были Цареградскаго Патріарха.

По совершеніи литургіи соборно возвели новопоставленнаго Патріарха, на высокій амвонъ среди храма, и трижды посадили на приготовленный ему стулъ съ тройнымъ многолѣтіемъ. Патріархъ Вселенскій вручилъ ему священный посохъ Петра Митрополита Чудотворца, а благочестивый Царь отъ своего лица возложилъ на него панагію златую съ драгоцѣнными каменьями и пышную шелковую мантію съ истощниками, Веницейскаго шелка, унизанную жемчугомъ, и бѣлый клобукъ, весь осыпанный перлами и алмазами, съ стоящимъ на верху знаменіемъ Господа нашего, изъ драгоцѣннѣйшихъ яхонтовъ, съ надписью: даръ Царя Патріарху Іову, и другой изваянныи посохъ еще вручилъ ему, говоря:

«Всемогущая и животворящая Троица, да-
рующая намъ содеряніе Россійскаго царства,
подаетъ тебѣ сей святый и великий престолъ
великаго чудотворца Петра и патріаршество
Московское всея Россіи, рукоположеніемъ и ос-
вященіемъ пресвятѣйшаго Вселенскаго Патріар-
ха Іереміи и святыхъ отецъ Архіепископовъ и
Епископовъ нашего самодержавнаго Россійскаго
царствія; и жезлъ пастырскій, отче, воспріими
и на съдалище старѣйшинства взыди на пре-
столъ великаго чудотворца Петра, во имя Гос-
пода Іисуса Христа и Пречистыя его Матери, и
моли Бога и Пречистую Его Матерь, и вели-
кихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ
Святыхъ, о нась и о нашей благовѣрной Ца-
рицѣ и о всемъ православіи, что намъ на поль-
зу и всему православному Христіанству душев-
но и тѣлесно, и да дастъ тебѣ Господь здравіе
и долголѣтіе во вѣки вѣковъ аминь.»

На дворѣ, бывшемъ митрополичьемъ, а съ
той поры уже патріаршемъ, ожидали оба Пер-
восвятителя приглашенія къ столу царскому, и
по зову окольничаго вступили всѣмъ соборомъ
въ золотую подписанную палату. Пришельцы Гре-
ческие изумились великолѣпію трапезы, уста-
вленной златыми и серебряными сосудами, фіа-
лами многообразными и чашами мальвазіи и
Кипрскихъ винъ; различные изваянія звѣрей
изъ драгоценнаго металла нагружали трапезу:

львы и единороги, медведи и волки, олени и зайцы и дикие звери, соединились вкупе, какъ бы въ нѣкоемъ потѣшномъ звѣринцѣ, также и разнородныя птицы, павлины съ цветными крылами и хвостами, пеликаны, орлы и дивные строфокамилы утѣшали зрѣніе, и не было числа, и вѣсу, и цѣны сосудамъ: такою красотою сияла трапеза царская.

За великимъ столомъ съ Государемъ сѣли оба Патріарха; Митрополиты же и прочіе Святители и Архимандриты за иной столъ съ боярами и послами Иверскія земли, въ то время бывшими на Москвѣ, каждый по чину своему. Столъники разносили всѣмъ милостивыя подачи яствъ, со словомъ царскимъ отъ его трапезы; съ третьихъ яствъ поднялся изъ-за стола святѣйшій Іовъ Патріархъ Московскій, по чину церковному, и побѣхалъ на осляти вокругъ старого Кремля и Китая, благословлять градъ и народъ, а вель подъ нимъ осля окольничій Князь Петръ Ростовскій; впереди шли пѣвчіе дѣяки, воспѣвая стихири, и патріаршіе бояре, и четыре огненника съ пальмами, и возвратясь опять къ Государеву двору, сѣлъ за столъ по прежнему; на другой же день объѣхалъ и остальной Царевъ Каменный городъ, а тогда вель подъ нимъ коня бояринъ и конюшій, Борисъ Федоровичъ Годуновъ.

Когда окончилась трапеза царская, и по обычаю возвысили чинъ панагіи, благочести-

вый Государь сталъ посреди палаты и давалъ каждому вкушать сыту изъ чаши съ многолѣтіемъ; казначей же его Трахоніатовъ имѣлъ новое его жалованье: обоимъ Патріархамъ дары равные, подобные первымъ, какіе жалованы были вначалѣ святѣйшему Іеремію, также Митрополиту его, и Архіепископу, на сей разъ съ прочими вмѣстѣ, и всѣмъ старцамъ Греческимъ и Сербскимъ, пришедшимъ съ ними. Уже въ темную ночь отпущенены были на свое подворье Патріархи, Вселенскій въ сопровождениі стрѣльцевъ, несшихъ возженные факелы; а на ранней зарѣ они же отнесли торжественно къ Патріарху царскіе дары, явленные ему наканунѣ.

На другой день три Епископа пришли, отъ имени Патріарха Московскаго, звать къ нему на братскую трепезу Святѣйшаго Іеремію, и спросивъ о здравіи его, поднялся великий Святитель вслѣдъ за Епископами, сказавъ: да исполнится воля брата моего Іова. Торжественная встрѣча Архіереевъ, пресвитеровъ и діаконовъ, въ одеждахъ пышныхъ, со свѣчами и кадильницами и пѣніемъ стихиръ, ожидала на крыльца патріаршемъ Вселенскаго Владыку: въ дверяхъ же крестовой палаты привѣтствовалъ его самъ Патріархъ Московскій, и оба, помолясь честнымъ иконамъ и прочитавъ достойное въ честь Богородицы, целовались братски въ уста по чину патріаршему и сѣли вмѣстѣ въ ожиданіи трапезы.

Прежде же стола окольничий пригласилъ отъ имени Царя обоихъ Патріарховъ въ палаты царскія и Государь, встрѣтивъ ихъ по прежнему, сѣль на своемъ мѣстѣ въ одеждѣ царской и Патріархамъ указалъ также сѣсть на своихъ мѣстахъ. Бояре его вокругъ были всѣ въ золотыхъ платьяхъ, и казначей являлъ Царю поминки отъ Патріарха Іова всея Россіи, образъ Пречистыя Богородицы, чеканенный, обложеній золотомъ, съ яхонтами, и пелена атласная, саженая жемчугомъ, и кубокъ двойной серебряный, бархатъ и камни и сорокъ соболей и десять угорьскихъ червонныхъ и такіе же дары Царицъ. Тогда взошелъ окольничий отъ благовѣрной Царицы Ирины и, ставъ посреди палаты, съ низкимъ поклономъ пригласилъ обоихъ Патріарховъ и весь Соборъ въ ея покой; всѣ поднялись.

Сперва шелъ Государь, за нимъ оба Патріарха, потомъ Епископы и Архимандриты по чину и весь царскій сингакль; они вступили въ Сѣнную палату, гдѣ собраны были жены бояръ Московскихъ, служащиа Царицѣ, всѣ въ одеждахъ бѣлыхъ синевоговидныхъ, украшенныхъ индѣ золотомъ, индѣ багрянцемъ, унизанныхъ жемчугомъ и каменями драгоценными. Открылись златыя двери средней палаты Царицы, и отъ имени ея другой бояринъ пригласилъ Патріарховъ взойти со всѣмъ Соборомъ. За ними послѣдовалъ только одинъ Бояринъ Годуновъ,

и опять затворились двери. Чистейшимъ золотомъ сяла вся сферообразная храмина и, по хитрому устроению художника, звонко отзывались въ ней тихія слова. Стѣны украшены были драгоценною мусіею, съ изображеніемъ дѣвій Святыхъ и ликовъ Ангельскихъ, Мучениковъ, Іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ бѣко горѣла каменями драгими большая икона Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, и вокругъ ея лики Св. угодниковъ, увѣнчаны златыми вѣнцами, по коимъ разсыпаны жемчугъ и яхонтъ и сафиръ. Хитротканными коврами устланъ помость съ живымъ изображеніемъ со- колиной ловли, и другія изваянія птицъ и звѣрей изъ драгаго металла сяли вокругъ всей храмины; а на срединѣ свода искусно изваянны левъ, держаль въ пасти своей кольцемъ сви- таго змѣя, съ которого опускались златыя лампады.

Одежда самой Царицы превосходила пы- шиностію все, что ее окружало: монисты, поручи, ожерелье ея были тяжелаго ровнаго жемчуза: темными изумрудами и свѣтлыми алмазами за- стегивалась опущенная соболями одежда, и всѣми разнородными камнями горѣль безцѣнныій вѣ- нецъ ея, возвышавшійся двѣнадцатью зубцами на подобіе города, въ память двѣнадцати Апосто-ловъ, и крупными каплями висѣли съ него ал- мазы на свѣтлое чело Царицы; но ангельская красота сего чела затмѣвала еще блескъ царствен-

ныхъ украшений. Тихо поднялась Царица съ своего престола, при видѣ Патріарховъ, и встрѣтила ихъ посреди палаты, смиренно прося благословенія. Вселенскій же Святитель, оставивъ ее молитвенно болѣшимъ крестомъ, воззвалъ: «Радуйся благовѣрная и боголюбезная въ Царница Ирина, Востока и Запада и всея Руси, украшеніе Сѣверныхъ странъ и утвержденіе вѣры православной!» Тогда Патріархъ Московскій и занимавшіе всѣ Митрополиты, Архіепископы, Епископы каждый въ свою очередь, благословили Христолюбивую Царицу съ желавіемъ ей всякаго блага душевнаго и тѣлеснаго.

Она же краткими устами произнесла привѣтственную рѣчъ: Великій Господинъ Святѣйшій Іеремія Цареградскій и Вселенскій, старѣйший между Патріархами, многое благодареніе приношу святынѣ твоей за подвигъ, какой подъяль на пути странствія въ нашу державу, лабы и намъ даровать утѣшеніе видѣть священную главу твою, уважаемую паче всѣхъ въ Христіанствѣ православномъ, отъ коей и мы воспріяли благодать нынѣ, и за сіе воздаемъ хвалу Всемогущему Богу и Пресвятой его Матери и всѣмъ Святымъ, молитвами коихъ сподобились такой неизреченной радости. Воистину ничто не могло быть честнѣе и достохвальнѣе пришествія твоего, которое принесло столь великое украшеніе Церкви Россійской ибо отнынѣ возвеличеніемъ достоинства ея

Митрополитовъ въ санъ Патріаршій, умножилась слава всего царства по вселенной. Сего искони усердно желали прародители наши, Христолюбивые Государи, Великіе Князья и Цари, и не сподобились видѣть исполненія своихъ благочестивыхъ желаній, и нынѣ, на сей ихъ вождѣліиный конецъ, чрезъ многіе подвиги дальняго странствія, привелъ во дни нашей державы твою святыню всемогущій Богъ.

Тогда, отступивъ нѣсколько, стала около своего царскаго мѣста, имъя по правую руку благочестиваго Царя, по лѣвую же брата своего боярина, съ непокровенною главою, а поодаль ея стояли чинно избранныя жены княжескія, въ одѣждѣ бѣлой, сложивъ крестообразно руки и потупивъ глаза въ землю; по манио царскому всѣ онѣ, одна за другою, благоговѣйно подходили къ благословенію святѣйшихъ Патріарховъ. Благовѣрная же Ирина, пріявъ изъ рукъ старшай боярыни драгоцѣнныи златый потиръ, усыпанный иицѣстью тысячами жемчужныхъ зеренъ, кроме иныхъ камней, сама вручила его Патріарху, и возсѣвъ указала сѣсть.

Бояринъ же Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, выступивъ на средину, явилъ обоимъ Патріархамъ другіе дары Царицы: каждому по серебряному кубку и бархату черному, по двѣ камки, двѣ обѣяри и два атласа, и сорокъ соболей, и по сту рублей денегъ, являя же говорилъ Вселенскому:

Великій Господинъ, святѣйшій Іеремія Цареградскій и Вселенскій, сіе тебѣ милостивое жалованіе царское, да молиши усердно Господа за великую Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину и за многолѣтіе великаго Государя и о ихъ чадородії. Патріархъ же возставъ говорилъ:

«Господь Всемогущій, раздѣлившій Чермное море и проведшій сквозь него по суху Израиль, отъ мала до велика, и изсѣкшій имъ во утоленіе жажды воду изъ камени, на пути въ обѣтованную землю, и пославшій Архангела своего благовѣстить тайну воплощенія Пречистой Дѣвѣ благодатной, сосуду небесной манны, горѣ святой, неопалимой купинѣ, въ которую вселился Христосъ, чтобы искупить отъ смерти всероднаго Адама, самъ подвигшись на молитвенные подвиги наши, да даруетъ тебѣ благословенный плодъ чрева съ изліяніемъ своей благодати.»

Такимъ же обычаемъ бояринъ продолжалъ, возглашаха титулъ и проса молитвъ, являть дары святѣйшему Іову, Архіепископу царствующаго града Москвы и всѣхъ съверныхъ странъ Патріарху, и преосвященному Митрополиту Іероюю именитаго града Монемвасіи, что въ Пелопонисѣ, и смиренному Архіепископу Елассонскому, что изъ славной земли Греческой, гдѣ мудрецовъ слава и витій украшеніе, у подошвы Олимпа западнаго, а не восточнаго.

Когда же по порядку явлены были въемъ дары царскіе и взаимно дары патріаршіе, тогда вздохнувъ изъ глубины сердца, благовѣрная Царица, съ горькими слезами пролила скорбныя рѣчи свои предъ въемъ освященнымъ Соборомъ: «О великий Господинъ, святѣйший Іеремія Вселенскій, отецъ отцевъ, и ты, святѣйший Іоаннъ Патріархъ Московскій и всея Руси, и вы всѣ, преосвященные Митрополиты, Архиепископы и весь освященный Соборъ, Бога Всемогущаго блаженныя служители, сподобившиеся большей милости и благодати у Господа, и его Пречистой Матери и всѣхъ Святыхъ отъ вѣка угодившихъ Богу, и къ нимъ непрестанно возсылающіе молитвы, — молю васъ и заклинаю, изъ глубины души моей и съ стечаніемъ сокрушенаго сердца, всѣми силами усердно молите Господа, за великаго Государя и за меня, меньшую изъ дочерей вашихъ, дабы благопріятно внялъ молитву вашу и даровалъ намъ чадородіе и благословленія наследника сего великаго царства, Владимирскаго и Московскаго и всея Россіи».

И всѣ преклонились на жалость, внявъ горькую рѣчь Царицы, самъ Государь и оба Патріарха и весь Соборъ и Сингклитъ, и жены боярскія: плачемъ ихъ исполнилась вся храмина и изъ всѣхъ очей потекли жалостныя слезы; Патріархи же со въемъ Соборомъ единодушно воз-

гласили: «Богъ надъ всѣми сущій, и его небесная Матерь, и великий Предтеча и всѣ Святые, да призрятъ слезы твои, благотворная Царица, и наши о тебѣ стенанія, и да исполнятъ желанія твоего сердца. Творецъ всяческихъ, на все признающій милостивымъ окомъ, исполнившій всѣми благами земными сіе великое царство, да даруетъ ему и наслѣдника свыше всѣхъ сихъ благъ!»

Тогда поднялся Соборъ весь изъ палатъ царскихъ, Государь же и его благовѣрная Царица проводили до златой двери обоихъ Патріарховъ, пріявъ отъ нихъ еще однажды благословеніе. Первосвятители возвратились на дворъ патріаршій, где посла обычной трапезы, Святитель Іовъ являлъ богатые дары свои Вселенскому брату и пришедшими съ пимъ, святых иконы, кубки, бархатъ, камни и соболей, и съ честію отпустилъ на ихъ подворье, а на слѣдующее утро принесены къ нимъ дары Царицы и Патріарха.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего посвященія (30 Генваря), новый Патріархъ, по благословенію Вселенского, самъ поставлялъ въ Митрополиты сперва Архіепископа великаго Нового-города Александра, а потомъ Архіепископа Ростовскаго Варлаама, и каждый изъ нихъ на другой день своего поставленія приходилъ къ святому Іову съ узаконенными поминками: багрянымъ бархатомъ, камкою, сорокомъ соболей, по злащеннымъ кубкомъ и 15 рублями денегъ.

Предъ началомъ великаго поста Патріархъ Вселенскій, съ разрѣшеніемъ Государева, ъздилъ на поклоненіе въ Троицкую Лавру, гдѣ почетному приставу велико было повѣстить архимандрита Киприана и келара Евстафія и всѣхъ старцевъ соборныхъ, чтобы приняли его чинно, какъ встрѣчали самихъ Митрополитовъ всея Руси и отпустили бы дары Патріарху: образъ Спасовъ и и Пречистыя съ пеленою, чеканный, который чуднѣе изъ старыхъ, и образъ Сергіева видѣнія, обложенъ серебромъ, съ вѣнцемъ златымъ, чеканной работы, кубокъ и чару серебряные, бархатъ, атласъ, камку и обѣярь, сорокъ соболей и сто рублей деньгами, три полотенца Троицкаго издѣлія, братину, судки деревянные росписные для блюдъ, ковши и кувшины; равно и всѣмъ пришедшемъ съ Патріархомъ даровали поминки Троицкія лавры, гдѣ провѣли они посреди братскаго угощенія пять дней.

Въ недѣлю сырную навѣстилъ бояринъ Годуновъ Патріарха, и святѣйшій Іеремія сталъ опять просить себѣ отпуска въ Царьградъ, но бояринъ, именемъ царскимъ, молилъ его остатся до Пасхи, ради труднаго пути, и свѣтла была въ Москвѣ недѣля Пасхи сего лѣта, присутствіемъ обоихъ Патріарховъ, старого Вселенскаго и новаго Московскаго. Прежде же отшествія святѣйшаго Іереміи, въ Маѣ мѣсяцѣ, по волѣ Государя и соборному приговору, умноже-

но было число Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, и въ Митрополиты царствъ Казанского и Астраханского поставленъ былъ, изъ Архимандритовъ Казанскихъ, Преображенского монастыря Гермогенъ, будущій Патріархъ, на мѣсто бывшаго Архіепископа Тихона: Геласій же Крутицкій повышенъ въ Митрополиты Сарскіе и Подонскіе, въ качествѣ намѣстника области патріаршой. Сверхъ четырехъ митрополій, шесть новыхъ архіепископствъ переименованы изъ прежнихъ епископій: Вологодское, Суздальское, Низовское, Смоленское, Рязанское и Тверское, и къ бывшимъ Епископствамъ, Коломенскому и Черниговскому, прибавлены еще шесть въ Псковъ, во Ржевъ Володиміровомъ, на Устюгъ, на Бѣлъозерь и въ Дмитровъ. — Прозорливый Государь, для большей твердости на будущія времена, написалъ на пергаминѣ все сіе учрежденіе Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, а равно пріиществіе святѣйшаго Іереміи, избраніе и посвященіе имъ Іова въ Патріархи и согласіе на поставление впредь Патріарховъ Все-российскихъ отъ своего Собора, съ извѣщеніемъ только Вселенского. — Онь укрѣпилъ грамоту сію своею государственною печатию и двумя патріаршими краснаго воску и семью чернаго прочихъ Архіереевъ, съ ихъ собственноручною подписью и за руками всего Собора, въ коемъ, кроме святителей Греческихъ и Русскихъ, уча-

ствовала большая часть Архимандритовъ и Игуменовъ обителей Русскихъ и Архимандриты Цареградскіе, отъ гроба Господня и отъ святыхъ горъ Синая и Аѳона.

Настала весна и время отшествія патріаршаго: святѣйшій Іеремія въ послѣдній разъ приглашенъ былъ въ палаты царскія, еще съ большимъ торжествомъ: ибо всѣ палаты наполнены были дѣтьми боярскими и приказными, дворянами и боярами, которые желали еще однажды пріять благословеніе вселенскаго Владыки. Въ златыхъ дверяхъ подписанной палаты встрѣтилъ Патріарха самъ Государь и, пріявъ благословеніе, взялъ за руку и возвелъ съ собою на высокое сѣдалище, проче же всѣ стояли въ глубокой тишинѣ и благоговѣніи. Тогда принесли предъ Царя, на златомъ блюдѣ, драгоценную митру, всю осыпанную жемчугомъ и каменьями, съ десусомъ на челѣ и распятіемъ на вершинѣ, и съ ликами многихъ мучениковъ, іерарховъ (а между ними были Ангелы царскіе: Феодоръ Стратилатъ и мученица Ирина), и съ жемчужною подписью: отъ Царя Патріарху.

Благочестивый Государь, возставъ, принялъ митру и своеручно подаль ее Патріарху, сказавъ: «пріими, святѣйшій Владыко, да навѣки сохранится въ патріархіи твоей память моя и блаженныхъ моихъ родителей.» — Патріархъ же, подъявлъ къ небу взоры, воззвалъ къ Богу всемогущему о многолѣтіи и чадородіи благовѣрнаго

Царя и его Царицы, ввѣряя ихъ молитвамъ Архангеловъ, Пророковъ, Апостоловъ, Іерарховъ мучениковъ и всѣхъ святыхъ!»

Тогда явлены были ему и всѣмъ пришедшемъ съ нимъ другіе дары, отъ Государя и его супруги, сходные съ тѣми, какіе жалованы при началѣ, съ прибавленіемъ пяти коней и шатра для пути, и никто изъ архимандритовъ, игуменовъ, діаконовъ, родственниковъ и служителей патріаршихъ, числомъ до тридцати, не былъ обойденъ щедрою милостію царскою: не только два его племянника, но и для сихъ племянниковъ причтенъ былъ къ родству и награжденъ особо. Архіепископъ же Элассонскій смиренно молилъ Царя остататься въ предѣлахъ, съ чаяніемъ его милости и обнадеженъ обѣщаніемъ области церковной. По краткомъ сидѣніи и молитвѣ, Государь проводилъ Патріарха до позлащенной двери своей палаты: тамъ простились они навсегда, ибо уже не суждено было святителю видѣть болѣе царскихъ очей и въ послѣдній разъ благословилъ онъ Государа.

Но заботы царскіе о священнной особѣ своего гостя простирались и на все время его странствія въ предѣлахъ государства и далѣе за рубежъ. Двумъ прежнимъ приставамъ велико со провождать Патріарха Цареградскаго, съ тридцатью дѣтьми боярскими до Смоленска, и возможная бережность предписана имъ на пути, чтобы не

иначе избирали станы свои и ночлеги, какъ по
большимъ селамъ или ямскихъ слободамъ, и
чтобы, отсылая пасти лошадей въ сосѣднее поле,
отряжали людей для ихъ безопасной пастьбы.
Въ Можайскъ, Вязьмъ и Дорогобужъ отпускаемы
были почетный кормъ и медъ, отъ города до
города, а воеводамъ Смоленскимъ указано отъ Го-
сударя собрать изъ погребовъ царскихъ и мона-
стырскихъ до 80 ведръ разнаго меда и, вмѣстѣ
съ запасомъ съѣстнымъ, отправить на подводахъ
до Орши, но прежде явить ихъ на рубежъ Па-
тріарху, какъ послѣднее жалованіе царское въ
путь дальний, и написать о пропускѣ грамоту къ
державцу Оршанскому; а сыну боярскому, кото-
рый повезетъ ее, велѣть провѣдать вѣстей Ли-
товскихъ въ Оршѣ и прибыть съ ними въ Мо-
скву. Когда же Патріархъ проѣхалъ за Смоленскъ,
иной посланецъ Романъ Тушинъ отправленъ былъ
отъ Государя нагнать его даже за рубежемъ Ли-
товскимъ, чтобы вручить отъ его имени 1000 ру-
блей денегъ на сооруженіе новой патріархіи въ
Царградѣ; а деньги сіи вѣзвно воеводамъ на
скоро собрать въ Смоленскъ, гдѣ случится, и вру-
чить Тушину во время его проѣзда. Онъ же
принесъ къ святѣйшему Іереміи и грамоты отъ
Государя и боярина Годунова, и еще царскую
дружелюбную грамату къ Салтану для покрови-
тельства Церкви Константинопольской, такого со-
держанія:

«Богъ нашъ, Троица, иже прежде вѣкъ сый, Отецъ и Сынъ и Св. Духъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь; о немъ же живемъ и движемся и есмы, имъ же Цари царствуютъ и сильные пишутъ правду!

«Вседержителя Бога милостію Царь и В. князь Феодоръ Ивановичъ всея Русіи, Владимирскій, Московскій, Новгородскій, Казанскій, Астраханскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Рязанскій, Полоцкій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ многихъ земель Государь, и всея полуночныя Сибирскія земли обладатель, и государь земли Нѣмецкія.

«Гамаисна подражателю, Муратъ Салтану, Государю Константинопольскому, Бѣломорскому, Чёрноморскому, Анатолійскому, Караманскому, Румекому и иныхъ, брату и доброму пріятелю нашему.

«Пріѣзжалъ къ намъ изъ твоей, брата нашего, области, Іеремія Патріархъ Константинопольскій, для милостыни и билъ намъ челомъ, чтобы намъ къ тебѣ брату нашему о немъ отписать о всякомъ береженіи, и мы, по твоей, брату нашему, къ намъ любви, объ немъ къ тебѣ пишемъ въ своей грамотѣ, чтобы ты братъ нашъ Муратъ Салтанъ Патріарха Іеремію держалъ въ свой области и велъ беречь своимъ Пашамъ, по тому же какъ ваши прежніе пра родители ихъ держали въ береженіи по старинѣ во всемъ; и ты бы сіе учинилъ для насть: а

буде о нѣкоторыхъ своихъ дѣлахъ къ намъ прикажешъ, и мы противъ того къ тебѣ, брату нашему, любовь братскую держать хотимъ. Писана во дворѣ государства нашего, града Москвы, лѣта отъ созданія міра 6097, Мая мѣсяца индикта 11, государства нашего шестое, а царствъ нашихъ Россійскаго 43, Казанскаго 37, Астраханскаго 35».

Бояринъ же Борисъ єеодоровичъ вмѣстѣ съ грамотою Государевою самъ такъ писалъ отъ себя къ Патріарху:

Пресвятѣшему Іереміи, Божію милостію Архіепископу Константинополя, новаго Рима, Вселенскому Патріарху, пастырю и учителю православныхъ велѣній, истинному поборнику на Божіи враги, крѣпко и благочестно поборяющему, Государю моему о Богѣ отцу и наставнику и учителю ко спасенному пути, Борисъ Годуновъ челомъ бьетъ.

«Благодаря по премногу Вседержителя Бога, похвалля подвиги и тщаніе твоє во всемъ о благочестії и премногія твои ко мнѣ добродѣтели, и впредь молю твоє святительство, да не забвень буду во святыхъ твоихъ молитвахъ къ Богу, да быть можетъ милосердый Богъ, ради святыхъ молитвъ, сотворить надо мною по своей милости, какъ знаетъ его святая воля. А пасъ бы твоє святительство о своемъ спасеніи, какъ приденъ на свой превеликій престолъ патріар-

шества царствующаго града Константинополя, новаго Рима, безъ вѣсти не держалъ, чтобы намъ всегда про то слышавъ радоваться радостю духовною.

«А что ты со мною говорилъ, чтобы доложить благочестивѣшему Государю, отписать о тебѣ Муратъ Султану, и я твое челобитье доложилъ и грамота написана и списокъ съ нея къ тебѣ посланъ. Государь же нашъ писаль къ Султану коротко и про церковное разореніе не поминалъ, чтобы ему на тебя гнѣву ни въ чемъ не было. Да поминалъ я Государю своему благочестивому и Христолюбивой Царицѣ, что начали нынѣ въ царствующемъ градѣ церковь строить, и послали они за свое здравіе къ тебѣ на сооруженіе церкви 1000 рублей. И ты бы Государь святѣшній Патріархъ молилъ Всесильнаго Бога и Пречистую Богородицу о Царскомъ и Царицыномъ здравіи и о ихъ чадородіи.

«А какъ будешь въ Литвѣ, провѣдалъ бы ты Государь, про Максимилиана Цесарева брата, гдѣ нынѣ и какимъ обычаемъ живеть въ Польской землѣ, или отпущенъ съ какимъ договоромъ? Такжѣ бы и то провѣдалъ, укрѣпился ли Свѣйскій Королевичъ на коронѣ Польской и на В. Княжествѣ Литовскомъ, и на каковой мѣрѣ? И что его впредь замышленье съ Государемъ нашимъ? А провѣдавъ о томъ всемъ подлинно, присланъ бы письмо съ кѣмъ возможно тайно, закрывъ свое святительское имя

и мое ни въ чемъ ни объявивъ. А какъ дасть Богъ будешь въ царствующемъ градѣ, и ты бы намъ отписалъ, каковъ пріездъ твой и что вѣстей въ Царѣградѣ? и какъ нынѣ держитъ Муратъ Салтанъ? и нѣтъ ли розни въ Пашахъ и насилиствія Христіанству лишняго нѣтъ ли? и съ кѣмъ Салтану Турскому война? и была ли вновь у него съ какимъ-либо Государствомъ Фряжскимъ рать, и чего впредь чаютъ? Или словомъ накажи о томъ, если кого пошлемъ изъ своихъ вѣриыхъ къ Царю, чтобы о всемъ ему было вѣдомо, а я тебѣ Государю своему многоя челомъ бѣгъ.»

Патріархъ же, изливая чувства своей благодарности въ письмѣ къ боярину Годунову, молилъ Бога, чтобы сохранилъ для него Бориса здравіе Государево и даровалъ ему наслѣдника, который бы и ихъ опросталъ изъ невѣрныхъ рукъ; а о томъ что поручалъ ему бояринъ, писалъ, что выразумѣлъ подлинно всю его грамоту и Богъ дасть о всемъ искусно отпишеть, лишь только бы приказалъ воеводамъ Смоленскимъ и Черниговскимъ отсылать прямо къ себѣ его грамоты или людей, коихъ пришлетъ; поканѣсть же слышалъ онъ въ Оршѣ, что Максимилиана отпустили, а съ Королемъ пили, щли и помирились, а которая харчъ ни сдѣлалась, то все прошло: Король въ Вильну будетъ, про Татаръ же нигдѣ не слыхать».

Такова была послѣдняя, прощальная грамота Патріарха къ Государю съ рубежа его земли:

«Богомъ поставленому и Богомъ избранному Самодержцу Царю всея Россіи и всѣхъ благовѣрныхъ Христіанъ, здравіе съ Богомъ вѣнчанною и благовѣрною твою Царицею Ириною, и со всѣмъ синклитомъ и воинствомъ.

«Языкъ нашъ притомился и нашего разума не станетъ изглаголать благодареніе за всѣ твои великія милости и дарованія, какія прислали ко мнѣ богомольцу твоему, не только сребра, но и корму и питія, коего станетъ до Волошкія земли. Мы только должны молить днемъ и ночью Бога, да соблюдетъ царствіе твое въ долготу дней и покорить всѣхъ твоихъ недруговъ къ подножію ногъ твоихъ и дасть тебѣ Господь плодъ чрева, наследника твоему царству и достоинъ будешь царствія небеснаго.

— Не забудь и насъ на святой молитвѣ своей въ шествующемъ нашемъ пути, да дойдемъ здравы до Константинаграда; а милость твоя царская будетъ у тебя въ царствіи небесномъ. Благодать, милость Божія буди на царствіи твоемъ и на благовѣрной твоей Царицѣ и на всемъ твоемъ синклите и воинствѣ. Аминь»

ПРИНЕСТВІЕ
МИТРОПОЛITA ДІОНІСІЯ.

Два года спустя послѣ отшествія Патріарша, въ Маѣ 1684 г., Воеводы Смоленскіе Князь Андрей Трубецкій и Никита Траханіотовъ, извѣстили Государя, что прїѣхалъ изъ Тырнова города Митрополитъ Діонисій, да съ нимъ Архіепископъ Гривенскій Болгарскія земли Каллистратъ, со многими архимандритами и старцами разныхъ монастырей, отъ Патріарховъ и всего Вселенскаго Собора, и прислали грамату Діонисіеву.

«Благовѣрному и тихомирному и Богомъ поченному, святому Царю нашему и Самодержцу всея Русіи, Московскому, Казанскому, Астраханскому, Новогородскому и иныхъ. — Православный Царь, Господинъ Феодоръ Ивановичъ! Я смиренный Митрополитъ Діонисій Тырновскій и Ларскій, Кантакузиновъ и Палеологъ, и пріятель отъ Патріарха съ собору, меньший рабъ святыя державы царствія твоего, припадаю на колѣни и челомъ бью величеству твоему, и молю

Христа Бога, да умножитъ державу твою и укрепить царство твое и учинить тебя свыше всѣхъ Царей земныхъ! аминь.

«Исповѣдаю державъ твоей мое пришествіе: посланъ я отъ святѣйшихъ Патріарховъ и отъ всего Собора принести царствію твоему молитву и благословеніе да и за тѣмъ, что по твоему повелѣнію поставилъ Патріархъ Іеремія на Москвѣ Патріарха, и онъ ради любви твоей и призрѣнія, что ему учинилъ, созвалъ соборъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, да совершилъ поставленіе новаго Патріарха Господина Іова; и для того еще собралъ всѣхъ Архіереевъ и Патріарховъ, что Александрийскаго не стало; всему же Вселенскому Собору стало любо, и присоборовали и написали всѣ, да будетъ на Москвѣ пятый Патріархъ подъ Іерусалимскимъ, и послали меня, ближняго своего пріятеля, да исповѣдаю все истинно, да будутъ о немъ Бога молить, какъ и о прочихъ Патріарахъ, около всего Чернаго моря, да и въ Мутьянской земль и въ Волошской, и у Киевскаго Митрополита чтобы именовался Патріархомъ. А я иду къ подножію царствія твоего, и граматы везу отъ Собора и чиновную грамоту новому Іову Патріарху; ты же, благоразумный и достойный Царь, сотвори омоемъ приходъ по волѣ царствія своего. По семъ буди на тебѣ молитва и благословеніе, да подаруетъ Господь миръ

и здравіе и вѣкъ долгій, а на недруги одолѣніе видимыхъ и невидимыхъ, аминь.»

Государь велѣль воеводамъ своимъ отпустить Митрополита и Архіепископа, съ пришедшими вмѣстѣ съ ними, изъ Смоленска, а на встречу имъ послалъ въ Можайскъ пристава Михаила Протопопова и велѣль разспросить догою: какимъ обычаемъ были Патріархи на соборѣ? молились ли о Государевомъ здравіи? и Патріарха Іова поминали ль на эктеніяхъ? и вѣдалъ ли о томъ Салтанъ Турскій съ своими пашами? и съ какихъ мѣстъ были на Соборѣ Митрополиты, Архіепископы и Епископы? Кормъ же на пути велѣль давать почетный, а подъ Москвою, за посадомъ у Воробьевыхъ горъ, Патріархъ Іовъ выслалъ къ нимъ отъ себя на встречу, Новоспасскаго архимандрита Левкія, да Богородицкаго ключаря Евфимія: имъ повелѣно было вызвать сперва изъ колымагъ Митрополита и Архіепископа для слова патріаршаго и потомъ уже сказать его благословеніе и спросить о здоровью; а для житья отведено для нихъ Новгородское подворье, на Ильинскомъ крестцѣ.

Прошло около мѣсяца, когда Государь (июня 20) велѣль Тирновскому Митрополиту быть у себя на дворѣ, съ Архіепископомъ Греценскимъ Каллистратомъ и Архимандритами; и прѣхавъ въ Кремль, ожидали его выхода въ

посольской палатѣ; оттуда шли папертью мимо Архангела и Богородицы, ибо въ тѣ поры до церкви Николы Голестунскаго простирался дворецъ царскій, на крыльце, уставленное дѣтыми боярскими и людьми приказными, въ среднюю золотую палату, гдѣ сидѣлъ Государь на своемъ мѣстѣ въ одеждахъ царской, и при немъ бояре его и дворяне въ золотомъ платьѣ.

Дьякъ Андрей Щелкаловъ явилъ сперва Митрополита съ Архимандритами Макариемъ и Евгениемъ, какъ присланыхъ отъ Собора, а потомъ Архіепископа Болгарскаго съ Архимандритами отъ Св. Горы и Св. Гроба, которые пришли за милостынею. И Государь, вставъ съ мѣста, принялъ отъ нихъ благословеніе, а Митрополитъ Діовисій правилъ ему еще благословеніе отъ Цареградскаго и прочихъ Патріарховъ.

Государь спросилъ его: «Отца нашего и богомольца Іеремію Патріарха какъ Богъ милуетъ и во спасеніи ли пребываетъ?» и Діонисій отвѣтствовалъ: «Божію милостію и твоимъ Государевымъ жалованьемъ Патріархъ Іеремія здоровъ, и молить Господа Бога о твоей святой великой и царской державѣ», и сказалъ отъ имени его рѣчь, что по изволенію и прошенію царскому святѣйшій Іеремія, поставилъ на Руси Патріарха, созвалъ соборъ въ Царѣградѣ и утвердилъ сіе поставленіе уложенною грамотою, которую подалъ Митрополитъ Царю, отъ всего

собора, вмѣстѣ съ другими грамотами частными отъ Іереміи, къ нему и благовѣрной Царицѣ; въ грамотѣ же соборной написано:

«Когда благовѣрный и тихомирный Самодер-
жецъ, Царь всея земли Россійскія, Московскій,
Казанскій, Астраханскій, Новогородскій и иныхъ
православныхъ Христіанъ, Господинъ Феодоръ
Ивановичъ, принялъ наше смиреніе тѣлесное и
показалъ намъ пріязнь, сколько имѣлъ къ Богу
благовѣрія и любви къ Христовой Церкви, тогда
просилъ у насъ о достоинствѣ патріаршемъ по
избранію соборному и по канонамъ, да поста-
вимъ и наречемъ Архіепископа Московскаго Па-
тріархомъ, какъ нарекаются и прочие: первый
Константинопольскій Вселенскій Патріархъ, отъ
святаго Вселенскаго первого Собора поченъ
былъ достоинствомъ, отъ блаженнаго и равноа-
постольнаго Царя Константина великаго, а по-
томъ Александрийскій, Антіохійскій и Іерусалим-
скій православные Патріархи.

«И смиреніе наше собственными очами, видѣли и порадовались благодати, величеству и
распространенію, данному отъ Бога сему царст-
вию, ибо одинъ только на землѣ нынѣ Царь ве-
ликій и православный и не пристойно было бы
не учинить воли его: мы же принявъ по разуму
его поставили на Москвѣ Патріарха, Господина
Іова именемъ, и благодатию Божію дали ему
Хрисовулу патріаршую, и произволили да онъ

Архієпископъ Московскій, властуєть какъ пятый
Патріархъ и будеть достоинствомъ и честию по-
читаться съ иными Патріархами во вѣки. Такъ
совершили на мѣстѣ. Когда же смиреніе наше
пришли къ престолу въ Константинъ градъ и
объявили сіе дѣло, думу и прошеніе благовѣрнаго
Государя явствено, прочимъ достохвальнymъ
святѣйшимъ Патріархамъ, оно показалось имъ
любо и благословенно.

«И еще смиреніе наше съ ними Патріарха-
ми и со всѣмъ Вселенскимъ Соборомъ, во еди-
номъсліи и соединеніи о Святомъ Духѣ, пишемъ
и объявляемъ чрезъ сію соборную грамоту: во-
первыхъ, исповѣдуемъ и совершаємъ въ царствую-
щемъ градѣ Москвѣ поставленіе и именование
патріаршеское Господина Іова, да и впредь почи-
тается и именуется съ нами Патріархами, и будеть
чинъ ему въ молитвахъ послѣ Іерусалимскаго, а въ
головахъ и въ началѣ держать ему Апостольскій
престолъ Константина града, какъ и иные Патріархи держать; во-вторыхъ, то дарованное нынѣ
имя и честь патріаршества, не только одному
Господину Іову дано и утверждено неколебимо,
но произволяемъ и по немъ поставлять, Московскімъ Соборомъ, начальныхъ властей въ Патріархи, по правиламъ, какъ зачато отъ сего сослу-
жебника нашего смиренія и о Св. Духѣ возлюбленнаго брата нашего Іова, и для того сія уло-

женнайа грамота утверждена для памяти во вѣки,
льта 7098, мѣсяца Мая»

А у грамоты припись руки Патріарха Все-
ленского Константинопольскаго Іереміи, Антіохій-
скаго Іоакима, Іерусалимскаго Софровія, и собор-
ныхъ людей 42 Митрополитовъ, 19 Архіеписко-
повъ и 20 Епископовъ.

Тогда поднесъ Митрополитъ Діонисій Госу-
дарю и для его супруги благословеніе отъ Пат-
ріарха, часть святыхъ мощей Мученика Панте-
леймона и Маріи Магдалины; отъ себя же въ-
даръ вѣнецъ царскій золотой, съ каменьями драгими
и жемчугомъ, и съ такою же запоною, и другой вѣ-
нецъ Царицъ. Равно и Болгарскій Архіепископъ и
четыре Архимандрита, бывшесъ ними, ударили че-
ломъ Государю святыми мощами, а благочестивый
самодержецъ велѣлъ имъ сѣсть въ лавкѣ, по пра-
вую руку подъ среднимъ окномъ, и, посидѣвъ
не много, отпустилъ съ честию на подворье, куда
посланы имъ ясты и питія съ трапезы царской.
Не ближе праздника первого Спаса приглашены
были по волѣ Государа Митрополитъ и Архіепи-
скопъ къ святѣйшему Іову, котораго нашли они
облачающагося попереди Успенскаго собора, дабы
итти на воду, и приложась къ иконамъ они при-
нали отъ него благословеніе; а Діонисій говори-
лъ рѣчъ отъ лица патріарха Вселенскаго, и
подавъ грамоту его, участвовалъ съ прочими въ
крестномъ ходѣ. Царь же Феодоръ Ивановичъ

молился въ тотъ день на Симоновѣ у пречистыя Богородицы.

Святыйшій Іеремія, извѣщаю, соборною грамотою, Патріарха Іова, о утвержденіи его избрания, просилъ взаимныхъ молитвъ и поминовенія во всѣхъ церквахъ Россійскихъ, начиная съ себя по старшинству и поставляя Іова степенью ниже Іерусалимскаго; онъ завѣщевалъ содержаніе единства въ Церкви апостольской, и препоручалъ ему Митрополита Діонисія, какъ сродника Царей древнихъ Кантакузиновъ и Палеологовъ, которые прежде держали скипетръ Константинопольскій; а въ частномъ своемъ письмѣ просилъ Патріархъ пострадать обѣ немъ предъ царскою свѣтлостью и попечаловать словомъ и дѣломъ о приличной помощи, какую обѣщалъ Государь при отпускѣ его: ибо кромѣ Царя Русскаго никто не можетъ опять возстановить разоренной патріархіи. — Въ праздникъ же Успенія Митрополитъ служилъ вмѣстѣ съ первосвятителемъ Московскими и обѣдалъ за его трапезою.

Посвѣщеніе Митрополитомъ боярина Годунова было еще гораздо позже патріаршаго, ибо только октября 5 числа объявилъ Діонисій чрезъ дьяка посольского Щелкалова, что имѣть слово и грамоты къ Борису Феодоровичу, а Годуновъ докладывалъ Государю о дозволеніи принять его. Толмачъ Свастинъ Дмитріевъ сопровождалъ Митрополита, который, взъ-

хавъ на дворъ Борисовъ, мимо соборной церкви, слѣзъ съ лошади у самой лѣстницы на мосткахъ. Три встрѣчи людей боярина, въ чистомъ платьѣ, ожидали его у воротъ, на крыльцѣ и въ стиляхъ, а у дверей средней комнаты своихъ хоромъ принялъ благословеніе владыки самъ Годуновъ, въ цветномъ платьѣ, и спрашивалъ о здоровьѣ. Митрополитъ правилъ ему поклонъ и благословеніе отъ вселенскаго Патріарха и поднесъ отъ имени его часть св. мощей великомученика Пантелеймона и смурну; отъ себя же поминки: два атласа золотыхъ, соблю булатную, да два сосуда цѣнинныхъ, и бояринъ, принявъ св. мощи, даровъ не принялъ, говоря: «великій господинъ Митрополитъ Діонисій, намъ у васъ даровъ братъ не подобаетъ, а довѣрѣтъ намъ васъ надѣлять, чѣмъ насть Богъ благословилъ.»

Но Митрополитъ билъ челомъ съ моленіемъ, чтобы бояринъ его тѣмъ не оскорбилъ и поминки принялъ, а Борисъ Федоровичъ велѣлъ у него взять только два сосуда цѣнинныхъ, и сѣвъ на свое мѣсто просилъ Митрополита сесть по правую отъ него руку въ большой лавкѣ, и посидѣвъ немногого, бояринъ отпустилъ Митрополита говоря: чтобы въ томъ его не обмолвилъ, что ѿеть не пригласилъ, для того что заняли его Государевы многія дѣла, а посылаетъ къ нему со столомъ на подворье.» И провожалъ Борисъ Федоровичъ Митрополита до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ

его встрѣтилъ, а въ сѣни и на лѣстницу и до воротъ провожали его люди.

Двѣ грамоты вручилъ также Митрополитъ Годунову, одну соборную, почти одинакового содержанія съ тою, какая писана къ Патріарху Іову, но съ сими замѣчательными выраженіями: что весь Соборъ возрадовался о поставленіи Патріарха Московскаго, по изволенію святаго Царя и по желанію его Годунова, и годно есть, чтобы въ такой Христіанской странѣ былъ Патріархъ у православнаго Царя; въ частной же своей грамотѣ святѣйшій Іеремія пишетъ:

«Преславнѣйшему, свѣтлѣйшему, честнѣйшему и высочайшему, великому вельможѣ и конюшему господину Борису Федоровичу о св. Духѣ возлюбленному сыну нашего смиренія; благодать тебѣ государю и миръ и милость, о Богъ вседержителъ Господь Иисусъ Христъ. Мы послали о патріаршествѣ Россійскомъ по достоянію уложенную соборную грамоту, и еще пишемъ, архіерейскимъ Соборомъ, къ благовѣрному Царю нашему, да учинитъ жалованье и даяніе царское сколько произволить, по данной ему благодати отъ Бога, и пошлетъ намъ на сооруженіе патріаршества Константинопольскаго шесть тысяч золотыхъ, и будетъ новый ктиторъ т. е. соорудитель патріаршества. И для того пишемъ къ величеству твоему, да призришь и попечалуешься благовѣрному Царю и Царицѣ, да будетъ сіе

дѣло благое совершено и устроено, и будетъ жить въ немъ Патріархъ, и Архіерен убогіе прославятъ Бога и о благовѣрныхъ Царѣ и Царицѣ будемъ его молить, ибо они суть новые соорудители новому патріаршеству.

«А и тебѣ господину гораздо извѣстно, что обѣщали благовѣрный Самодержецъ и Царица наша воздать достойную помощь, и нынѣ тому время пріять милость царскую. — И для того избрали мы и послали къ святому Царю и къ тебѣ господину нашему мужа искуснаго и рода великаго, отъ бывшихъ Константинопольскихъ Царей, преосвященнаго Митрополита Тырновскаго и властителя всея Булгарскія земли, о Св. Духѣ возлюбленнаго брата нашего смиренія и сослужебника, господина Діонисія, и онъ противъ лица нашего патріаршескаго избранъ отъ всесобора архіерейскаго; а ты его прими также какъ принялъ наше смиреніе и покажи ему любовь свою и радѣніе, какое имѣшь къ великой церкви, какъ другъ Христовъ и помилователь, и очемъ пишемъ къ свѣтлости твоей то соверши, да примешь отъ Бога семьдесятъ седмерицею и моленіе вѣчное. (А рѣчи у него есть, тѣ онъ извѣстить тебѣ Государю; да послалъ къ тебѣ съ нимъ благословеніе, мощи Св. Пантелеймона, и смирно).»

Митрополит Діонисій просилъ также, во время своего посѣщенія у боярина Годунова, о дозвolenіи поклониться чудотворцу Сергію, въ

лавръ его у живоначальной Троицы, и ходилъ туда съ разрѣшенія царскаго; и почесть ему оказана равная патріаршѣй, трапеза и милостища, какъ приказывалъ о томъ съ приставами боярина архимандриту и келарю, и дары отъ нихъ отпущены: архимандритамъ пять образовъ окладныхъ, 40 соболей, денегъ и деревянная посуда троицкаго издѣлія, да келаремъ со всею братіею два образа окладныхъ, шуба соболья, камка, обѣярь и ковшъ серебряный. Такимъ же образомъ одарены всѣ приходивши съ Митрополитомъ: Геремія архимандритъ отъ Саввы освященнаго, два архимандрита Макарій и Евстафій, архидіаконъ архангельскаго монастыря Кирилль и келарь Дамаскинъ; съ Аѳона же Пантелеїмонскій архимандритъ Неофитъ и строитель Іоакимъ, Хилендарскій архимандритъ Григорій, Преображенскій Меѳодій, Метеорской горы архимандритъ Дамаскинъ, Душскаго монастыря Аѳанасій и Ватопедскаго старецъ Софоній, съ прочими священниками, ибо лавра великаго чудотворца Сергія не оскудѣвала милостію и не уступала щедростію дарамъ царскимъ.

Въ исходѣ того года повелѣлъ Государь Митрополиту быть у себя на дворѣ для прощального откупа, и Діонисій вѣхувъ въ саняхъ въ городъ, вышелъ на папертъ дворцовую между соборами Архангела и Благовѣщенія, и оттолѣ шествовалъ въ золотую подписьную па-

лату , тдъ ожидалъ его Царь Феодоръ Ивановичъ съ боярами , на своеи царскомъ мѣстѣ .

Когда же принялъ благословеніе , дѣякъ Андрей Щелкаловъ отъ лица его молвилъ Митрополиту , что Государь жалуетъ его быть у его царскаго стола ; Діонисій же , ударивъ челомъ за все великое жалованіе благочестиваго Самодержца , вышелъ ожидать стола въ отвѣтную Набережную палату , которая украшена была золотыми полавенниками , а столъ накрытъ былъ въ Золотой середней палатѣ . Въ тотъ день вмѣстѣ съ Митрополитомъ обѣдали у Государя Пятигорскіе Черкесы , Князь Янсохъ съ товарищами , и подача яствъ была отъ Цара сперва большими боярамъ , а потомъ Митрополиту ; предъ нимъ кубки и ковши и блюда горѣли золотомъ ; служившіе ему стольники въ золотыхъ шубахъ украшены золотыми цѣнами , и послѣ трапезы посланы къ нему на подворье меды царскіе съ стольникомъ Басмановымъ и сытниками дворцовыми . Сверхъ того на отпускѣ пожаловалъ Государь Митрополиту : портище чернаго Венеційскаго бархату , три портища камки , три атласу , серебряный двойчатый кубокъ и чару , два сорока соболей и три куницъ , и сто рублей деньгами , всего же на 310 , да еще образъ складный чеканный Пречистыя Богородицы , и ризы камчатныя съ золотомъ , оплечье же саженое жемчугомъ ; и отъ Госуда-

рыни Царицы подобныхъ даяній было на 180 рублей; одарены также и два его архимандрита Макарій и Евфимій, и архидіаконъ, и прочие архимандриты со Св. горы и старцы и служивые люди.

Вскорѣ послѣ того (19 Декабря) былъ приглашенъ Митрополитъ, по волѣ Государевої, Архимандритомъ и братію Чудова монастыря и встрѣченъ ими съ честію у Св. воротъ, а послѣ всенощной настоятель привѣтствовалъ его рѣчью, въ коей благодарили за всѣ великие труды его и звалъ на слѣдующее утро къ обѣдни на братскую трапезу, во время коей надѣлилъ его обычными дарами.

Спустя болѣе мѣсяца послѣ своего отпуска, велѣль Государь быть Митрополиту Діонисію на отпускѣ у Патріарха Іова, въ присутствіи дьяка посольскаго Андрея Щелкалова, и Діонисій съ своими архимандритами и старцамишелъ на дворъ патріаршій, чрезъ соборную церковь, гдѣ слушалъ молебенъ великимъ Чудотворцамъ Петру, Алексію и Іонѣ. Сей первый патріаршій отпускъ совершенъ былъ со всевозможнымъ торжествомъ, чтобы показать величіе Первосвятителя Русскаго Греческому пришельцу. Стрѣльцы стояли на дворѣ; въ сѣяхъ и по крыльцу подъячіе и патріаршіе боярскіе двѣти въ чистомъ платьѣ; двое изъ

нихъ встрѣтили на верхнемъ крыльцѣ изъ пе-
реходовъ Митрополита, а въ сѣнахъ у палатныхъ
дверей ожидала вторая встрѣча: судной палаты
дьякъ Аѳанасій Малыгинъ и патріаршій дьякъ
Іванъ Шебаршинъ.

Въ столовой бѣлой палатѣ сидѣлъ самъ Пат-
ріархъ Іовъ, на своемъ мѣстѣ въ большой лав-
кѣ, а отъ него съ сажень по лѣвой сторонѣ си-
дѣли въ большой же лавкѣ Митрополитъ Гела-
сій Сарскій и Подонскій, и Архіепископъ Рязан-
скій Митрофанъ, и подалѣ старцы соборные; а
отъ большой лавки къ столбу сидѣли на
скамьѣ протопопы и ключари Богородицкіе и
Архангельскіе. Въ другой лавкѣ по правую
сторону отъ Патріарха сидѣли Архіепископы
Вологодскій Іона и Еласонскій Арсеній, Архи-
мандриты и Игумны, а на окольничемъ мѣстѣ
сидѣли Государевы дворяне и приказные лю-
ди и дьяки и патріаршіе дѣти боярскіе сверст-
ные, въ чистомъ платьѣ.

При входѣ Митрополита всталъ Патріархъ и
прочитавъ достойное, совершилъ молитву и bla-
гословилъ Діонисія, говоря: «въ великой Госу-
даря нашего, благочестиваго Царя державъ, въ
добромъ ли здоровыи и въ спасеніи ли пребыва-
ешь и нѣть ли какихъ трудностей?» — Діони-
сій отвѣтствовалъ: «Божію милостію и Государевы-
ми жалованьемъ и запимъ благословеніемъ мы
здоровы и всемъ покойны и предовольны». По-

слѣдъ чего всѣ Архіереи Русскіе и Архимандриты благословлялись у Греческаго и онъ въ свою чреду у инъ, и по благословенію патріаршему сѣль отъ него не далеко, по правой сторонѣ въ другой лавкѣ, и святѣйшій Іовъ вставъ, говорилъ рѣчъ, въ коей разсказалъ Митрополиту, какъ все происходило отъ самаго начала при его избрани и поставленіи, и думу царскую и рѣшеніе патріаршее, и наконецъ самый приходъ Діонисіевъ съ грамотами соборными, заключивъ, что и ему даны будуть грамоты къ Патріарху и ко всему Собору.

Въ свою чреду пространно изъяснялъ Митрополитъ о Соборѣ Патріарховъ, какъ сыскали начала прежнія о томъ, что древле благовѣрный Царь Константинъ пожелавъ патріаршество въ наступающемъ градѣ новомъ Римѣ, обсыпался съ Папою Римскимъ и съ Александрійскимъ Патріархомъ, и поставленъ въ Константинополь первый Патріархъ Митрофанъ, и какъ, возрѣвъ въ тѣ начала, тотчасъ написали укрепленную грамоту о патріаршествѣ Московскому, и послали его Діонисія въ Волошскую землю къ Воеводѣ съ вѣстю, чтобы его державы Архіереи приложили также свои руки къ грамотѣ, что учинили съ радостю. Діонисій совѣтовалъ также впредь о всякихъ дѣлахъ духовныхъ обсыпаться съ Патріархомъ Вселенскимъ, подобно прочимъ Патріархамъ, и для ради дальн资料а пути, избрать

святѣйшему Іову въ свое мѣсто изъ Греческихъ Митрополитовъ или Архіепископовъ, кто на то способенъ и приказать ему быть всегда при Вселенскомъ Патріархѣ для Соборовъ и духовныхъ дѣлъ, ибо и вмѣсто другихъ Патріарховъ живутъ ихъ пріятели въ Царѣградѣ у Вселенскаго.

Но святѣйшій Іовъ на сіе отозвался, что посовѣтуетъ прежде съ благовѣрнымъ Государемъ и освященнымъ Соборомъ и учинить какъ будетъ приличнѣе; и благословивъ Митрополита панагію отпустилъ, приказывая къ Патріарху Вселенскому свое благословеніе и челобитье, и къ прочимъ Патріархамъ и Собору благословеніе и поклонъ. Въ то же время и дьякъ посольскій Андрей Щелкаловъ отъ лица царскаго говорилъ Митрополиту, что пошлетъ къ нему на подворье грамоты Государевы къ Патріарху и Собору.

Въ половинѣ Февраля приказалъ Государь отпустить Митрополита въ путь и велѣлъ его проводить боярскому сыну Нелюбу Пароеневу до Чернигова, а съ нимъ посланы десять человѣкъ дѣтей боярскихъ и двадцать стрѣльцевъ съ пятидесятикомъ, вооруженныхъ пищалями, которые должны были сбѣниться другими въ Брянскѣ, у воеводы Князя Звенигородскаго Григорія, въ большомъ количествѣ. Въ Почепѣ прибавлено еще 10 стрѣльцевъ

къ 20 прежнимъ. Нелюбу приказано было съ посадовъ и сель брать для нихъ подводы: въ городахъ по одной на двухъ человѣкъ, какъ о томъ предписано воеводамъ и головамъ, а кормъ для двадцати лошадей Митрополичьихъ покупать дорогою на отпущенныя для сего деньги; если же не станетъ, то братъ безденежно по селамъ, записывая въ книгу, которую прислать на посольскій дворъ. А въ Пафнутьевъ монастырь, что въ Боровскѣ, посланъ указъ Государевъ, чтобы изъ иныхъ обителей собрались старцы и встрѣча Митрополиту Тырновскому была бы нарядная, какъ бы Всероссийскому, и чтобы изгото-
вленъ быль почетный кормъ и меды и от-
пущены ему дары приличные; ибо всѣ Архие-
реи Русскіе, бывши въ Москвѣ при отъездѣ
Діонисіевомъ и даже два игумна, Кириловскій
и Іосифовскій, надѣлили его посильными помин-
ками.

Изъ Чернигова воевода Григорій Борисовъ долженъ былъ послать проводить Митрополита и его Архимандритовъ до рубежа, съ своими дѣтьми болгарскими 30 человѣками и съ сотнею вооруженныхъ стрѣльцевъ. По еще не доѣхаль онъ до Чернигова, какъ вслѣдъ за нимъ посланъ былъ дворянинъ Матвѣй Проестевъ съ грамотами и поминками къ Патріархамъ, которые велико вручить Митрополиту, и Борисъ Федоровичъ приказалъ еще отдать отъ своего имени

поминки для Іерусалимскаго Патріарха келарю лавры Саввы освященнаго Дамаскину, который сопутствовалъ Діонисію вмѣсть съ своимъ Архимандритомъ и другими Афонскими настоятелями.

Государь излагалъ въ пространной грамотѣ святѣйшему о Бозѣ настырю Іереміи, учителю православныхъ велийній, рачителю евангельской проповѣди, твердому столпу православія для всѣхъ Христіанъ и крѣпкому о Христѣ страдальцу, опять всю свою думу о учрежденіи патріаршества, что грѣхъ ради нашихъ, ветхій Римъ вадъ Аполлинаріевою ересью, и Церковь Римская и вся Италия наполнились нечестивымъ ученіемъ Папы Формоза и по немъ Петра гүгниваго; послѣ же того чрезъ Папу Христофора конечно отлучилась Церковь Римская отъ нашей святой и православной вѣры: почему святѣйшій Сергій Патріархъ Константинопольскій, испытавъ прежде о вѣрѣ злочестиваго Христофора, по совѣту Вселенскихъ Патріарховъ, не вѣмъ поминать въ церквяхъ Греческихъ Папъ Римскихъ. Также злочестію древнихъ послѣдовалъ и Папа Евгеній, составивъ двусмысленный осмой Соборъ, но нечестивое его преданіе обличилъ Маркъ Митрополитъ Эфесскій; а въ нашемъ Всероссійскомъ государствѣ, благодатию Христовою, святая Христіанская вѣра, какъ солнце подъ небесами, сіаетъ и благочестія лучи испускаетъ во всю вселенную, во всемъ со-

гласуясь съ четырьмя Вселенскими Патріархами, какъ приняли сначала отъ благочестивыхъ родителей, свято почившихъ великихъ Государей, еще со временъ равноапостольнаго Князя Владимира, просвѣтившаго Русскую землю, и потому прилично было для почести святой и непорочной нашей Греческой вѣры, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, устроить высокій престолъ великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, патріаршимъ.

Далѣе, описывая самое исполненіе своей царской мысли и избраніе Іова, говоритъ: «поселику древле Константинопольскій Вселенскій Патріархъ Сильвестръ, отъ св. Вселенскаго Собора и отъ равноапостольнаго Царя Константина, достоинства честно почтенъ, то ваше Архиерейство соборно уложили вначалѣ именоваться и въ Папино мѣсто быть тебѣ Іереміи, Божію милостию Архіепископу Новаго Рима и Вселенскому Патріарху, потомъ Александрийскому, потомъ нашего великаго государства, царствующаго града Москвы Патріарху; послѣ же Антіохійскому и Іерусалимскому;» и сіе столь подробно изъясняль благочестивый Самодержецъ для того, что въ грамотахъ, Московскій Патріархъ поставленъ быль ниже всѣхъ, что вѣроятно было причиною долгаго замедленія въ Москвѣ Митрополита, прежде нежели дозволенъ быль къ святѣйшему Іову: ибо Царь твердо стоялъ за

первенство своей Церкви предъ Антіохійскою и Іерусалимскою, едва уступая Александрійской, поелику ея Первосяятитель носилъ еще сверхъ имени Папы и званіе Судії Вселенной.

Феодоръ напоминалъ также, какъ отпустилъ онъ съ великимъ жалованьемъ святѣйшаго Іеремію въ Царьградъ, чтобы превеликій престолъ Константинопольской Церкви, матери всѣхъ Церквей по вселенной, единой православной вѣры, не остался безъ крѣпкаго настыря, и словесныя овцы Христова стада не поглощены были отъ волковъ зіяющиx, и для соборного утвержденія патріаршества Всероссійскаго, и чтобы во всѣхъ четырехъ Вселенскихъ патріаршствахъ Греческаго царствія, возносились молитвы о здравії и чадородії царскомъ; а милосердый Богъ ради святительскихъ молитвъ, быть можетъ, разверзть узы неплодія въ наслѣдіе рода его.

Наконецъ, касаясь пришествія Діонисіева, извѣщаалъ, что всѣмъ соборомъ уложили чинъ поминовенія патріаршаго по прежнему уставу, т. е. что Московскій стоитъ третьимъ; а для будущихъ временъ просилъ святѣйшаго Іеремію, объявить чрезъ писаніе брату своему и сослужителю, новопрестольному Іову и которые по немъ будутъ, если судомъ Божіимъ кто-либо изъ святѣйшихъ Патріарховъ, одного изъ великихъ престоловъ, отъидетъ отъ мимотекущаго сего тлѣннаго свѣта въ оній будущій вѣкъ нескон-

чаемаго блаженства, и называть по имени его преемника, что и въ Россійскомъ царствіи наблюдаться будетъ; и преемники первопрестольнаго Іова извѣстять о себѣ Цареградскаго Патріарха; дабы по всѣмъ градамъ и мѣстамъ Греческаго царствія и во всѣхъ четырехъ патріаршествахъ поминался Патріархъ Московскій равночестно съ прочими Вселенскими, какъ и по всѣмъ государствамъ Россійскаго царствія они поминаться будутъ; просилъ еще чтобы впредь въ нашей великой соборной церкви имѣть со Вселенскими патріархами единый совѣтъ и согласіе при избраніи великихъ Патріарховъ, и соблюдать святую нашу Христіанскую вѣру правильну во всемъ вкупъ и на вѣки, по Апостольскому преданію и по канонамъ Св. великихъ и Богоносныхъ Отцѣвъ нашихъ.

Въ такомъ же смыслѣ написалъ Государь три отдельныя грамоты Патріархамъ Александрийскому Мелетію, вновь поставленному на мѣсто умершаго Сильвестра, Антіохійскому Йоакиму прежнему своему пріятелю, и Софронію Іерусалимскому; а святѣйший Іовъ написалъ о томъ же Вселенскому Патріарху, говоря только нѣсколько въ иныхъ выраженияхъ о Папѣ, что прежде было во всемъ мірѣ пять Патріарховъ, а Папа Римскій отпалъ отъ благочестія и возлюбилъ тьму наче свѣта и къ отпадшему чину Ангеловъ приложился; но

также настоятельно говорилъ Іовъ о степеняхъ патріаршихъ, поставляя себя третьимъ послѣ Александрійскаго, въ чемъ ссылался на уложеніе соборное, и просилъ о поминовеніи взаимномъ повсемѣстно, и о единствѣ совѣта, воли, хотѣнія и согласія между Патріархами, о святой непорочной вѣрѣ православной, дабы имѣть единое тщаніе и промыслъ о святыхъ Божіихъ Церквахъ и возсыпать въ нихъ единое моленіе къ Богу, содержа крѣпко повелѣнное преданіемъ Апостольскимъ и седми Вселенскими Соборами неподвижно на вѣки. Онъ извѣщаетъ также святѣйшаго Іеремію, что ходатайствовалъ предъ Царемъ и Царицею о украшеніи и строеніи его патріаршой церкви, и заповѣдуя, да молится о ихъ наслѣдствіи, желаль его честной архіерейской главѣ явиться превыше всѣхъ посреди иноплеменныхъ языковъ, да тихо и покойно совершить теченіе житейское и получить вышнее наслѣдіе съ неизглаголанною радостію въ пристанищѣ Божіемъ. — Въ концѣ же грамоты кианялся ему сорокомъ соболей.

Касательно же строенія церковнаго, благочестивый Государь писалъ Патріарху Іереміи особо: «Ваше святѣйшее Архіерейство и весь соборъ архіерейскій, въ просительномъ моленіи извѣщали нась, что старое патріаршество отъ вашихъ рукъ взято, да и кельи, которыя соорудили православные Цари, взяты и разорены и

для того вы пріискали церковь и хоромы Хри-
стянскія, великия палаты, давъ за нихъ 6000
золотыхъ и въ томъ стали должны и просили
наше царское величество учинить помошь но-
вой патріархіи заплатить домъ, который для
нея вновь купленъ, чтобы вамъ быть строите-
лемъ божественной церкви. — И мы вашего
святѣйшаго архіерейства не презрѣли, и на со-
оруженіе церкви Божіей и устроеніе патріар-
шаго дома, послали къ вамъ съ Митрополитомъ
Діонисіемъ омофоръ саженъ жемчугомъ, да чару
золотую для святой воды, да обрусецъ съ жем-
чугомъ дробнымъ, для украшенія Апостольской
церкви и твоего архіерейства, на сооруженіе
же сорокъ сороковъ соболей, 30 сороковъ ку-
ницъ, десятерыцки горностайныя, и пятнадцать
пудовъ рыбьяго зуба; ты же Вселенскій Патрі-
архъ отъ насъ такую милостьнию принялъ, съ
прилѣжаніемъ устрой домъ прествятыя Богоро-
дицы и патріаршій; да съ Митрополитомъ же
послали мы для Александрийскаго Патріарха
Мелетія шапку служебную святительскую, для
святой воды чару золотую, и обрусецъ низанъ
жемчугомъ дробнымъ и четыре сорока соболей,
то же для Антіохійскаго и Іерусалимскаго, и
ты бы святѣйшій Іеремія ту нашу посылку и
грамоты разослали къ Патріархамъ. А что ты
писалъ нашему величеству о многихъ скорбяхъ,
какія пріемлють отъ безбожныхъ Агарянъ мни-

хи, пребывающіе во святомъ монастырѣ въ Свя-
тогорской горѣ, чтобы призрѣли на нихъ свѣт-
лостію своею и учинили помошь, да избавятся
отъ такихъ нуждъ, и мы для вашего прошенія
пріяли ихъ милостиво и, пожаловавъ нашимъ
царскимъ жалованьемъ, къ вамъ отпустили.»

Такъ и на Аeonскіе монастыри простерлась
милость щедраго Царя: онъ писалъ къ Проту-
т. е. старѣшему Архимандриту великой лавры на
Святой горѣ, извѣщая что съ Архимандритомъ Не-
офитомъ, Пантелеимонова монастыря, послано имъ
за упокой души блаженнаго отца 500 р. деньгами
и ризы богатыя для сооруженія сего мона-
стыря, и чтобы наблюдалъ Протъ за строеніемъ;
если же не явится съ рухлядью Неофитъ, то
поручилъ бы строеніе Пантелеимона Архиман-
дриту Хиландарской обители Григорію, а день-
ги вновь пришлетъ на церковное устройство,
также и утварь, когда извѣстятъ о успѣхѣ зда-
нія. Архимандриту же Неофиту и другому Іе-
русалимскому Архимандриту Христофору отъ пу-
стынной лавры Саввы освященнаго, далъ на
своё имя Государь пріезжія грамоты, чтобы и
впредь вольно имъ было проѣзжать чрезъ ру-
бежъ для сбора подаянія.

Съ своей стороны бояринъ Годуновъ увѣ-
домлялъ Патріарха Вселенскаго о жалованіи цар-
скомъ и просилъ молитвъ о чадородіи сестры
своей Царицы Ирины, «дабы многочисленная

вѣтвь ихъ царскаго корня процвѣла въ надежду великимъ государствамъ Россійскаго царствія и всѣмъ вѣрнымъ Христіанамъ, повсюду и благодарили за многіе труды ето при учрежденіи патріаршества Московскаго. — Ичисливъ же дары царскіе прочимъ Патріархамъ, кланялся онъ отъ своего лица великому господину и Государю отцу своему и наставнику и спасителю души своей, сорокомъ соболей, да отъ жены своей Маріи биль челомъ ему шириankoю, отъ сына Феодора кубкомъ серебрянымъ золоченнымъ съ покрышкою, и просилъ незабывать въ святыхъ молитвахъ, чтобы милосердый Богъ сотворилъ надъ ними какъ вѣсть его святая воля.

Равнымъ образомъ писалъ бояринъ къ превѣтѣшему Софронію: Божію милостію Патріарху великаго града Іерусалима, предстоятелю живоноснаго гроба нашего Іисуса Христа и святаго его воскресенія, пастырю и учителю православныхъ велѣній, истинному поборнику на Божіихъ враговъ, крѣпко поборающему за благочестіе, и увѣдомляль отъ себя о учрежденіи патріаршества въ Россіи и о милостынніи царской, прося обычныхъ молитвъ о чадородіи; по томъ же говорилъ, что послалъ отъ себя съ келаремъ старцемъ Дамаскиннымъ живоносному гробу Христову и его воскресенію потиръ хрустальный, обложенъ золотомъ, съ яхонтами и лазами и изумрудами, да три блода золотыя, и

елей къ Господню гробу золотой, съ яхонтами и изумрудами, и кадило золотое да въ елей (т. е. кадило) на масло четыре сорока соболей, чтобы не оскудѣлъ масломъ елейникъ, дондеже Богъ изволить. Съ Дамаскинымъ же посыпалъ къ Пречистой Богородицѣ въ Геѳсиманію сосуды церковные, потиръ и дискось и кадило серебряные, да на сооруженіе пятьсотъ золотыхъ, чтобы купить на тъ деньги виноградъ или село, и впредь бы устроить у Пречистыя Богородицы въ Геѳсиманіи вседневную службу и свѣчу неугасимую. «И мы велѣли Дамаскину тебя спрашиваться во всемъ, какъ бы святое мѣсто устроить и службу и свѣчу. Если же село или виноградъ больше той цѣны будуть стоить, ты, пресвятѣйшій господинъ и государь мой и учитель, отпиши, что къ тому придать золотыхъ и я тотчасъ пришлю. Съ нимъ же послалъ я къ тебѣ сорокъ соболей отъ себя, и жена моя Марія тебѣ великому господину челомъ бьетъ ширикку, сынъ мой Феодоръ кубокъ золоченный, дочь моя Оксинья, икону, Спасовъ образъ да ширикку, и ты бы то отъ насъ принялъ въ любовь, чтобы ради святыхъ твоихъ молитвъ, сотворилъ надъ нами Господь по милости своей, какъ вѣсть его святая воля.»

Замѣчательна грамота боярина къ келарю Архангельской обители Св. Саввы, Дамаскину, мѣсяца Марта 1592. Исчисляя ему все вклады

свои и дары Патріарху, онъ пишеть: «мы велѣли то все отдать тебѣ великому старцу, передъ Діонисіемъ Митрополитомъ, да на сооруженіе Геєсиманії дано тебѣ 500 золотыхъ, и ты тѣ золотые Митрополиту объяви же; а что, опричь того, тебѣ великому старцу дано, и ты бы того не объявляя держалъ у себя и тѣмъ Пречистой Богородицы домъ строилъ бы, какъ я тебѣ самъ заказывалъ.»

Не было ли въ семъ тайномъ наказѣ какого либо тайного поминовенія, по душѣ Царевича Димитрія, ибо бояринъ не поручалъ сихъ денегъ ни Митрополиту Діонисію, ни Архимандриту лавры Христофору, ни самому Патріарху Іерусалимскому, а велѣлъ только отдать ему Оклады и дары и съ ними совѣтовать о сооруженіи Геєсиманії, для покупки села, въ случаѣ же недостатка обѣщалъ еще денегъ. — И такъ данное имъ келарю имѣло сверхъ сего еще особое иное назначеніе.

Такъ совершилось великое послѣдство Митрополита Тырновскаго отъ Собора Вселенскихъ Патріарховъ, для утвержденія патріаршества Московскаго и всея Руси.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стран.
Предисловіе.....	III
Начало Христіанства въ Россії	11
Утверждение вѣры, первыя обители	27
Митрополія въ Кіевѣ.....	37
Митрополія во Владимірѣ	60
Кириллъ II.....	—
Максимъ.....	66
Святый Петръ	69
Митрополія въ Москвѣ.....	76
Оеогностъ.....	—
Святый Алексей.....	79
Кипріанъ	86
Фотій.....	95
Ісидоръ.....	101
Святый Іона	105
Оеодосій	111
Филиппъ I.....	112
Геронтій	115
Симонъ	122
Варлаамъ	130
Даниилъ	130
Іоасафъ	134
Макарій	136
Анастасій	151
Святый Филиппъ II.....	154
Кириллъ III.....	158
Антоній.....	163
Діонисій	167

Патріархи	... 170
1. Іовъ	—
2. Гермогенъ	208
3. Філаретъ	244
4. Йоасафъ I	248
5. Йосифъ	255
6. Никонъ	271
7. Йоасафъ II	310
8. Питиримъ	321
9. Йоакимъ	322
10. Адріанъ	340
Мъстоблюститель Стефанъ	347
Святѣйшій Сѵнодъ	374

ПРИБАВЛЕНИЕ.

Призествіе Патріарха Іеремії въ Россію	383
Пришеество Митрополита Діонисія въ Россію	430

ОПЕЧАТКИ:

<i>Стран. ст. напечатано:</i>	<i>читай:</i>
22. 3. Себя.	Тебя.
68. 5. Огражденъ областью	Ограждалъ свою область
289. 1. успѣхамъ скимъ	успѣховъ Литов- скихъ
377. 17. полежавшій	подлежавшій.

